

Отокар Бржезина } СТРОИТЕЛИ ХРАМА

Отокар Бржезина

Отокар
Бржезина

СТРОИТЕЛИ
ХРАМА

собрание сочинений

Otokar Brezina

**БИБЛИОТЕКА
ЧЕШСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Otokar
Březina

STAVITELÉ
CHRÁMU

souborné vydání básní a esejů

Отокар
Бржезина

СТРОИТЕЛИ
ХРАМА

собрание сочинений

Издательство имени Н. И. Новикова
Санкт-Петербург
2012

*Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Чешской республики*

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Бржезина О.

Б87 Строители храма: Собрание сочинений / Сост. О. М. Малевича. — Пер. с чеш. — СПб.: Издательство имени Н. И. Новикова; Издательский дом «Галина скрипсит», 2012. — 504 с., ил.

ISBN 978-5-87991-104-6

ISBN 978-5-90149-527-8

Крупнейший чешский поэт-символист Отокар Бржезина (1868–1929), соединивший в своей лирике конкретность и универсализм, национальное и общечеловеческое, углублённый внутренний поиск и чувство магического родства с природой, — центральная фигура чешского символизма и одна из ключевых фигур европейского модерна. Его литературный и этический авторитет на родине сопоставим с авторитетом Александра Блока в России.

В книгу включены пять прижизненных поэтических сборников Бржезины, ряд стихов, в них не вошедших или изданных посмертно, а также два сборника эссе. Большинство переводов публикуется впервые.

Приложение включает в себя материалы, воссоздающие историко-литературный контекст и историю рецепции творчества Бржезины. Подборка отрывков из его писем даёт представление об эстетических и философских взглядах поэта. Очерки К. Чапека, С. Цвейга, А. Бема и К. Бальмонта интересны как отзывы современников на поэзию Бржезины. Тема «Бржезина и Россия» подробно рассмотрена в послесловии В. Каменской и О. Малевича.

В книге воспроизводятся работы чешского скульптора и графика Франтишека Билека (1872–1941), многолетнего личного друга Отокара Бржезины, оформителя и иллюстратора его книг.

ISBN 978-5-87991-104-6

ISBN 978-5-901495-27-8

© Малевич Олег Михайлович, составление, статьи, 2012

© Авторы переводов, 2012

© Издательство имени Н. И. Новикова, 2012

АЛЬФРЕД БЕМ
ОТОКАР БРЖЕЗИНА
Выразитель гения чешского народа

Как любовь, и искусство любит землю...
Отокар Бржезина. «Музыка источников»

1

Пусть имя Отокара Бржезины ещё недостаточно ценят в Европе, пусть даже в славянском мире его ещё мало знают, но можно с уверенностью сказать, что имя Бржезины скоро займёт одно из первых мест в истории литературы конца XIX и начала XX века. Предвестники этого признания уже есть и сейчас. Его признали одни из самых чутких и восприимчивых поэтов и писателей нашего времени. Р. М. Рильке, Стефан Цвейг, Рихард Демель, Гуго фон Гофмансталь, Герман Бар, наконец — наш Бальмонт — вот круг избранных, отдавших свою дань удивления поэтической силе чешского поэта. Они не задумываясь, по одному впечатлению от его поэтического слова, часто даже в переводах, поставили его имя рядом с именами Эмиля Верхарна, У. Уитмена, Эдгара По, Бодлера, Метерлинка. Совсем недавно К. Бальмонт, например, писал о Бржезине: равных ему «можно искать лишь среди таких исполинов поэзии, как Эдгар По, Бодлер, Малларме, Уитмен»^{*}. И однако, вопреки такой высокой оценке избранных, имя Отокара Бржезины всё ещё малоизвестно широким кругам, и до сих пор остаются в силе памятные слова Стефана Цвейга, написанные о нём в 1909 г. В своей статье, посвящённой Бржезине после выхода в свет немецкого перевода книги стихов Бржезины «Руки», Ст. Цвейг писал: «В трёх часах езды курьерским от Вены живёт, как учитель и поэт, исполин нашего времени. В маленькой комнате зарождаются тут стихи, напитанные кровью нашей эпохи, нашими глубочайшими чувствами, хотя далеко ещё не осознанными, внешне не выявленными новыми мыслями, которые таинственной силой в один момент оживут у всех народов

---

^{*} Газета «Россия и славянство», 27 июля 1929 г., № 35 — предисловие к переводу «Вино сильных».

Европы. И мы о нём ничего не знаем! Трагическое пленение слова!»* Это трагическое незнание продолжается, хотя со времени статьи Ст. Цвейга прошло двадцать лет, хотя недавний юбилей (1928 г.), а затем и смерть поэта (25 марта 1929 г.) — должны были обратить внимание на его творчество.

Ст. Цвейг был прав, когда усмотрел в поэзии Бржезины муки и страдания конца XIX и начала XX века, но он не мог почувствовать и понять, что в Бржезине ещё ярче выражены характернейшие черты собственного народа. Бржезина как бы сосредоточил в своей поэзии духовное напряжение чешского народа, которым горели такие яркие его представители, как Ян Гус, Ян Амос Коменский, Хельчицкий и тысячи незнаемых «чешских братьев», погибших под религиозным стягом. Черты этой духовной напряжённости потом отразились в чешском национальном движении, в культурно-национальном подвиге их «будителей», да, наконец, во всей истории чешского возрождения — от Белой Горы до утверждения своей самостоятельности. Вся сила Бржезины именно в том, что он, поднявшись на огромную высоту общечеловеческих проблем, пропитан соками родного своего народа. Без учета этого момента нельзя будет понять поэтической эволюции Бржезины, представляющей единичное в мире явление. Мы не знаем в мировой литературе другого случая преодоления глубочайшего индивидуализма, до которого только и мог подняться один из наиболее ярких представителей конца прошлого века, преодоления через приобщение к человеческому страданию, через своеобразное принятие в себя и на себя мук всего человечества. Этот «возврат на землю», к человеческим страданиям и горестям, европейца конца прошлого века, дошедшего в своём личном мировоззрении до пределов пессимистического неприятия мира, может быть объяснен в Бржезине только силой традиционной обращённости чешского национального гения к земле, к человеку и его страданиям. Как бы высоко ни било мистическое напряжение души, на какие бы высоты ни поднялась душа в религиозном своём экстазе, она всё же остаётся верной одной заповеди — любви к человеку и боли за его судьбу на земле.

Моей задачей в настоящем очерке является не только ознакомление русско-го читателя с личностью и творчеством Отокара Бржезины, но и сильное выявление его внутренней поэтической эволюции, на мой взгляд теснейшим образом связанной с его принадлежностью к чешской ветви славянского народа. Это и даёт мне право назвать свою статью: «Выразитель гения чешского народа» в смысле выявления в Бржезине одной из самых глубоких черт своего народа.

---

* Статья St. Zweig'a «Otokar Březina». — Österreichische Rundschau. Bd. XIX. N. 6 (15 VI.1909). Цитирую по книге: *Emil Saudek. Pod oblohou Otokara Březiny*. Praha: Melantrich, 1928. S. 23. [Ср. с. 431; далее в квадратных скобках всюду даются отсылки к настоящему изданию. — *Ред.*]

Отокар Бржезина родился 13 сентября 1868 г. в маленьком городке Моравии, в Початках (Počátky). Его отец — Ignat Jebavý — был простой сапожник, но сохранивший в себе черты своего прославленного предка по сапожническому цеху — Якоба Бёме. Он любил и почитать, и порисовать, и пофилософствовать. Он был три раза женат, и его третьей женою была Катержина Факова (Kateřina Fáková) из близлежащих Панских Дубенек (Panské Dubenky). Третьим сыном в этой патриархальной и провинциальной семье и родился мальчик, получивший по католическому обычаю двойное имя — Вацлав Игнац. Двое старших братьев умерли в детстве, а самому младшему суждено было прославить имя своих родителей. Только слабому своему здоровью мальчик был обязан тем, что он не пошёл по жизненной дороге своего отца. Он родился в южной Чехии и через отца впитал в себя традиции уроженцев того же края — Штитного, Гуса, Жижки и Хельчицкого. Со стороны матери шла другая линия духовной традиции — евангелическая.

Он поступает в начальную школу родного городка. Рано пробуждается в мальчишке страсть к чтению. Эта страсть загоняет его в городскую библиотеку, которой он ревностно пользуется. «Я читал с утра до ночи... и когда меня мать прогоняла с книгой, я убегал на чердак, где зарывался в сено и читал дальше», — вспоминает позже поэт свои ранние годы*. Несмотря на то, что мальчик хорошо учился, его оставляют на лишний год третьего года обучения в надежде, что он физически окрепнет и тогда сможет посвятить себя ремеслу. «Хотя я получил хорошие баллы, — говорит Бржезина, — я не избежал бы участи ремесленника, если бы я был здоровее». В его дальнейшей судьбе сыграл большую роль местный священник, капеллан Трубль. «Это был человек золотого сердца», — вспоминает о нём поэт. Он внушил отцу мысль о необходимости продолжить образование способного мальчика. Сначала был им подсказан отцу проект определения сына в профессиональную школу рисования по стеклу, так как у него с детства обнаружили способности к рисованию. Потом (1883 г.) его отдали в реальное училище в Тельчи (Telč). Здесь большое влияние на него имеет директор училища, Ян Младек. Жизнь школьников, отдававшихся родителями в ближайший город в обучение, имела свои своеобразные черты. Дети поселялись на частных квартирах или у самого директора, как пансионеры, и составляли свой особый мирок. Очень скоро юноше-реалисту приходится думать о самостоятельном заработке, чтобы облегчить отцу своё содержание. Он занимается с младшей дочерью директора, и это вводит его ещё больше в эту семью. Его окружает преимущественно общество молодых девушек, общество,

* См.: *E. Chalupný. Aus der Jugend O. Březinas // Prager Presse. 13.IX.1928.*

которое при его застенчивости и ранней впечатлительности очень его смущало. «Нередко я свободно вздыхал, когда освобождался из их маленьких когтей», — признаётся позже сам Бржезина. Можно предполагать, что этот период не прошёл безболезненно для его душевного развития. Здесь, вероятно, зародилось первое чувство любви, не нашедшее своего удовлетворения. Мы позже увидим, что в творчестве Бржезины этот момент нашёл своё значительное отражение. Пытливый ум юноши находил удовлетворение в беседах с директором во время загородных с ним прогулок и в чтении книг, которые он находил в учительской библиотеке, ставшей ему доступной благодаря близости к директору. Директор Младек, заметив способности и большую душевную восприимчивость юноши, решил научить его польскому языку, которым сам владел, и познакомить его таким путём с польской романтической литературой. Вскоре он читает в оригинале «Конрада Валленрода» Мицкевича и с юношеским восторгом отдаётся причудливому миру романтического вымысла Юлиа Словацкого. Особенно увлекает его «Беньовский». «Мне не мешало, что я не всё понимал; такие неясные места, — говорит об этом своём увлечении Бржезина, — ещё увеличивают очарование от чтения». Увлечение польской литературой не проходит для него бесследно. В старших классах реального училища мы уже видим его деятельным участником литературного кружка, где он сам выступает с чтениями о польской литературе.

После окончания реального училища (1887 г.) наступают для него житейские будни, в которых чаще всего тонут увлечения молодости. Он идёт по обычному для большинства пути: делается учителем. Сначала в Иношове близ Намешти (Jinošov u Náměště), затем в Новой Ржиши (Nová Říše) близ Тельчи. На его замкнутую, сосредоточенную натуру производит большое впечатление смерть отца и матери в одном и том же году (1890 г.). Свободное от учительских обязанностей время он проводит за книгами, почти совершенно удаляясь от мира. Монастырская библиотека в Новой Ржиши дала ему возможность глубже ознакомиться со старочешской литературой и с классиками. Он усиленно совершенствует своё знание латыни. Затем переезжает учителем «мещанки» (городской школы) в Яромержице (Jaroměřice), где и продолжает служить до полной пенсии. Здесь он поселяется навсегда, здесь и умирает.

Всю жизнь он проводит скромным отшельником; ни возрастающая литературная слава, ни почётное избрание профессором Масарикова университета, ни присуждение значительной (100 000 чешских крон) государственной премии не могут его заставить изменить своему привычному образу жизни. Все почести он решительно отклоняет, премию передаёт благотворительному обществу для помощи нуждающимся писателям.

3

Причудливо сложилась и литературная судьба Бржезины. Он начинает печататься в 1886 г. в разных провинциальных изданиях, помещая преимущественно незначительные очерки и новеллы под псевдонимом Вацлава Даншовского. Его первые стихотворные опыты проходят также незамеченными. Пробует он писать и большой роман, но сам его затем уничтожает («Роман Эдуарда Брюннера»). Только с начала девяностых годов он находит свой настоящий путь. Его стихи в «Ниве», «Розгледах» и «Модерни ревью» обращают на себя внимание необычайным напряжением и глубиной содержания. Как часто бывает, индивидуальные черты его творчества сливаются с целым течением молодой чешской поэзии, т. н. «модерны», сгруппировавшейся вокруг журнала «Модерни ревью». Творческая индивидуальность Бржезины проби-лась бы и без связи с молодым поэтическим течением, но его имя и творчество всё же нераздельно спаялись с близкими ему устремлениями группы молодых новаторов чешской поэзии.

К этому периоду относится и избрание поэтом своего последнего псевдонима, вытеснившего и его подлинное имя, и его ранний псевдоним Даншовского. Это было как бы третье его рождение. В беседе с редактором «Нивы», Франтишеком Рогачеком, одним из первых обратившим внимание на его поэзию, во время прогулки по городу, Рогачек убеждал поэта переменить свой псевдоним. В поисках за удачным псевдонимом он предложил просматривать фамилии на вывесках и остановился на одной из первых из встретившихся фамилий: Отокар Бржезина. Так состоялось его третье крещение.

Он сам отрёкся от своего первого периода литературной деятельности и просил начинать его литературную биографию с первого сборника его стихов «Таинственные дали» («Tajemné dálky»), вышедшего в 1895 г. Хотя уже и в юношеских стихах Бржезины можно найти столь характерные для его зрелой поэзии мотивы «смерти и жизни, вины, страдания и смирения»*, но они представляют сейчас лишь историко-литературный интерес. И он был совершенно прав, когда не включил этих ранних опытов в свой первый сборник.

«Таинственные дали», первый сборник стихов Бржезины, вышел в издательстве «Модерни ревью» в 1895 г. в количестве 300 экз. К началу следующего года всё издание было разобрано. Кто знает условия тогдашнего книжного рынка в Чехии, особенно для книжки стихов, должен будет признать необычайный успех Бржезины. Критика, в лице наиболее ответственных её тогдашних представителей, сразу отметила молодого автора. Ф. Крейчи в статье «Чешский мистик и символист» признал, что стихотворение «Мотив

* Miloslav Hýšek. Z chlapeckých veršů Otakara Březiny // Národní listy. 14.IX.1928.

из Бетховена» — «одно из высших достижений чешской поэзии вообще»^{*}. Конечно, не без терний были первые литературные шаги молодого поэта, не раз наталкивался он на полнейшее непонимание своего творчества, но, несомненно, уже первой своей книжкой он сумел отвоевать себе видное место в чешской поэзии. Девяностые годы являются наиболее напряжёнными годами его творчества. Один за другим следуют его поэтические сборники: «Рассвет на западе» («Svítání na západě», 1896 г.), «Ветры с полюсов» («Větry od pólů», 1897 г.), «Строители храма» («Stavitelé chrámu», 1899 г.) и, наконец, последняя книга стихов «Руки» («Ruce», 1901 г.).

После своей последней книги стихов Бржезина издал ещё сборник литературно-философских очерков «Музыка источников» («Hudba pramenů», 1903 г.). Почти ничего не печатал он с тех пор, как бы в убеждении, что всё им высказано и лучше высказано быть не может. Вдали от людей, только изредка принимая у себя нескольких друзей, знакомых и почитателей, проводил он дни в чтении и размышлениях. Не может быть, чтоб он не заносил плоды этих уединённых дум на бумагу. Были основания надеяться, что после его смерти будет найдена рукопись его последнего, якобы подготовленного к печати сборника стихов. Но осмотр его литературного наследия не оправдал этих надежд. Никаких новых рукописей, подготовленных к печати, среди бумаг не оказалось. Высказывается догадка, что сам Бржезина перед смертью уничтожил написанное им за долгие годы уединения.

В основном Бржезина был прав, когда смотрел на своё творчество как на завершённый труд своей жизни. Его пять стихотворных сборников и книга очерков представляют такую внутреннюю цельность и законченность, что имя его как поэта и мыслителя будет навсегда с ними спаяно.

4

Для уяснения истоков творчества поэта имеет первостепенное значение его поэтический облик. Без воссоздания личности поэта очень трудно проникнуть к корням его творческих образов. К сожалению, слишком ещё мало данных у нас, чтобы дать полный художественный облик Бржезины. И прежде всего не хватает его писем, проникших в печать пока в очень ограниченном количестве и в случайном выборе. А переписка Бржезины обещает сама по себе быть ценным документом нашей эпохи. Уже на основании небольших отрывков ранних писем Бржезины, опубликованных к его юбилею, видно, какое богатство остаётся скрытым от нас[†].

^{*} F. V. Křečič. Český mystik a symbolista // Rozhledy. 1895. Č. 10.

[†] Ze staré Březinovy korespondence // Národní listy. 1928. 14 září. Příloha k č. 255.

Попробуем всё же, на основании имеющихся пока данных, дать представление о личности поэта, какой она представляется к началу литературной деятельности.

Уже из краткого биографического очерка мы видели, что с раннего возраста Бржезину характеризует большая замкнутость характера и предрасположение к душевному одиночеству. Его сильно развитое воображение находило богатую пищу в чтении, которому он отдавался со страстью юного мечтателя. Раннее знакомство с польским романтизмом оставило неизгладимый след в его душе. Особенно близок был ему мистически настроенный, буйный в полёте своей фантазии Ю. Словацкий. Этот ранний романтизм находил известную сдержку в знакомстве с миром классической древности и с памятниками родной литературы. В воспринятое извне впитывались соки национальной традиции. К этому времени надо отнести и первые разочарования личного порядка. «Коготки» одной из сверстниц, с которыми он встречался в доме Младека, оставили длительный след. Очень типично для душевного склада молодого Бржезины, что в старших классах реального училища у него завязывается дружба с одним из своих товарищей по школе, дружба, окрашенная всеми чертами «романтической дружбы», как она нам известна по литературным памятникам. По окончании школы оба друга становятся учителями и поселяются в разных местах. Возникает переписка между друзьями, о которой я уже упоминал как о первостепенного интереса материале для понимания личности Бржезины. Уже из первых писем мы узнаем, что к прежним чертам характера Бржезины прибавляется чувство неудовлетворённости и недовольства собою. Этот червяк гложет его непрерывно. Он начинает жалеть, что не пошёл по жизненному пути своего отца. «Если бы я стал ремесленником (например, сапожником), я бы теперь шил сапоги с образцовым терпением и меня не грыз бы червяк неудовлетворённости и недостигнутых идеалов», — пишет он в одном из ранних своих писем*.

Вся переписка носит черты типичного душевного романтизма. Все атрибуты поэта-романтика уже налицо в этой ранней переписке Бржезины.

Отвращение к повседневности и возвышенность идеала — эти черты личности Бржезины самым тесным образом связаны с его ранней мечтательностью. «Забыть жизнь, подняться над болотом повседневности, взлететь в заоблачный мир мыслей, воспоминаний и чувств, о, какое это наслаждение!» — восклицает он в одном из писем к другу. И ничего нет для него страшнее, как духовная смерть. «Умереть при жизни и жить в духовной смерти — вот единственное, что во мне вызывает ужас»†. Его собственный

* Письмо 1888 г. Все выдержки взяты из вышеупомянутого источника.

† Письмо от 30 июня 1890 г.

идеал высоко поднят над повседневностью. «У меня высокий и чистый идеал, избыток воли и, даст Бог, достаточная доля таланта»*. Как характерна для романтика эта замкнутость в себе, уход от внешнего мира и внутренняя ничем не преодолимая вера в свою избранность и свою правду. «Я хорошо знаю, — пишет он в другом письме, — для литературной и вообще художественной славы недостаточно одного таланта; я его в себе чувствую по ненасытной жажде впечатлений, красок, тонов, ароматов, по безумству экстазов и по неожиданной летаргии замирающих сил, по победному крику всей души в те мгновения, когда я на бумаге закреплю новую мысль, о которой знаю, что в таком сочетании она впервые пронеслась в моём мозгу; всего этого недостаточно, нужно обладать больше, чем талантом, нужно счастливое сочетание внешних условий, благоприятное стечение обстоятельств, природные условия, как будто отдалённые, внешние, но существенно обуславливающие развитие, нужно назревание, цветение, созревание. Обладаю ли я этим? Обладал ли? Я сам бы себе повредил, а главное, повредил бы идее, для которой я живу, если бы отчаялся малодушно. Борьба! Любой ценой — борьба!»†

Эту веру в себя не может сломить первая литературная неудача. Поэт-романтик защищён здесь своим твёрдым убеждением, что судьба избранных — быть одиноками и непонятыми. «Я знаю и всегда знал, — пишет Бржезина после первой неодобрительной критики, — что при своём выступлении буду побит камнями... Но я знаю и всегда знал, что каждая новая мысль должна пройти сквозь горнило печи огненной»‡. Он поэт для немногих, для избранных, а голос толпы его не должен тревожить. Всё по романтическому канону. Но сквозь этот условный канон романтизма пробивается глубокое личное чувство и ранние раздумья над своим призванием. Это не пустые слова, а поэтическое исповедание веры, облечённое в традиционные формы. Особенно показательна в Бржезине его ранняя жертвенность, полный отказ от личного, готовность пожертвовать собою для искусства. «Я ничего не жду от жизни, потому что жизнь моя принадлежит не мне. Она принадлежит искусству, несовершенным медиумом которого я лишь являюсь... Я поэт света, звуков и таинственной жизни, которыми дышит мир. И теней и смерти... Я не заинтересован в рукоплесканиях толпы. Я пишу для тех, кто со мною одинаково чувствует. Несколько читателей таких, как ты, и с меня довольно»**. Но Бржезина не поэт пассивной резиныции, ухода в себя и постоянного колебания. Нет, он твёрдо верит в избранный им путь, готов на жертвы, но

* Письмо от 13 сентября 1892 г.

† Письмо от 21 ноября 1893 г.

‡ Письмо от 12 июня 1893 г.

** Письмо от 22 ноября 1893 г.

верит в своё конечное торжество. «Я спокоен, — пишет он в том же письме к другу. — Погружаю душу свою целиком в огненную купель слов, воспламенённую пламенем собственной мысли. Я буду бесстрашно говорить, наперекор детским угрозам. Ибо знаю, что родственные души меня понимают. Я тебе писал, что рукоплескания толпы меня не соблазняли и никогда не соблазнят меня к банальному ходкому творчеству... Я не оставляю своего воздержания и в полемику вступать не буду... Я знаю, чего я хочу. Будущее покажет, кто был прав».

Но есть в этой ранней переписке Бржезины и нечто выходящее за границы привычного романтического канона. Это остро выраженное сознание, что искусство не только дар свыше, ниспосланный избранному, но и упорный труд. Эта новая черта резко отличает Бржезину от поэтов-романтиков, считавших своим долгом и в поэзии и в письмах говорить о внезапном вдохновении, осенявшем их чело. «Я работаю, совсем как анатом, который разрезает в теле каждый нерв и в микроскоп рассматривает каждое движение протоплазмы: перечёркиваю, дополняю, переписываю; бумага черна от перечёркнутых строчек, но душа зато облегчена на несколько мыслей, набросанных на бумагу. Если бы даже то, что я пишу, никогда не попало под печатный станок, если бы над этими строками не остановился ни один взгляд кроме моего, о Боже! уже один анализ мыслей, открытие деталей, довершение всего остального стоит того, поверь мне, друг... И если бы моё имя заблестело на выходном листе хоть одной книги, которую с волнением прочтёт только один читатель, я жил не напрасно... Итак, я не уступлю! Я работаю не торопясь, каждый день изучаю чужие творения, часто в неделю не напишу и двух страничек, и всё же моя рукопись содержит уже около сорока страниц, исписанных мелким почерком. Одного лишь успеха будет достаточно, чтобы вместо двух страничек я написал их четырнадцать, и вот тогда я уже не поползу, а прямо полечу к цели»^{*}.

Это замечательное письмо лишний раз свидетельствует, как обманчивы все утверждения поэтов-романтиков о внезапности поэтического вдохновения и бессознательности поэтического творчества. С необычной откровенностью и обнажённостью раскрывает здесь Бржезина свой упорный труд над своими стихами. И только этим можно себе объяснить, что его поэзия носит такой законченный характер, что в ней всякая деталь, всякий образ глубочайшим образом связан с целым.

Я уже упомянул, что Бржезину отличает уже с ранних лет какое-то сознание своей обречённости, какой-то аскетический налёт отказа от личной жизни. Уверенность в несовместимости служения идеалу искусства

* Письмо от 30 июня 1890 г.

с удовлетворением личных стремлений и желаний. Может быть, здесь сыграла роль и постигшая его неудача в его раннем увлечении, может быть, это было горькое лекарство против неудачно сложившейся личной судьбы. Но во всяком случае, он становится верным рыцарем своей идеи, обету служения которой остаётся верен до последнего издыхания. В исключительно ценном письме к своему другу, решившему жениться, в ответ на это известие Бржезина высказывает свои сокровеннейшие мысли. Он благословляет своего друга на семейную жизнь таким своеобразным афоризмом: «Во сне, которым является жизнь, благослови сон, которым является любовь». Но он не скрывает от друга, что его шаг есть измена подлинному искусству. Для того, кто полюбит женщину, искусство только «ароматный десерт». Любовь никогда не даст переживания настоящего возвышенного восторга. «Но не ищи в сладком упоении, которое приносит любовь, — безумную страсть всепожирающей идеи, бьющую крыльями, высасывающую всю кровь, истощающую все соки, — всепобеждающее трансцендентное счастье отчаяния и силы, страсть непосредственного творчества, которая сама себе цель, которая и в небольшой части может заполнить одну, даже самую продолжительную жизнь». И для себя поэт избирает эту вторую дорогу — отдаёт себя всепожирающей страсти творчества. «Мне остаётся только идти вперёд, дальше, куда я идти должен, на палящие вершины, куда дойти поставил себе целью и куда *дойду!*»*

Я вынужден на этом оборвать свою характеристику личности поэта и за недостатком равноценного материала для позднейшей его жизни и в силу поставленной себе задачи подвести свою характеристику только ко времени начала сознательного периода его творчества, т. е. до выхода его первой книжки стихов.

Во всяком случае, ко времени появления своей первой книги стихов Бржезина был уже вполне сложившийся поэт с ярко выраженной индивидуальностью. Он впитал в себя основные течения современной ему философской мысли, глубоко вжился в основные мотивы символического искусства, главным образом французского, но всё это своеобразно пережил на основе национальных традиций и личных испытаний.

5

На первой книжке стихов Бржезины «Таинственные дали», вышедшей в 1895 г., лежит печать глубокого разочарования. В ней определились с достаточной отчётливостью и другие черты его творчества. Ярко выраженный

---

* Письмо 1895 г. без более точной даты.

мистицизм, погружение в мир тончайших индивидуальных переживаний, пронизанность всего творчества мотивами философского восприятия жизни, сложный узор символических образов — всё это делало уже первую его книгу трудно воспринимаемой для широкого читателя. Он был и остался поэтом для немногих.

В «Таинственных далях» больше, чем в последующих сборниках его стихов, просвечивают мотивы и образы чужого литературного воздействия. Прежде всего здесь даёт себя знать влияние французского декадентского символизма. «Перед французским символизмом я преклоняюсь, — писал он сам ещё в период подготовки своего первого сборника, — и если бы моё стихотворение было написано по-французски, может быть, и его бы перевели»^{*}.

В его ранних поэтических раздумьях нетрудно вскрыть влияние немецкой философии, особенно шопенгауэровской. Позже он сам признаёт это своё увлечение. «Я посвятил годы на изучение немецкой философии, с упрямством, которого теперь не могу себе объяснить, и, пожалуй, не с очень большой для себя пользой. Я исключаю Шопенгауэра и Фихте, которых я во многом, правда, уже в себе преодолел, но которые, как Шопенгауэр, имели влияние на образование моих взглядов на искусство. Но теперь я иду уже в ином направлении; и к более ясным далям»[†].

Однако за этими чужими влияниями, своеобразно переплавленными в горниле его творчества, остаётся очень ярко выраженная насыщенность «Таинственных далей» личными переживаниями и раздумьями. Личными отражениями, сгущёнными в образы снов и галлюцинаций, отличаются особенно следующие пьесы первого сборника: «О мощь экстазов...» («Ó sílo extasí...»), «Мёртвая юность» («Mrtvé mládí»), «Аромат садов моей души...» («Vůně zahrad mé duše...»). Совершенно прав автор книги о Бржезине З. Загорж, говоря, что эпиграфом ко всей первой книжке стихов Бржезины могли бы послужить ключительные слова одного из запоминающихся стихотворений этого периода «Аромат садов моей души...»: «Горечь прошлого и тоска непознанного».

«Горечь прошлого» пропитывает своим ядом творчество Бржезины первого периода. Это прошлое, о котором прямо почти не говорится, легло тяжёлым камнем на душу поэта. Его изжить он пытается в аскетическом самоотречении от «земного» счастья. Но это отречение, эта наложенная на себя аскеза даётся ему не легко. Всюду чувствуется ещё напряжённая борьба с самим собою; страсти, загнанные внутрь, ищут выхода и вносят свою тонкую

^{*} Письмо от 12 июля 1893 г. См.: Národní listy. 14 září 1928. На это обратила внимание и современная критика. См., например: E. Albert. Metakritik // Politik. № 254 (14.IX.1895).

[†] S. Bouška. Nový život. 1896. S. 56, цитирую по кн.: Z. Záhoř. Otokar Březina. Essaye. Praha: Srdce, 1928. S. 74.

отраву в душу. Отсюда окрашенность эротикой многих образов Бржезины. Поэт временами падает под непосильной ношей, взятой на свои плечи. Победить жизнь с её порывами и страстями мистикой — вот путь поэта. Не раз останавливается он в раздумье перед своей необычной судьбой. В одном из своих стихотворений он пишет замечательные строки:

Над трупом юности своей стоял в раздумье я,
Как любовник у тела покойницы милой...*

Чувство избранности, о котором уже говорилось в его ранних письмах, поддерживает его веру в оправданность этих страданий. Даже физические страдания, которые с детства выпали на его долю, кажутся ему оправданными какою-то высшею целью. «Разбредшееся стадо сумрачных мыслей моих твоим бичом гонит Господь на таинственные пастбища»[†], — скажет он позже о высшем смысле ниспосланных ему страданий. Эти страдания символически сливаются в его творчестве с образом матери:

Твой путь и мой — печальны оба:
Без аромата дни, без красок, без цветов;
Срываю с древа жизни
Сухой, как пепел, плод,
Твоею тенью, о мать, овейан![‡]

В этом же стихотворении «Моя мать» имеются такие строки: «От тебя по наследству перешла ко мне печаль».

Боль над своею утраченной юностью не раз всплывает в его творчестве. Он слышит звуки музыки, и вот «песнь взяла его за руку и повела в сады прошлого». Здесь в гробу из стекла лежало «тело его юности в саване погасших вёсен». Трудно передать всё очарование этого стихотворения, насыщенного каким-то ароматом сочетания запаха лилий с едва заметным привкусом разложения. Автор вспоминает молодость и всё то, что могло бы быть и не было в жизни. Всё сгущается в образ цветов, спадавших ему на колени, но увядавших немедленно от прикосновения его руки^{**}. Тот же мотив утраченной юности выражен в стихотворении «Раскаяние». Вот несколько строк из него:

Часы минувшего ушли от меня, а я цветов не собрал им,
Доверчиво дни проходили, а я не венчал их розами и не нажал им
зрелых лучистых колосьев.

* Стихотворение «Mrtvé mládí» («Мёртвая юность»), s. 14. Перевод всюду, где это не оговорено, мой. Ссылка на издание: *Otokar Březina. Básnické spisy. Praha: Manes, 1913.* [С. 41.]

† Стихотворение «Tajemství bolesti», s. 68. [С. 93.]

‡ Стихотворение «Moje matka», s. 11. [С. 40.]

** Стихотворение «Мёртвая юность» («Mrtvé mládí»), s. 13–14. [С. 41.]

Время сумерек настало, ветер Непознанного поднялся в аллеях,
И не звучит мне издали ни одна весёлая песня...*

Итоги поэтических раздумий о своей молодости Бржезина сгустил в замечательном стихотворении, которое он не случайно поместил первым, как бы вводящим во всё его поэтическое творчество. Это стихотворение: «О мощь экстазов и снов...» В нём он говорит между прочим:

Весна моя была печальной элегической песней,
Сыгранной жизнью моею нежными звуками на флейте,
А дни моих радостей были подобны травке на мостовой,
Когда она жмётся к стене и оживает только при падении росы...

Всё стихотворение — своего рода поэтическая автобиография, заражающая напряжением лирического волнения:

В душе моей печаль, и горечью тоска благоухает,
А мысль — едва дрожащая свеча, что в тела моего
Светильнике нечистом поставлена рукою грешною
Пред алтарем Непознанного.

Мне губы страстные не распяляли крови,
Любовь безумством глаз не застилала,
И добела не раскалялись нервы страстью,
И дружбы аромат вдыхал я в жизни мало.

Один — счёт жизни вёл я в келье тихой,
И лишь над ложем снов своих склонялся,
Грешил не в жизни, а скорее в мыслях,
Любил обманы и своих мечтаний дымку...†

За этой горечью лежат, несомненно, и мотивы личного разочарования. Но в своей поэзии Бржезина никогда не спускается до уровня личной лирики. Он всё приподымает уже с первых своих стихов до почти космических размеров. Но всё же в этих сгущённых обобщениях нетрудно найти моменты земного прикрепления, те корни, которые питали ранний пессимизм поэта. Два стихотворения, расположенные друг за другом — и это не случайно, — выдают с особенною ясностью эти личные истоки творчества Бржезины. Я имею в виду пьесы: «Дружба душ» и «Тихая боль».

Первая — итог крушения романтической дружбы, основанной на вере в сродство душ. Едва ли в ней не отражается потеря друга, к которому писались ранние письма Бржезины, о которых была речь выше. Напряжение дружбы

* Стихотворение «Litost», s. 46. [С. 73.]

† Стихотворение «O sílo extásí a snů...», s. 9. [С. 37.]

здесь окрашено почти эротическими тонами. Но вот наступает момент, когда от прежней дружбы остаётся только горечь утраты и разочарование в иллюзии. Поэт тогда с горестным вопросом обращается к недавнему другу:

Кто разложил два луча, слитых воедино?
 Кто погасил мою улыбку на твоих устах?
 Кто придал звуку нашего голоса чуждый тон?
 Кто надломил нежность наших прикосновений?
 Кто бросил таинственный хмель в наше вино,
 Который разрушил его опьяняющее очарование?

Поэт признаётся другу: «И твоя печаль чужда мне, как женщина, которая напояет блаженством твои дни», как бы намекая здесь на причину, вызвавшую их взаимное непонимание. И кончается стихотворение такими строками:

И только над могилами вёсен минувших,
 На кладбище снов, как призрак любовницы мёртвой,
 Моя душа встречается с твоею...*

Второе из упомянутых стихотворений, пропитанных мотивами личного разочарования, отражает самое значительное крушение в его жизни — потерю любимой. Я не знаю, есть ли в биографии Бржезины данные, позволяющие видеть в этом стихотворении прямое биографическое отражение, но для исследователя слишком очевидно, что поразительное по силе стихотворение, едва ли не одно из высших его достижений, является фактом его поэтической биографии.

Стихотворение «Тихая боль» начинается сложным сочетанием образов, вызывающих общее впечатление прихода из царства мёртвых дорогой милой тени:

По чёрному ковру, сотканному лёгкими перстами ночи
 из благовонного кашемира, который вёл тенью к моему ложу,
 ты пришла, моя милая, и наполнила горьким вином
 своих уст до краёв мою чашу.
 Моё тело ты пронизала бледным светом очарования,
 в моих нервах ты горела, как чувство умирания,
 и, погребённый в локти твои, как в живом холодном гробу,
 я проснулся, усталый под тяжестью твоих поцелуев.

Дальше всплывает новый образ: любимая садится за рояль, её руки «пробежали по снежным клавишам, как по волнам лунного света», и она сыграла поэту «его жизнь — вечера мёртвых нег и романсы снов и отречений»[†].

* Стихотворение «Přátelství duší», s. 16. [С. 43.]

† Стихотворение «Tichá bolest», s. 17–18. [С. 44.]

Уже в этом стихотворении намечается выход из личной замкнутости, преодоление чисто индивидуального разочарования и душевной катастрофы. Выход этот намечается в жертвенном приятии на себя нового обета — служения целям Неведомого. В мотив прошлого врывается песня будущего: поэт слышит не только горечь прошлых дней, но и озаряющий блеск «будущих молний». Но это пока ещё только намёки на мотивы будущей поэзии, пока ещё преобладают тона — предгрозовой духоты, во всём разлитой тоски и душевного разочарования.

6

Правда, выход уже обозначился в этом первом сборнике стихов Бржезины самым фактом поэтического претворения личного в надличное, в ощущении космического, столь характерном для всего его творчества.

Печаль моя тогда была дыханием единым вечной печали,
Столетиями разлитой, залившей народы, взметавшей волны душ,
Раскалённой в огненных бороздах фосфорических волн
Под немymi сводами ночи,
Откуда выкрики вопросов возвращаются эхом, усиленным далью,
Возвращаются без ответа*.

Для поэта обыкновенное человеческое горе преобразуется в «торжественную печаль», как названо это стихотворение. Поэтому, при всём глубоком пессимизме Бржезины, всё же и эта первая его книжка не оставляет после себя чувства безысходности. А каких размеров достигал его пессимизм, видно хотя бы по стихотворению «Возвращение», конец которого позволю себе привести здесь:

О, зачем воротилась? В край, что тяготами выжжен,
где, как из лога гашёной извёстки, туман в глазах,
где под кристаллами соли цветы умирают и ниже
льнут, переломясь, к земле. Глянь, на кладбище в слезах,

в раскрасневшемся плаче и мрамор надгробный! А потемневшей степью,
чужа приход грозы, и тишь вздыхает со стоном!..

А ты воротилась! К извечным будням, где великолепье
смеха угаснет в лице, поблѣкнет в устах, и даль утомлѣнно

тех садов, откуда пришла ты, слезами в глаза вольѣтся.
Одиночество, пряха немая, подсядет обок незванно,
в бледнеющий лик очами стеклянно-немymi вопьѣтся,
где дремлет тайна последних снов. Когда же в токе тумана

* Стихотворение «Slavný smutek», s. 49. [С. 76.]

сдавит грудь твою ночь безысходной тоски, вешей и времён страданье,
дни, что настанут, и сумерки первых скорбей, —
ты, поднята страстью, схвачена негой (о грустная!) в час ликованья
будешь пить лишь грубый восторг из нечистой чаши крови моей!*

Этот глубокий пессимизм приводит поэта к апологии смерти-избавительницы. Правда, в первой книжке, может быть, под влиянием французского декадентства, есть некоторая доля поэтического кокетничанья (пусть мне простят это выражение поклонники Бржезины) со смертью. За условными поэтическими формами не чувствуется ещё сила передать подлинное ощущение смерти-избавительницы от нечеловеческих страданий, смерти, которая могла бы ещё вовремя снять непосильную ношу будущего подвижничества с плеч слабого физически, но ещё не осознавшего свою духовную мощь поэта.

Прекрасна «Вечерняя молитва», в которой поэт молит о ниспослании ему того, что так библейски строго опознал в самом себе наш Пушкин, когда Серафим коснулся его зениц перстами:

И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье; —

чешский поэт передаст это ощущение в своём собственном ключе:

И пусть услышу биение пульса растений и музыку звёздных путей,
услышу, как преломляются лучи света, движение и шум воздушных струй,
тихий полёт бабочек и таинственное зарождение и взаимную борьбу
мыслей в глубинах души, когда толпятся оне или вихрем пронесются
в мозгу.

Это цельное, на мой взгляд, стихотворение как-то неоправданно кончается молитвой о смерти:

Дохни в чело моё и погрузи меня
в вечный сон, последний сон, от которого нет уже пробужденья†.

Привкусом декадентства конца XIX века отдаёт и лёгкий налёт эротизма, появляющийся обычно в связи с мотивом смерти. Так, в этом же стихотворении имеется такой образ, связанный со смертью: «твои объятия мягки, как белые локти дев».

* Стихотворение «Návrat», s. 33–34. Перевод Е. Л. Недзельского. См. с. 70–71 кн.: Евгений Недзельский. Из чешской лирики. Ужгород, 1928. [С. 60–61.]

† Стихотворение «Modlitba večerní», s. 21–22. [С. 48–49.]

Но уже в стихотворении «Взгляд смерти» Бржезина поднимается на такую высоту, которая заставляет забыть эти декадентские пережитки в отношении к образу смерти. В этом стихотворении есть подлинно мистическое ощущение смерти:

Как сомнамбул, поднятый с ложа, бледный, скованный и немой,
 Под гипнотическим взглядом Неведомого я иду со своим сном,
 А передо мною, в усталых руках моих дней, мелькают
 Огни погребальных факелов, раздуваемые твоими, о смерть, взглядами*.

Как я уже говорил, сквозь этот пессимизм уже рано пробивается у Бржезины своеобразная примиряющая струя, которую я бы назвал «избранной обречённостью». Он понимает, что судьба избрала его для того, чтобы чрез отречение и страдания подняться на ту высоту, с которой весь мир предстанет в ином, преображённом свете. Личные страдания будут тогда поглощены страданиями всего человечества, а личная жертва станет жертвой искупления. Первый шаг в этом направлении было проще всего сделать через учение романтиков об искупающей роли искусства, поддержанное немецкой философией. Этот шаг и был сделан Бржезиной:

Пытай и жги, пытай и жги,
 Пусть в муках корчится тело.
 Я сердце пламенем возжгу,
 Чтоб в ритме пламенело!†

7

Вторая книжка стихов Бржезины «Рассвет на западе» повторяет большинство мотивов «Таинственных далей». В ней на первый взгляд как будто ещё сильнее сгущается тьма, ещё безысходнее становится тоска этой жизни. Мотив смерти становится ещё настойчивее:

Ты сядешь за мой стол, жданная Незванная,
 с таинственным взором в очах, со словами немymi,
 с богатством неведомым, любимая, как ждал и боялся я прихода твоего,
 с твоим ледяным касанием, с поцелуем вечности...‡

Наступает ощущение окончательной замкнутости в себе, взаимная непроницаемость, исключаящая взаимную встречу, возможную разве только в смерти:

* Стихотворение «Pohled smrti», s. 39. [С. 66.]

† Стихотворение «Umění» (свободный перевод), s. 50. [С. 78.]

‡ Стихотворение «Až sedneš za můj stůl», s. 78. [С. 105.]

Тоска. Зашли солнца прошлого; от слёз увеличиваются звёзды,
траурные кипарисы оберегают дороги. Неузнанные расходятся души.
Каждая заслоняет при встрече свой горящий светильник, мнительная,
лишь длинные тени воспоминаний тянутся за ними по всему небосклону.

Куда упадут, там вырастают мистические цветы, светящие угасшими огнями;
я впиваю аромат их размятых листьев, от которых исходит благоухание
немой печали встречи в смерти*.

Мотив вины, который, как бремя наследственности, прозвучал уже у Бржезины в первой его книжке стихов, теперь сгущается в мрачную тень, всюду сопровождающую поэта. «Легенда тайной вины» становится темой целого стихотворения:

...призрак Иного, кто шёл позади, — предо мною качался,
шёл он из зала в зал, и света жар угасал,
блёкли зеркала, грусть трепетала, и музык победный хорал,
словно сбившись, в глухие октавы тоски немо вливался.

О, душа, откуда пришёл он? И сколько веков подряд
проходил он душами предков, меня достигаю?
Сколько брачных пиров обращал в погребальный обряд?
В сколько цветущих улыбок вдыхал свой подземный хлад?
И в скольких лампах пламенем соли и спирта синел, погасая?†

Но наряду с этим углублением пессимизма ещё ярче во втором сборнике пробивается освобождающее начало избранности. Не могу не отметить здесь замечательного образа, которым открывается второй сборник стихов Бржезины:

У нефтяного фонтана Твоего, который горит
дыханиями столетий и светит вечным заревом,
я доливал светильник свой, но чашу полную вдруг
на себя опрокинул и пылаю теперь, его пламенем объятый‡.

Бржезина всё больше поднимается над личным в надличное, всё больше он становится поэтом «второго берега», всё чаще смотрит на мир «вторым зрением». Особенно ярко это преодоление личного сказалось в стихотворении «А ты не шла...». Оно открывается словами:

Слишком рано я засветил лампы и поставил в вазы цветы, наполнив
благоуханиями сени, благоуханиями, отдающимися в сердце ударами пульса;

* Стихотворение «Němé setkání», s. 72. [С. 98.]

† Стихотворение «Legenda tajemné viny», s. 63. Перевод Е. Недзельского, см. указ. изд., с. 72. [С. 88.]

‡ Стихотворение «Ples věčných svítání...», s. 55. [С. 79.]

я простёр ковры, наполнил бокалы винами, в которых искрятся солнца
прошлого, дремавшие некогда в бедных моих виноградниках.

А ты не шла...

Поэт высказывает ряд предположений, в которых предаётся догадкам,
почему запоздала так долгожданная. «Кто тебя встретил и отвёл в сторону от
моих садов?»— спрашивает он и даёт сам себе жуткий ответ:

Или смерть, которая убивает на перекрёстках моих гостей и ждёт, когда я
сам приближусь к окну, достижимый для рокового выстрела?

Наступает вечер:

Уже поздно. Я поднимаю занавесы, безбоязненно открываю окна навстречу
небу,
и от звёзд навстречу мне несётся песня, начатая пред столетиями;
и слышу, как в песне этой дрожит приглушёнными тонами
твой незнакомый голос в веяниях холодного эфира.

Кончается это стихотворение гимном «вечному сердцу»:

Верь, мы лобзаемся тысячами уст, объятиями тысячи рук,
в вечности горестной неги, которая бьёт ключом от вечности к вечности*.

С полным отречением от личного появляется в поэзии Бржезины и со-
знание своей миссии — помочь человечеству преодолеть свои страдания.
Пока это претворяется в молитву:

Сделай так, чтобы правда моя была, как молитвенник,
чтобы каждый в ней нашёл молитву свою, будь то отверженный, будь то
умирающий†.

Вера в свою избранность, в миссию облегчения страдания близких со-
провождается осознанием своей духовной силы. Поэт горд сознанием, что
он принадлежит к отряду избранников, к тем, кто обладает силой смотреть
в глаза «печали и одиночеству». Отсюда, точно торжественный хорал, врывает-
ся в поэзию Бржезины его гимн «Сильным»:

Братья, рукой до руки, в кубках мы наших внесём вино сильных: —
Звёзды, что падали в это вино, как падает дождь на расцветы,
да низринется в наши зрочки.

Карю слабых будет забвеньё имён их в миг пробужденья,
И наградою сильных — то, что вспомнят они острова, где томились в плену‡.

* Стихотворение «Tys něšla», s. 59. [С. 84–85.]

† Стихотворение «Ранняя молитва» («Ranní modlitba»), s. 57. [С. 81–82.]

‡ Стихотворение «Вино сильных» («Vino silných»), s. 84. Перевод К. Бальмонта. См.:
Россия и славянство. 1929. № 35 от 27.VII. [С. 112.]

8

Так личные страдания находят своё оправдание и объяснение в избранности. С этим мотивом переходит Бржезина и в третий сборник своих стихов «Ветры с полюсов». Земной мир — юдоль печалей и мук. На горести жизни осуждены смертные — мученики тела, любви, тишины и греха. Но среди этих мучеников есть тоже отмеченные печатью избранности, это — мученики «высшей тоски». Кто же они? На этот вопрос поэт, причисляя и себя к этим последним, даёт ответ в стихотворении «Мученики»:

Сны их блуждали от звезды к звезде
и умерли раньше, чем достигли последних миров. На весах ветров
они взвешивали земные цветы, но и самые эфирные из них падали на землю,
и, как пробуждение заблудившегося, было тоскливо их ожидание.

Их утра ожидали дневного света, а свет ждал вечеров,
вечера ждали ночей, ночи — наступления тишины,
тишина — разговора звёзд, а звёзды — прихода второго времени:
но ответ другого времени как унесут ветра из-за его тяжести?*

«Высокая тоска» — вот болезнь, которой охвачено всё существо поэта. Прежнее разочарование, глубокий пессимизм, почти безысходность сменяются чувством всеобщей тоски, разлитой в мире. «Дни наши встают в тумане, как осеннее солнце, и на душе — тоска, тоска, тоска»[†]. Перед сознанием встаёт вопрос о смысле человеческих страданий; мука и боль должны быть оправданы. Тоска, которой больно человечество, это тоска по «другому миру», где царствует «другое время». Смысл этой тоски нам неведом, это тайна Непознанного. «Страдание и свет — формы единой вибрации Твоей тайны», — скажет поэт, стараясь оправдать боль своего времени[‡]. «Крушениями проходит душа по пути к высшему свету»^{**}. Путь этот ведёт через любовь:

В экстазе любви хочу петь душам братьев,
что нет больших страданий,
как не осуществлённые ими победы,
что нет больших радостей,
как упоение взгляда,
нашедшего силу в созерцании вечности^{††}.

* Стихотворение «Mučeníci», s. 91. [С. 118.]

† Стихотворение «Modlitba za nepřátele», s. 95. [С. 122.]

‡ Там же. [С. 123.]

** Стихотворение «Láska», s. 111. [С. 140.]

†† Стихотворение «Vládnoucí, jenž rozkazem světla...», s. 87. [С. 113.]

В таком душевном настроении чувства все обостряются, душа приближается к «иному» миру, как бы становится сопричастной «иной» жизни. Это ощущение «иного» мира реализуется в причудливые, но убедительные по своей художественной силе образы:

Синие отсветы солнц иных ложатся на наши сны,
Лилий запах тонким ядом смерти полн,
Голос души, когда из глубин зазвучит от тоски,
Печально дрожит и играет музыкой вечных волн*.

Для Бржезины становится характерным почти платоновское припоминание прежней жизни. Для него, в плане его мировоззрения, эта вера в прежнюю жизнь, вероятно, связана не только с учением Платона, но и с изучением индусской философии; в своём поэтическом претворении эта вера давала прежде всего простор его мистическому чувству, давала пищу его образности, расширяя поле приложения этого необычного дара поэта. Если душа находится в пленении этого мира, полного страдания и тоски, то прежняя жизнь, почти реально ощущаемая как сущая, является подлинной родиной поэта. В минуты сосредоточенной тишины, когда душа вибрирует в ответ на малейшее звучание, особенно ясно чувствуешь, что уже где-то, в какой-то прежней жизни были те же ощущения, что душа живёт припоминаниями своего прошлого. «Где я это уже слышал?» — невольно спрашиваешь себя тогда. В стихотворении под таким заглавием Бржезина передаёт с удивительной убедительностью эти тончайшие ощущения человеческой души: «Я чувствовал присутствие другой жизни», — говорит он. И продолжает:

О Вечный! В минуты, когда руки мои бессильно опустили, ослабевшие
от любви,
я видел свою собственную жизнь, преображённую неведомым мне светом.

...

А всё же, Всевышний! где я уже слышал голос Твоей тишины, что он мне
так знаком?

Где я уже видел красоты Твоих мест, что узнаю вкус их благовоний?

...

Вечная ночь уснула на зреющих нивах. Доверчиво с высоты мне светили
звёзды.

О рассвете шептали ароматы, тишина звучала знакомыми звуками,
яблони мечтали о солнце, почки роз — о встрече чистой души,
а моя душа, грустная и счастливая, — о родине †.

* Стихотворение «Pohyb němých úst», s. 102. [С. 131.]

† Стихотворение «Kde jsem už slyšel?..», s. 92–93. [С. 120.]

Мистическое ощущение природы сопровождается глубочайшим чувством космического начала. Мир — космос; земля только пылинка среди других планет. Но пылинка-земля, подобно человеку, отличена Творцом тем, что она место страданий.

Мир является за миром,
 За звездой звезда в ночи встаёт;
 Мир один есть между ними, — он вокруг кружится солнца,
 В тайной радости созвучья совершает он полёт:
 Душам тем, что больше всех страдали,
 Лишь в него доступен вход*.

Душа избранного погружается в чудеса этого космического мира. Она находит выход своей тоски в ощущении своей связи с Космосом, но не в силах постичь смысла мироздания. Душа, «усталая от множества чудес», ищет отдыха в тайне Ночи.

Ночи, символы мистической Ночи, в которой сном тяжким дремлет
земная жизнь,
 Чтоб души могли набраться сил для иного высшего света†.

Мир земной — место страдания, но для избранных — искупляющего страдания. Смысл жизни знает Тот, волею чьею мы посланы в этот мир страданий. Перед волею пославшего нас на страдания склоняется поэт. «Молния, которая убьёт предназначенного, счастливому укажет путь». Так поэт подходит к гимну Творцу:

Мы все, бессмертные по воле Твоей,
 своими страданиями
 разделяем славу Твоих страданий!
 А наша радость, слишком тяжкий дар,
 который беспомощно выпадает до сих пор из наших детских рук,
 только слабостью нашей
 слабый отголосок
 Твоих побед!‡

9

«Строители храма», четвёртая книга стихов Бржезины, знаменует собою возврат поэта на землю. В его творчество проникают теперь социальные

* Стихотворение «Земля» («Zem?»), s. 133. Перевод К. Висковатого. См.: *Р. Плетнев. Отокар Бржезина // Россия и славянство. 2. III. 1929.* [С. 159.]

† Стихотворение «Noci!», s. 98. [С. 126.]

‡ Стихотворение «Když z lásky Tvé...», s. 115. [С. 144.]

мотивы. Его взор, прежде углублённый в самого себя, обращается теперь к земле, избранной планете страданий. Он остаётся среди избранников духа, но уже преодолена замкнутость в себе, уже личная тоска приподнята в творчестве до мировой скорби за человечество. Поставлена во всей обнажённости проблема оправдания зла и временно найден выход в подчинении своего незнания Высшему Промыслу. Но нужен был следующий шаг, который так характерен для Бржезины как поэта чешского народа. Он не остаётся созерцателем человеческого страдания, а хочет быть среди тех, кто утоляет душевную скорбь человечества. Он становится в число «строителей храма». Это о них он говорит:

Мы видели бесчисленные толпы. Они шли мрачно, подавленные
величием вещей.

Чужды были друг другу души, как бы каждая из иного мира,
спасшаяся наземь после таинственного крушения.

И мечтали о своих потерях.

.....
Но последними из всех (как любовью наполнилась наша душа!)
проходили мимо нас, молча, миллионы обездоленных, муравьи,
которые вырвались из подземелья,
рабы, которые крадутся жизнью, как через заповедные сады.
Усталые их души были без снов*.

Выбор сделан; именно среди этих страдающих и обездоленных место строителям храма. На них лежит печать предвечной вины, искуплением «тайной вины» предназначены им «боль и труд». Их назначение — идти к «миллионам страдающих братьев». Так прокладывается путь от замкнутого в себе индивидуализма к состраданию. Уединённый бунт Прометея сменяется протестом против несправедливости к человечеству. Поэт теперь готов предстать перед Творцом защитником униженных, обманутых и обездоленных. Он поставит перед Творцом протестующие вопросы, ответы на которые опять будут лежать в той же плоскости преклонения перед таинственными путями Неведомого.

Почти бунтом прозвучат эти вопросы Творцу:

Ничего из того, что детям своим обещала земля, она не дала:

Некто невидимый положил слишком тяжкий груз на весы нашей судьбы,
А для равновесия у нас были только гири слёз.

...

Но если требует Провидение наших страданий,

Почему не говорит оно явно нашим душам? Кто шагал впереди нас

* Стихотворение «Stavitelé chrámu», s. 120, 121. [С. 146–147.]

И вырезал знаки в деревьях Твоего пралеса,
Которых мы не постигаем? Кто прикрыл волчьи ямы цветущими ветвями?*

Правда, нам послана женщина, которая тщетно взорами своими обещает нам бессмертие. Но между женщиной и мужчиной легла непроходимая пропасть. «Ночь тысячелетий отняла братскую чистоту у взоров наших и вклинилась между днём мужчины и днём женщины». Человек обречён на душевное одиночество. «Дни наших душ никогда не встречаются». На всём лежит проклятье. Человек не может примириться с страданиями человечества. «Беспорядочные толпы замученных жизнью братьев наших топчут все пути наших мыслей из века в век». Жизнь превращается в общую пытку. Чем же всё это оправдано? Что может ответить на это Провидение? Вдруг в эти голоса отчаяния и протеста врывается шум триумфальной колесницы. Раздаётся песнь славы. Её подхватывают сначала отдельные голоса, постепенно она ширится, захватывает всех. Идёт от уст к устам, ширится и овладевает миллионами душ в пламени единого ритма. Этот торжествующий гимн Творцу и является ответом на ропот страдающих. Они сами вступили в хор ликующего славопения. Но поэт уже не мирится с экстагическим растворением своей воли в космической воле Творца мира чудес. Он хочет вложиться вместе с избранными в дело человечества. И он верит, что воля избранных, строителей храма, преобразует мир земной. «Магической цепью мы скуём злые силы. И заставим землю расцвести, как ещё никогда не цвела она, и среди роз пойдём к бессмертию». Поэт теперь готов приять этот мир юдоли слёз как прообраз иного лучшего мира. Отсюда неожиданный оптимизм поэта, выросший на почве возврата к земле. В нём появляются новые силы, чтобы приветствовать такими словами весну:

Привет весне! Благословляем неуспокоенность души!
Трепетание окрепших крыл! Смелость прояснившегося взора!
Бесконечности ждут нас, иные славнейшие вёсны,
вечности ликующие песни, освобождение!†

10

Последняя книжка стихов Бржезины, его «Руки», открывается удивительным по силе стихотворением «Мгновения славы». В нём поэт отдаётся восторженному видению миров иных, дающему ему неповторимую радость исполненных надежд. «Цветение моих снов показало мне землю, несущуюся

* Стихотворение «Se smrti hovoří spící...», s. 136 и 137. [С. 162–163.]

† Стихотворение «Pozdravujeme jaro!», s. 154. [С. 180.]

в тёмных просторах, такой прекрасной, какой она не была никогда в прошлых веках». Но это экстатическое видение прерывается иным:

Но узрел я землю такую же больную, какой она была от века,
С горькой усмешкой говорящей человеку, с тоскливым взором, вдали
устремлённым,
Мир беднейший из всех миров среди своих братьев во вселенной,
Остров среди моря молчания, не познавший мира, кроме как в смерти...

И вот тогда — при виде обессиленных рук своих братьев, окровавленных, сжатых в гневе, хватающихся за края переполненного челна, но отталкиваемых ударами вёсел — поэт забыл свой сон счастья^{*}. И кончается это стихотворение апофеозом человеколюбия:

И сел я у порога братьев под вечер, таинственный чужеземец,
И под далёкий шум вод, песни ветра и блистание сфер
Я пел о работе земли и света, который предо мной расстился в дали любви,
Я пел на утеху братьям, счастливый их улыбке, и верил...[†]

«Руки» — знаменательный символ для последней книги стихов Бржезины. Господствующий мотив её — тянущиеся к нему руки страдающих братьев и боль за эти неоправданные страдания. Поэт находит смысл своей жизни в том, что песни его принесут облегчение страдающему человечеству, и для него, лишённого личной радости, остаётся одна надежда слиться в радости миллионов братьев своих. «С миллионами вы соединены таинственным братством, и только радостью миллионов вы будете радоваться».

Ему удаётся временами вновь подняться в своём экстазе до вершин дифирамбического приятия мира, но его тянут к земле простёртые к нему руки миллионов. Но и в них, в душах этих страдальцев, горит живой огонь духовного напряжения. «Руки их тела» бессильно повисли, но «руки их духа» тянутся всё к той же вековечной правде. С исключительной силой это противоположение немощной плоти духовному началу сказалось в стихотворении «Весенняя ночь»:

Тихо ночь пела; шум зелени первой и первой волны
С той грустною песней сливался среди тишины;

^{*} См. соответствующее место в переводе К. Висковатого («Россия и славянство», 2. III. 1929):

«Но славу своих сновидений и роскошь ночей огневых,
Забыл я, взглянувши на руки усталых братьев своих:
Кровавые, сжатые гневом и в смехе бушующих волн
Ударом весла перебиты, когда протянулись схватить переполненный чёлн...»

[†] Стихотворение «Chvilé slávy», s. 158. [С. 181–182.]

И звёзды небес, как блестящие чаши, дышали
 Нездешних цветов благовоньем тяжёлым кругом;
 А братьев моих были скрещены руки, как в смертной печали,
 Обмануты, камнем холодным застывши, недвижно лежали,
 Изломаны тяжким трудом.

Но руки их духа простёрлися в звёздные дали
 И душ миллионы по целой вселенной объяли.
 И отдых ликующий в час пробужденья,
 И праздничный гул городов вековых,
 Шум крыльев духовных, в мистическом ветра движенье,
 Оркестров невидимых пенье —
 Всё в такт поднялося с тем жестом таинственным их*.

Это отдание себя духовному служению человечеству, полнейшее растворение себя в надличном, казалось, и явилось последним этапом в духовном росте Бржезины. Вся оригинальность его поэзии вылилась в этом сочетании глубокого индивидуалистического начала его поэзии с социальными мотивами его творчества. Казалось, поэт нашёл наконец выход из своего душевного одиночества, а тем самым обрёл и душевное просветление. О таком претворении, почти преображении, например, говорит стихотворение «Ясное утро»:

Когда мы утром, обессиленные от множества снов, вышли в сад,
 Мы увидели всю землю расцветшей в огне, как наша душа,
 И мы спросили у ветра, вод, у деревьев и птиц и у пчёл:
 Кто этою ночью, таинственный, по нашему саду прошёл?

Стал золотом песок, где прошёл святого след,
 Был воздух целителен, как ангелов полёт,
 Во всём была сила солнечного дня,
 И ужас во взоре каждого — нового рождения.

Болезненную тайну мы прияли, как волю Твою,
 Как страшную весть за тёмной печатью,
 А враг наш коварный, уснувший у наших врат,
 Был принят нами, как лучший наш брат.

Пути нашего одиночества, посещаемые демонами,
 Мы превратили в сад, усеянный лилиями,
 И сладчайшую, страстную и зовущую жену
 Мы встретили, как светлую из светлейших сестру†.

* Стихотворение «Jarní pos», s. 190. Перев. К. Висковатого: Россия и славянство. 2.III.1929. [С. 214.]

† Стихотворение «Čisté jitro», s. 184. [С. 208.]

Понятно, что теперь уже смерть не явится желанной гостьей, что, напротив, вместе с оправданием жизни явится и утверждение её. Жить стоит не только в сознании своей слитности с космосом, не только в уверенности, что смысл жизни оправдан чудом мироздания, но и потому, что рано или поздно и на землю явится тот, кто спасёт человечество от страданий. Но кто этот грядущий искупитель? Не выйдет ли и он из рядов «строителей храма», тех избранных, о которых пел поэт?

Во всяком случае, это — избранный Творцом на великое дело уничтожения неправды на земле. И в ожидании этого прихода стоит жить:

Ради близящегося прихода сияющего человека,
который один из всех братьев, что были и будут,
один, победитель просторов,
изменит он землю от полюса к полюсу
всё по святой Твоей воле
и мыслью, послушными солнцами лёгкости,
танцам и песням наученной,
сядет в Твоём полном тайны кругу,
меж князьями вселенной...
О, ради прихода его —
нам так сладостно жить!..*

11

Но ошибается тот, кто поверит, что Бржезина смог до конца преодолеть свою замкнутость в себе, свой индивидуализм. Именно последний сборник его снова возвращает нас к истокам его пессимизма. В этом сборнике как бы сходятся концы и начала его творчества. Но этот возврат назад не есть простое повторение, не есть и новое разочарование в своём мистическомприятии мира. Нет, здесь только с новой глубиной выявлена его боль одиночества, невозможность растворения своего я и своей личной боли в боли человечества. Поэт готов принять на себя новое бремя — бремя мирового страдания, но это бремя не освобождает его от прометеевой тоски. В его поэзии всплывает снова один из знакомых нам мотивов, нашедших такое неповторяемое выражение хотя бы в поэзии Тютчева, мотив муки молчания, невозможности высказать себя, бессилия человеческого слова. У Бржезины этот романтический мотив найдёт своеобразное выражение:

Наши дни отделены ночами,
но ночи наши, как волна волны, касаются

---

* Стихотворение «Kolozpěv srdcí», s. 172; пер. С. Савинова: Ковчег. Прага, 1926. С. 236–237. [С. 197.]

ночей вселенной.
Наши встречи — разлуки,
а разлуки наши — встречи,
и во встречах и разлуках единая боль,
самый сильный крик которой —
молчание...*

Если внимательно вчитаться в последние стихи Бржезины, то нельзя отделаться от впечатления какой-то бесконечной грусти и почти безнадежности, снова охватившей его.

Он создал себе свою веру, сотканную из мыслей глубочайшей древности и философских построений его времени. Эта вера, сочетавшая элементы мистического пантеизма с преклонением перед Творцом, мудрым устройтелем вселенной, знающим времена и сроки, должна была вывести его из плена солипсизма, в который его завёл рафинированный индивидуализм, ядовитые цветы которого так пышно распустились к концу XIX века в европейской поэзии. На слишком высоком уровне культуры стоял Бржезина, чтобы сломить свой индивидуализм очень тонким, но всё же искусственным религиозно-философским построением. Как правильно сказал как-то Достоевский (в «Подростке»), чтобы вылечить человека, охваченного идеей-чувством, надо противопоставить этой идее столь же сильную другую идею-чувство. Мистическо-религиозные построения Бржезины, к тому же проникнутые элементами рационализма (я не могу здесь, к сожалению, углубить эту интересную тему), оказались бессильны перед его непосредственным чувством. Он не смог изжить свои сомнения:

Немой и смущённый иду комнатами иллюзии через Твой дворец,
Всё загадочнее мир перед нашим взглядом:
Всё радостнее печаль, всё болезненнее смех,
Всё *двусмысленнее* ответы Твоих чудес†.

И не случайно последнее стихотворение сборника «Руки» сгущает пессимизм Бржезины до предельной безнадежности. Стихотворение это озаглавлено «Время». «Всё изменилось: завяли липы, насаженные нашими руками, исчезли храмы, поставленные нами во славу Твою, звёзды, которым мы дали самые дорогие нам имена, блестят иным светом для тех, кто сменил нас, а мы покорно ждём, как ждали когда-то... ждём Твоего чудесного прихода» — такими покорными в своей безнадежности словами обращается поэт к Тому, приход Которого должен был вернуть счастье человечества. Но всесильное

---

* Стихотворение «Stráž nad mrtvými», s. 179. [С. 203–204.]

† Стихотворение «Místa harmonie a smíření», s. 185. [С. 209.]

время поглощает все остатки прошлого, поглощает всё, с чем ещё были связаны личные надежды и ожидания, что ещё сохранилось в памяти уже ушедших, но таинственно связанных с здешним миром, а последняя вера в обещанное чудо спасения — гаснет.

Раздавленные безмерностью славы Твоей, мы всё ждём, грустные
и молчаливые,
сладкой улыбки Твоего прощения, скончания дней,
охлаждения разгорячённой мечты, последней ясности времени,
освобождения из мистического плена, отпущения.
А наши слёзы, вечный дождь, падают на сердца живущих
каплями пламени и тоски и жгут их, звучат там рыданиями любви*.

Откуда же этот возврат безнадёжности в поэзии Бржезины? Ответ мы уже отчасти наметили. Он лежит в его мирозерцании. Но можно бы ещё более углубить этот ответ, перенеся его в область религии. Поэзия Бржезины по самому существу своему поэзия религиозная, глубочайшими нитями связанная с христианством. Но трагедия его оказалась в том, что, свернув на путь мистическо-религиозных исканий, он утратил живое ощущение Христа в Его непосредственной данности. В поэзии Бржезины мы найдём очень ярко выраженное чувство Бога-Творца, почти библейски сурового и величественного, образ Создателя Вселенной и Строителя её чудес, Обладателя тайны мироздания и Вершителя судеб человечества. Перед ним преклоняется и его славословит его муза. Но временами в душе поэта назревает ропот против Творца, не раскрывающего тайны судеб перед человеком. Любовь к человеку и человечеству, главным образом к тем миллионам, которые принуждены в страданиях влачить своё существование, заставляет поэта вернуться на землю из своего замкнутого одиночества. Он готов взять на свои плечи бремя человеческого страдания. Он верит, что уже сейчас есть на земле избранные, больные «высшей тоскою», — это строители храма. Эта вера в избранничество, своеобразный мессианизм, приводит, наконец, поэта к вере в нарождение одного, который в себе сосредоточит всю силу любви к человечеству и возьмёт на себя миссию его спасения. Так вплотную подходит Бржезина к мечте о Человекобоге. Но Богочеловека в поэзии Бржезины не оказалось, и в этом его трагедия. Отсюда и неизбежный возврат к начальному пессимизму, столь ярко сказавшийся в последний период его творчества.

Но всё же для Бржезины остаётся характерным его стремление найти выход из своей душевной замкнутости, подняться над уровнем пессимистического индивидуализма. И этим он обязан национальному гению своего

* «Čas», s. 191–192. [С. 216.]

народа. Заложённое в чешском народе религиозное напряжение всегда было социально окрашено. Оно находило своё выражение не столько в отвлечённо-религиозной мысли или религиозно-индивидуалистическом мистицизме, сколько в попытках реального воплощения царства Божия на земле. В этом была его сила, но и его слабость. Сила, поскольку в этом сказывалась любовь к человеку и прежде всего к социально угнетённым; слабость, поскольку здесь было искушение подмены Царства Небесного царством земным. Бржезина в своём творчестве отразил обе стороны чешского национального гения. В нём с необычайным напряжением сказалась и религиозная основа чешского духа, и его тоска по правде на земле. И если ему не удалось примирить в себе оба эти начала в высшем синтезе — то это его личная трагедия. Преломлённая в творчестве, она дала нам высокие образцы его поэтических достижений.

Стихотворения

~ ТАИНСТВЕННЫЕ ДАЛИ ~

О сила экстаза и снов...

О сила экстаза и снов, из которых
бьёт гейзером красок и звуков искусство!
Ты мысль превращаешь в сияние, в сполох,
и в трепет луча превращаешь ты чувство.
Пусть жгучий поток, словно лава живая,
волшебным огнём мои силы умножит,
небесный огонь на алтарь проливая,
куда Илия* свою жертву положит.

Печаль не утолю и боль души не скрою,
а мысль в торжественном молчании соборном
чуть теплится свечой — трепещущей свечою
на алтаре Твоём Нерукотворном.

Ни бешеных страстей, ни огненных лобзаний,
ни жарких клятв ночных душа моя не знала.
О где ты, радость нежных дружеских признаний?
Тебя изведаль я до боли мало!

В тиши склонялся я над крошечною грядкой,
от посторонних глаз свой труд скрывая,
и лишь в мечтах кого-то целовал украдкой,
и таял сон, как дымка зоревая.

Весна моя, ты словно песня, без отрады
тихонько флейтою пропетая однажды.
Здесь каждый светлый день — травинкой у ограды
приник к земле, весь сохшийся от жажды.

---

* Илия (Илья) — ветхозаветный пророк; его имя обозначает «бог мой Яхве»; для доказательств того, что истинный бог Яхве, а не Ваал, которому поклонялись цари и жрецы Израиля, Илия возложил на жертвенник тельца и просил Яхве зажечь под ним огонь, что тот и исполнил; просьбы к Ваалу зажечь огонь под другим жертвенником с тельцом оказались тщетными.

Как эдельвейс в гербарии под слоем пыли,
поблѣкли, потускнели все воспоминанья.
Впитал я с детства запах нищеты и гнили
да к женщинам покорным состраданье.

Когда же звѣздный хаос заглянул мне в очи
и вечных, чистых сил мне приоткрыл сиянье,
как будто в зеркале, как бы из мрака ночи
забил в душе живой родник познанья.

Весь в сгустках крови, весь в порывах страсти,
мне Тайн неведомых открылся сонм под утро,
я понял: жизнь — игра, где бледный призрак счастья
лишь манит нас изломом перламутра.

Нет, не стремился я припасть к потоку жизни,
чтоб из ладоней пить, как воин Гедеона*.
В лучах мистических — в таинственной отчизне —
стою один коленопреклонѣнный.

И вновь печаль в душе, а мысли чередою
роются и плывут в молчании соборном,
чуть тлеют в сумраке трепещущей свечою
на алтаре Твоём Нерукотворном.

О сила экстаза и снов, из которых
бѣёт гейзером красок и звуков искусство,
ты мысль превращаешь в сияние, в сполох,
и в трепет луча превращаешь ты чувство.
Пусть жгучий поток, словно лава живая,
волшебным огнѣм мои силы умножит,
небесный огонь на алтарь проливая,
куда Илия свою жертву положит.

---

* Гедеон — ветхозаветный воитель, вождь восстания против мадианитян; перед решающей битвой он отобрал 300 воинов, «лакавших воду языком своим, как лакает пес».

Моя мать

Она по жизни шла дорогой покаянья,
от горя горбилась, от плача слепа,
ей доставались с древа мироздания
лишь жёсткие плоды с горчащим вкусом пепла.

Пыль нищенства в пути её хлестала
и резала глаза, поблёкшие в кручине,
а вечером она валилась с ног устало,
как путница в самом среди песков пустыни.

Под грузом тёмных лет к земле клонилась шея,
а красоту сжигал огонь работы грубой,
но даже в смертный час, от стужи цепenea,
«за всё благодарю», — ещё шептали губы.

С прохладой влажных плит сжились её колени,
благоуханьем роз ей чад свечной казался,
и лился тихий дождь над чашей искупленья,
и росной свежестью её души касался.

О мать моя, теперь ты свет лучистый,
стрелюю золотой летящий к тайне вечной.
Растаял облик твой в пучине моря мгlistой,
но ты всегда со мной в дороге бесконечной.

Кто я, бредущий по земной юдоли?
Лишь продолженье твоего начала.
В мой рот, кривящийся от неизбывной боли,
ты терпкий вкус печали вцеловала.

Прокравшись ночью под родную крышу,
ты застываешь тенью в изголовье.
В дыхании своём твоё дыханье слышу,
ты в тихом голосе моём звучишь любовью.

В глазах моих твоя печаль без меры,
твоё тепло мне тело согревает.
Огонь мистической и беззаветной веры
горит в моей душе и в жилах полыхает.

Как ты, иду теперь дорогой покаянья,
ослеп от слёз, как ты когда-то слеpla,
и достаются с древа мироздания
мне жёсткие плоды с горчащим вкусом пепла.

Мёртвая юность

Рояль, наполненный молчаньем звуков спящих,
таит аккорды арф и ритмы древних рун.
И слёзы отзвуков, неясных и шемящих,
легли росой на куст вибрирующих струн.

В моей душе печаль, как терпкий запах, встала.
И песнь, услышанная много лет назад,
дохнула мне в лицо, рукою помаяла,
в былое повела, в увядший тихий сад.

Сверкали небеса, и звёздною капелью
струилась их краса в забвенье тихих вод,
где молодость моя в стеклянной колыбели —
в гробу отцветших вёсен по Времени плывёт.

Пыльцою сладких грёз и страстных упований
зарделся нежных щёк пленительный овал.
Застывшую слезу бальзам воспоминаний
нежданно превратил в мерцающий опал.

И мёртвое лицо, казавшееся свежим
под розовой вуалью юных строк,
и томный взгляд, что мне едва забрезжил,
и поцелуй, что губ моих не жёг,

гроздь кровавистую, что не меня пьянила,
объятий жар, что быстро охладел,
и дождь цветов, что вьюга схоронила,
едва его коснуться я хотел,

блеск радуг, не увиденных воочью,
зарю, увы, не ставшую моей,
сиянье дня, что обратилось ночью,
как ночи тишь — в цепочку хмурых дней, —

всё это, юность, над твоей могилой
прощальной кодою отозвалось в душе.
И совратителем над бездыханной милой
стоял я на неведомой меже.

Белый огонь...

Белый огонь в тусклой лампе души моей
агонизирует, кровоточит, еле заметно горя...
Иду и иду под влажными сводами дней,
как под сводами келий пустынного монастыря,

где о старые фрески разбиваются волны темнот,
в чёрных рамах легенды на мир изливают печаль,
точно окна в столетья чудес — их незримый полёт,
точно окна в Деяний и Тайн бесконечную даль.

Там, в дымящейся сини, где крыши старинных дворцов,
где бульваров нарядных неумолкающий гул,
там победную жизнь красавцев и гордецов
лёгкой пеной страстей вихрь наваждения вздул,

взгляды женщин горят, затевая безумный торг,
тлеют нервы, впитавшие страшный, губительный яд,
там миллионы иллюзий, там страсти, и боль, и восторг —
на натянутых струнах великой Тайны дрожат.

Белый огонь в тусклой лампе души моей
агонизирует, кровоточит, еле заметно горя...
Иду и иду под влажными сводами дней,
как сумрачный вечер, что дышит концом ноября,

и слушаю голос часов — он звучит в том краю,
где в Вечном Граде — лишь путник случайный я,
где ноктюрны Ангелов, ожидающих душу мою,
поведают мне о Таинстве Бытия.

Родство душ

Отлетел, растаял тот давний рефрен. В серость дней погрузились мгновенья свиданий, ожиданий начала, когда я вдыхал аромат твоей крови и кожи твоей, когда, как с невестой, душа встречи с тобой ожидала.

В нас жили и страсть, и надежда, и ужас, и грех, и скрытая тайна природы, готовой к любовной муке, в лучистых глазах твоих мой отражался смех, была ты конвульсией мышц, ты сводила мне болью руки.

В две души вдыхал я и роскошь ночи, и радость дня, и к нежной музыке сфер я слухом двойным прикасался, чудо природы удвоенным зреньем внимал. Для меня в двояковыпуклой линзе каждый светлый луч преломлялся.

Тех чудесных дней череду захлестнула горячая соль, над морями погибшими стелется дымка седая, и завяли аллеи, и беспросветная боль ржавой пылью покрыла их листья, тяжело оседая.

Кто же нас разлучил, кто же пламя двух свеч раздвоил, кто улыбку мою на твоём лице погасил, и на долгие годы нас счастливого трепета прикосновений лишил, и вино превратил в бесполезную кислую воду?

На куртинах моих отцвели анемоны твои, как плавучий остров, исчезаешь, оторвавшись от суши... В чадном запахе тленья стали горькими чары любви, и звезду предрассветную скоро забвенью потушит.

И отныне мне чужды и страсти, и зов красоты. И глазницы твои больше слёз моих не источают. Над могилами вёсен минувших, на кладбище угасшей мечты, словно призрак подруги почившей, я душу твою повстречаю.

Тихая боль

По чёрному ковру, что у моей постели
раскладывает Ночь, тихонько подступила
и мягкие уста, как чашу хмеля,
к моим губам неслышно приложила.
В холодном теле предрасветное бессилье,
я в смерть, как в рук твоих сплетенье, окунулся,
и было сладко мне лежать в такой могиле,
и лишь под утро я, измученный, очнулся.

О пропасти секунд, что мерят даль полёта!
О аромат весны, как бег секунд, жестокий!
Над вспышкой наших снов спускает штору кто-то —
рассветом брезжит на востоке;
ты к чистой Тайне шла — рука в руке со мною,
и в звёздной высоте, в бескрайней бездне мира
сиянье Вечности мы видели за тьмою,
как светлячков, как зёрнышко сапфира.

Садилась за рояль — и в снег звучащих клавиш
рука, как в лунный трепет, погружалась...
Ты пела жизнь мою... Зачем ты мёртвых славилась?
И сердце болью отозвалось.
Часов уснувших хоры оживали
под благовестный перезвон соборов.
А смех и молодость отринули печали,
весёлым серебром во всех звучали порах.

Я чувствовал: в душе былая горечь тает
и реквием всю боль в каденциях уносит,
любовь к Всевышнему незримо прорастает,
как манна сладкая в налившихся колосьях.
А время полнилось и трепетом, и жаром,
и искрами вина, и благовоньем сада,
взрываясь вдруг то дальних солнц пожаром,
то в чёрном небе ясным звездопадом.

Касалась струн таинственных перстами,
и пламень голубой в мою врывался душу.
В незримых окнах ангелы предстали —
я глас Неведомого слушал.
Плач затихал под сводами безмолвья.
И просветлённый, бурных звуков полный,
я жертву приносил и чувствовал всей кровью
тоску грядущую и блеск грядущих молний.

Воспоминание

А. П.*

Ритмом весеннего шага я потрясён, как когда-то, —
музыкой слов забытых, звуками вашей речи,
в этот зелёный вечер, волнами аромата,
ласковой теплотою плывущий ко мне навстречу.

Я в сердце долго вынашивал мрак вечеров благовонный,
а нынче за ним я вижу один лишь вопрос бесплодный,
горькую сладость мысли, слишком поздно рождённой,
масло олив отцветших. И я уплываю свободный.

В разбуженной взмахами весёл песне бездонной ночи
я проплываю над звёздной картой в лиловых просторах,
и ветер, летящий с юга, лицо мне шекочет,
принося аромат лесов и цветов зацветающих шорох.

---

* А. П. — Анна Паммрова (1860–1945), чешская писательница-феминистка, в 1889–1929 гг. постоянная корреспондентка Бржезины.

Гогощина

Знакомая дорога, по которой я шёл, вдруг изменилась.
Деревья выросли передо мной из погасшего снега
как-то по-иному, не так, как прежде. Зелёным светом
догорал закат — поникший костёр ушедшего дня.

Стальным кольцом, всё уже и уже, сжимался горизонт.
Тьма вызревала. И хмурое братство лесов на колени склонилось,
точно молясь за усопших. А над моей головой
серое небо опускалось всё ниже, жалось к земле.

И тишина дымилась вдали, падая сверху,
отвратительным скрипом глушила шаги.
И вздрагивал голос души (что-то тусклое билось в воздухе,
точно свежесть его впитала острая жажда зажжённых в грозу свечей).

Я вспоминал тот час, когда наслаждался, вдыхая
долгое умирание красок и света и гармонию звуков,
что рождались с приходом теней. Таинственный смысл
лулил близость ночи и вечный покой сновидений.

Сегодня печалью дохнуло из давних, забытых лет,
и даже дыханье моё мне чужим показалось,
словно кто-то шёл рядом, невидимый, но близкий,
и вдруг знакомым пожатьем к руке моей прикоснулся.

О да, Святая! Сегодня твой праздник в садах бессмертья!
Заупокойную мессу поют мои думы взволнованным хором
в тёплом рыданье свечей, и кровь стекает из чаши
вечного света на алтарь твой с траурным крепом.

Холодное дуновение смерти колеблет тени занавесей
на окнах души, молитва одиночества полна сострадания:
чёрная бахрома воспоминаний прозрачным саваном устилает
то мягкое ложе, где запечатлелись навек
очертания твоего мёртвого тела.

Вечерняя молитва

О, живущих телесная смерть, ночь которых становится днём,
свой таинственный сок в кровь мою неостывшую лей,
к изголовью прильни и смертельным опутай меня забытьём,
будто белые девичьи руки объятия ласки твоей.
Веет миром нездешним волнующий твой аромат,
утаи жизнь земную мою и взволнуй ту, иную, вдали,
жаром просьбы пылает лицо и исхлѣстанно губы горят,
ты желанья эти в глубинах души успокой, утоли!

Глаз угасший светильник к тебе я, святая, склонил,
масло новое влей и зажги в них познания мечту,
чтобы взгляда лучом я увидел на тысячу миль
сумрак бездны морской и сумел озарить высоту;
как к кристаллу кристалл собирает в утробе скала,
брызжет красок сиянье цветами, которых не счесть,
пробуждается в лоне материи жизнь, что когда-то спала,
становясь бесконечным цветением, вихрем, брожением существ.

Слух людской мой обычный ты мощью своей одари,
в инструмент резонанса живому его для меня превратив,
и тогда — то, как соки бурлят, и движение роста внутри,
как таинственной музыки, я различу, я услышу прилив;
пульс травинок узнаю, мелодии звѣздных дорог,
то, как воздух шумит и лучи преломляются в нём,
тихий лѣт мотыльков, и в душе бы почувствовать мог
зарождение мыслей, их рост и борьбу, и стиханье потом.

Пути жизни земной развяжи ты на мысли моей,
пусть со скоростью света взовѣтся и сможет лететь
над зелѣным, в хрустальном сверкании царством морей,
в глубь вулканов погасших, туда, в раскалённую твердь;
вечный мрак разогнав, я, как молния, в пропасть ворвусь,
где из огненных жерл брызжет лава в потоках густых,
и в пещеры, чьи слѣзы впитали столетнюю грусть,
превратились в мечты, балдахинами в камне застыв.

К полюсам, где раскинулась ночь среди снега и льда
и пылают на скалах кристальных полярным сияньем лучи,
и на юг, в жизнерадостный край, где в султанских садах,
как бурлящая музыка, смех одалисок звучит,
над скопленьем народов, тоскою пустыни немой,
где биение пульса у жизни слабей и слабей,
и над мраком чашоб, над сияющей гор крутизной,
буйством зелени прерий и тихим раздумьем степей.

Всё смогу охватить, цели разных дорог и путей,
всё живым или мёртвым увижу, как зреет, растёт и цветёт
вечный сущего круг, чьё могущество звёзды — и те
привлекает к себе, направляя паденье и взлёт,
в наших душах — страданьем, а в лилии — как аромат,
над болотными топиями — синим блуждает огнём:
и когда на бессмертных твоих берегах буду жаждой объят,
то единым глотком допьяна утолю себя Тайны вином.

Ты проникни мне в тело, и каждый мой мускул и нерв
из источников тайных твоих пусть наполнит бальзам,
будто лава, что в недрах кипит, извергаясь наверх,
в наслаждении вспышек безумных, неведомых нам;
и когда не останется жара желаний ничуть,
прежний факел дотла догорит, попрошу об одном:
подыши мне на лоб, чтобы мог я спокойно уснуть
этим вечным, последним, где нет пробуждения, сном.

Осенний вечер

Вдыхая терпкий воздух жадными глотками,
теньями серыми клубится, обрастает
вечерняя заря. А высоко над нами
чуть слышно музыка печальная играет.

На старом кладбище, за тёмною оградой,
кресты прочерчены чуть видными тенями,
струится вечный свет мерцающей лампы,
на фрески старые бросая отблеск в храме.

В пучины волн седых леса глядят уныло,
лавины чёрных вод на дно, густея, пали,
монашенки запели над могилой,
к постелям немощных нисходят в снах печали.

Слезами росными сочится мрамор белый,
деревья кутают в плащи стволы-скелеты,
нависло небо полушарием тяжёлым,
уныло вспучилось — усталое, без света.

Уходит время в пустоту. Ночные тени
в пучинах чёрных вод неслышно замирают.
Прорвав плотину тьмы, в бурлящей пене
сама земля, скользя в глубины, утопает.

Я слышу грозный стон и бури завыванье,
и шум огромных крыл, и ветра гул великий,
в них чудится мне душ усопших ликование
и новорождённых мучительные крики.

Осенняя апострофа

Дни октября, лазурь на небе чистом,
а с бронзовых ветвей оранжевые листья
на землю падают, осеннее дыхание
их золотой одело филигранью.
В холодном блеске дня я снова вижу тени
давно померкших утр, забытых настроений,
блеск жёлтого полудня, луч палящий
и сок земных плодов животворящий,
да души ароматных вечеров, что рдели
закатным пурпуром. В нас онемели
капеллы птиц, я слышу щебет их и пенье,
и лёгкое, когда-то пёстрое кипенье
цветов, теперь увядших; скошенных колосьев
однообразный шум мне вновь доносит осень,
и мотыльков, давно уснувших, мельтешенье
послал мне день осенний в утешенье.
Таинственные силы, спите в небе сиром,
вы дышите покоем, благом, миром!

Дни октября, лазурь на небе чистом,
а с бронзовых ветвей оранжевые листья
на землю падают, осеннее дыхание
их золотой одело филигранью.
Сверкай же, осень, красотой нетленной,
весь мир одень кармином, охрой и сиеной,
пусть смерть нам струями дождя приветно машет,
и льёт, и льёт с небес из золочёной чаши.
Твой терпкий аромат, возникший где-то рядом,
на дне души моей осядет горьким ядом,
агонию цветов и жарких красок пламя
я пью неторопливыми глотками!

Света

Сон сизых далей ожил по снегу тенями,
заря уснула в мирных штольнях света,
повис недвижный воздух плотными слоями,
и не скрипит уж ось, вертя колёса ветра.

Над стьлыми полями, головы понутив,
леса печалются в поблёкшем платье старом,
косые взлёты птиц невидимы в лазури,
дыхание живых не стынет белым паром.

Лишь Мысль Великая, как облачко над полем, —
игра теней, сон света, зов молчания, —
вдруг сдавит грудь, наполнит сладкой болью
звучанье снежных волн в затихшем мирозданье.

Март

Кровавый дождь сиял, сверкал, искрился,
просторы серые нектар впитали жгучий,
багрянцем полыхал восток и снег дробился,
блестя осколками сквозь щели в тучах.

Напившись влажного дыхания равнины,
вот-вот вдоль всех борозд весенний воздух брызнет,
и вод холодный смех, и мякоть свежей глины
пульсируют под снегом ритмом жизни.

В земле живое дремлет влагой прелой —
и краски светлых дней, и шелест трав атласных,
и колос будущих хлебов, и в ризе белой
царевна-лилия, и мак в камзолах красных.

Здесь дремлет слабое дыхание сирени,
чей белый жар на солнце притомился,
да малахитовых стрекоз круженье,
да сонмы сонные кувшинок желтолицых;

акацию в саду у старой колокольни
заря благословит росой чистой,
стальные панцири жуков пророкут штольни,
и бабочки взлетят над лугом золотистым.

Так пульс надежд торопит жизнь, в его биенье
весна жасминные объятья нам раскроет.
Но свежую постель весны и вдохновенья
осенний дождь — холодный разум смоем.

Узник

О Гордая, над взором глаз твоих крылатых,
над облаком твоим я — стая туч унылых —
в чаду раздумий плыл, несомый ароматом
твоим, — и кровь моя в твоих вздыхала жилах.

Дрожало сердце, душный воск слезами капал,
иллюзий серый прах ты светом озарила,
и глас души моей в твоих молитвах плакал,
ты мне на алтаре свой требник приоткрыла.

Богатство рос, что, жаром белым полыхая
и в огненных слезах на грудь цветов склоняясь,
в горниле вечера, как кровь твоя святая,
течёт, течёт из жил, по далям разливаясь,

и топот чёрных дней — тех, что для покаянья
над голой степью жалким рубищем повисли,
твоих деревьев боль, немое отцветанье,
дрожащий голос вод и ночи горьких мыслей —

всё, всё живёт в моей крови. Когда в апреле
ко мне приходишь ты из недр тоски и дали,
я, словно шар стеклянный, на своей свирели
тебя и строфы выдуваю из печали.

От рук твоих (восторг рабов освобождённых!)
порою оторвусь и воспарю в полёте,
и пью вино, что сам взрастил на склонах.
Но тени прошлого, как властно вы зовёте!

Свой замок я возвёл под самым небосводом,
сонм тёмных катакомб плывёт над облаками,
в слезах его гранит, но только с каждым годом
слышнее песнь моя, вмурованная в камень.

Х Х Х

Время льётся, мёртвых листьев дождём облетает
с твоего древа. О, коснись ли я трепетанья
разноцветных радуг, что перед гибелью тают,
как соната звучащая в хвойном молчанье?

Иль дыхания каменных глыб, что живыми цветами
на пустых островах в океане когда-то и где-то
из тёплого чрева земли тянулись руками
к животворным объятьям белых ночей и рассветов,

или древних мёртвых лесов, обугленных страхом,
кровь молодых в рубин таинственно преобразавшим
и землю усыпать сверкающим звёздным прахом,
а наши глаза погрузить во тьму угрожавшим?

Взвихрив пепел седой, время в бездну его увлекает.
Я как стебель травы, побелевший, поникший уныло.
Где же древо твоё? По нему я слезами стекаю,
как смола, что в коре драгоценным опалом застыла.

X X X

Всю боль свою я возложил на твой алтарь.
Как светятся во тьме печальные ресницы
владычицы лучей, прозрачных, как янтарь,
царицы звуков, трепетных, как птицы!
Цветок мечты, цветок невидимой красоты
слетел на одеяло —
я в горечи немой те редкие часы
выламывал из тьмы, как чёрные кристаллы.

Когда лазурь мою седой туман сковал,
повиснув тяжело над унылой бездной моря,
и женский хор надежд толпою окружал
меня и плакал в безысходном горе,
у вечности в садах опять цвела весна,
светла, необычайна,
во мне проснулась жизнь, но дрогнула она
под знойным сквозняком из врат Великой Тайны.

В моей душе кипел прибой извечных сил —
от полюса до полюса землекруженье —
по водорослям нервов вихрем разносил
губительную страсть к самоуничтоженью.
Он жгучей искрой по сосудам пробежал,
присыпал раны солью
и учащённым пульсом в горле задрожал,
и в струнах сухожилий отозвался болью.

В дразнящей тишине, в мучительной борьбе
меня захлёстывало волнами страданья;
как стрелку в компасе, притягивал к себе
всем нам неведомый источник мирозданья.
Подавленный, я всё провидел сам,
а тьма всё гуще —
она текла мне в кровь, манила к полюсам,
Великой Тайною всех нас к себе влекущим.

Мотив из Бетховена

То не седых веков задул тревожный ветер,
то звуки вешие под окнами души:
ты хочешь искупаться в лунном свете,
в потоке золота с сияющих вершин?

Спит аромат садов и синь озёр лучистых,
анданте сладостным бутоны налились,
спит музыка в покое красок чистых,
в тепло грачиных гнёзд её лучи вплелись.

Серебряной вуалью замер пар дыханья,
как превращённый в кружево асбест,
с тоскливым шелестом, смягчённым мхами,
как лагерь воинский, проснулся чёрный лес.

Над сонмом звёздных люстр кромешный мрак вознёсся,
космическая пыль летит из темноты,
в такт опускаются невидимые вёсла,
отмеривая счёт векам. Слышишь ли ты,

как ночь плетёт в тиши тугую паутину
под безмятежный шорох отлетевших снов,
под шёпот роз и робкий смех жасмина,
под слабый трепет крыл и звук забытых слов?

Не зов ли то души, напористый и грубый,
не кровь ли, вспенившись, стучит в сплетенья жил?
Июль воспоминаний сушит губы:
Скажи, ты тоже жил? И ты когда-то жил?

Не думы ль горькие опять прошелестели?
Шаги и тень... Но где он, свет твоих очей?
Как бы в гипнозе стынет у постели
твоя печаль — печаль моих глухих ночей.

Серебряной росой не Его ль дыханье
из Млечного пути течёт на звёздный луг,
когда тоска по смерти — покаянью,
как чёрное вино, пронзает сердце вдруг,

и хочется тебе обнять нагие плечи,
пока они ещё не обратились в тлен,
а сердце радуется зною этой встречи
и под наркозом сладостно сдаётся в плен?

Приди — алмазами украшу склеп унылый,
в лампы музыки печальной подолью,
и на подушку из увядших роз и лилий
покорно сложишь боль и голову свою.

Приди, приди, ты слышишь? Аллилуйя
звучит так благостно в хорах горьких тризн.
И ты почувствуешь всю сладость поцелуя,
когда из уст твоих до капли выпью жизнь.

И утро вечных дней, как аромат из сада
(ты слышишь песню роз, увянувших давно?),
тебя овеет миррой, миром и прохладой,
ворвавшись сквозь раскрытое окно.

Агония тоски

Неужто янтарные вихри и зелёное золото
сгоревших до пепла радуг погасли вдруг
и свет полуночи в угольных шахтах заката
серной вуалью туманов покрыл чернеющий луг?

Не чувствую больше я чистых красок дыхания,
в душу не льются таинственные ароматы садов,
в нервах руки скрыты пока мечты очертанья
и сила, прядущая лучистое одеяние снов.

Моя тоска по формам неземным умирает,
в глазах гаснут солнца и трепетанье свечей,
твой облик в этих вспышках судорожно тает
и вдаль струится, как плещущий тихо ручей.

Возвращение

Воротилась душа из цветущих садов и тлела
блеском ночей на пышных суставах. В розовом злате
зорь увлажнённый веер тронул ей волоса, и от тела,
как лилий несмелый вздох, духи пролились на платье,

тканое из сновидений сумерек. Сжато проливни света —
(так опадают снегами июньские звёздные меж) —
лились у неё из очей, и радость розовоцветно
в улыбке её цвела и с губ ниспадала свежей,

как пробужденье серебряных струй. О, блики
извечных горений! О зря! Суждённые Сумерки прозы!
Знаю блаженство цветущих садов, где бледность на лике
(о, дней роковых поцелуй!) вновь превращается в розы,

знаю плавкое злато в твоих волосах, что гаснет от жара,
и ночей твоих стремительный мир, как веянье крылий,
и запретную прелесть бань, где в серебристость пара
ты юной, душистой вошла, как из пен, что в розовом мыле.

О, зачем воротилась? В край, что тяготами выжжен,
где, как из лога гашёной извёстки, туман в глазах,
где под кристаллами соли цветы умирают и ниже
льнут, переломаясь, к земле. Глянь, на кладбище в слезах,

в раскрасневшемся плаче и мрамор надгробный! А потемневшей степью,
чуя приход грозы, и тишь воздыхает со стоном!..
А ты воротилась! К извечным будням, где великолепье
смеха угаснет в лице, поблэкнет в устах, и даль утомлённо

тех садов, откуда пришла ты, слезами в глаза вольётся.
Одиночество, пряжа немая, подсядет обок незванно,
в бледнеющий лик очами стеклянно-немыми вопьётся,
где дремлет тайна последних снов. Когда же в токе тумана

сдавит грудь твою ночь безысходной тоски, вещей и времён страданье,
дни, что настанут и сумерки первых скорбей, —
ты, поднята страстью, схвачена негой (о грустная!) в час ликования
будешь пить лишь грубый восторг из нечистой чаши крови моей!

Из вечных далей...

Из вечных далей душа наполняется
монотонным мотивом,
басами октава ему отзывается
в раздумье неторопливом.

Льётся на губы, едва засмеюсь я,
сделает терпким вино из сладкого,
в стебле надломленном будет вкусом
слёз, сбежавших украдкою.

Воспоминания ритмом повеют,
в желаний вакхических танцах
пленённая грусть его ослабеет
в резонансах.

В блаженстве крови бурлить он станет
и, когда одиноко,
в долгом адажио полумечтаний
в сумрачных нотах

во мне возрастает. Лучей утомлённых покоем
не засыпает,
будто бы облаком из насекомых, кружащихся роем,
в чёрные своды из звуков своих меня заключает,

высасывает. О, ночи, о, дали,
забвение, грёзы! И звуки мотива
куда не проникнут? Сумею едва ли
в себе истребить то, что неистребимо?

В исповедальнях и пред алтарями,
в библиотеках, где к книге склоняюсь,
рядом кружит, ледяными краями
крыльев к лицу прикасаясь,

в краски мои маслом прольётся,
звучит в полёте моих вдохновений,
скорблю я — с насмешкою раздаётся
однообразное, вечное пенье,

и на горячих печах событий
жизни, в кипении, клокотанье —
смерти напитком, в нём буду пить я
гибели Тайну.

Посещение

Сказал я: «Сестра, в глазах у тебя — погасшего солнца сиянье.
Дай — руку согрею в ладонях. Спешить нет резона».
В тот вечер ушедший всех колоколен рыданье
всхлипывало металлическим звоном.

И вот я увидел её во мгле предрассветной, зыбкой,
юную душу свою — робкий румянец, истома:
так кем-то забытый ребёнок играет с улыбкой
в предгрозовой тишине на пороге закрытого дома.

В белой фате, весёлая дружка в шествии погребальном,
счастливая, как в объёме пламенем доме дыхание спящих,
сама непорочность с молитвенником перед порогом венчальным
над ложами корчащихся и хрипящих.

Дохнули в лицо мне далёкого сада отцветшие розы.
Ветер принёс поцелуй сладчайший и замер.
Вошла в тюрьму, где томились мои недужные грёзы,
и тюлем зари завесила окна камер.

Быть может, тогда лишь...

Мелодий в хрустальную чашу аккордов налей,
пусть искры погасших звучаний воспрянут скорей
из мрака беспамятства в совести проблесках алых, —
там бродит душа, словно вина в глубоких подвалах.

В предгорьях Смерти, среди голубых ледников,
где Вечность готовит обвалы замёрзших веков,
уснуть я хочу, чтобы тяжесть тоски и страданья
забыть навсегда и увидеть все сны мирозданья.

И тысячи вёсен пройдут, но проснусь я, когда
мне душу безмерной печалью наполнит беда,
и солнце, состарясь, померкнет в небесной лазури,
и жизнь погребут под собою столетья и бури.

Быть может, тогда лишь кровавых закатов цветков,
свет лилий угасших и вод сладкозвучный поток,
рой розовых празднеств и цитр приглушённые струны
я вспомню в преддверии тьмы, как старинные руны,

по нивам зелёным процессии солнечных дней,
под шелест хлебов, в многокрасочном буйстве огней,
потянутся вновь, и ночные шатры поднебесья
кочевий костры озарят. И воскресшие песни

наполнят забытые помыслы, пляски и смех,
и страсть обнажённую тел, что белеют, как снег,
и в дыме угасших веков, в тьме излившихся водопадов
к нам жизнь возвратится теплом, фимиамами древних обрядов.

Взгляд смерти

У изголовья постели, мраком предчувствий томим,
сколько раз угасал мой взгляд пред победным взглядом твоим.

В моём — слабость была и тоска, смех сверкающей стали — в твоём.
Свою робкую мысль, словно в зеркале, видел я в нём.

Она шла, и бледна, и неясна, в метельную даль городов,
в темноту и в полярную ночь по путям так устало, без слов.

Страх неизвестности стыл у неё на лице, а хлад
вечных просторов сковал ей тело железом лат.

И в изгибы их формы из глаз её мглой
падал снег, как цветенье с мистических ветвей весной.

И густел, и темнел, и впивал в себя жар, и стегал,
и на красных огнях её ран растаивал и стекал.

У изголовья постели, мраком предчувствий томим,
сколько раз угасал мой взгляд пред победным взглядом твоим.

Как бедный лунатик, поднявшись в безмолвьи ночном,
под гипнозом Непознанного иду за своим я сном.

И предо мною, в усталых руках моих дней,
зажжены от огня твоих глаз факела погребальных огней.

Садов души моей благоуханья...

Садов души моей благоуханья,
по утомлённым лицам разлитые волнами тёплыми беспамятства,
благоуханья с клумб, сокрытых не одной, а тысячью ночей!

Вы, вздохи-облака, вздымаются с кадилъниц
(ужасный кактус дыма горящего зерна)
под приглушённый звон серебряных цепей
на погребальной мессе.

Вы — испарение торфяников и тлеющего мха
над пеплом, накопившимся за множество веков,
дух давних настроений, порубленных лесов, погибших вёсен!
Пары отравленные мглы недвижимых вод
в краю растений гибнущих,
в смертельной белой жажде летних зноев,
что выпили всё серебро росы из озарённых пламенами чаш
и всю прозрачность влаги из разлитых теней!

Вы — ароматы запертых покоев,
где на проволглom ложе
в целительной дремоте эссенций и в полумраке спущенных завес
(а жизнь поёт под окнами полуденными звонами
и упоенъем солнечных лучей)
склоняет голову в подушки сновидений
моё воспоминанье.

В вас — причитанья высохших ветвей жасмина,
их положила белая, дрожащая рука
в молитвенную книгу.
Страниц истлевших запахах, с их полустёртых букв
срываются надрывные молитвы страсти,
раздувшие огонь в глазах, давно потухших.

Запахи комнат проданного дома предков
и укоризна, которой дышат складки тлеющего одеянья матери,
между Святыми за меня молящейся.

Свечей зажжённых запахом в грозные ночи,
спянные в цепь лиловых молний,
и запах фитиля свечи погасшей,
что освещала умершего лик.
Улыбка увядающих левкоев,
не сорванных мне любящей рукой
в день моего рождения.
Неведомых цветов благоуханья, что льются в ритме
рёва водопадов
в тиши синеющей закрытых парков (о влюблённые!),
куда приди я, мне б никто не дал ключей.
Елей распущенных волос и белизна взволнованного тела,
в чужие дни пролившие хмель звёздных ливней в ночах,
спустившихся не для меня.

Садов души моей благоуханья,
благоуханья с клумб, сокрытых не одной, а тысячью ночей!

Рощ пальмовых, расцветших лилий ароматы,
напиток сладости в минуты догорающих закатов,
на лоб разгорячённый дуновение прохлады
с берегов молчащих рек, текущих в бухту Смерти!
Привет, летящий с ветром из оазисов далёких,
гремящий гимн незримых водопадов
за синими холмами земли обетованной!
О, ароматы неприступных островов, объятые туманом света, красок, форм!
Под облаками вашими тянулись сонмы моих мёртвых снов
паломничеством путников усталых к волшебным родникам
на освящённых холмах и к соборам!

Вы на меня дышали жизнью тех невиданных цветов,
что спят под солнцем, открываясь лишь молчанью звёзд:
в болезненном ознобе над нерождённым криком песни!
над сжатым, пожелтевшим урожаем отцветшего желанья!
с мистических венков молитв возле последних лож!
из сумраков беспамятства зелёных, меня обнявших в храме!

от рук беспомощно поникших перед усмехающейся тенью!
когда душа врага выходит мне навстречу из любимых глаз!
когда я ждал напрасно, что золото зари в ночах полярных расцветёт
и отзвучат задумчивые резонансы, чьим стелющимся дымом
клубятся скорбь Минувшего и жажда Неизведанного.

Забвение

Голубоватый день, зардевшись, запылал
в снегах фонтаном искр с игривым смехом,
а в воздухе летучий аромат витал,
кровь приводя в волненье.

Разлившись по щекам, боль превратилась в мир,
в улыбку, хор погребальный отозвался эхом,
нежнейшим отзвуком колоколов и лир
в дали ликующей и празднично прозрачной.

То жизни давней, праведной, иной,
лазурной в душу мне проникло ощущение
иль матери моей любовный зной
пред таинствами ночи брачной?

То с берегов Молчания порыв
меня достиг ветров осенних
и, ангелом над садом Гефсиманским воспарив,
как в чашу — в душу налил влагу утешенья.

Знаменье души

Души роковое знаменье, ты — встреча двух щедрых лучей,
улыбка твоя умирает задолго до смерти твоей;
и ритмы мистических песен мистической тайной звучат,
улыбки твои, о святая, мой скорбный закат озарят.

Улыбка твоя столько неги и грусти таит для меня,
фиалки предчувствий бросая в безумную пляску огня.
Душа согревалась и пела, исполнена света и снов,
пыльца золотая сверкала в таинственном сумраке слов.

У женщин других не узреть мне вовеки улыбки такой,
а если увижу — то вспыхнет лишь отблеск, зажжённый тобой;
блуждая во тьме, понесу я души твоей горечь и грусть,
отравленный мёд поцелуя вкусить с терпких губ не решусь.

Скорь

В моём сердце — скорь прикованного к постели
в час, когда колокол с башни поёт о победе
(на алтарь возлагая лилии
и как будто позволив цвести ослабевшему пламени свеч средь потоков
горящего солнца),
когда поступь толпы тонет в мягких коврах из цветов
и ломкими ритмами, как аромат камыша, мешается с тёплым
дыханием вод,
когда дружек венки озаряют улыбки садов
и по дымным волнам жизнь идёт, распустив паруса,
в чертоги Великого Таинства.

В моём сердце — скорь бывшего владельца просторов,
когда он, бытиём утомлённый, слышит треск перезрелых колосьев:
в ключьях серебряных игл запутался ветер,
трепещут причудливо мошки, на звенящих усевшись стеблях,
вечера от дурманящих запахов в виноградниках ищут спасение;
ему косы звенят о смерти, погребальная песнь звучит с новой силой;
чей же будет зерна урожай, где чешуйками замерли отблески дней
и в гроздьях винограда кровь земли?

Кто мне в окна морозом дохнул, омрачив красок чистую песню?

Надо мной в белых залах зажгутся вечерние люстры,
и с улыбкой вернут зеркала мне весёлый румянец щёк,
влажным снегом грудей добела раскалятся холодные стёкла,
воздух станет тягучим от смеха и от ароматов.
Ритмы пульсации танца!

В моей душе — заключённого скорбь в майский день торжества
и влюблённого скорбь в час венчания на паперти храма,
скорбь изгнанника в час, когда пушки встречают салютом корабли
из разгневанной дали,
скорбь изнурённого жаждою грёз в час, когда засинеет рассвет,
скорбь в усталых глазах тех, кто ждал пред отъездом напрасно,
скорбь стареющих щёк, никогда поцелуем не рдевших,
скорбь пришельца, чьё сердце растрогано песней рождественской,
скорбь инструмента у смертного ложа маэстро,
скорбь цветов, их никто не сорвал, чтоб потом принести на алтарь,
скорбь огня, одиноко погасшего в лампе,
не внесённой к любовникам в спальню.

Часы былого уже истекли для меня, а я не нарвал им цветов,
дни проходили доверчиво, а я не украсил их розами и не нажал
для них зрелых колосьев,
пришло время сумрака, и ветер Неведомого кружит по аллеям,
и ни одна весёлая песнь не отзовется мне издалёка.

Благоухающие сумерки

От алтарей Бессмертного в простор
столб движется огня, пронзая свод,
и среди углей раскалённых гор
в тиши роскошной сумрак восстаёт,

лучей остывших разливает дым
над измождённой широтой полей,
и эти слёзы, пролитые им,
для ран цветов кровавых как елей,

теньями спрячет на земле порок,
для Тайны окна в звёздах распахнёт
и, непроцеженным из красок выпив сок,
до края чистым в грёзы перельёт,

раскинется в объятых тёплых вод
моей душой, чьи лепестки горят,
с усталой плоти клеток отряхнёт
их непростой, их горький аромат.

И зорь улыбку мне откроет он,
в задумчивости к ложу подступив,
колоколов тяжёлый, мерный звон
над синей далью недоступных нив,

усталый день, что был огнём объят
и наслажденье жадно осушил,
и время тайное, то, что дышало в лад
с часами, оставлявшими без сил,

благоухание чужих садов вокруг,
вблизи дорог — чужих посевов рост,
и взгляд любви — чужих ночей недуг,
чужое счастье в откровеньи звёзд,

напев, в котором с горечью звучит
мечта на струнах будущего дня,
где в море ароматов солнц лучи
полны лазурью нового огня.

Торжественная печаль

Моменты торжественной печали вдыхал я из атмосферы Предчувствий,
когда лучи Извечного пронизали блестящее сновиденье,
что из тайны всего в душе моей туманами дымится.

Тогда опьяненье бесконечных вёсен взвивалось из чашечек цветов,
в ударах белого огня пели сияния несчётных дней,
тысячи неведомых ночей лились звёзд ливнями златыми.
Гимны вековых будущих лесов шумели в вершинах деревьев.
И бесконечных жатв богатство волновалось во влажном дыхании земли.

Из взоров любящих лились наслаждение и печаль бесчисленных существ,
пожары пламенные будущей страстной тоски горели в румянцах лиц,
возбуждение толп нерождённых в страстном волнении слов трепетало
и в молитвах вечности страх неуверенности грядущей,
убитая гордость мысли, бледнеющей пред устремлёнными взорами Его.

В те моменты печаль моя была единым порывом печали вечной,
в столетиях разлитой, затопляющей народы, колеблющей волнами души,
раскалённой в огненные полосы фосфоресцирующих волн
под сводами безмолвными ночей,
из которых вскрики вопросов возвращаются обессиленным далью эхом
без ответа.

Искусство

О, кладбище тоски, приют великих душ,
где все мы с предками в мистическом слиянье,
тех душ огни пронзают ночи тушь —
как сполохи полярного сиянья.

Сомнамбулой бреду в твой бесконечный сад,
где ночи океан волнами заливает
умершие цветы, что блеска не дарят,
лишь синим фосфором мерцают.

Ты сонм безмолвных слов, ты дым былых страстей,
мертвящее дыхание толп, прошедших тенью,
молчанье их под серой пряжей тусклых дней
как душный запах тленья.

О Вечный, разреши, — где высятся твой храм
над градом мраморным, я преклоню колена,
у алтаря склонюсь к святым твоим стопам
и мессу отслужу смиренно?

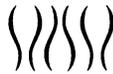
В вино экстазов жажду хлеб мой обмакнуть
на жертвенном столе, где время розой ропшет,
но Ты моим мольбам дозволишь ли вернуть
реликвии усопших?

Иль чашу полную мне, слабому, вручишь,
в ней влага — кровь Твоя из грозди Тела,
сияньем ангельским мне зренье озаришь,
что в полумраке тлею?

На грани дней взываю: жги и мучь!
Пусть боль мне выбелит лицо снегов белее.
Она возжёт во мне благодаренья луч,
в пожаре строк истлеет!

Я приношу Тебе и отдаю, как дар
девичьих нежных тел, подобных белой астре
на пурпуре ковра, любви священный жар,
что дремлет в алебастре.

И пусть дотла сгорю, Тебя благодаря, —
на гибель и забвеньё обречённый,
как грешный пастырь, я застыл у алтаря
навек коленопреклонённый.

~ РАССВЕТ НА ЗАПАДЕ ~

Х Х Х

Все в утренней росе, закатной розой рдели
рассветы вечные в багрянце угасанья;
хоть в сумерках души все солнца догорели,
таинственное ширилось сиянье.

Мост призрачных лучей моя душа соткала
над глубиной зеркал, в которых тлеют звёзды,
и, полная отчаянья, встречала
на том мосту давно ушедших грёзы.

Где голос тишины? Как рой перед грозой,
в мозгу встревоженном сомненья и усталость.
Все двери радости захлопнулись за мною,
и эхо боли в далях отдавалось.

Палящий день во тьму бросал ночные тени,
тонули яблони в цвету — в январском снеге,
из зёрнышек секунд всходил мой сад весенний,
шептались камыши о дивном дальнем бреге.

Хотелось мне вкусить твоей священной браги
на пиршестве времён и вечных воскресений,
но в кровь мою, как яд, проникли капли влаги
от жарких летних гроз и от лозы осенней.

Долить хотел я нефть, чтоб не померкли зори
в святом светильнике, питаемом веками,
но чаша опрокинулась — о горе! —
и вот теперь я весь — живое пламя.

Утренняя молитва

Чёрный шатёр смерти, под которым на своём пути опочивает душа,
я свернул по Твоему приказу и, обращённый лицом к восходу света,
сказал своим мыслям, преклонившим колени на розовых коврах утра:

— Молитесь!

О Всевышний!

Твоя мистическая улыбка заставила вздрогнуть землю и впасть
в плодотворное беспамятство,
нетерпеливые голоса всех ароматов смятенно вырвались из низин,
измученные жаждой колосья с болью и наслаждением прогнулись
под обвалом света,
и здоровый вздох породил радостный смех во всём живущем. —
Но взоры любовников грёз омрачила боязнь, они стали уклончивыми
и приниженными
под искромётным взглядом дня, в котором светилось яростное томление
нерождённого.
Этот гневный взгляд надзирателя над толпами и силами облетел землю,
и пред ним затрепетала жизнь, вспенились все плавильни крови.
Облака с огненными когтями этот взгляд выгнал из вод (спрятанные
в морской глубине сверкающие гнёзда),
ворвался в стада опьянённых запахов и голос их поверг гневом белого жара,
в световом кипении распустил краски, жгучими каплями расплескал их
по душам
и палящим пеплом мгновений посыпал смиренные головы.

Боем курантов Ты возвестил всем душам начало жатвы, о Владелец пашен
и стад!

Все видимые и невидимые Твои служители вышли на рубежи полей,
но грохот Твоих возов, наполненных урожаем, раздастся лишь в грёзах
поэтов.

Твой урожай взрастёт на полях любви и в садах, где весна впадает
в забытьё от запахов,

и отверженный, и умирающий, нашёл в ней свою молитву!

И если в моём слове отражается вечное солнце, пусть это слово

в радостном экстазе озаряет братьев

и цветы их тоски обращает к вечному очагу созревания!

Пусть в лучах моей улыбки пыльца с моих полей падает на соседние борозды,

а дыхание моей боли сгустится в кристаллы лекарств для взыскующих истины!

Тишину моего одиночества наполни шумом крыльев родственных душ,

и пусть мгновения моей радости прольются благоуханным дождём

над ложем без сна,

как трепетное пение арфы, утешающей опечаленного.

Пусть мои мысли будут подобны весенним ветрам, дарующим ритм

будущим песням,

и подобны вихрям, отвращающим странника от пути к смерти!

И пусть, умирая, они уподобятся тем цветам (символам посева из иного

мира),

которые, увядая от дневного зноя, даруют нам аромат будущих ягод.

Дозволь мне, утомлённому трудом и любовью и надломленному болью,

сесть на цветущей меже

и остаток дня провести, немотствуя и погружаясь в музыку лучей

Твоего света.

Когда на землю опустится вечер и вернуться спугнутые запахи,

и я, одинокий работник, направлюсь к жилищам, над которыми курится дым.

Сяду под Твоим деревом, стирающим свою развесистую крону во все

пространства;

в тиши его чёрной, льдистой листвы звенят звёзды, как пчёлы всех ульев;

гордость, приумолкшая за день, вернётся к моей песне,

расцелует мои глаза, делая бесконечными лучи взоров,

и, гордо откинув голову, я буду петь тем, кто меня услышит.

Я буду воспевать Твою славу, загоравшуюся в душах мёртвых народов

предвестьем наших дней

и говорящую в душах живых неведомым языком будущего.

В эпическом потоке всех мыслимых красок, в тысячах звуков,

в причудливом цветении Материи,

в просторах смертельной тишины, оглашаемой ударами молотов,

доносящимися из Твоих тайных кузниц,

под закопчёнными сводами которых Ты куёшь будущее солнце,

и, словно искры из Твоих наковален, на головокружительной высоте

во все стороны рассыпаются миры!

В лиризме предчувствий, в безумствах ужаса, в синеватом трепете зорь,

во всех градациях страсти, во всех музыкальных ключах
и предзнаменованиях смерти!
И растают мои слова, как соль в разъедающем дожде Твоей влаги,
кристаллизуясь в треске искр и вспышках неведомой силы.
Незримое зрение расцветит красками возникающие перед моим взором
картины,
их тени зальёт ослепительное сияние Твоей славы и земных огней,
которые будут всего лишь тенью Твоего света; и в бесконечно удалённые точки
Твоей вселенной, как в очаги, слетятся лучи всех перспектив.
И грёза моя с крыльями, улавливающими отблески вечной весны,
подобно фантому гигантского орла, взмлет в небо и понесёт в своих
огненных когтях землю,
раздвинет чёрные облака ночи и прильнёт к Твоим стопам,
покорно позволяя Твоему взгляду пронзить взор своей гордости,
ослепший от кровавых гейзеров зорь.

Ты не шла

Слишком рано зажёл я лампы и ковры разостлал в гостиной,
я цветами — огнём и кровью — слишком рано наполнил вазы,
из бутылей с угасшим солнцем разливал по бокалам вина,
и дремали в их терпком букете измождённые засухой лозы.

Ты не шла. Угрюмой насмешкой бой часов доносился из дали.
Овевал аромат жасмина женский образ в венке из лилий.
Гасли лампы, и горкли вина, и гирлянды роз увядали.
И гонцы моей вешней грёзы опустили в отчаяньи крылья.

Ты не шла. Заклинал Тебя тщетно я таинственной магией воли,
пронизавшей просторы вселенной напряженья высокого дрожью.
Я по ветру развеял зёрна, чтобы огненный куст боли
запылал во тьме, освещая скорбный путь Твой по бездорожью.

А надежда с печальной улыбкой ожидала Тебя на пороге.
Вопрошал я души поэтов — тех, что шли за Тобой следом.
Но деревья поникли уныло, онемели, застыли дороги,
и Твои незримые стопы запорошило чёрным снегом.

Ты не шла. Что Тебя испугнуло? Неужели туча над домом?
Кто Тебя у калитки встретил и увёл из цветущего сада?
Или где-то на перекрёстке Ты столкнулась с ночным фантомом?
Иль сама моя Смерть вышла, словно тать из глухой засады?

Слишком поздно! Раздвину шторы и окно распахну пошире,
из пространства всемирного хлынет напоённый вечностью воздух.
Я услышу неведомый голос в безграничном морозном эфире,
голос Твой в хорале столетий, устремлённом к высоким звёздам.

В той ночи миров камнепады и гармония песнопений,
миллионы жгучих лобзаний и бесчисленных рук скрещенье.
Это наши губы и руки — в неге будущих поколений,
что родятся под знаком молний, в ослепительном их свеченье.

В страстном стуке Вечного Сердца — ритм его, ни на миг не смолкая,
проникая через могилы, разгорается в зорях грядущих.
В тайне летнего Созревания, что всех нас воедино сливает
и крылатым взглядом сближает породнённые души.

Секунды

В стёкла стучатся липы, и отягчённым веками
влажным и знойным дыханьем Ты орошаешь цветы.
С моря последней ночи тянутся облаками
в трепете звёзд багряных ночи моей мечты.

Капли дождя — секунды сквозь сито бедней стекают
в сумрачный сад Смерти, где зреет мистический плод,
шелестом раненных листьев в душу мою проникают,
кровью заката сверкают над гладью неведомых вод.

Шлёт мне другой берег таинственных вихрей приветы!
Дорог грядущих обвалы грохочут в глубинах строф!
Проснусь от ночного стука — это, должно быть, где-то
умер мой друг и призрак явился из царства снов!

Ещё не рождённых оркестров ко мне доносится эхо
в бое древних курантов, в горечи битв и бед,
в ритмах и душах бывшего, в пунше забытого смеха,
в любовной тоске по лазури давно миновавших лет!

Падают капли-секунды в чашу для благовоний!
Белоснежным инеем яда в ней осел отравляющий газ!
Стекают по крышам тюрем, освещённым вспышками молний,
и чьи-то пленные души молят Тебя за нас!

Искры, остывшие раньше, чем вспыхнул огонь в камине
и одинокое сердце встрепенулось в неожиданном тепле.
Будущего секунды, вечно тлеть вам в душе отныне,
в ночных разгораться грёзах и гаснуть в полдневной мгле.

Больней всего ранят секунды, которых я ждал напрасно,
а самым сладким — сбыться, в незримых сгорев кострах.
Зачем я вас так боялся, секунды любви и страсти?
Но перед Секундой Смерти отвек я испытывать страх.

Зачем ты лицо от света, о Слабая, отвратила?

В минуты тоски гладь души покрывается нервной рябью:
то веют ветра с плоскогория Далея над водною хлябью,
и солнца цветок, залпом искр разлетаясь в мгновенье,
в зелёных глубинах печали колышет садов отраженье.

Когда же из кратеров Запада исторгнутся пепел и лава,
и звёзды, как угли в золе, померкнут в заре незнакомой, кровавой,
и в бешеном ритме, в предсмертной отчаянной муке
замечутся мысли, как багряные крылья, как тонущих руки,

когда же, вздымаясь волнами и в творческий смерч завлекая,
их схватит, затянет, закружит, поглотит пучина седая, —
погрузится ненависть в бездну, и грусть, и мечты поколений,
столетья молчанья, дремоты, предчувствий и озарений,

всё, что в испуганных душах веками тоскливо таилось!
Часы не пробьют на башнях! Время остановилось!
Несотворённые солнца укрылись в ночи потаённой
и ждут, когда же Всевышний развернёт рассветов знамёна.

Зачем ты лицо от света, о Слабая, отвратила?
На самом пороге дома неужто не ощутила
дыханье родного поля? Не воскресли из праха грёзы?
Не запахло отцовской кузней? Почему на глазах твоих слёзы?

Послушай гул океанов под огненною лазурью.
В плотинах из тысяч душ гудят грядущие бури!
Гимном могучим вечность наполнив от края до края,
кличет в дорогу Всевышний, к твоей отваге взывая!

Легенда тайной вины

Ясность грядущих дней озарила сей миг во сне,
светом люстр расцвела в днѣй моих праздничных залах:
там искромѣтно била музыка вѣсен грядущих и нег,
лгало дыхание уст, что меня опьяняет, там искрился смех,
очи, где ждѣт меня сладость молчанья, пылали устало.

Напрасно шѣл я туда, где в омутах ритма дрожал
жизни напев. Призрак Иного, кто шѣл позади, — предо мною качался,
шѣл он из зала в зал, и света жар угасал,
блѣкли зеркала, грусть трепетала, и музык победный хорал,
словно сбившись, в глухие октавы тоски немо вливался.

О, душа, откуда пришѣл он? И сколько веков подряд
проходил он душами предков, меня достигая?
Сколько брачных пиров обращал в погребальный обряд?
В сколько цветущих улыбок вдыхал свой подземный хлад?
И в скольких лампах пламенем соли и спирта синел, погасая?

Слышу в душе:

Не тронул клавиш ты, когда заря запела,
но только брызнула из раны кровь моя,
вдруг под твоей рукой тоскливо загремела,
как дверь в ночи, клавиатура бытия.

Душистой ложью вешних поцелуев розы
не остановят птиц, стремящихся на юг,
но, вытянув ладонь — грозили ливнем грозы, —
цветок иронии твоей я спас, мой друг.

Чтоб взор твоей души не ослепить зарницей,
я тайный занавес над жизнью распростёр.
Когда хотел ты пить, я дал тебе напиток,
но губы опалил моих страстей костёр.

Не тронул клавиш ты, хотя заря запела,
но в призме слёз твоих себя увидел я,
и под рукой твоей тоскливо загремела,
как дверь в ночи, клавиатура бытия.

Вернуться из дупла в мой опустевший улей
заставил дымом я твоих сердитых пчёл,
и дни твои в моей тюрьме уснули,
а вольный твой напев мой горький вкус обрёл.

Псалом в честь Имени Всевышнего

Выкрикнуть имя Твоё побудил меня образ, что тяжестью на душу лёг,
как снег из окон легенды, пронзивший молитвенный чад фимиама.
Выкрик со дня преисподней, где души предков томятся, зажжёт
миллионы алтарных свечей в таинственном сумраке храма.

Гимны слагаю Тебе, Безымянный носитель грядущих и мёртвых имён,
царствия душ Ты проходишь, и море, и сушу объемя,
зажигаешь рассветы в глазах; нем и думой в себя углублён,
мановеньем руки направляешь созревшие солнца и земли.

Смерти владенья минуешь, и хотя вокруг не видно ни зги,
близится лик Твой ко мне, тьмой ледяной опалая смежённые вежды.
В сердце, как гулкое эхо, Твои отдаются шаги,
в грёзах Твоих сновидений мои воскресают надежды.

Вижу улыбку, с которой над сонмами толп в бесконечных веках
факел вздымаешь, роняя смолистые капли пылающей боли.
Таинств всеильный властитель, Ты знаешь единственный страх —
страх перед своею мистической волей!

Под стопами Твоими гейзеры к небу взмывают из поющих глубин,
как нефтяные фонтаны вспыхнув от вешего взгляда.
Мыслью миры разлагаешь, о непознанного Господин, —
так в известковых братских могилах разлагаются жертвы снарядов.

Имя Твоё — пробуждение музыки всех планет и эпох,
отзвук морей и ветров, смеха, томлений, рыданий,
первый возглас рождений, агоний последних вздох.
эхо ликующих соков, бурь, наслаждений, страданий;

всплески всех поцелуев, бурление крови в миллионах жил,
всех безумных кошмаров, всех встревоженных крыльев трепет,
топот полчищ несметных, любовных горений пыл,
громыханье оркестра времён и детей приглушённый лепет.

Мертвецы всех миров и столетий обретают Твой трубный глас!
Ты мечтой усыпляешь души и опять им даруешь рассветы!
Ты в чудесный цветок превращаешь заклатьем мистических фраз
ночи, запахи, яды, огни и слова, отречения и обеты.

Я в дыханье Твоём — словно птица в цветущем саду,
хоть погасла улыбка, а голос окутан молчаньем,
но по смертным путям на заветную встречу иду,
и в ночи до меня издалёка доходит сиянье.

Таинство боли

Посланец первых зорь — твой вихрь с песчаных гор
меня, вздымая пыль, гнал по стопам отцов.
Пожарищ давних чад мне затуманил взор
и в душу заронил молчанье мертвецов.
Предначертав судьбу, ты вёл меня вперёд,
и отблеск чёрных волн путь освещал из тьмы.
Достал бы я до звёзд, но дух среди тенёт
палящих паутин повис в углу тюрьмы.

Боль, таинство твоё моей душе сродни!
Свет Приближения из далей шлёт эфир.
И в сонмах облаков мистических огни,
как вспышки молнии, расцвечивают мир.
В моей душе опять гремит стократный гром,
он крылья одолжил у смерти и тоски.
Таинственных лесов я шелест слышу в нём,
грядущую волну космической реки.

В синюшных отсветах танцует аромат
цветущей радости на бренных берегах.
Постель из алых роз нам приготовил сад
с пожаром свадебным в расширенных зрачках.
Прелюдией мечты орган мечты звучал.
Гимн жизни из глубин взмывал до бледных звёзд.
На камнях мук своих я краски растирал
и болью наносил на чёрный холст.

Под смех ветров твоих бреду дорогой бед,
и дышат горечью все встречные цветы.
Но голоса друзей сквозь мглу летят вослед
и открывают мир нездешней красоты.
Во мраке тлеет день, всё расплавляет жар,
в твоём дыхании вскипает кровь моя,
Удушливый, как дым, сгущается кошмар,
предсмертно-чёрные туманы забытья.

Столетия тоски пылинками минут
дрожат вокруг струны, что песнь твою поёт.
Из тьмы померкших зорь мне чёрный бархат ткут,
рука твоя, о боль, плащ для души сошьёт.
Как уголья в золе — закатов череда.
Надежды проблеск в их безумии святом.
В предгорьях таинства утрюмых дум стада
Господь тобою гонит, как кнутом.

Властители грёз

Братья, чьи души опускаются на колени рядом с моей душой
в святилищах Непознанного,
чьи руки касаются моих рук, когда мы сыплем зерно на угли общей
кадильницы,
породнённые опьянением общей молитвы, которую мы приняли как
наследие веков,
расслабленные задумчивым колыханием музыки, наполняющей своим
ритмическим трепетом вселенную!

Вы, утомлённые грубым ветром земных красок, но всегда возвращающиеся,
побеждённые властители грёз, навеянных звёздами на неведомых орбитах,
вы, чья кровь, вырвавшаяся из пор, застывала в вечном холоде
бескрайних высот,
а судорожное дыханье прерывалось в безвоздушном пространстве,
по которому пролетают миры!

Вы, одурманенные до мертвенной бледности тайнами глубин, где гаснет
земной свет
в чаду, подымающемся от затаённых пламеней вечного тления,
и гордо пытающиеся сплести канат бытия из паутины мысли!
Паломники, посетившие святые места, опустошённые безумством толпы!

Любители полутонов, чьё зренье привыкло различать формы в полумраке ночи!
Вы, для кого прогоркли испарения крови, обретающей сладкий вкус
от бушующих волн страсти,
больные тоской по объятию душ, нежному, как слияние лучей
породнившихся красок!

Вы запели гимн чистому Лобзанию!

Гимн, рождающийся из ностальгических кантат, прославляющих
Вознесение,
ярко озарённое облако фонтанирующих звуков, тающее, как сладость
поцелуя влюблённых,
снег из звёздных ароматических кристаллов, падающий сквозь
раскалённое зарево на белые линии тела,
которое из века веков победоносно опалает наследственной грёзой
и ваши сумрачные желанья.

Ваши души шестым чувством горестно поглощали приборой незримых красок,
страдали от порывов неведомой дрожи и грусти неслышного плача
(иллюзии вещей — сказали о вас — горели болезненным обманом
в вашей душе,
когда печаль бесконечности дышала из ваших отвергнутых
и обойдённых молчанием ритмов).

По жизни прошли вы от вспышек экстаза, трепещущих, как
нетерпеливое биение крыл,
до душевных обмороков, когда раскалённое железо боли пронизывает
спинной мозг;
тщательно хранимая тайна, предчувствие Понимания формировали ваши
черты,
как идея мастера ваяет статую из много раз перемятой глины. Но горячие
слёзы,

о Гордые, засохли в вашей душе, чтобы никто их не видел дрожащими
на ресницах!
Вас терзало безумие гротескных видений, мозг, раненный зноем
прекрасного,
вас терзала боль слова, ослабленного и отвращённого от творчества
под наносом лет,
ослепшего, как стальные зеркала в воздухе, которым дышали многие.

О Победители, чья добыча вызывает насмешки врагов и сострадание
друзей!
Вы погибаете от одиночества на островах, о которых вам пели звёзды
и океаны!
Униженно возвращаетесь на родину, к известняковым берегам
с грибовидной коррозией от приборя веков,
где никто не верит вашим рассказам, насыщенным ароматами юга.

Ваша бледность в момент пробуждения выдаст вас, как клеймо тайного
греха.

Улыбки друзей погаснут под вашими взорами, полными сияющего
трепета далее!

(Ибо вызывает любовь лицо, в румянце которого просвечивают розы улыбок,
и вызывает ужас лик, явившийся любовнице в ночных галлюцинациях
второй жизни.)

Скорбно прошествуете вы по садам, перешучивающимся с весной,
по цветам, чьи запахи вам чужды,
ваш посев тропической роскоши даёт белые и нежизнеспособные всходы
под лучами северного солнца,
холодно прикосновение женщины, веет равнодушием от встречи душ,
на вас падает мгла усталости,
и ваша гордость, презревшая возможность насытиться плодами земли, —
какая насмешка судьбы! —
превратится в желание сосать сок высохших гроздьев,
которые вы ненароком растоптали в плену своих царственных грёз.

Предчувствия

С потухших пожарищ тянулся предчувствий неведомых дым.
И таяла тайна и губы студила ответом немым.
Грядущие тучи огонь мой гасили паденьем своим,
и с преданным взглядом ко мне прижимались все краски.

Торжественным ритмом мне душу затронул невидимый хор.
Шагов тыщекратное эхо, заполнив столетний простор,
вдали отразилось от сводов, и будущего коридор
послал мне навстречу таинственных вестников грёзы.

Безумные миги прозрений нам зренье второе дают.
Но времени руки в кровавых следах от мистических пут.
На сумрачных вёслах рассвета флотилии надежды плывут
к ещё не открытым берегам под незримой лазурью.

Я сердцем почувствовал тяжесть закона и тяжесть вешей,
из душ исходящую. В души входящую ясность лучей,
видения грозные снам беспробудным открытых очей,
которым Ты грезить судил до седьмого заклатья.

Взмолилась мечта, и в тоске той безмолвной молитвы звучал
агоний в альковах души и последних признаний сигнал —
глас Ангела жатвы, который избранников грёзы и смерти зывал
извечно трудиться на Богом завещанной ниве.

Немое свидание

Только однажды дыханье чужой жизни озарило меня ощущением
родственной близости:
голос, благоухающий ожиданием, как вечерняя молитва колоколов
в канун великого праздника.

Холодная изморось звуков, воскрешающая песнь, оглушённую тишиной,
и надежду, уставшую от бесконечных блужданий во мгле.
Шум робких шагов любви, что идёт аллеями грезящих душ, пробуждая
волненье в крови иллюзией страстной улыбки.

Только однажды дыханье чужой жизни озарило меня ощущением
родственной близости:
занавеси алькова дрогнули, отдёргнутые деликатной рукой, и упали.

Тоскливо. Закатились былые солнца, от слёз набухают звёзды.
Траурные кипарисы стерегут дороги. Неопознанные души

минуют друг друга, недоверчиво склоняя при ветре зажжённые факелы,
лишь длинные тени воспоминаний тянутся за ними по всему горизонту.

Там, куда падёт тень, расцветают мистические цветы, источая угасший свет,
и размятые листья шлют мне запах немого свидания в смерти.

Минувшая! Когда пассатом смерти...

Светился воздух, в пряный запах тленья
серебряной струной вливалась даль.
В зеркальное гляделась отраженье
душой заморожённая печаль.

Минувшая! Когда пассатом смерти
тянуло в окна синих городов
и заносило чадной круговертью
и пылью угольной твой девичий альков,

дыханием и песнями согретый,
мотив твоей любви звучал окрест
и заглушал, как резкий выкрик света,
молчания и таинства оркестр.

Светился воздух, в пряный запах тленья
вливалась колокольным звоном даль.
Встав на порог души, гляделась в отраженье
зеркальное моей судьбы печаль.

Миф души

В краях, которые много столетий цвели во взорах моих предков,
шла душа моя по волнам нерождённой грёзы, с закрытыми глазами, немая.
За каждым её шагом следовал чёрный потоп ночи,
выпивавшей солнце, смывавшей краски, затоплявшей сокровища душ,
дробившей последние слова отцов наших глухим прибором волн
и заливавшей корни нынешних болезней влагой угасших огней.

Наконец утро вспыхнуло огненно-красным заревом,
в клочьях тумана, дымящегося над древними кладбищами.
Поблёкшие краски в полуслепых взорах воскресил день,
Давние солнечные пожары, стократно погребённые, снова вспыхнули
передо мной,
дали, много раз свёрнутые в тугой свиток смертью, разостлали
сверкающие горизонты,
влекущие ликующим великолепием иллюзорных форм и накопленных
за века ароматов.

Я открыл налитую железной тяжестью книгу с изображениями умерших грёз,
которая выпала из охладевших рук моих предков, как голова падает на грудь
(наследие древнейших веков, победно завоёванное безрассудно
растроченной кровью,
палимпсесты, на страницах которых сквозь сегодняшнюю вселенную
просвечивает вселенная первых дней существования солнца).
Я чувствовал дыхание времени, переворачивая её страницы,
передо мной дефилировали древние пейзажи, скрытые под угасшими
взорами мёртвых,
дарующими мне свет таинственных настроений:
отцветшие желания на клумбах с розами, давние влюблённости в тени лесов,
экстазы варварских молитв, сложенных на огненную музыку гроз.

Онемевшие слова кричат с моих губ, погребённые боли отзываются
в моём теле,
жажды, столько раз утолённые смертью, воскресают в моей жажде
вместе с тоской по объятиям, возгоревшейся от искр первого
пробуждения и багряно тлеющей в моей крови.

Надо мной гремел гром и сверкали молнии, прорезавшие воздух много
столетий назад,
и горькая соль печалей, по которым извечно протекал мой ручей,
растворилась в колодезе.

На песчаных почвах рос мой рис, в руслах столетних вод,
чьи испаренья затуманивают мой день и добавляют грусть в приветливые
благословения солнца.

На мачты кораблей моей мечты садилась песнь, мистическая птица,
утомлённая полётом
из краёв опадающих листьев к лазури вечного созревания.

Но мои движения отягощала усталость веков, и в ритме ослабевших шагов
я слышал гул ночи, вечно следовавшей по моим стопам.

Для меня обрели горький вкус ароматы расцветших далей, даривших
забвение моим предкам.

Я не нашёл увлажнённых любовью взоров, в которых светилась бы
родственная жизнь,
от встречи двух взглядов в моей душе не вспыхнул мистический пожар,
пылающий в забытых степях, где дотлевают отблески извечной страсти...

Наконец я привык к песням ночи и, устав, полюбил закат.

Я люблю закат, когда на холмах вспыхивают сторожевые сигналы костров
и гремучая музыка торжественной тишины оповещает о победоносном
вторжении Непознанного,
вторжении, своими грёзами разящем сильных, в беспамятстве
влюблённых поющем о тайнах жизни,
сочувственно прикасающемся ко лбу тоскующих
и считающем пульс больных.

Пусть чёрная растительность теней возникает из корней деревьев,
залитых кровью!

Пусть ползут по багровой земле чёрные тени моих шагов!

Пусть жадные вьющиеся сорные побеги высасывают последние соки
из моих цветов,
чьи краски стали всего лишь слепым отблеском чужого великолепия!

Пусть воздвигнутся надо мной своды сумрачных высот, выдыхающих
таинство смерти,
как спящие летучие мыши, прилепившиеся к сверкающим скобам звёзд!
(Они устали от прежних и будущих охот и ослепнут от щедрого притока Утра.)

И если моя душа остановится на долгом пути по многовековым стопам
предков,
когда в чёрном зеркале пагубы я увижу свой лик, изменённый формами
новой жизни,
я приветственно расцелую тени и запою гимн живым
и грядущим паломникам, которые отважатся рвать цветы в долинах смерти
и собственными страданиями читать мистическую Мысль, зреющую
для нас в расцвете форм
и от начала веков греющую о племени сильных с кровью, светящейся искрами,
которые раздувает высочайшая воля,
о виноградарях, разжигающих серу в бочках, где забродили столетние
вина, дававшие силу слабым,
и мечут огни в сгустки газов, отравленных потом,
чтобы расчистить дали и воскресить ароматы в воздухе,
которым будут дышать грядущие толпы.

Настроение

Лес щедро источал смолистый запах пота,
и по стволу сосны стекала позолота.
Шум замер от жары. Тяжёлая усталость
на ветвях разлеглась и в воздухе осталась.
Зелёная тоска в листве оцепенела.
Шла лесом тишина и на пенёк присела,
Загадку вечную мне в душу заронила
и речью мёртвых слов со мной заговорила.
А солнца лепестки увяли и повисли.
Оно с небес роняло голубые листья.
И тлел во мху цветок, а веток колыханье
наеивало сон, и тайное дыханье
меня раскачивало на волнах вселенной,
и тихо кровь текла из вскрытой бритвой вены.

Подобная ночь...

Давняя боль возвратилась, в сияние глаз мне туманом впиталась,
выдохи тлеющих красок сгущались, и тучи свивались из них.
В дрожи болезненной билась тоска приглушённо, коснуться боялась
клавиатур раскалённых раздумий моих.

Сумрак душе подарил свой наряд, тот, что жгучими соткан лучами,
и тишина заскользила, спускаясь до самых могильных глубин.
Маятник мерно качался, приветствуя день, только он уходил, опечален,
словно я был мертвецом, без меня отправляясь в дорогу, один.

Боль на меня продолжала дышать, воскрешенье в дыханье том пело,
времени не подчиняясь, победным противником сна,
ночи подобна, что взглядом единым, вселенским к нам в окна глядела,
взглядам других вечный день открывала в проёме окна.

Боль на меня продолжала дышать, был в дыхании этом заложен
крик материнский, такой, что с рождением услышать я смог,
и заключительный возглас, ликующий, — был без него невозможен
этого сна увлажнённый слёзами порог.

Я тщетно жду тебя...

В краях души моей, где свет дневной не светит,
вновь шелестят хлеба под призрачной луной;
зерно забытых грёз туда забросил ветер,
и колос полнится молочной белизной.

И вздохи вечных вод, и недр земных дыханье,
и гул чужих морей я слышу в те часы.
И зреет мой посев — безлюдье, вымиранье —
под звонкий благовест кладбищенской росы.

И вот бреду один — бездетный пахарь ночи.
Волнуется во мне былых предчувствий новь.
И музыка жнивья моей душе пророчит
уже забытую грядущую любовь.

Я тщетно жду тебя, но ты придёшь Незваной,
безмолвной гостьей с ледяным челом,
окутанная тайною туманной,
потупишь взор и за моим столом

со мной разделишь сны и сладость поцелуя,
пунш голосов и дней в бокале бытия, —
хлеб вечный разломив, ты ощутишь, ликуя,
колосьев лунных вкус, вкус горького жнивья.

Победная песнь

Высвети, душа моя, экстатическую славу песни немых, высочайших октав,
в миг, когда боль железным ключом натягивает твои струны последним,
сильнейшим оборотом,
таинственно настраиваясь на гармонию, в которой звучит во вселенной
гимн Непознанному!..

Пьянящий восторг вёл нас по склону дневного света в низины грёз,
и туман поднимался навстречу нам из подземных ключей,
одурманивавших века
и караваны бесчисленных душ. Там пылало чёрное солнце смерти
и разбрасывало лучи, колеблющиеся по неведомым нам законам.

К цветам нашей любви и желанья оно присосалось в мертвенной жажде,
пило из них розовое дыхание утр, разруманившихся от свадебного
пробуждения;
разъедало эти цветы ядовитым огнём, и их краски курились грязным дымом,
а изгнанный из них аромат и тешащая земной взгляд красота истекали слезами.

Орбиты, по которым мы летели в царствах солнц, связывала узлом тяжесть,
образуя мистическую сеть, которая, как бабочек, ловила миры
и притягивала их к Центру.

Угасшие ритмы древних маршей перемежались в веках криками, давно
онемевшими!

Мёртвые вихри выкорчеванных и превратившихся в уголь лесов срывали
с наших губ слова!

Богатство бесчисленных земных взглядов сгорало и падало в глубины далей,
разделявших души и превращавших наши мгновения в тысячелетия.
Мы ощущали близость миллионов братьев, объятия бесчисленных дыханий,
бесплотные поцелуи, которые мы возвращали, теряя сознание.

Но густая земная кровь зажигала в наших глазах полярные сияния смерти,
а наши радостные ответы замирали на устах, становясь придушенными
выкриками ужаса,
той глубокой речью, которой жизнь отвечает Неведомому
(прежде чем придёт время принять новый порядок вещей)... О, душа моя!

Тосклива твоя победная песнь, транспонированная в октавы земных звуков!
Счастлив тот, кто не услышал её до того, как в обмороке обрёл силу!
Но в ушах тех, кто её однажды услышал, она звучит, наполняя кошмарами
даже сладкие признания в любви,
звучит и в биении сердец, обжигающих друг друга.

Она доносится из шёпота разостланного ложа, из трепета крыльев
поющей весны,
из шелеста переворачиваемых страниц в книге любимого поэта,
из липкого прикосновения кисти художника к полотну, на котором искусство
при свете зорь, дымящихся во тьме, фосфорическими мазками рисует
мимолетные символы Грёзы.

Наследство моё положил ты...

Слова мои сладкие умерли в муках молчанья,
в тиши красноречие взглядов моих без ответа угасло:
когда я упрёками слов неживых пробужусь от мечтанья,
глядят из бессонниц полночных погибшие взгляды напрасно.

Расцвечены щёки улыбками, в прочих же душах — завяли,
завяли на лицах чужих, а во мне расцветают, но с болью.
Надрезана ветвь наслажденья, но брызги к губам не упали,
лишь в грёзах на них растворились кристаллами соли.

Столетий плывут облака и отброшены тени под ноги,
дорогами взглядов моих в отраженьях парит бесконечность;
лазури мистической взмахи сплетают желаний дороги,
тоска на дорогах души, где в молчанье двусмысленном — вечность.

Наследство моё положил ты в убежище грёз и предчувствий,
и розы в тот сад перенёс, что сажал я когда-то;
уносит меня аромат их в экстазы молитв и искусства,
богатство их красок пылает на западе, в пышных закатах.

Рассвет на западе*

Май — месяц теней. Вёдро давно миновало, краски под вечер неярки.
Пьяная грёза, устав и насытившись кровью, зазвучала протяжней и чище.
В пламени с грохотом рушатся наших узилищ прогнившие балки,
щёки незрелых плодов солнце закатное греет на пепелище.

Ты, душа, не горюй, что до крова родного лишь к ночи дойду понемногу
и под звон колокольный едва различу очертания сада:
дней угасших лучи нам устелют надеждой дорогу
и нас ждёт впереди ликованья былого награда.

День затмевает сиянием звёзды — ночь темной зажигает небесные дали.
А в проломах обугленных крыш — бесконечная ширь небосвода.
Знай, симфонию братства друг другу миры передали —
перекличку судов, бороздящих соседние воды.

В благоденствии света, в касаньях неведомых слова
Твой таинственный вестник, постоянный сигнал, приглушённый
стальными стенами, —
наша грёза земная прорывается снова и снова
сквозь туманы тоски, разливаясь во славу Твою над волнами.

Сколь же сладко, о Вечный, предчувствие детям страданья!
Гимн слагаем на всех языках из полынных синонимов смерти.
Тем, кто верит, Твой день — предназначенный срок созревания,
боль колосьев налившихся остудит благовонными ласками ветер.

---

* См. авторский комментарий на с. 410.

Вино сильных

Братья, рука до руки, в кубках мы наших взнесём вино сильных,
века от мороза хранили его в виноградниках, как дымы огней в час ночной.
Виноградари были Печаль и Одиночество.

Прежде чем начнём, мы услышим вокруг нас дыхание всепа
таинственной песни,
и у губ мы учеем, что кубок горяч от губ этих тонко-воздушных.
Ток сокровенный сомкнётся, как круг, облекая наш стол,
он исторгнет нас всех из законов земли и ответствовать снам нашим будут
жизнь и смерть.

Шорохи рук мы незримых услышим, что идут чрез столетья.
Увидим мы облако Вечного, и, как солнце, оно, наклонясь над водой,
бросит нам свет из глубин.
Оно, опьяняя нас, души в нас блеском наполнит, как души грядущих людей,
и, сновидением нашим отравлены, умрём мы до смерти и жить после
смерти будем.

Покорные, книгу твою, о Вечный, мы будем читать и наши слова отдадим
её образам.
В безмерном, как горизонт, зачарованном круге мы замкнёмся, и вход
заградим мы для ужасов ночи.
Твой ливень потушит горящие здания наши, что пламя тоски обуяло
со всех четырёх сторон,
и дрожжи нового хлеба знак нам дадут, что пир твой пришёл.
Наши лампы реками будут лампадного масла, и пламя их, не дрожа,
будет светить нам сквозь ветры.
Могилы не будут для нас могилами, будут садами, и мы убаюкаем смерть,
напевая.

Молчанием будем мы говорить, и наш поцелуй будет встречей незримой
тоски и тоски.
Наши ответы будут сверканьем зрачков — в час объятия мыслей вдали.
Затемнённое станет прозрачным в лучах наших пристальных взоров.
Мы не пойдём через мгlistости слёз, из края видений в край жизни,
потому что и то и другое сольются в одно.
И слёзы, как солнцем испитые росы над посевом столетий, вознесутся
над нами в багряной заре.

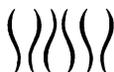
Наши окна покажут нам краски, омытые бурей неба,
и в соке цветочном отравя сгорит, становясь благовоньем целебным.
Тени поникнут, как перья, в крылах наших, обрызганных звёздами,
с ясной улыбкой в далёком пространстве.
Мечты, что дремали не сотни, а тысячи лет, не знакомые душам, проснутся
под крышкою красок и образов,
от полюсов встанут они ледяных, от девственных в море лесов,
в мастерских вещества,
они снизойдут от незримых созвездий.

Мы бросим наш взгляд через ряд прибывающих дней, как через ряд
приоткрытых дверей многочисленных зал,
через которые солнце идёт к нам, увенчано цветом зелёных садов.
Ночи сгустятся над нами, как балдахин над благовонной постелью
влюблённых.
Прошлое в даях растает, как дым от заводов в городе, брошенном нами давно.
Наши мысли наполнятся ширью пространств, напоённых эфиром,
которым дышат миры.

Утомлённые миром, мы руку протянем к Подруге, чтобы она увела нас
отсюда,
и смерть наша будет, как смерть людей просветлённых. Подобною будет она
шествию верных из светов дворца, где всё — благовонье, к собору, где звон
воскресения вербного,
похожей на ход к кораблю, под качаньем знамён, при напеве оркестра,
подобной отшествию войск до краёв завоёванных, тех войск, для которых
цветы и гирлянды на каждом окне,
подобной словам антифонов, что радостным хором священнику держат
ответ, облечённые таинством,
подобной ласке, что длится и дольше продлится, чем все сочетания звёздных
миров,

подобной вспеванью всех песен, сокрытых там в душах во всех,
в прошедших мирах и грядущих,
подобной слиянью всех дней и ночей, прошедших и также грядущих,
созвенно слиянных в единственный день, где ночи больше не будет.

Братья, рукой до руки, в кубках мы наших внесём вино сильных —
звёзды, что падали в это вино, как падает дождь на расцветы,
да низринутся в наши зрачки,
карою слабых будет забвеньё имён их в миг пробужденья,
и наградою сильных — то, что вспомнят они острова, где томились в плену.

В студенческие годы

Мать О. Бржезины. Рисунок Ф. Билека

~ ВЕТРЫ С ПОЛЮСОВ ~

х х х

Да услышат Твой глас Властителя, которых велением света
выслал Ты за бессчётные дни и бессчётные ночи
таинственных раздумий
как своих слуг перед собою,
дабы души верных Тебе они приняли в тысячах миров
и вели к Тебе!
Глас, звучащий под сводами веков,
доносящийся до нас сквозь грозы, опасные для Твоего света,
сквозь водопады тьмы,
сквозь всепроникающее молчание смерти, окутывающее землю,
сквозь безветрие Твоих жарких тропиков
и каждому шагу позволяющий
отдаваться эхом в бесконечности!

Дай омыть мне глаза, недужные от сумрака,
на вершинах Твоих гор, с которых низвергаются потоки,
звенящие бессмертными песнями!
Дай ветру, столетиями устремляющемуся
из бесчисленных душ, из кровавых ночей нашего пота
к Твоему экватору,
подхватить мои крылья!

Дай расправить их, нежные и сильные,
в просторах Твоих магических темнот,
как веер лучей, простирающийся между мирами,
дабы они могли опереться на Твой чистейший свет
и, устремляясь ввысь, каждым своим взмахом
вздымать волны моей песни
и пассаты вершин
направлять к земле!
В экстазе любви хочу петь братским душам
о том, что нет большей боли,
чем боль от сознания их несостоявшихся побед,
что нет большей радости,
чем радость зренья,
опьянённого и усиленного вечностью!

Королева надежд

На боль от слишком яркого света я отвечала видениями и восхищением
перед вечным Мастером.
Дыхание времени я затаила в себе, когда музыкой говорила со мной красота.
Тысячи голосов, братские души живых и мёртвых жаждали претвориться
в формы,
и я всем им отвечала.

Солнцу, развеявшему жгучими сполохами идиллию тешащих мой взгляд далее,
ночам, наполненным тоскливыми песнями ночей далёкого прошлого
и пленённых душ,
грёзам, оскорблённым жаром поцелуев и бежавшим от ложа влюблённых
и блуждавшим в благовонных садах, ожидая, когда сострадание откроет
им двери.
Я устала, постоянно устремляя к праздничному звёздному убранству свои
взоры,
которые уже не вернуться назад, на землю, заплутавшись в бескрайних далях.
Я откликнулась на выкрики, летевшие над головами спящих народов,
на молитвы Великих,
на становящиеся всё более густыми облака вечного солнца, из века в век
плывущие над посевам душ,
неся влагу неведомым цветам грядущего и пурпурным закатам.
Ветры дарили дыхание моим ответам, и моё платье реяло подобно крыльям,
кружась в сумраке над небесными ароматами напитков, почерпнутых
из земных источников.

Склоняясь над теми или иными вещами, я видела собственный образ
в бесчисленных отражениях,
похожая на свечу, которая в зале с зеркалами по всем углам зажигает тысячи
люстр и канделябров
и в обманчивых глубинах магических перспектив неожиданно
тысячекратно гаснет.

Лучи, посланные мною, возвращались и опаляли меня мучительной болью,
я лишалась чувств от собственного дыхания.

Я познала коварную искренность красок, загадочный шёпот теней
и безумный смех лунного света в момент внезапного тоскливого
пробуждения.

Мои руки ловили невидимые стрелы, летевшие в твоё сердце,
и предчувствие смерти я насыщала сладчайшими плодами твоих садов.
Мои слова летели, подобно светящимся мотылькам, бесстрашно садились
на языки пламени
и, опускаясь, чтобы отдохнуть, на чашечки цветов, не колебали их своим
эфирным прикосновением.

Я отвечала на боль агонизирующего света в загадочных взорах животных
и на родовые потуги распускающихся на хрустальных кустах почек,
на боль роз, встречавших меня на дорогах, и на жажду, подстерегавшую меня
в полдненный зной под сенью деревьев у родников.

Я научилась речи всех надежд и каждой отвечала на её собственном языке:
тем, кто произносил безумные пророчества, отягчённые парами земли, —
своей песней,
и своими молитвами — тем, кто не говорит земной речью.

Мои грёзы умирали от головокружительного дыхания жизни, веками
ритмически вздымающейся и опадающей,
и в кровавых сумерках догорающих и возникающих солнц,
в ароматах светил, остывших много веков назад или ещё только жгуче
ждуших цветенья,
в бурях воздушных морей мне слышались ликующие выкрики освобождения.
Но, очнувшись, я покорно отвечала убогим земным радостям,
боязливо прижимающимся ко мне, и отводила взгляд,
чтобы не видеть слёз, текущих из их глаз, ослеплённых моим слишком
ярким светом.

А когда, утомлённая этими неисчислимыми ответами, я грустно склонила
голову,
то утешала тебя притчами.

Я отбрасывала тени на твоё мистическое пламя, чтобы от моей крови оно
ярче сияло в сумерках,
чтобы в неистовстве вихрей ты услышал удары света и полёт земли,
вращающейся в пространстве.

Я показала тебе, что по ночам опускается дно земных морей
и в глубинах сверкают образы миров, маленьких только для твоего слабого
зрения.

Музыку октябрьских лучей я заставила звучать на текст майских песен,
и в кронах опадающих деревьев радостно щебетали птицы, которые сюда
вернутся.

И когда твоя любовь грустнела, я приносила тебе приветствия сражающихся
и бурю времени, вздымающую пыль на дорогах грядущих душ,
я приносила тебе хоралы святых, ответы которых станут приказами
(ибо воля святых — это мистический цветок, растущий под магическим
благословением звёзд
и открывающий клады, веками таившиеся в глубинах скал).

Так говорила мне моя душа, и по её лицу пролетало воспоминание
о священной минуте,
когда одеянье земли спадёт с эфирных членов и зазвенит преломлёнными
лучами
и когда под отцовским взглядом Всевышнего, зардевшаяся благовонной
кровью своего бессмертия,
она будет исповедоваться векам.

Сиянием её взгляда я проникал в глубины тысячелетий
и в её голосе слышал пение отдыхающих в пространстве незримых светочей,
посланных с последних солнц и ледяной баней приводимых в сознание
после столь дальнего полёта.

Её радостно приветствовала сама суть вещей,
и в опьянении этой минуты я назвал её королевой надежд.

Мученики

Земля наполняла своим дыханием ночи счастливых, в их сны вдыхала
запахи виноградников,
древние башенные часы в городах отбивали полночь, дремали леса и воды;
только меланхоличные души лишённых наследства бодрствовали
у своих кровавых костров.

Мученики тела: в биении их пульса отдаются стоны подземных источников,
а в их молчании — шаги теней. Из горящих кустов,
пылающих во тьме их сущностей, до них доносятся слова Разгневанного,
и ветры, которыми они хотели утолить свою жажду, утоляют лишь жажду
родников.

Мученики любви. Их день длится до ночи, но утратил свой свет.
Они заблудились в магических садах, которые выросли перед взорами их
безумия
и проросли сквозь земные сады, устремляя всё выше заросли цветов,
заполнив всё пространство от горизонта до горизонта, впитав румянец утр
и закатов,

распуская вееры теней, чашечками соцветий улавливая звёзды,
окутывая вселенную тьмой; таинственными ночами эти сады
посылали из своих глубин вихрь тысяч жгучих и ядовитых ароматов
к границам неведомых миров — и в их дебрях блуждали тоскующие,

затерянные в великолепии сумраков; их голос умирал в тиши,
и никто им не отвечал; царство женщины было далеко от них
и недоступно на протяжении столетий; только тяжкие ветры веяли из него,
и в ночь их лета к ним приближался сентябрь, зодиакальный свет перед
наступлением утра.

Мученики тишины. Они слышали пение мистической птицы, века
прожили за секунды,
а когда очнулись и вернулись в города, уже никто не помнил их имён;
для прочих братьев их слова были только шевелением губ и весельем немых
в подпитии, так что им отвечали всего лишь знаками сочувствия.

Невольники, проданные в рабство за века до рождения. Оковы отцов
вросли в их тела и растворились в их крови;
они вспахивали землю плугами надежд и, изнурённые трудом, умирали,
а земля, расцветшая для танца нерождённых, была слишком нежной
и не вынесла бы их шагов.

Мученики греха. Они были загадкой для всех и тщетно искали самих себя,
спрашивая у собственной иронической тени, как найти дорогу.
Хотели узреть свои лица, склоняясь над зеркалом крови,
и в женских слезах улыбку губ своих, искажённых агонией.

Жгучее молчание иссушало их мозг. Молчание могил и времени,
подобное гневному эху их радости. Молчание клятв и тяжкой печати
на устах умирающих. И когда Любовь вышла на праздник света,
одаряя поцелуями души, тень вины пала на их лица и сделала их невидимыми.

Мученики недоверия. В самом светлом сне они чувствовали близость
самой глубокой тьмы,
боялись уснуть, бодрствовали, даже когда светило солнце ночи и душ,
и погибали от усталости;
голос крови слышали в чистейших исповедях любви и не уверовали в истину,
звучавшую для них, как разговор боли с надеждой.

Мученики наивысшего вожделения. Их мечты блуждали от звезды к звезде
и умерли, не достигнув последних миров. На весах ветров
они взвешивали земные цветы, и даже самые эфемерные из них грустно
упали на землю,
и тоскливым, как пробуждение заблудшего, было их ожиданье:

их утра ждали дневного света, дневной свет — сумрака вечеров,
вечера — тьмы ночей, ночи — откровений тишины,
тишина — разговора звёзд, а звёзды — прихода иного времени.
Но как удержат земные ветры всю тяжесть ответа иного времени?

Где я уже слышал?..

Открывающий! Ты открыл окна ночи! Из них повеяло таинственное дыхание и унесло крылья моей мысли за горизонт. Я погрузился в беспмятство. Многовековое вращение земли в сумраке миров словно бы осознало себя в моей душе, и я ощутил присутствие иной жизни.

От планеты к планете и от солнца к солнцу тяжкими ударами падала тишина, и как её эхо в глубинах моего духа рождалась новая тишина, иная, чем тишина земли.

Она бурлила дыханием тысяч, поцелуями, длившимися столетия, обморочным молчанием сердец, переставших биться, полётом всех мёртвых и будущих крыльев, вечными симфониями лучей, меланхолическим звоном дождей, оплодотворяющих почву столетнего созревания, выкриками спящих, страшащихся наступления утра, и мистическими диалогами ароматов.

Бури давних морей сотрясали оркестр грядущих молний, последние каденции только что прозвучавших песен сливались со вступительными тактами песен недопетых.

Немые вопросы губ, переставших вопрошать!

Смертельный экстаз взоров, жадно устремлённых вдаль!

Удушливая тишина таинственных вспышек страсти, болезненно зреющей для Рассветов грядущего и ведущей народы полнотной тьмой веков в кровавых отблесках северных сияний!

Слова, сложенные из волн смертельно-бледного света, гаснущего в земных мыслях, и безмолвные внутренние голоса, откликающиеся на ликование душ всех миров и улыбки нового мая!

Опьянение всех будущих грёз, которые вспыхнут радугами на облаках Твоего бессмертного дыхания и зажгутся новыми солнцами! Вечное кружение немых молний, передающих приказы Твоей святой воли и являющих тайну скрытого от глаз мира — миру умирающих красок!

Молитва за врагов

По Твоей воле наш румянец оказался на щеках наших врагов,
когда наши лица мертвенно побледнели от страха,
а в глазах наших врагов ты зажёл огоньки, светившиеся, как звёзды,
в сумраке нашей жизни.

Наше молчание породило в них шумное и радостное ликование,
и вздохи цветов на наших могилах они вдыхали, как сладостный аромат
свежих бутонов.

Но преследующие нас призраки проникли в их сны, вплелись в танцующий
хоровод их песен,
и мы встречались с нашими врагами в глубочайшей тишине одиночества.

Тяжкая тень Твоей тайны извечно связывает их и наши души.
Мистический свет, который Ты сделал доступным нашему зрению, иначе
преломился в их душах,
и лето, благоприятное для созревания их урожая, на наших нивах зажгло
степные пожары.

В голосах наших врагов слышен шум ветра, столетиями приносившего нам
грозы,
скорбный плач забвения и молчаливое отчаяние развалин.

В их улыбках нам чудятся угрозы и воспоминания о забытых поражениях,
а клеймо печали на их лбах стало отпечатком загадочных смертей,
постигших нас столетия назад.

В наших мыслях и мыслях наших врагов сражаются немые вихри голосов,
идущих из глубин души,
отдаются эхом мысли отцов, воскрешает наследие печалей и сознание
вины, доставшейся нам от давно охладевшей крови:
тяжкая тень Твоей тайны извечно связывает их и наши души.

Вездесущий! Улыбка, не изменившаяся за столетия!
 Объятие, распостёртое в бесконечность! Поющее биение тысяч сердец!
 Пламя, вырывающееся из раскрытых глаз угасающих наслаждений!

Ты, чья любовь падает, как горящая сера, в сады земной любви!
 Будем же молиться за врагов наших, противостоящих нам в сумерках
 жизни,
 за тех, кто минует нас, за неведомых нам из-за дали земли и смерти
 и за тех, кто в преддверье грядущих утр ожидает утро нашего рожденья!

Тяжкая тень Твоей тайны извечно связывает их и наши души.
 Наши победы открывают дорогу к Тебе, но и в наших поражениях путь
 к незримым победам.
 Мечи со свистом срезают таинственно зреющие колосья. Вдали слышатся
 эхо ударов.

В отточенной стали нашей и наших врагов по воле Твоей отражается
 солнце всех утр,
 а из семян, посеянных окровавленными руками, расцветают лилии.
 Бесчисленные костры извечно поглощают тьму. Солнца и таинственная
 жажда всех миров
 вновь и вновь обрушиваются на нас из космических высей. И всё же
 восторжествует свет.

Мы кричим от боли, но эти крики когда-нибудь зазвенят, как пчёлы,
 приближающиеся к ульям с мёдом, собранным ими на нивах веков.
 Мы выступили в Твой таинственный крестовый поход.
 Ты назначил сотников и позволил им с высоты обозреть тысячелетия,
 лучи их взоров не преломились, переходя из одной среды в другую,
 и шёпот их приказаний превратился в бурю, став отголоском глубин.
 Ты придал нам силу, когда наши шаги наполняли гулом простор,
 и дал силу десницам врагов, когда мы при свете ночных факелов
 ковали дневные победы!..

Дни наши встают в тумане, как осеннее солнце, — и тоска, тоска и тоска!
 Наша усталость на нивах врагов засеивает розы! А наш путь ведёт
 к границам времени!

О Вечный!
 Боль всех побед поднимается к Тебе жертвенным дымом через лазурь
 грядущих столетий,
 и молитвенно сложенные и увлажнённые слезами руки миллионов
 взывают о мистическом прощении!
 Сделай раны наши сладостными и увеличь, а не уменьшай число живущих!

Улыбка жизни

Когда в немой твой взор душа вперяла взгляд,
испытывая страх перед палящим пленом,
казалось, что в веках мгновения парят
и озаряют их, скрываясь в вихре пенном.

Пучина тёмных вод сомкнулась надо мной,
лишь солнце бледных грёз в глубины проникало,
и музыка надежд усталою волной
в таинственной тиши мой скорбный слух ласкала.

Но пристальный твой взор последний луч гасил,
зарю грядущих дней, весны метаморфозы,
и только тусклый блеск полуночных светил,
рождённых до меня, переломлялся в слёзы.

Тогда свой тяжкий взгляд, тоской и гневом полн,
как камень, бросил я, и всплеск стихии зыбкой
вдруг тайной засверкал в кипящей пляске волн
и заиграл иной, загадочной улыбкой:

И солнце вновь зажглось мистической звездой,
пронзая толщу вод, светясь забытой грёзой,
и чудеса в душе рождались чередой,
и расцвела мечта сокрытой в тайне розой.

Счастливые

Опасное безмолвье легло на наше сиротство, на глущи лесные,
где шепчутся кроны о наслаждении светом,
но вдруг долгий крик — и жажда склонилась к источнику крови.

Меж нами и звёздами тянутся тучи земли,
тысячью жгучих очей в наши ночи насмешливо смотрится город,
и в садах сладкозвучных, куда звёзды слетают росой, ароматом дышит моление.
Столетия грядущей и прошлой вины сталкиваются в безрассудстве толпы,
и руки, уставшие вздыматься и падать в мольбе,
безумствуют в жгучих прикосновениях, и нас покидают сны.
Милые лица в наших душах синеют, слова захлебнулись болезненным смехом,
цвета и краски вещей превратились в бесцветные тени.
Поднимается пар от воды, по которой плывём, наши вёсла окаменели,
Напряжённые руки пытаются их удержать, но они висят над волнами,
и в страхе преследуют нас виденья пучин.

Так обратилась тьма к вашей душе, — но немой к вашей тоске,
к вашим взорам молящим пребудет земля:
мечта её бродит далёко, вам, слабым, вовеки её не поймать,
благоуханную, трепещущую в лучах Вездесущего.

О счастливые, что восстали из минувших времён в чистоте и свободе
и раскрыли глаза, ослеплённые ветром враждебным!

Подобные Сильным, кто вышел в день смерти с молитвой к Тебе:
взмахи крыльев высших существ придавали ритм их шагам,
их улыбка, магическая и всесильная, повелевала солнцу!
Остановись надо днём нашим, не заходи,
пока урожай не созреет и гимн не огласит поле брани!
И остановилось солнце над их днём и не зашло в веках,
ибо день победивших, тысячам свет раздающий, вовеки не гаснет.

О Счастливые, что восстали из минувших времён в чистоте и свободе,
и молитвой своей и взмахом крыльев единым достигли земли сновидений:
в садах незримых, толпами мёртвых привитых, ожидающих ваших деяний,
вдохните всей грудью живительный аромат.

Ночи!

Ночи, что стынут в весеннем томленьи! Тени дневные нас не покидают!
Это часы, чьи мгновенья словно вспышки далёких звуков!

Ночи, потоки мистической страсти, что не меркнут от света до света,
с каждой зарёй покоряясь глубинам новых сияний!

Ночи, земля погрузится во тьму своего сотворенья,
новая жизнь народится в блеске роз с новой близостью смерти!

Ночи — лунную музыку в аромате тоски так душа на чужбине вздыхает,
когда слышит песни родные! Эхо звуков, что греют, как солнце, незримо!

Ночи, когда звёзды видит земля, словно призрачный сон,
и мы входим в экстазе в тот сон, как художник в творенье кумира!

Ночи, в них надежда приходит сквозь дверь, что навеки закрыта,
в одеянье из светлых лучей, в благовонье цветов, увядающих с росами утра!

Ночи святых, склонённых в хвале урожаю, что до зёрнышка отдали бедным,
нищими по тропе полевой возвратились и даже не знали, как прекрасно
их рожь колосилась.

Ночи одиноких, кто от звёзд возжигает свет свой угасший
и нисходит в глубины, где поцелуи пахнут тишиною и смертью!

Ночи тех, кто ждёт и чьи души, как мутные волны, не стали зеркалом высей,
и те ночи, что со дна излучают первые отблески нового солнца!

И ночи — символы божественной Ночи, — когда жизнь земная, точно
сон бесконечный длится,
чтоб душа обрела силу для приятия высшего света!

Полуденное созревание

Всевышний! Отец нерождённого! Услышь гимн поющего о полуднях!

Испокон веков Твоё неподвижное мистическое солнце огнём вливается
в брожение соков и сил,
дыхание Твоего полуденного созревания затопляет лазурь тысячелетий,
вызывая прилив крови,
наполняя жгучими ароматами грёзы и надежды, блуждающие над посевами!
От его зноя теряют сознание народы,
и его мистические ветры раздувают пожар боли,
тысячами невидимых огненных нитей пронизавшей тела всех мёртвых.

Дыхание Твоего полуденного созревания затопляет лазурь тысячелетий!
В богатство искрящихся форм облакает вечные грёзы земли о цветах,
но его очаг скрыт от наших взоров: солнце, потемневшее от собственного
жара
и держашее над царствами облака, начинённые молниями.
Слышите, часы пробили двенадцать раз? И каждая секунда долетела до нас
сквозь века!

Дыхание Твоего полуденного созревания затопляет лазурь тысячелетий!
Оно сладко заволакивает взоры девственниц, пробуждающих к жизни
грёзы нерождённых,
и обволакивает печалью умирающие лилии, им благоухают трепещущие
женские груди,
и объятья влюблённых оно наполняет безумной ликующей болью будущих
жизней.

Дыхание твоего полуденного созревания затопляет лазурь тысячелетий!
Поколения следуют за поколениями под его победную музыку,
как марширующие войска.

Грёзы вечной ночи оно привносит в отдохновенье земных ночей
и запахи спелых плодов укрывает в таинственной снежной белизне
нераспустившихся соцветий.
Кровь побеждённых хлещет под секирой сильных в сухом треске его
мистических жатв,

и в белом зное созревает сильнодействующий ядовитый сок для змеиных укусов.
Его бурлящий поток придаёт звучание песне бессмертного голоса,
глаголящего в наших душах,
страх всех, подвергшихся нападению, шелестит в ветвях немых дубрей
непознанного
и убыстряет шаги путников под их сводами, над которыми плывёт солнце.
Испуганные выкрики гаснут в его звенящей тишине, в которой дремлет
ликование победителей,
и по волнам его разносятся гимны великих мёртвых, заглохшие многие
столетия тому назад,
чтобы в определённое им время заблагоухать, как липы, цветущие в пору,
когда остальные деревья уже отцвели.
Все в языках его пламени, шествуют святые, радостно побледневшие в его
мистическом чистилище,
и глаза их, ослепшие от его полуденного польхания, плачут, с наслаждением
воспринимая иной свет.

Какой тяжестью легло в мою душу Твоё созреванье, о Вечный! Мои грёзы
разожгли недужное сиянье
и наполнили воздух запахами, в которых трепещет полуденная усталость.
Я жадно вдыхал Твой жар, всё моё существо было исполнено жажды!
Но мои колоски в урожае бедных были самыми скромными; лишь жёлтые,
как сера,
меланхолические цветы на иссушённых межах приветствовали меня
отражением солнца.
Глядя на праздничное сверкающее небо, я трепетал от страха перед
невидимыми сумерками
и в глубинах моей души отдавались эхом вспышки молний, спавших
в воздушных смерчах.
Стук града за горизонтом заглушал в моих ушах радостный треск
лопающихся колосьев,
и, огорчённый утратой неведомых урожаев, я не слышал ликования прохожих.

То была Твоя воля, о Вечный! Покорно пою Твоё лето! Ждём дождём,
в котором расцветали и увядали вековые посевы отцов, затопи мою душу!

Под тропическим солнцем Твоим папоротники превращаются в деревья,
а на стеблях цветов
в земных садах и в садах грёз пылают отсветы чудесного пламени.

Ткань моих мыслей выбели до лебединой чистоты полотна и чешую
свечного воска сделай белой
ещё до того, как я разолью его по формам! Мне хочется плакать от яркого
света!

Сожги желания моих утр и ночей, и пусть вихрь швырнет их пепел в лицо мне:
я хочу идти в душном зное этого вихря и псалмом своим славить Тебя
в тысячах душ!

Молния, убивающая отмеченного Тобой, счастливому укажет путь
и распахнёт перед ним дали,
жар, в котором вянут больные цветы, превращает в золотую проволоку
пшеничные стебли,
слепит глаза, привыкшие к полумраку, но глаза сильных приучает
к сверканию молний.

Музыка Твоих ночных вихрей и морских бурь, заставляющая слабых
просыпаться в страхе,
в распалённые сны сильных падает, как холодная роса, серебряный отзвук
рассветов.

Вверх ведут Твои пути, повергая в головокруженье уставших, но
победители поднимаются в танце
и бросают в долины песни в сопровождении гроз и глубинных водоворотов,
а вечное великолепие света разливается над ними по всему горизонту.

Когда, созрев, в глубины погрузятся миры, и ночи, и сумерки дня,
под благословением Твоего взгляда из глубин взойдёт новый, священный
посев
и перезвон полуденных колоколов будет приветствовать молитва бессмертных.

Движенье губ немых

Жар солнечный из бездны дохнул в меня сильней,
в нём — свет глазам угасшим... Но мрачен ряд теней
растущих, и в молчанье, что наполняет их,
трепещет откровенность движеньем губ немых.

Не мне ли жажду жизни исторгла глубина
и близость вечных вихрей тоске теперь слышна?
Во мне — ночей дыханье, огонь, лишавший сил:
не разорвав ли тучи, день вечный засветил?

Идёт ли это снова мой призрак, слаб и тих,
с невысказанным словом, в сиянье глаз твоих,
и крик немого страха, летящий в тишине
сквозь тьму и боль потери, слышался ли мне?

Под пылью бледно-синей светил чужих лежат
мечты, и дышит смертью у лилий аромат.
Души глубинный голос, когда тоскою полн,
дрожит струной печальной, как звук бессмертных волн.

Город

В сумерках неведомого света я увидел Город. И солнце,
бледное и лишённое ореола сияния, висело над ним,
всего-навсего звезда среди других звёзд.

Тысячи башен поднимались к облакам и к ним же тянулись тени
башен, давно разрушенных. Несметные толпы текли от ворот к воротам,
музыка играла в честь неведомых торжеств, шествовали процессии кающихся,
войска возвращались с полей сражений, брели узники в оковах,
и тени, вышедшие из могил, блуждали среди толп,
их голоса мешались с голосами живых и правили всем:
соединяли руки друг другу не знакомых людей, своей улыбкой озаряли
поцелуи влюблённых,
размыкали объятия и заставляли уныло опускаться широкие плечи,
в никогда не закрывающихся глазах, тоскующих от сознания вины,
светились таинственные солнца и разливалось сияние,
погружавшее Город и тысячи живых в задумчивый трепет.

И я блуждал в одиночестве среди людских множеств, биение моего сердца
умирало в биении бесчисленных живых и мёртвых сердец,
и магическая волна всех погасших для нашего дня взоров
светилась в моей душе. И там я встретил тебя:
твое дыхание повеяло на меня ароматом моего глубинного одиночества,
ароматом земли отцов, ароматом эфирных цветов, что выросли
под аркадами тоскливого полумрака в серебристых дождях ночного неба,
и в голосе твоём трепетали голоса, доносившиеся до меня из блуждающих
ветров
под треск моего одинокого костра.

Буря

Молчание взгремело в молниях, и богатейший сон,
прогнанный бурей твоею, в мою душу вернулся снова,
задумчив, — о сотнях душах, — испуган и ослеплён,
мертвенно-бледный от славы лица твоего неземного.

Чтобы бросить один лишь взгляд на один только крыльев взмах
над вспенённым морем твоим, затаив, как мёртвый, дыхание,
он, пред жгучим огнём пространств испытал покорность и страх,
над кипящей твоей вечностью остановился в молчаньи.

И отвагой твоей истощён, он в огнях моих, бледный, блуждает,
умирая теперь в тиши у поющих источников вод,
и лишь только в тяжелой усмешке твой таинственный мир открывает
пред глазами моих надежд и молчаливых забот.

И услышавши издалека приближение бури твоей,
что миры разрушает, земля закрывает лицо своё тенью.
И выше всех мет и границ, молниями этих дней
бьёт в его стены пожар мертвенно-бледных видений.

Песнь о солнце, земле, водах и таинстве огня

Стёкла обращённых на восток окон одинокого
пламенели и трескались от близящегося пожара дня;
на бледных щеках вспыхнул великолепный румянец,
и сердце, опьянённое подъёмом к высотам, пело песнь
о солнце, земле, водах и таинстве огня.

Солнце! Смертельно опасное для устремлённых на него взглядов!
Огненный источник жажды! Неподвижное в иллюзорности восхода и заката!
Отбрасывающее и поглощающее тени! Заигрывающее с ночью!
Молчаливое!

Помнишь ли ты длившийся века возглас,
когда впервые, одурманенная твоим сиянием, затеплилась жизнь
и, застыв на коленях, в экстазе и ужасе перед тайною ночи, затрепетала?
Когда от твоей улыбки проснулись ветры и души земные,
а тысячи эфирных крыл, пленённых ореолом твоего света,
бились о твои решётки, звеня струнами невидимой арфы?
И когда в тишине выкорчеванных лесов впервые зазвучала
песнь, большая тоской по освобождению,
и веками, мучимая любовью и жаждой, славила Тебя,
сверкающий Тюремщик
и Заключённый?!

Земля! Блуждающая веками!

Загипнотизированная вечным взглядом, который днём скрыт за своим

сиянием

и открывается по ночам, фосфоресцируя в зелёных глубинах,
порой застывая под влиянием незнакомого чувства и рассыпаясь

на тысячи искр,

взглядом, неотступно следящим за каждым движением твоего танца

в просторах космоса!

Корабль, обречённый веками плыть по одному и тому же кругу,

с загадочными, часами молчащими кормчими,
стерегущими бесчисленных чужеземцев,
которые с твоей палубы тоскливо смотрят вдаль,
предательски мечтая об освобождении,
век за веком плывёшь ты по одному и тому же кругу,
и волны за твоей кормой расходятся тысячами кругов,
достигая берегов нового времени.

Воды! Зеркала высот, где на протяжении столетий гасли звёзды!
Коварные, тысячью поцелуев вы целовали жизнь,
пленённую землю покрыли красой и в часы полуденного зноя
были сауной и вином; тысячекратно вознесённые в небо жарой,
вновь и вновь возвращались к утешенью земли!
Из роз и росы вы соткали благоуханные одеянья рассветов,
привлекая к себе взгляды... и молнии!
Поэт, блуждающий по вашим берегам,
в ваших алчущих головокружительных глубинах,
упивается вашей тишиной, болью воспоминаний о веках,
когда над вами возносилось дыханье Всевышнего,
и ваши бури воспринимает как отраженье творческого жеста,
летевшего от полюса к полюсу,
рокового взмаха руки Сеятеля.
Ибо в ваших глубинах веками дремали образы будущих пальм,
ледяной растительности пленённых ветров на окнах
и раньше, чем на земле, в ваших волнах шумели леса, звенели вёсны,
клубника предвкушала свою краткую сладость, цветы — шёпот своих ароматов,
вскипали тщетные поцелуи живых существ, огненно светились слёзы,
слышались рыдания последних корчей нерождённых.

Таинство огня! Освобождающее!
Сияющий символ Вездесущего!
Объятие, превращённое в свет!
Простирающееся в высоты!
Игра красок, вспыхнувшая единым пожаром!
Языки пламени над головами святых!
Огненные сады, укрытые в глубинах вещей
и цветущие на грани видимого и невидимого!
Вспышки пламени, друзья нового ветра,
глядите, души сильных посылают свою любовь блуждать в ваших аллеях
и как любовная песнь звенит для них шёпот ваших улыбок!
Одержавшие победу зажигают в вас свои факелы, дабы освещать грядущие
сумерки,
и боль тысяч блуждает там, ломая ваши кровавые, трепетные цветы
и усыпая ими, превращёнными в свет и аромат,
дороги душ.

Магические полуночи

По ночам только тени блуждали,
к нашим душам без слов обращаясь,
в такт их шагу цветы расцветали,
светлой радостью в грёзы вторгаясь.

Тишина не тревожит нас боле —
трепет крыльев и запах одежды...
Отзвук прежней трепещущей боли
и на новую радость надежды.

Что мы слышим — сумбур и волненье,
в них тревоги души нашей бедной.
Каждый вздох, как от сна пробужденье,
пробужденье — и снова над бездной.

Долго стояли они...

Долго стояли они в корчах боли, словно в дыму от собственного огня, словно в обмороке молчанья. И в трагических грёзах столетий цепенели их души. Из двух противоположных окон — двух мистических ночей одного дня — мерцали звёзды в тишине их молитвенных бдений.

И слагались слова из этих огненных букв, смысл которых укрыт от зренья земного. (Разве что Чистые в них разгадают тайное предощущенье первого утра и песнь о розах зорь грядущих, что звучит в чутком слухе святых.)

А когда возвратились, земля их встречала глубинным гласом.

И они увидели её в красках, неподвластных смерти, — транспарант

вечного огня:

от края до края горизонта над ними летела осанна света, и цветы приветствовали их страстным выкриком ароматов.

Погребальные колокола звали их на праздник душ, где каждый смертный присутствует лишь однажды. И в их предчувствиях веяло сумрачным страхом из невидимых садов, ещё сильнее благоухавших ночью.

Новым песням учили земную любовь, улыбки — новым очарованиям, вечера — иному диалогу и румянец любовный — наслажденью боязливой дрожи: в скрещённых взорах, что освещают даль, в благовонных поцелуях грядущих роз вместе с ночью поднять бокал за здоровье ещё не рождённых.

В их словах трепетал восторг летнего дня, музыкой лучей сопровождающего немой труд зреющих глубин.

И всё, что цвело в сумраке душ, тяжкими колосьями касалось земли.
И грёзы, послушные их приказу, пожинали благодатное изобилие зерна
и песен.

Но увлажнённые слезами глаза их боли всматривались в даль,
где за игрой вечного света виднелись горизонты земли, устремлённой
в бессмертье;
неведомые города всех ждущих в молчании веков
зеркально отражались в родниках, затенённых пальмами.

А когда они ушли, уход был для братьев тишиной, в которой ещё
звучала молитва,
и примиряющей улыбкой отвергающего любовь.
Ветер, веющий с берегов, благоприятствует отъезжающим
и полон радостного ожидания встречи.

Природа

Звучала скрытая музыка родников, и день мой настраивал под неё свою песнь
на меланхолических берегах.

Печаль давнего бытия, из которого я вышел, дохнула на меня
ароматом цветов, речью деревьев, благовестом насекомых, вьющихся
над водой,

и целые столетия лежали меж срывающими лепестки руками и природой,
меж зреньем моим и таинственным миром,
который взирал в мою душу тысячами испытующих взглядов.

Облака затмили закатное солнце. И душа моя вопрошала ветры:

— Эти облака приходят или уходят?

Ветры молчали. Послушными зеркалами стали водные глади,
а звёзды, подобные огням, что гаснут в холодных волнах светящихся морей,
роились и незримо шептали надо мной:

— Свет умирает лишь с приходом ещё большего света,
ещё большего, большего света.

Любовь

Сиянье далёких рассветов зеркально отражается в улыбках молчания
 вашего ещё до ответа,
 и мысли ваши подобны осыпающимся перезревшим колосьям.
 Настала пора самых коротких в году вечеров; сорванные в вышине цветы
 коснулись земли,
 дневные запахи блуждают ночами, на вашем небе вспыхнули звёзды лета,
 и звездопады заметит даже самый рассеянный взгляд.
 Для вашей разбогатевшей души уже мало смеха и алчных выкриков крови,
 в её безумстве — готовность принять боль веков и говорить речью любви,
 в своих глубинах познавшей смерть, агонию улыбок и экстаза любящего
 и восторг от зрелища рушащихся миров
 (ибо по развалинам душа поднимается к высшему свету,
 а боль — это упрёк отлучённого).

Взгляните, братья! Ваша любовь наполнилась соком, как деревья юга:
 плоды укрыты среди цветов.
 Её дыханье доносят ветры всех садов, это букет с тысячью ароматов.
 Туманы взмыли к зениту; до последних, грядущих миров расширился горизонт,
 и в ушах ваших космос звенит музыкой вечерней трапезы неисчислимых.
 Но урожай не скудеет: дыхание Вечного веет под небесами ваших августов
 и октябрей
 в праздничный день колосьев, садов, виноградников и душ.
 Жатва вашей души подобна урожаю ослепительного света:
 до наступленья бессчётных ночей её колосья срезали народы,
 и этих колосьев нисколько не стало меньше за тысячелетья...

С новой силой вы ощутили жизнь,
 и биенье вашего сердца, словно бури, возвращает вам дали.
 Ибо в душе любящего перекрещиваются в своей бесконечности все дороги,
 и голосом любви мертвецы спрашивают, когда настанет час их освобожденья,
 а нерождённые им отвечают её болью.
 В спокойствии любви — беспокойство ожидания, в её улыбках —
 воспоминания солнца,
 закатившегося над нивами земли и взошедшего на невидимом небе,

воспоминания солнца об огненном коловращении, предшествовавшем тому,
как первые миры оторвались друг от друга и улетели в даль.

И во вспышке её взора тлеет таинственная грань — напоминая
о непознанном,
грань, пронизывающая самые дальние из видимых туманностей,
ещё не превратившихся в звёзды.

Братья! Ваша любовь наполнилась соком, как деревья юга: плоды укрыты
среди цветов,
её дыханье как шёпот сумерек в месяц весеннего таянья.

Она позволяет увидеть души в их подлинном свете
и приветствовать боль, которая возвращается,
обогащённая познанием своих путей и таинственной сути вещей,
а ритмические взмахи крыльев придают ей силу.
Её жгучие прикосновенья порождают огненные ветры,
и музыку, укрытую в пламени, сопровождает ликованье освобождённых лучей.
Безбоязненно смотрит любовь в зеркала ночи, поглощающие цветочные
фантомы,
ведь они свои глубины настезь распахнут свету,
а её мгновенья не исчисляются паденьем капель из облаков времени,
которое отбрасывает на её солнечные часы
грустную тень сомнений;
с каждым часом сквозь тень сильнее пробивается иное солнце
и отмеривает, восходя, день ваших душ.

Братья! Встряхните кусты ваших роз! Множество горьких ароматов вам
принесут дали!
Страдания, неведомые тем, кто не любил, приближаются к местам вашего
уединенья.

Страдания тоски, что столетиями утопает в крови и тысячи рук взмечет в небо!
Страдания любви, смертельно обессиленной от поцелуев и греховного
ожидания.

Страдания бессчётных улыбок, развеянных бурей враждебного взгляда!

Вы страдаете из-за опасения, как бы Враг, оставаясь незримым, не пришёл
на ваш пир,
откликаясь на зов слабости, укрытой в глубине ваших мыслей,
и не отравил вино, предназначенное для братьев

(ибо любовь, понесшая единственное поражение, была сокрушена
тысячекратно,
и взор пирующего, проникшего в комнату света, замутняется воспоминаниями,
и ночь его темнее всех ночей и полна опасностей).
Бойтесь теней, падающих на ваш мир из угасших предвечных миров,
и страданий от сознания вины, крадущейся по преисподней ещё не рождённых.
Бойтесь страданий, вышедших из кровавых могил и слишком яркого света,
из улыбок прекрасного и преждевременных уходов,
когда утро не успевало почтить на ложе, устланном за столетия розами и росой.
В процессию теней вступает душа поднимающегося к вершинам,
тени сражаются с высью, испытывая головокруженье на крутых тропах.
его не ведает лишь высокомерье. Бойтесь высокомерия, братья!

Наградой вам будут минуты, когда освящённою светом любви вы увидите
землю:
вас будут приветствовать цветущие луга, глубины молчанья подарит вам лес,
и летнее созреванье, манящее своей песнью осень в поля и сады,
откроет вам тайну вечной тоски по вёснам.
И в вашем сознание обручатся ночи и дни, взяв в свидетели тысячи звёзд,
и за крыльями упорхнувших мгновений заколышутся эфирные борозды.
И взор ваш в этот час, полный света, охватит всю землю,
в улыбке вашей загорятся улыбки тысяч душ,
тысячекратную смерть встретите вы на тысячах троп без боязни
и узрите, как толпы бесчисленных жизней вступают в единую жизнь.

Летний солнцеворот

Под кровом далее голубых в саду цветы благоухают,
и в ожиданье звёзд ночных на свадьбе бабочки порхают.

К раскрытой розе наклонись! Вспугни весталку грёзы зыбкой!
Пускай на венчик губ твоих она опустится с улыбкой!

Под кровом далее голубых в саду цветы благоухают,
и в ожиданье звёзд ночных на свадьбе бабочки порхают.

Решётку пленники трясут. Надежды ветр нежнее пуха.
И с каждым днём всё ближе к нам день Троицын — Земли и Духа.

К раскрытой розе наклонись! Вспугни весталку грёзы зыбкой!
Пускай на венчик губ твоих она опустится с улыбкой!

В жнивье тропинка, как в лесу. Таинственно синеют дали.
Незримый жнец несёт косу, и на колосьях отблеск стали...

X X X

Взметнётся любовь Твоя потоками света и боли,
тяжкой и славной, как жизнь тысяч жизней,
пространства рождают пространства, где парят мириады миров
и столетья грядущих смертей
Твою Мысль сотрясают.

Стоны творческой боли
достигают пределов вселенной,
она разлита в тысячелетиях,
она горит в немом противоборстве солнц,
из пропастей чьих огненных ран
и гигантских артерий
на высоту в тысячу миль
взлетают арки пламенных волн,
и в этом самуме
содрогаются все миры Твоих душ.
И над их глубинами вздымаются облака тьмы,
как разорённые гнёзда огненных змей,
что сверкают мертвенно-бледным светом
и гневом застывших глаз,
вечно раскрытых!

Ибо Ты, Вечный и Трисвятый,
в безднах своего нутра,
где дремлют тысячи мёртвых и грядущих вселенных,
таишь мечту
и приближаешься к ней сквозь тайны веков
тоскою любви.

И все мы, бессмертные по твоей воле,
разделяем с Тобой
боль и славу!
А наша радость, дар слишком тяжкий,
что всегда падал из наших детски беспомощных рук, —
лишь слабый,
как сами мы,
отблеск Твоих побед!

Ранние годы работы учителем

В своём кабинете

~ СТРОИТЕЛИ ХРАМА ~

xxx

Песня, веками блуждающая, проходила тоски нашей сном.
Из садов, куда мы не вошли, ароматы таяли в нём,
охлаждаясь, невидимым облаком плыли вокруг нас,
благоухая дождём, что тонами тяжёлыми гас.

Его тенью, в эфире, вверху, чуждый день мимо нас проходил,
до сих пор он к нам в окна ещё аромат своих роз не пролил.
И любви без конца плодоносной порой не сошёл на хлеба наших нив,
за горизонтом уже виноградники зноем возрадив.

Песня, веками блуждающая, проходила тоски нашей сном.
Ускоренный приближением, бился ритм сердца в нём:
времени шаг по волнам, нисхождение видений святых
по лестницам лунных лучей, в сияниях голубых.

В молчании наших лесов, усилиясь, он грохотал,
как будто в небесном своде он тысячи арок клал.
И светлая радость лилась во мраке ночной поры,
Разливалась, как днём, подымалась и в волнах омывала миры.

Строители храма

Мы видели несметные толпы, печально бредущие
среди понурого великолепия вещей. Каждый был одинок,
и их отчуждённые души в разных мирах претерпели таинственные катастрофы.
Обретя на земле спасенье, они грезили о своих утратах.

Об уединении среди магических лесов,
над которыми солнце, подобно златотканой птице, бороздило эфир;
по вселенной летела его песнь о славе гармонической жизни,
о чудесах творческого утра в земных садах и морских провалах,
о голубых прериях воды и воздуха...
Оно склонялось к океанам и, утоляя жажду, вздымало бури,
оно засыпало в аметистовой пещере под глетчерами закатов, в гнёздах
горных роз,
и его зримый сон, игра тысяч братских солнц,
танцующих в ритм меланхолической музыке,
сияньем любви возносился над беспредельным простором. Ночь
заставляла цветы
говорить о пьянящей целительной силе, что дремлет в гроздьях ягод
и в маковых головках.
Их нежные слова, как разбросанные зёрна, привлекали птиц.
И напуганные, ещё не видевшие крови обитатели леса доверчиво навешали их.

А люди грезили о городах, владычествующих над землёй. О наслажденье труда,
о праздничном звоне молотов, об укрощенье огня, о самозабвении битвы,
о путевых сигналах, о гордом и сладостном чувстве, рожаемом
презрением к опасности,
о смелости рук, простирающих таинственную сеть над народами,
и о словах, падающих, подобно горящим смолистым венкам,
на вражеские города.

О гордом одиночестве горных орлов, чьи стремительные крылья
кажутся застывшими и выкованными из металла,
когда они, как звёзды, пронзают сумрачную вселенную.

О радости уничтожения, о циклонах, триумфально проносящихся
над равнинами,
о лесных пожарах, о снежных полярных бурях, о демонической насмешке
стихий,

своей не освободившейся энергией в грохоте разорванных цепей
и сверкании молний обращающих мир в хаос.

О трагической жажде ищущих, о погоне за тайной на стезях неисчислимых
миров,
вливающихся в единый мир, о блужданиях по тысячелетиям,
о том, как эта жажда таилась в засаде на доисторических погребалищах,
развесив на ещё раскалённых от последнего удара молота скобах
незримые тенёта, чтобы поймать в них солнце, и опускала в пылающие моря
сети, что растворяются, словно паутина. И как эту
осуждённую на вечные поиски жажду
сбивают с пути загадки, перемалчивающиеся в магических прикосновениях
рук,
в агонии замученных животных, в зачатию, скрытом молниями,
в безумии загнанных взглядов и в гордости,
закапывающей в землю свои следы.

Они грезили о наслаждениях неуверенности и игры, о возбуждении торжищ,
о сумятице тысяч языков, наполняющих криками душу, как пристань,
куда со всех морей возвращаются корабли и где
оргии страхов, надежд, крови, грехов заглушают прибой,
приветственную пальбу с берега и оркестры тех, кто вернулся.

А по вечерам — о сладостной музыке, окутывающей набережные,
как эфирный туман, в котором тонут тысячи огней,
над реками, что, подобно артериям холодных сияний,
низвергаются с месяца. О загадочных женщинах,
утомлённых тяжестью своей красоты и призывающих влюблённых
задумчивыми песнями. Кажется, что их шёпот и реянье платьев
зачарованы в цветах и дремоте кустов;
белые, в фосфорическом свечении бриллиантов и губ,
они кутаются в сумрак, руками, похожими на змей, которых усыпляет факир,
бросают зёрна магических ароматов в сердца, вспыхивающие от их взоров,
и в полном дурмана запахе курящихся благовоний вызывают на разговор
души мёртвых.

А последние из них (в нас отозвался сострадательный сон любви!),
миллионы обездоленных, муравьи, выползающие из каменоломен,
рабы, для которых жизнь — заповедный сад,
брели мимо нас молча. Измождённые души без грёз.

Только при неожиданных ударах в их глазах загорались искры,
и они видели над собой небесный купол, потемневший от сумрака веков,
как зачажённый тысячелетним трудом потолок хмурого цеха;
ветры раздували пламя в горне под кромкой горизонта, в геенне багряного
жара,
где вывороченные первобытные леса трещали под тяжестью огненных волн,
и купола эфирных дворцов счастья, смотровые окна для света свыше,
как стеклянные пузыри, как лазурные небеса, обнимающие землю,
переливаясь радугой и голубизной, плавилась в клубах пара
и всходили кругами пены на бурлящей поверхности готовой плавки,
чьё отражение ширилось по всему усыпанному звёздами зениту
и застывало в саже туч, как золотой песок, слепленный кровью;
гигантские подвижные тени рисовали на этом песке
картину таинственной борьбы вокруг вечных огней.

Мимо них шли строители Твоего храма. Узнавали друг друга
по условным знаменьям. Предвестья иных небес и земли
видели в грозном великолепье вещей. В полноте бесчисленных форм
чувствовали изначальное напряженье Твоего творческого духа,
который, словно огонь пророка Илии, искрится контурами высочайшей
красоты
над просторами, отягчёнными облаками веков,
и ударами молний парализует обуглившуюся руку смельчака.
Искуплением таинственной вины были для них боль и труд.
Надёжный путь указывала им внутренняя радость,
незыблемая, ослепительно белая и могучая, как солнце,
которое, даже будучи незримым среди бурь и ночей,
по извечному закону владеет землёй. Как мать и сестру победителей
в расцвете тысячелетий, устами утренних зорь приветствовали они женщину,
и летние созвездья Орёл, Лебедь, Дельфин и Лира
всходили, сияя, в их ночах после дня, который длился всё дольше.
К миллионам страдающих братьев обращались они,
словно нанимая рабочих на стройку. Но чтобы проникновенней
были слова нанимающих и руки, наделявшие пламенем мечты,
Твоё правосудие, могущественное и владычествующее над самою смертью,
отгоняло от их губ все воспоминания о сладости земли.

Сторожевые костры

1

Как стража твоя, мы бодрствуем
на опасных местах,
перед ними святые костры твоей ночи,
за ними царство спящих.

Трудный дух братьев нам хлещет в лицо,
разожжённый тысячью солнц,
что пылают перед их зеницами,
в дремоте замкнутыми,
для нас уже невидимыми.
А движенья несчётных их рук,
истомлённых до смерти трудом сновидений,
ищут напрасно во сне,
а смятение слов, что спросонок прошёптаны,
лобзанья теней приглушённые
души наши спяют
в новый смысл.

Звезда за звездою гаснет, за светом свет,
секунды умершие
на звёздных часах весов.
А те, что средь братьев проснулись,
сидят возле нас,
ещё побледневшие от таинства снов,
пробудились для бодрствования,
и однако как часто мы, слабые,
спящим завидовали.

Жар наших глаз спалил нам ресницы,
когда мы закрыли их в обмороке.
Все светы,
что втиснули в руки нам отходящие,
погасли в наших лампадах,
а мы ещё бодрствуем,
лишь морское свечение, синие пламени
над кладами, скрытыми в глубинах земли,
зыбятся в шахтах ночи,
фонари рудокопов, тени — работника,
сошедшие с высей света.

А предчувствие нашего утра в даях,
знамения в темноте
молчаливые!

2

Слушайте! Песня лучей,
мираж слуховой,
гулы и гуды звонов, невидимых
для бденья измученного,
звенят в наших душах,
через целую глубь земли,
от нас отвращённое полушарие нашего мира
там купается в солнце
грядущего утра.
Сады многоцветные островов светлюжных
там плывут среди моря.
Стаи неведомых птиц в искристых лучах и песнях
вознеслись над лесами пожаром.
Светом, как тягой вина золотого,
запрокинулись чаши цветов,
благовонье излив по траве,
у бабочек в пламени крылья
от быстрого лёта.

Но здесь ночь открыта векам,
и зраки открыты ночи,

и запрет от недугов закрывать их во сне,
обмануть жажду ртов поцелуями призраков.

Из минут тяжело вырастают минуты,
как из пропасти пропасть
в подземных подвалах
гор известковых,
свод столетий:
река затерявшаяся,
из света во тьму низринутая,
вселенная бьётся там в тысячах гулких пещер,
и ищет, и кличет желанного,
любownika жгучего,
мир, целый мир тоскующих звуков,
как жуть сокрушившихся сводов,
гремит рыдающим звуком и отзвуком
тщетно:
запало, солнце запало в студёных лесах
сталактитовых!

3

О, Сила Вечного Слова!
Освобождающая!
Сумраки тающие,
сладко растаявшие
светов других.
Новым учи нас молитвам,
в наших страданиях
над дремотою братьев.
Молитвам, страх смерти и кровь утишающим,
властным над существами незримыми,
заклинаньям, прочь отгоняющим
вампиrow от ложа дряхлеющих братьев.
Пока не изменишь наши мгновенья
в единый пожар,
вей своим вихрем
в их искристый Хаос,
до четырёх ветров,

до полюсов тайных развей их
и в глубях ночных,
прогнав их от себя на сотню миль,
дай им сиять,
как в чёрной лазури
сплетения звёзд,
а круговоротный
простор вселенной твоей
пронижут пламенем света,
спаявшись единством законов твоих,
погаснут они и зажгутся опять,
и будут кружиться, летать и играть,
в святой Твоей воле,
во веки веков.

Подобна дереву в цвету...

Подобна дереву в цвету, мешаю смех и тишину, звон комаров, гул пчёл.
Кровь — это солнечный восход, когда купается в огне помолодевший день.
Я источаю аромат, чтоб он возлюбленных моих ко мне скорей привёл,
а лону женщин я дарю всех чудодейственных ночей таинственную тень.

Ревную к сёстрам, не хочу, чтоб оказался ты в плену их красоты и чар,
когда в объятиях весны, устав от света и от игр, дремлю я по ночам.
Накоплен тысячами лет богатств моих бесценный клад, мой королевский дар.
Настало время, и его тем, кто не просит ничего, я целиком отдам.

Для них зажжён пожар жестокий.
для них молчание могил,
мой взгляд, манящий и глубокий,
с круговращением светил,
секунды, солнечные чаши,
и отблеск вечности в крови.
ум помрачающий, звенящий,
смертельный поцелуй любви.

Нет, на сестёр я не похожа,
ночами думаю о том,
как факелом над брачным ложем
вдруг вспыхнет мной зажжённый дом:

цветы, что посеяла, огненным серпом я сжинаю,
птиц, мной приманенных, пламенем отсылаю назад,
но души, что столетия ждали, как бабочек, привлекаю,

в тишине смертельной их крылья порхают,
вокруг мною зажжённых факелов они летят,
и питает те факелы лава земная
тысячи лет подряд.

Ведом голос материи мне, рабыне Вечного, принцессе безумий и грёз,
торжество первого солнца, сумрак последних дней,
из прищуренных от наслажденья глаз струятся потоки слёз,
в плаче моём слышится музыка звёзд, искрящихся, вечно кружа, ночных огней,
а в смехе моём проклятье тайной вины, немой вопрос.
Близится срок Возвращенья, и улыбка надежды светла,
в плаче — радости глас всё сильней.

Скорь матери

Сюда не забрести живым... Лишь порождение зренья —
скорь поднялась навстречу мне в беззвучности движенья,
боясь покой нарушить их, незримых, чьё дыханье
лица потоком ледяным уже на расстоянье
коснулось. В зареве огней впивался колкий иней
в узор растительного сна иголками своими.

Издалека рыдания Вод в страданиях доносились,
казалось, миллиарды губ в порыве наклонились
и пили горечь... Новых Вод ещё волна, и третья,
желанием истощены напрасным все столетья.

Деревьев грустные стволы, смиренные, нагие,
о скорби говорили мне, покое летаргии —
там, чтобы в свадебный наряд была бы жизнь одета,
земля морщинистой рукой прядёт волокна света.
Зажжён весталкою огонь мерцающим виденьем,
и песня умерших сестёр, звуча сопровождаем,
взлетает в вечность, души к ней стремятся роем тесным,
собой любуясь в ритме том, как в зеркале чудесном.

Гнёзда змей

В пышном убранстве свои сокровенные видел сады,
к сводам ветвей и лазури слетались нездешние птицы;
полночь улыбками звёзд на цветах оставляла следы,
маки пылали на клумбах — такое могло лишь присниться.

Мир посетил неизвестный, была та дорога длинна,
души бессчётные обнял, и тайна мне стала видна,
милостью полон, в сады я вернулся, но поздно:
серой горящей дымилась лазурь, ядовито бледна,
клумбы прекрасных цветов превратились в змеиные гнёзда.

Били источники смерти, росли, низвергались во тьму,
жуткие головы — те, что на стеблях, от вихря качались;
волю опутали змеи, по телу ползли моему,
брызгами мертво-синего света в глаза мне впивались.

В эту минуту внезапно услышал, припомнить я смог
тайну ночей и бессмертье твоих и морей и дорог:
тотчас лазурь распахнулась, в ней — птиц возвратившихся стая;
имя твоё произнёс — и, счастливый, увидел у ног:
маки и розы ковром расстилаются, жарко пылая.

Над всеми огнями и водами

Над всеми огнями и водами,
произрастаньями,
меж таинством этой земли и миров,
что её, колеблясь, держат
над пропастями,
кружится наша надежда,
в вечной весне.
Между сонмом сестёр своих
великолепие свадебных крыльев
расстилают они
в состязаньи любви,
как птицы.

В пламенах жарких гнезятся,
как между цветов,
с возбуждающим криком,
под облаком чёрным вращаются кругом,
окружая врага своего.
В углу скрестившихся рук,
в лилиях белых на женской груди,
светятся в блесках.
На звёзды садятся, устав от полёта,
как ласточки в море на мачтах сидят кораблей.
А те, у которых всего озарённое крылья,
гнездо своё строят
под карнизом золотого дворца Твоего.

Песнь святых витязей
звонит к ним из окон хрустальных.
Когда ж милосердно вернутся к земле,

в их напевах
искрится отзвук её.
При создании храма,
в тесании мрамора, в говоре молотов,
слышу, звенит мне
из синего:

сладость вечного ритма,
которым дышат всегда
солнце и розы,
сердце и море,
системы миров,
прилив и отлив
света —
эфирные волны,
что бьются о сруб
корабля тайноликого,
что однажды помчит
наши души,
пока мы последним дыханьем своим
не наполним
его паруса.

Земля?

За миром мир простирается,
за звёздами звёзды во тьме снуют,
но среди них лишь одна обегает по кругу белое солнце,
музыка радости славит извечный маршрут,
и души тех, кто страдал и томился,
там обретают приют.

Сто братьев скажут: — Нам тайна её известна,
мёртвых она оживляет, на смерть живых опала.
Влюблённые скажут: — Там слишком яркие зори
и время — как смертоносный цветок — отравляет поля.
А те, кто умеет видеть сквозь долгие тысячелетия,
лишь спросят с улыбкой: — Земля?

X X X

Вновь в говоре таинственном ночного одиночества
и в тихом шелесте листвы нам слышатся пророчества:
я вижу — тысячи зеркал над водами склоняются
и неземные в них глаза с улыбкой отражаются.

Роса на чёрные луга ложится слёзной россыпью.
Придворным дамам снятся сны о сёстрах с лёгкой поступью,
одетых ангельской рукой в хламиды покаяния
и заключённых под надзор ревнивого сияния.

Над кладбищами, где кресты и стелы искалечены,
беззвучно бабочки парят, чьи крылья смертью мечены,
но бьёт фонтан среди руин покинутого острова —
гармония кровавых лоз, фонтан цветенья пёстрого.

Пусть братья грёз моих войдут в альков иллюзий радостных
и, потерпев крушенье, ждут вознаграждений сладостных.
Услышит странный шёпот ночь, и мы её обрадуем:
в пророческие верим сны и в море света падаем.

Тело

Скажи мне, душа (возвратившись, увидев немало):
«Кого на земле ты встречала, нашла, потеряла?»
Мелодия из глубины отозвалась, круженье заснеженных звёзд,
и трепетом губ невесомых струится:
«Рассветы, полудни, цветов вереницы.

Рассветы в таинственных восходах блуждали
среди маргариток, что радуют глаз.
В траве, как росинки, минуты сверкали,
ствол каждый дрожал, будто странные птицы вспорхнули сейчас:
и словно бы в солнце самом фимиам драгоценный курится,
так дымом лазурным чужие покрыло миры, ароматами — нас.

С озёр приближались полудни; в синеющей жгучести снов
всего, что почило, полёт их звенел погребальными колоколами;
и фосфорных крыльев своих по всему горизонту покров
простёрли над нами.
Туда, где их тени упали, устало закрылись глаза,
кровь, будто бы горн, отраженья в чистейшие грёзы бросала:
страданий ожог посреди бесконечности счастья,
таинственный город небесный в пожарище алом.

Встречала в дороге цветы: были к солнцу их чаши раскрыты,
как лампы, что девами золотом масла налиты.
Огни на ветру то темнели, то вдруг разгорались, пылая,
тропе наслаждения тайного свет посылая».

Скажи мне, душа: «Где рассветы блуждают без цели,
полудни куда улетели,
богатства цветов отчего оскудели?»

«В розах невянущих, радости вестью
снова рассветов слышится песня;
к солнцу, в гнездо улетели полудни,
с солнцем закатятся вместе;
только цветы в вопросительном взгляде моём
умерли от непонятной болезни».

Со смертью говорит спящий...

Вот час, когда недужным становится ещё хуже
и любовь обретает всеведенье.
Через моря и материки летят к нам тысячи голосов,
которыми, как псалмами одного бдения, братья отзываются братьям.

— Закат догорел, со смертью говорит спящий, и города наши
уже затихли. Земля как затерянный берег в море бесконечности,
и над нею лазурь — балдахин над отверстой пещерой,
сотворённой огнём из базальта. Только голос Твоих океанов
непрерывно звучит в ней, и в трагической тишине
врываются в неё пенящиеся волны,
насмешливо искрясь сквозь тьму нежными переливами золота,
смытого с островов бесчисленных далёких и нам недоступных
миров. А мы здесь — Твои пленники!
Посреди бури, что неистовствует из века в век
и под поверженными солнцами вздымает к небу валы,
мы всего лишь шум камышей над окровавленными разорёнными гнёздами...

В таинстве времени мы самые нищие из всех, кто приближался к смерти,
ибо даже боль, зрея столетьями, достигает совершенства
и её плоды с мистическими косточками впитали горечь множества солнц.
Ничего из обещанного земля не дала своим детям:
кто-то невидимый положил тяжкий груз на чашу весов правосудия,
и равновесия можно достигнуть лишь потоками слёз.
Посреди всех богатств, утоляющих жажду живущих,
нашей добычей была лишь сверкающая белизна облаков,
что как фантомы отражались в обманчивых зеркалах водной глади.
И сети, сплетённые для того, чтобы находить свой улов в бесконечности,
увязли на дне в иле тысяч вёсен.

Самые радужные наши дни счастливым из мира иного казались бы кошмаром,
и, очнувшись, бледные от удушливого страха,
они бы ещё долго этот сон вспоминали...

Тысячелетиями мы дожидались во тьме Твоего таинственного прихода,
убаюканные прелестью вечного ритма и погружённые в дрему
предродового существования:
как случилось, что свет этой земли проник в глубину вечной ночи
и открыл нам глаза для слёз и для солнца?

Ах, спать бы ещё тысячелетия! Пусть миры вращаются
вокруг провалов огня и созревшие зёрна звёздных колосьев
падают в чернозём Твоего эфирного лона,
распростёртого в бесконечность!

И если нас обрекает на муки таинственное правосудие,
почему его речь нашим душам невнятна?
Кто шёл перед нами и кору деревьев Твоей чащи
пометил не понятными для нас знаками? А волчи ямы
прикрыл цветущими ветвями? Почему слова пророков
кажутся нашему слуху галлюцинацией?
Почему в ночах нашего страха, в лесных дебрях
одинаково фосфоресцируют глаза и звёзды?
Недужные, мы слишком остро ощущаем недуг
в преображённых экстазом лицах, в сияющей бледности святых
и в словах чересчур просветлённых. А для нашей смерти
недугом стала и правда.

Так идём, грустные, и женщина, наша подруга, таинством взоров
нам говорит о бессмертии. Тщетно улыбкой —
вуалью из небесных огней — окутывает девичью белизну
своего тела. Тщетно, ласковая, обещает забвеньё...
Ночь тысячелетий отняла братскую чистоту у наших взоров
и простёрлась между днём женщины и днём мужчины:
обманчивую тишину, как тень, простирает до бесконечности за каждым
поцелуем,
и звёздные её лучи подобны вспышкам молний, смерть несущих
достойнейшим. Дни наших душ не находят друг друга.
Солнце, что стоит над нами для всех одинаково высоко,
для мужчин и для женщин светит в разное время.
Плач рабынь доносится до райских садов,
и в варварском выкрике силы умолкает душа сестры,
тихо поющая. Наши простёртые для объятья руки
пронзают тьму, как возглас боли. Целый рай счастья,

утраченный за века, лежит где-то на обочине. Лишь чистейшие грёзы, пронизывая эфир, способны заглянуть с высоты в его сияющие сады, чьё тщетное благоуханье возносится до седьмого неба.

И наша заблудшая радость напрасно ищет своих сестёр.
Мистический поцелуй примиренья ещё не оглушил все века,
как землетрясенье, в котором рухнет старая земля,
а новая, восстав, достигнет апофеоза.

Но она всё ещё полыхает загадочным огнём,
укрытым под апельсиновыми садами. Былые формы жизни
она придавила гигантским каменным прессом и ждёт.

А последнее таинство тела есть боль, тяжесть космоса, ощущаемая душой.
Всеми потоками крови она несётся лавиной, тысячью убийственных ароматов.
Вращает жернова всех мельниц жизни и, нежная, как эфир,
крутит крылья ветряных мельниц фантазии на самых высоких горах.

Над клавишами порхают руки теней, лёгкие, как чёрные бабочки,
с каждым нашим вздохом наполняется воздухом таинственный инструмент;
в безумии неистовствуют аккорды, в них слышатся стоны сотен душ,
день и ночь, подобно лицу и изнанке одного листа, чередуются в книге
мистической рапсодии...

Что значит шёпот поцелуев в этой трагической музыке,
что вырывается громоподобно из тишины бессчётных зачатий
материнского тела
и падает в тишину влажной земли, всегда новой, но с тысячелетней памятью?
Она вздымается к небесам стонами ветров, лесов и вод,
дар земли в симфонии миров,
грохот схватки с невидимыми врагами,
тысячекратное эхо выкрика, родившегося много веков назад
от сознания вины...

Вот глаза, что столетьями тщетно пытались уснуть,
едва смежив веки, они вновь раскрывались,
и эхо этой давней вины, криком вырвавшись из глубин наших дней и ночей,
зажигало фосфор самых пронзительных нот!

— Мир охвачен жаждой. Чьи-то сухие губы ищут нас во тьме
и жадно сосут нашу кровь. Но вёсны смеются над нашей слабостью
всё более огненными цветами. Горек труд в таинственных недрах земли,

как труд рабов в рудниках. И свет пламени наших душ,
как выдох, с шумом вырвавшийся из глубин, дразнит силы, дремлющие
во тьме.

Сноп нашей жатвы навоггли и отяжелели от гроз:
как поднять их и протянуть братьям, когда руки наши,
что столетиями возделывали землю, дрожат от усталости?

— Глядите, души тысяч наконец распустились, и за их лазурью
зияет пропасть. Ведь мы знаем, на всём лежит проклятье!
Птицы, пресмыкающиеся боятся более сильных. Веками
ведут друг с другом войну насекомые. И даже в чистейшем
мире растений царят вражда и увяданье. Благоуханная нежность лунного
света

уступает варварской силе. Жаром сражений жизнь наша пышет,
и на парах битвы всходит надежда: болью миллионов живем мы.
Кажется, кровь, брызжащая из таинственной раны Всего,
судорожно пульсирует в наших телах.
Тщетно мы зажигаем в ночи огни: подобно скрещенью молний,
их рассекает правда. И толпы несметные братьев, измученных жизнью,
из века в век влекутся по путям мысли.
Словно безумцы, наслаждаемся видом собственных призрачных отражений.
Грезим о новых возгласах сладострастья
на одре, ещё теплом от тел умерших.

— И закат, что в давних столетях восстал, подобен аркам вечного города,
откуда ангелы спускают сверкающие падающие мосты, повисающие
над пропастями смерти,
и из глубин белейшего света звучит осанна блаженных духов,
а небосвод над болью земли скован из неподвижной вечности счастья, —
так вот, этот закат преображён проклятьем:
заходящее солнце стало смерчем кровавым,
что свою застывающую пену разбрызгивает по звёздам,
и наша низринутая жизнь, всё меньшими кругами приближаясь к зениту,
тонет в глубинах его тьмы.

В геенну огненную смотрели наши глаза и ослепли от жара:
зеркала, брошенные в огнедышащий горн, превратились в стеклянные слёзы.
Жуткий смех мы слышали во тьме, и слух наш окаменел,
но, как в известковой раковине, в нём по-прежнему шумит море —
коварные волны и ритмичные взмахи ангельских крыл.

Тишина... Над нами, как над трупами,
на коленях стояли молящиеся души
с призрачным виденьем в глазах:

Время летело на мистических упряжках звёзд, подобно торжественному
вихрю смерти
грохоча по перекрёсткам бесконечности, — триумфальная колесница
Севышнего,

сопровождаемая светящимся сонмом победителей.

Куда летит эта кавалькада, топот которой отдаётся в эхе гармоний,
и всхлипы миллионов рыдающих душ теряются в нём,
как благодатный тихий дождь в гимне победителю?

И циклоны смертельного ужаса, сотрясающие вселенную,
не подобны ли ветру, что с тысяч колоколен
разносит торжественный звон колоколов?

Куда летит эта кавалькада? Где когда-нибудь остановится?

Крутились колёса,

их таинственные оси пламенели, как солнца,
снопы искр осыпались на острова душ и зёрнами священного огня
жгли спящих.

Светлое воинство росло из века в век, как песнь,
которую первый распознал в божественном Слове

и запел среди толп,

и теперь она передаётся из уст в уста,

пока не захватит

миллионы душ

пламенем одного ритма!

Апофеоз колосьев

Замедлю шаги и взгляну, восхищением пылая, —
душа над простором расстелется благословенным:
и в звуках молитвы услышу — поёт, созревая,
земля в торжествующем хоре, в оркестре Вселенной.

Как тяжек ваш труд, о, колосья! О, братья без счёта,
стоите, бледнея, к корням наклонила усталость,
но хлеб свой несёте с любовью — и эта работа
вам времени жгучею тайной навеки досталась.

О, вы, разрешившие в тесном приюте по-братски
цветку, в чьих глазах отразилось небесное пламя,
укрыться, терпя лихорадку, и грёзам отдаться,
красотам нездешним, но песней присутствовать с вами.

Я чувствую утра в дыханье, навстречу плывушем,
и звон колокольный, что ветру пространства покорен,
мелодию губ ароматных. Для жизней грядущих
однажды дадите им сладость наполненных зёрен.

И полночь, немея в экстазе, блуждает над вами,
сверканье полей возвращает лазури безбрежной,
надеждами звёзды горят, а колосья — лучами,
чьи стебли серебряным звуком вибрируют нежно,

и всеми вершинами, моря бескрайним заливом
волнуется жатва! Воздушный над ней проплывает
блистательный флот, и от вёсел взматается дивно
песок золотистый, придонный, где солнце пылает!

О, Дух, преисполненный жизни, несёшь терпеливо
с полос беспредельных пыльцу её в искрах, над бездной,
и я, замирая, цветок утомлённый на ниве,
признаться тебе не посмею в убогих болезнях.

Из молний вуаль Ты не сдёрнул с померкшего взгляда,
она затянула, заткала миры во Вселенной,
но в славе смертей на крутейших дорогах награда —
вдох жизни при встрече с Тобой, где зашепчет смятенно

душа: «Я во власти Твоей, если ветром повеешь,
то жатва в ладонь упадёт, для посева готова,
и в пламени силы, которой Ты вечно владеешь,
как в почве чудесной, появится преданно снова».

Лишь небо к вам в окна заглянет...

Лишь небо к вам в окна заглянет и милости жар
на солнце окрасит плоды, то срывайте их с веток,
и радость святую встречайте, как вечности дар,
и, тайным внимая словам, отзовитесь ответом.

Та радость утраченной песней о жизни в раю
звучит и мистическим терпким вином опьяняет,
лицо озаряет на спящем — и грёзу свою,
внезапно проснувшись, он с нею тотчас забывает.
Наполнены трепетом души, парящие тут,
зачатие мира творится в глубинах столетий,
куда по каналам закатов с добычей плывут
минувшие вёсны морями сквозь волны и ветер;
сквозь чёрные волны и ветер,
под ними на дне расцветают поляны и звёздами светят.

Но холодом веет с окраин, и солнца посев —
подарок от осени; розы в садах расцветают,
и души как птицы — в лазури их слышен напев,
где строится клином над бездной крылатая стая.

Мир растений

Мир растений. Недвижные деревья грезят
о странствиях по столетьям, за которые преобразались их формы.
С наслаждением пили они соки земли,
и по их жилам во тьме веков растекалось сладкое искрящееся молоко солнца.
Но с ещё большим наслаждением превращали они в ласкающее глаз цветенье
таинство ветра, и света, и тяготенья земного. В их глубинах
тлеет воспоминанье о пламени. Ароматы слагают сказ
о переполненной чаше и ликующем торжестве поцелуев.
Пусть придут полчища насекомых, и самых ужасных,
и самых прекрасных одинаково встретит бледный свет луны
и страстный пурпур цветов. — Душа моя, далеко от нас
течёт эта жизнь, я слышу гул ночной реки под молчаливыми звёздами,
подобный гулу потоков лавы третичного периода.
В зеркале этой реки отражается великолепье красок,
утро и вечер видят в ней отблеск таинственной вечной красоты.
Далека она, далеко течёт и вливается в море,
чьи прохладные и сладкие, как кровь, волны уносят нас к неведомым островам.
Тишина царит и у родников среди скал, и у берегов грядущих земель,
и слух людской равно не внемлет ни паденью миров,
ни первым проблескам нового солнца во мраке мистической ночи,
ни гармонии ароматов, ни жажде корней.

Пророки

В города, чьи башни и дворцы однажды поколеблет землетрясение,
когда облака неведомых очертаний, раненные таящимися в их глубинах
молниями,
исторгнут вопль гнева, когда огонь, дремавший в тысячах подземных укрытий,
грезивший о своём торжестве, как узник, обречённый на вековое заключение,
взметнётся мстью и на всех языках пламени выкрикнет Твоё имя,
когда лик солнца, к которому мы привыкли за тысячелетия, неожиданно
преобразится, —
в эти города приходят, ни кем не замеченные, посланцы Твои,
воители твоего королевства.

В залах, где звучит музыка и танцуют красивые женщины,
они ловят Твоё святое дыханье, гасящее светильники смертных,
но зажигающее пожары добела раскалённых миров:
от него не колыхнётся цветок, даже если оно бушует в его глубинах,
но оно крушит седые скалы, как рука, разбрасывающая крошки
благоуханного хлеба,
предназначенного для нежных губ зарождающейся жизни;
голоса этих посланцев, подхваченные вихрем времени, следуют за ними,
сладкие, как аромат, распространяемый несущим розы, и горькие,
как дым факелов;
и самые тайные свои мысли они, испуганные своим всеведением,
слышат над собой в пении звёзд и лазури,
а под собой — в молчании огня и тайнах земных недр,
в чередующихся голосах света и тьмы.

Эти голоса говорят о Тебе и о Твоей славе.
о проклятье, наложенном на братство душ
и разделившем речь строителей на наречья;
и их любовь столетиями блуждает над землёй,
как лето над селеньями, вечно опаляемыми лучами солнца.

Щедро плодоносят вновь привитые деревья
таинственных садов земли;
но и надежды, устремлённые к высоким полётам и песням,
устраивают свои гнёзда низко, у самой земли,
как соловьи!

И когда приблизится минута их предназначенья,
мёртвый мир затмит солнце; и свет превратится в кровь,
брызжущую из раны любящего сердца; и перед их взором
предстанут ландшафты грядущих столетий
в сиянье невиданных звёзд.
Твоё дыханье всколыхнёт миллионы,
как волны вечного моря, что затопляет землю
и за тысячелетия неузнаваемо преображает материки.
По снегу, которым магия времени прикрывает озимые Твоего посева,
пойдут босые изгнанники, и мысли бесчисленных толп
оставят за собой тысячи кровавых следов
при каждом их шаге!
Они устрелятся в бегство через горящие города,
пройдя по грядущим векам, как по огненному ковру,
простёртому по ступеням Твоей Святой высоты!
И каждая мысль их,
сочувственно оглянувшаяся,
от познания окаменеет!

Всё новые тучи столетий будут плыть над ними, оглушая их ударами грома,
ослепляя вспышками молний, что мечут мертвенную бледность на лица
жнецов!

Роковые столкновения отважных кораблей в непроглядном тумане!
Гомон толп в котлованах таинственных строек,
чьи леса черны от крови лобного места!
Они услышат страстные песни, рвущиеся из пламени!
О, взоры грядущих страдальцев, их магические прикосновенья!
Поцелуи, отверзающие перед вечностью новые радости и печали!
Безумие одинокой души, на чьих сверкающих волнах
покачивается земля! Страдания веков, столетья,
умирающие и бессмертные,
тяжесть всех созвездий несущие,
славу свою познающие!

А когда наконец в торжественной тишине
они узрят приближающиеся мачты флотилий грядущих судеб,
что отплыли от таинственных берегов при сотворении мира
и сейчас ещё погружают вёсла в бескрайнюю глубину,
возликует их радость, сильная, обжигающая
и нетерпеливая! И они, не познавшие наслажденья,
в сладостном порыве очнутся от своих грёз,
и боль, единственно достойная их силы, стиснет их души:
боль непреходящего времени.

Им покажется, что слишком медленно вращается земля и всходит солнце,
а полдни слишком долго почивают в тени деревьев,
под которыми отдыхают жнецы.

Они захотят полететь сквозь тысячелетья, со скоростью света лететь веками,
захотят иметь тысячи сердец, что напоят их экстаз кровью
и озарят лик их любви румянцем,
подобным рассвету,
северному сиянию и пожару миров!

Они возжаждут развеселить все души вином,
которое даровало им боль и отчаянье,
вином, что бьёт фонтаном из скрытого источника
и всю вселенную наполняет
благоуханьем счастливой земли,
но детям её
ещё долгие столетия останется
недоступным!

Звёзд гаснут тысячи...

Звёзд гаснут тысячи, как зёрна горящего ладана,
что из каминов в просторах небесных просыпались,
бледные лики ангелов скрыло благовонное облако,
но опасенье за нас в гимне их слышится.

Из любви к нам трепещут! К судному дню не готовы мы!
Смутою наши охвачены улицы! Вот бьют в набат,
но пожара не видно, лишь птицы-пророчицы
в небе кружат, словно созвездия чёрные!

Толпы пришельцев под стенами нашего города.
А из глубин веков приходят всё новые.
Плачете вы почему? Разве не братья родные вы победителям,
разве отец наш не царь, победы дарующий?

Пусть превратится в руины базальтовый город, в геенне построенный.
Стократ прекрасней будут те города, что взоры пророков увидели!
Но от дыма пожарищ грядущих на глаза их, экстазом открытые,
навернулись в момент откровения слёзы кровавые!

Недра земные готовы сокрыть миллионы могил,
но для полёта души целой вселенной, цветущей мирами, не хватит.
Из раскалённых добела солнц, как из мрамора, хочет строить
новый город она и простереть над ним небеса минутного счастья.

Откройте ворота! Пусть поют девы, украшенные венками!
Вдаль отправьте посланья любви, как приручённых голубей!
На братских сердцах отдохнув, в мистическую отчизну
тайную весть принесут, и будет она прочтена.

Пусть на горящих улицах пламя и ветер танцуют,
как пленные при триумфе! Цепью магической свяжем мы злые силы.
Землю заставим расцвести, как никогда не цвела,
и по розам пойдём к победе, славе, бессмертью.

Милость

Из триумфальных, торжественных арок лазури чистойшей
по окончаньи трудов днём таинственным вспыхнет, воскресным;
в пурпур одежд королевских, в багрянец оденет беднейших —
братьям земным не приметен, он ангелам виден небесным.

Будет для пленников звёзд, озарённых сияньем когда-то,
блеском твоих берегов и страдающих жизнью земною,
словно лекарство, что в солнце созрело, сродни аромату,
чьё дуновение меж каплями мглы предрассветной и тьмою.

С топотом диким и гривой, искрящейся россыпью звёздной,
к мёртвым озёрам несётся в безумии страсть, изнывая:
молнией бурю она рассечёт, и табун остановится грозный,
великолепье любви разгорится в душе, как порою бывает

светлой улыбка меж слёз... И в согласном движеньи
звонких серпов, и в источнике с голосом нежным, сердечным,
в трепете избранных губ — то она, со святым откровеньем,
к неподготовленным душам с посланьем от истины вечной.

Близятся к робким, пугливым, охоты успех ожидая,
завоеватели в чашах глубоких, где сумрак деревьям привычен,
и опускается строй закружившихся слов, поднебесная стая,
призван сцеплением рук, с облаков, соколиной добычей.

Маем твоих опьяняет певцов и весной бесконечной,
временем ярким, когда в поцелуе Вселенная вся растворится,
в лёгком дыханьи воздушных садов, что взлетают беспечно,
будто качели, где кружит в туманностях душ вереница;

станет внезапно земля заколдованной, словно иная,
и перед взглядами всех, унесённая ветром, исчезнет,
ночи ворота раскроются тысячам настезь, от края до края,
будут на них, как святые знамения, гвозди созвездий.

Славы обитель, простор отзовется торжественным хором,
скрытым сияньем теней, высочайшей гармонией муки,
жизни и смерти объятьями, сладким любви разговором,
и донесутся из бури гремящей нездешнего пиршества звуки.

Земля победителей

В холоде вечера земля курилась, словно политая горячей кровью,
и привлечённые запахом крови полночные тени из лесов выползали,
и часы, онемев, шествовали по всем бесчисленным скрытым полям сражений
и проникали взором, от слёз потемневшим, во все глубины;

как вдруг на востоке, над горами вспыхнуло таинственное утро,
словно галлюцинация обессиленной земли;
недоступное магии месяца море света всколыхнулось и вышло из берегов,
затопляя землю своим приливом. Из королевства
в королевство разливалось оно, и на дне его
колыхались леса, как водоросли в текучем ветре гармонических волн,
и заколдованные дремлющие города вздымали из глубин
башни кафедральных соборов и монастырей, обсерваторий и тюрем. —
А когда волны света хлынули дальше, выступившая из вод земля
загорелась цветением огней голубых, и тропические папоротники
закачались на воздушных стволах, и фонтаны бесчисленных сил забили,
искрясь звёздами, а розы, эти вечные водовороты бурлящих ароматов,
вспенились на зелёной глади, и трепет жизни летел по земле,
как медленное пробуждение нового зрения, и всё сущее на ней
вспоминало о своём прошлом и будущем.
Всеми забытые родники с криком вырывались из нутра скал,
вспоминая о жгучих древних солнцах и своём пути по хрустальным пещерам,
где магические металлы грезят о будущей власти,
и возликовали надеждой превратиться в могучие реки,
облака, ледники и моря, качающие на своих волнах утренние зори.
Сады и леса приветствовали друг друга ароматами,
и ветры вернули музыку поцелуев,
что столетьями падала в глубины жизни,
как семена чистейшего наслаждения,
несущего в себе летний расцвет народов.

У тех, кто пережил, бодрствуя, эту минуту, душа на уста просилась,
и волна невиданной доверительности подхватила их, как безумие:
их затаённый голос раздавался над материками, из сотен душ
громоподобно звучал ответ на невысказанные слова,
и каждый ощущал в своём смятенье присутствие тысяч.

Ибо в эти минуты души вставали в строй согласно рангу своего света
на параде бессмертных войск перед взором Вездесущего,
и каждая мысль от встречи всеобщей обретала бесконечность.

Время стало прозрачным и вспыхнуло, всех ослепляя!

Словно вдрут взошли все солнца вселенной,
и свет их, не ослабленный далью, над землёй загорелся!

Страстность молитвы, в которой угасала надежда,
застыла бы удивлённо, как смерть на пороге бесчисленных жизней!

То в содроганье веков, в котором миры

погружались в глубины нашего мира, как обломки фрегатов, отягчённых

богатством,

торжественно выплывавших из таинственных гаваней

и в бурю, что сотвореньем зовётся, потерпевших крушение,

среди вихрей, грохочущих всеми голосами любви и боли,

среди пожаров всех звёзд, пылавших, как горящие кровавые ветви, —

над морем метаморфоз, поглощающим собственные волны,

на протяжении целых столетий не насыщаясь, —

подобная коралловым островам,

возникала земля Победителей.

И в этот праздник полночный Твой простор озарялся нежным свеченьем,

словно сонмы ангелов летели среди сияющих облаков,

от мира к миру неся посланье Твоё,

и отблеск серебряных панцирей в свеченье земли отражался,

а несчётные спящие от тяжких снов пробуждались с улыбкой.

Слава весне

Слава весеннему шуму! В гуле могучих потоков,
в бурном биении крови близится к нам весна!
Ветры нас усыпили. Слитны в пьянящем покое,
солнце и розы трепещут, сердце и песни звенят.

Слава работе весенней! Тысячи рук незримых
трудятся вместе с нами. Тень их — весенний свет.
Как спрятанные часы, на лугу стрекочут цикады,
подобно звону бокалов — аромат каштана в цвету.

Слава бурям весенним, несущим в проблесках молний
яркость улыбок, силу страдания и любви.
Взгляд красоты остановит руку самоубийцы
и о безумстве героев в душах разбудит мечты.

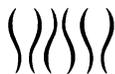
Слава весне грядущей, зовущей тысячи песен!
Всюду, по всей вселенной, слышится их ответ.
Как золотые барашки, звёзды в синих просторах
очи свои раскрыли, светят экстазом любви.

Слава тебе, весна, ростки всемирного братства!
В нашем саду поют нам птицы из всех садов.
Наши слова взлетают, словно пчелиные матки,
чтобы в брачном полёте новые жизни создать.

Слава тебе, весна, мистическим водопадом
падающая с ледников в радуге светлых брызг,
в белой пене жасмина льющаяся сквозь ветки,
словно через теснины, через молчанье веков.

Слава тебе, весна! В синем твоём эфире,
там, где в безмерном храме сияют огни лампад,
там, где под сводом неба раздался призыв к возрожденью,
как витражи и иконы, сменяются ночи и дни.

Слава тебе, весна! Слава пылающим душам!
Трепету крыльев могучих! Отваге открытых глаз!
Ждут нас иные вёсны! Ждёт нас иное страданье!
Песни, гремящие в мире! Освобожденья день!

~ РУКИ ~

х х х

Минуты я знал торжества — те, когда и сильна, и свободна,
душа над веками парит, разметая, циклону подобно,
растенья минувших столетий, и новых богатство колосьев
бессмертных просторов хозяин во взгляде июльском приносит.

Когда урожай был полон мой двор и пожаром окрашен,
я пел об огне, о дворце, погружённом в созвездия тысячью башен;
когда же и он загорелся и что-то шептал мне с насмешкою ветер,
сумел я и петь и молчать — выкрик боли никто не заметил.

Прекрасную землю, какой не была она от сотворенья,
во мраке пространства летая, мне грёз показало цветенье;
процессию вёсен гигантских я видел, как солнце темнело в горении
факелов алом,
и тысячу вёсен земных в колесницу она запрягала.

Я видел, как арфы играли на ложе пурпурном годам королевским,
когда вечера напевали для них колыбельные песни,
и сбор винограда любви, и, луной озарённые, в парках загадочных ночи
свиданий,
под трепетом звёздным — блаженство сладчайшей поры умираний.

И зимние видел сады, ветви там хрусталём расцветали,
качались зажжёнными люстрами, радугой яркой играли;
как пальмы в узоре морозном на окнах, где тайна, светились,
и будто бы космоса близкими стали сады и, мерцая, открылись.

Конечно, и землю я тоже увидел в страданиях вечных,
с улыбкою горькою к людям она обращалась, тоскливым был взгляд
в бесконечность;
беднейшую там, во Вселенной, где кружат счастливые сёстры,
среди тишины только в смерти покой обретающий остров.

И меж облаков зрел я блеск грозовой — апокалипсис в огненных строках,
знак цезаря тем, чья судьба на кровавых аренах жестоких,
взгляд мужа — и гордость, и волю земли — укреплённый борьбой,
но надломленный властью,
и женщины взгляд — наслажденье земли — укоризной наполненный, страстью.

Но грёз торжество, всё, чем ночь, пламеня, меня восхишала,
забыл я, увидев, как братские руки сковала усталость,
как стиснуты гневом, в крови, перебиты ударами вёсел,
в попытке схватиться за чёлн, от которого волны уносят.

Оков дребезжанье мистических вдруг в сновиденье ворвалось,
звучащею музыкой из миллионов сердец показалось,
сердец — так на звёзды похожих, вдали отчуждённых
и в тайной тоске о себе в ледяной полумрак погружённых.

На братский порог я садился под вечер, загадочный странник,
и в шуме далёком воды, песнях ветра и сферах в сиянье
о жизни земли и о мире, который темнел и в любви оставался безмерен,
я пел к утешению братьев, их радостью счастлив, и верил.

Зной

Миражи в жару как галлюцинации умирающих от жажды!
Перезревшая земля трескается. Цветы невидимого пламени
вспыхивают среди лилий, как растения-паразиты,
и, подобно плющу, пылают в вышине, присосавшись к неподвижным
деревьям.

Мертвенно-бледные молнии рассыпаются фейерверком —
иронический звон бокалов князей ночи!

Но надежды наши скрываются за расплавленным горизонтом,
подобно облакам, возвращающим морю влагу.
Лишь немой зной Твоего правосудия пышет жаром, опалая борозды их полёта
над нивами, стройками, дорогами, где сверкают белые камни,
обозначив русло огня, и крадутся, как лунатик по крыше, войска.
Жгучее дыхание труда поднимается выше жгучего дыхания земли,
над обжигающей волной ещё более жгучая волна, кровь в жилках висков
пульсирует у рабов со свистом, напоминающим удары бича.
Зрачки их смертельно серьёзны. Жестокость веков оживает в крови:
опасно пробуждение джунглей в немом лихорадочном жару оранжерей,
где час от часу длинней становятся тени... И на головы миллионов
из глубин солнца, разрываемого судорогами бурь,
хлынут вулканические каскады в брызгах ослепительной водяной пыли.

Немы поля, мрачные города; в заколдованных пещерах цехов
на устах пленников замерли песни, их заглушает насмешливое жужжанье
веретён,

коварный шёпот приводных ремней, стоны огня и металла,
тихие молитвы с призывом к свободе! Пусть факел гнева
опустится ниже к земле и сожжёт паутину цветенья!
Ячменные колосья шипят под раздражёнными взглядами жнецов,
словно полчища саранчи осыпали раскалённые стебли.
Ах, эти уколы игл гнева, эта клокочущая лава ненависти!
В ожиданье нагих тел и онемевших от жажды губ
жестоко смеются соблазнённые воды, под гладью которых
вращаются смерчи лучей, и, в них отражаясь, сверкают ножи сосен.

А вечера с горящими садами! Последние побеги огня на руинах!
Когда, как мистический плод рокового познания, солнце заката
на землю падёт, подобно ржавым осенним листьям,
лопнет плод перезревший и слишком сладкий, и капельки сока,
тлеющие, как угли, искорки света, брызги вин шипучих,
увлажнят бессчётные губы. О, палящий зной томления и крови!
Чаши воспоминаний о рае — наши сердца! Ферменты жизни и смерти
всплывают со дна, и в парах их танцуют ошалелые мысли.
Пляски вокруг костров! Цветы, сломанные наслаждающейся бурей!
Смертельная бледность от солнечных ударов бреда! Горячка гордости!
Творческое безумье в глазах пленников! Боль пробужденья тысяч глаз
от нетерпеливого немого желанья разлиться в веках, в изумлённом космосе!
Освещённые звёздами пути царствия Твоего! Завоеванье земли и неба!

Но звоном бокалов славят свой пир князя ночи!
И твоя песнь тиха, как река, плещущаяся за горами,
нежный птицелов душ! От горизонта до горизонта
сверкает молниями Твоя улыбка, но исчезает раньше,
чем, утомлённые, мы обратим к небу свои взоры!
Ах, как нам в метаморфозах бытия над геенной огненной
познать Твою волю и в годину ненастья, как тайнопись над огнём,
прочитать лазурные письма зари?!
Но разве снесла бы земля всё богатство Твоего смиренья?
Разве не утонул бы корабль, перегруженный королевскими дарами?..
Глубоки ночи в знойную пору... И как звенят звёзды...

Музыка слепых

Слепо бредут наши души тысячелетним изгнанием —
жертвы мистической кары, души слепцов от рожденья,
чутко внимают, о сердце, жалобной музыке скрипок,
их переливам и всплескам, стонам и страстному пенью.

И воскресает в звучаньях томно тоскующих скрипок
космос, угасший в глубинах скорбно-незрячего зора,
пляшет у нас под перстами пламя импровизаций,
будто гонимые ветром комья из пуха и сора.

К кому, скажи мне, о сердце, обращены эти крики,
рвущиеся сквозь решётки из тюрем, объятых пожаром?
Словно тоска, проснувшись ночью на смятом ложе,
в закрытую дверь стучится, испуганная кошмаром!

В музыке той расцветают циклопические орхидеи,
душ триумфальный полёт, искры и молнии звёзд.
Трудится солнце и оставляет за плугом
в озёрах небесных виденья лазурных борозд.

В музыке той даль морей, вспененных тысячью вёсел,
крыльев невидимых лёт, мрака простор необъятный,
времени волны шумят, времени чистые слёзы
с братоубийственных рук смывают кровавые пятна.

Как листва, опадают с веток незримого сада
поцелуи красавиц под порывами жгучего ветра.
Серебрятся кольца на лодыжках пленных танцовщиц,
наполняя века звоном лунного света.

Песни князей и пророков, братьев святых и безумцев,
всех живых и всех мёртвых слиты в неистовом хоре,
в нём диссонансов вихри, вера и безнадежность,
отзвуки битв кровавых и грядущие зори.

Все геенны земные и ночные лазури смерти,
в космосе леденяшем звёздные асфодели,
всё, что вселяет ужас и приводит в оцепененье,
всё, чего слепые взоры их не узрели.

Слепо бредут наши души тысячелетним изгнанием —
жертвы мистической кары, души слепцов от рожденья,
тщетно стремятся, о сердце, в жалобном пении скрипок,
в музыке буйной и страстной обрести утешенье.

Когда же аккорд согласия свяжет разорванный космос,
в бесконечных просторах заполнив любовью лакуны,
слёзы из глаз ослепших нам опалят щёки,
и скрипок твоих, о сердце, порвутся незримые струны.

Боль человека

Внушением обмороков нас ранила злобная сила,
у солнца в глазах заблестел её жёсткий взгляд.
Из трясущихся рук наших выпали ломы и пилы,
в каменоломнях своих, тоскуя, мы сели в ряд.

Пот стёрли со лба, и со смертью мы говорили
под недвижностью жгучих небес, где насмешкой блестела руда.
Как дети в колени матери, — мы положили
голову, мысль свою, в вечную горечь труда.

От магической собственной силы, мы страдали от тайны рода,
от привилегий своих, от скрытой славы своей,
как князя, что в копиях владык пленившего их народа,
под вечным надзором невидимых сторожей,

вдруг припомнят свои города, что цвели над гладью озёр,
где в сумерках звёзды небес так таинственно спят и двоятся...
И в тиши заключения слышится им до сих пор
клик восторженных толп и трезвоны во дни коронаций...

Руки

В ослепительной белизне света лежала земля, как книга песен,
открытая нашим взорам. И мы пели:

— В эту минуту руки миллионов встречаются, магической цепью
охватывая материки, дремучие дебри и горы,
через молчаливые царства морей простираясь к братьям...
В городах, темнеющих в глубинах горизонтов, как трагические жертвенники,
где мистическая лампа солнца, низко опущенная с лазурного свода,
кроваво тлеет в дыму, клубящемся над вокзалами и соборами,
над королевскими дворцами, казармами, парламентами, тюрьмами,
амфитеатрами,
и где жар миллионов возбуждённых сердец опалает небеса духов
лихорадочным ветром блаженства и смерти,
напоминая зёрна горячих углей, разгребаемые гигантской кочергой; —
в тоскливом молчании низин, в болезненных предчувствиях лета,
когда потоки весенних сил вырываются наружу в цветении и застывают,
подобно каменной лаве,
а дни, как рабочие таинственных сталеплавилен, устало бредут друг за другом,
и люди и животные, братски связанные одним ярмом, искрятся
капельками пота
под незримом бичом, хлещущим над всем миром с запада до востока; —
на волнах душ и морей, где отданные в минуты страха приказы,
увлекаемые смерчем,
витают вокруг мачт, онемевших от ликования молний,
когда небо и воды сливаются в единстве ужаса и смерти; —
у всех горнов, ткацких станков и прессов, в каменоломнях и штольнях,
на строительстве времён фараонов, где запряжённые в иго народы,
стена, воздвигали величавые гробницы властителям несметных толп; —
в демоническом движении колёс, поршней и рычагов, над головами
взлетающих молотов; —
на полях сражений, у телескопов, в школах, лазаретах, лабораториях; —
в мастерских скульпторов, задумавшихся над мрамором,
где дремавший в извечном обмороке мир ужаса и славы встаёт, уже
наполовину озарённый,

в пересверке резцов и вспышках творческого прозрения; —
и там, где страсть у подножия вулканов смерти даёт расцвести
апельсинным садам желанья,
где под никогда не заходящим горячечным солнцем созревают самые
огненные вина и яды
и где наслажденье, этот алхимик, отравленный парами своих бесплодных
тиглей,
сходит с ума от галлюцинаций; — в сумрачной тайне музыки,
где мысль приближается к заповедным краям и металл гремящих оркестров
тоскует по утраченной гармонии, а струны рождают вихрь песен,
освежающий усталые души, подобно ветру первозданной земли; —
в атмосфере, наэлектризованной жестами дев и дурманящим запахом вёсен,
когда искрящаяся ночь судьбы звенит от порхающих поцелуев, звёзды
пламенеют, как губы,
и женщина, услышав своё тайное имя, вдруг бледнеет и начинает спускаться
по агониям, как по скользким от крови ступеням, всё ближе
к заколдованным истокам жизни,
оглушаемая стонами веков, гонимых по кругу, ослепляемая ревнивым
мельтешением незримых существ,
и с воплем ужаса летит назад, пламенеющими от боли руками
прижимая к груди добычу — жизнь, что захлёбывается плачем от первой
встречи с солнцем; —
в столкновениях тысяч волей, подхваченных потоками Твоей мистической воли,
единой в миллионах обличей, трудится человек, дрожат от судорожного
напряжения бесчисленные руки,
на обоих полушариях земли не зная устали из века в век.
В трагическом триумфе грёзы руки ребёнка играют звёздами,
как драгоценными камнями,
но, пробудившись, наливаются силой, твердеют, кровавые от убийств,
посиневшие от холода столетий, и в отчаяньи хватаются
за растительность земли,
той земли, что вздрагивает, пролетая над безднами... Безумные руки
жестокого охотника,
вышедшего травить стихии! Отягчённые проклятьем руки полунагого раба
у багряных горнов труда! Молитвенно сложенные руки побеждённого,
спаянные, как расплавленный молнией песок! И слезами омытые,
белоснежные,
сияющие, отмеченные кровотокающими стигмами любви! Магические,
исцеляющие,
одним прикосновением ко лбу прочитывающие мысли братьев!

Царственные, раздающие! Убаюкивающие и заставляющие видеть
небесные сны!
Превратившиеся в светящийся эфир и тянущиеся к плодам мистических
деревьев
через всю вселенную, в бесконечность!..

И наши руки, включённые в магическую цепь бесчисленных рук,
трепещут от прилива братской силы, извергающейся из далей
и всё возрастающей под напором веков. Непрерывные волны
боли, отваги, безумия, блаженства, ослепления и любви
пробегают по нашему телу. И в порывах этого ветра, от которого гаснут чувства,
мы ощущаем, как наша цепь, подхваченная руками высших существ,
включается в новую цепь всех звёздных просторов и обнимает миры. —
И тогда в ответ на мучительный вопрос,
столетиями боязливо скрываемый, как тайна рода,
которую перворождённые, умирая, передают перворождённым,
мы слышим хоровую песнь вод, звёзд и сердец, а в промежутках между
строфами,
в интервалах меланхолической каденции, — дифирамб сменяющих друг
друга миров.

Пели воды

Заключенные между двумя огнями, солнцем и землёй, блуждаем веками.
От жаждущих влаги корней бытия мы поднимались к эфирным стволам,
к великолепию цветов, изнывающих от мучительного томления,
мы плескались в нуммулитовых* морях, текли во тьме дилювиальных† чашоб,
в царствах древних гигантских ящеров, в пещерах,
где человек, таинственный брат зверей, будущий освободитель земли,
тушил нами огонь своей крови, отягчённой заклатьем,
горящей вечно, неугасимо.

Звёздочками утренней росы мы трепещем на полях сражений,
реками огненных слёз мы обтекали эшафоты;
всё убыстряя ритм, мы пели славу жизни в мраморных городах,
под триумфальными арками мостов, в прибое океанов,
с ироническим пафосом мы громогласно слагали эпопею земель,
погребённых в тысячелетиях. Жгучими ферментами огня
мы насыщали эфирные айсберги облачных гор
над таинственными месторождениями золотого солнца.
Эти воздушные миражи — отражения безграничных далей космоса,
огромного мира, более прекрасного, чем земной.
Радугу мы превратим в плач водопадов, а под звёздными зеркалами морей
мы скрываем извечную войну бесчисленных существ, немых и жестоких,
озаряющих глубины чёрными молниями; как завораживающие глаза змей,
мы сверкали в коварных смерчах, на чешуйчатых реках;
как на кладбищах с тысячами могил, мы колышем забвеньё
в меланхолических бухтах
и страстно шепчем слова молитвы над магическим кипеньем целебных
источников.

---

* Нуммулиты (от *лат.* nummus — монета) — ископаемые одноклеточные организмы отряда фораминифер. Из раковин нуммулитов образовывался известняк, горная порода осадочного морского происхождения.

† Дилювий (*лат.* потоп) — древнейшая стадия четвертичного периода.

Под взорами отчаявшихся наши нежные волны
раскрывали неисчислимые уста, движимые безумьем,
онемевшие от внезапного страшного познания.
Но победители читают нашу затаённую мудрость со своих вышин,
читают, как по серебряной карте, что светится в глубинах,
как по линиям судьбы на ладони ночи,
как по неведомым письменам на старинных монетах;
радостная тайна жизни открывает победителям правду,
бурля в горных ручьях и тысячами путей вливаясь в море.
В полифонии родничков, рек и океанов они слышат гимн единой
ласковой силы,
которая в тысячах метаморфоз ищет истинный лик земли.

И глядите! Миллионы разобщённых рук превращаются пред ними
в одну гигантскую духовную руку, объемлющую всю землю,
руку, в которой ваятель сжимает ком послушной глины,
преображая тайны сущего согласно своему лучезарному виденью
в праздничных и трагических муках неутолимой творческой жажды.

Это пелл горящие звёзды

Каждый миг, вечно, всенеизменно,
в мистическом танце светов,
кружимся всею вселенной.
В блистающих сферах видений
мы, грешные, светим
красой.
Вкруг наших голов
ореолами
золотое сиянье волос,
напряжённых, как в вихре полёта
звенящее лассо.

Лицам нашим, горящим в экстазе,
веют прохладой столетья,
и мы, утомлённые счастьем полёта,
в скорбных восторгах сиянья устав,
с криком, летящим в бездонности,
радуясь, падаем, мы — танцовщицы,
и будто в рассыпанных розах, в крови
умираем.

Тотчас же сменят нас сёстры,
белые-белые.
И в песне, что в сумрак веков улетает,
в новых волнах взмывающих,
в новых и новых просторах, идут —
в звёздной пыли и в туманностях —
предтечи сияющих таинств!

Хор сердец

Движением и трепетанием крыл,
всюду равным,
в выси и в глубинах,
всё бремя земли
побеждает блаженство полёта*.
В волшебных садах превращений
пропели о тайных путях милосердия
нам голоса, точно птицы,
давно отлетевшие с гнёзд,
о мистический садовод!†

Слышите тайные шумы крови? И шипение хмеля?
И знойное слово в тьме ульев?
Как стоны, шум тысяч сердец, что предвечно настроены,
будто бы струны для звёздных созвучий?
И жалобы струн, через меру натянутых, порванных?
Всеми мирами летящий, пылающий звук
идеальных гармоний архангелов?
Тайное воспоминанье о жертве мильонов,
которой наш видимый мир, как цветами,
расцвёл в бесконечность?
Сигнал возвращенья, давно долгожданный
сынами земли? Те сигналы, что мигом сзовут
всех ловцов в лабиринты лесов сновидений?

В раскаяньи толп над полями кровавыми,
в бледности страха похитивших,
в тайных победах жены, —
словно пламени люстр огневых
с открываньем дверей, из которых придут долгожданные,
ветрами музыки духов
трепещут сердца.

---

* См. уточнение на с. 486.

† Эта строка оригинала была пропущена в переводе.

О, привет вам, грядущие!
Наши сады опьяняющих лоз
вам укажут дорогу!

И угольный след от огней,
где под блеском небесных светил мы сидели
и пели в молчании ночи о вашем приходе;
священные знамена,
что мы — речи народов всех стран,
обречённых на гибель, — иссекли на скалах;
лежащие своды ворот триумфальных
властителей наших,
покрытые пылью веков обелиски
седеющих храмов.

Для таинства муки и смерти и снова рождения
сладостно жить!

Ради славных святых нашей крови,
идущих меж нами в садах озаренья,
из дали веков нашим душам
дающих блаженство и милости,
сладостно жить!

Ради царственной милости к нам покорённого,
так благодарно склонившего голову к нашей груди,
где поёт твой огонь всё сильнее и сильнее;
ради жертвы врагов в ослепленьи минуты,
о, сладостно жить!

Ради горней истомы строителя
сладостно жить!

Ради звёздного ясного взгляда,
объявшего землю со всех четырёх её стран:
одиначества полюсов, древности, гор и закона и чисел;
покоя морей, расцветающих светом и счастьем и ночью,
садов, расположенных у экватора, крови и жажды и княжеских снов;
ради тяжести райских плодов, что созрели
под солнцами видимыми и невидимыми

и зовут нас теперь, уже сорванные;
ради роя кружащихся пчёл пред отлетом; народов борьбы вековой;
ради ритма полёта земли в наслаждении ровности
линий пути и в волнении землетрясений;
лазурного зеркала неба и над островами
проклятых бессилием*; ради вершин меловых,
где когда-то шумели моря и ещё зашумят;
и свеченья жуков в первобытных лесах,
и исканья миров в бесконечностях,
проблеска мысли в духовных ростках неизвестности.
Ради нежнейшей улыбки очей,
не обманутых галлюцинацией,
сладостно жить!

Ради крови, что брызжет от века до века
с гигантских плеч, подпирающих своды прошедшего,
точно железо тюремных дверей!
Ради высшей причины блаженства миллионов!
И тайной цены смерти братьев, за нас умиравших
(ведь все, все, что были во все времена,
во всех странах земли ради нас умирали!).
И ради всех жатв, что засеяли руки миллионов,
и ради дразнящего блеска ещё не проплытых коварных морей!
Ради каждой таинственной пяди земли,
предназначенной к битве и нашей
победе, цветущей и золотом тайно отмеченной!
Ради всякой красы, на лице не расцветшей,
вину не смилившей, и камни на хлеб не сменившей,
и братьям богатства не давшей,
и ждущей себе на уста поцелуя,
о, сладостно жить!

Ради жалоб забытого сердца,
когда оно радостно бьётся от ужаса,
точно заблудшая птица,
нашедшая снова поющих сестёр,
о, сладостно жить!

* В оригинале: «проказой».

Ради вихрей и переворотов и гроз!
Пароксизмов любви и желанья!
Войны непонятных нам духов,
предвечно горящих, опоённых в страданиях жажды!
И ради мистического соучастия нашего
в тяжком труде покорителей мира,
события все отмечавших, как стадо,
железным тавром тайной цели своей
и, владычествуя над огнём и страданьем мильонов,
лишь смерть посылавших в поля, как жнецов.
(Так толпа, ужаснувшись, глядит в одно место,
века за собой оставляя;
и царства, как судно, куда с берегов натолпились пловцы,
колыхались от жестов их рук
и черпали бортами кипящую воду.)

И ради восторга, разбитого, как волна
от движения братского моря,
как пук белых лилий, взвивается пеною ввысь
от ударов о скалы желанных земель.

Для таинственных вёсен,
укрытых в течение вешей,
точно бабочки, крылья свои вечерами сжигающих,
звёзд чешуями разыскренных,
сладостно жить!

Ради близящегося прихода сияющего человека,
который один из всех братьев, что были и будут,
один, победитель просторов,
изменит он землю от полюса к полюсу
всё по святой Твоей воле
и, мыслью, послушными солнцами лёгкости,
танцам и песням наученной,
сядет в Твоём полном тайны кругу,
меж князьями вселенной...
О, ради прихода его —
нам так сладостно жить!

Дифирамб миров

Пылающие рождения и угасания
миллионов солнц
раскальваются в тьму веков
длинными вспышками молний,
как отблеск огней
на клинке резца
при каждом лихорадочном движении
ваятеля*.

Миры, друг за другом грядущие в таинстве времени!
Исполинские вёсны вечных тропиков!
Ковры мистических ступеней!
Молодящие кровь удары!
Всегда возвращающиеся,
вечно кипящие духом
вихри страсти!

Окрылённые семена летящих тысячелетий,
прорастающие и среди огня!
Наслаждение полуоткрытой засевающей руки!
Брызги огненных зёрен через пропасти космоса —
Млечный путь!

Лазури бессчётных земель, светящиеся, как весенние незабудки
на берегах первосозданной реки†,
что летит в раскрытые объятия
Твоего моря!

Клокочущий вихрь арктических высот,
уносящий с собою разбитые льды —
хрустальные эскадры
мёртвых морей!
Течения гольфов любви‡

* См. уточнение на с. 486.

† В оригинале: «экстатической реки (реки экстаза)».

‡ В оригинале: «мёртвых миров! / Гольфстримы любви!»

Святая жнива Слова!
Из ростка каждого зерна
могучее стремление рода!*
Над каждым листом, где б ни упало,
тысячи знойных июлей!

Души миров!
Плывущие сады, обезумевшие от птиц, —
сновиденья земли!
Жгучими розами искрящиеся зарождения
творящих солнц!
Миры зажигающиеся,
миры угасающие —
вихри справедливости!

И все солнца,
кружащиеся вокруг вечного солнца,
невидимого,
озаряющего, ждущего могилы,
таинство нового мироздания
скрывающего,
молчаливого.

На устах, дрожащих любовью,
как ароматным ветром,
могучим и животворным,
через океаны
звучит ваша песнь, о, девы,
новорождённым.

Колыбельная песнь миллионов,
потрясающая всю вселенную,
и в ритмическом такте её
мучительно качаются земли, —
колыбели духов.

---

* В оригинале: «могучий поток колосьев».

Тихий океан

Трель соловьёв наших чешских, музыка почек раскрывшихся,
сердца и вёсел удары в глубинах твоих отзываются...
Южного ветра порывы — в парусах распустившихся,
гор королевских роскошь в золоте волн отражается.

Но перед нами, над нами призрачными лампадами —
миллионы миров незримых, тихий океан забвения;
словно в слабеющий слух, оглушённый судьбы водопадами,
земли навеки утраченной проникает нежное пение.

Мы цветники её вспомним; лепестки благовонные
страстное пламя скрывают, как губы влюблённых — лобзание;
Вспомним любви мгновения, в каждом из них обречённые,
точно пчела за лазурным стеклом ледяного молчания.

Вспомним слова милосердья, над экстаза зарницею
ангельский голос, смиряющий бурю кровавую, грозную;
вспомним пророков видения — под Твоей колесницею
ветер триумфа взметает пыль несметную, звёздную.

Вновь, будто надпись тайная над вечерами тоскливыми,
солнце, позолотой сверкнув, нас утешит улыбкою,
караваем на блюде из яшмы забелеет над нивами,
посылая щедрый привет колосющейся рожью зыбкою.

Вспомним, как мы, чужеземцы, ночью бродили бездонною
в гробовой тишине по прекрасным садам меланхолии
и колёс твоих мельничных слышали песнь монотонную,
и плотины Твои им вечным ропотом вторили.

Мы по морю немому плывём. Мы работаем вёслами.
Перед нами летят соловьи. Тишина здесь такая странная.
Но чем дальше уходит земля с изумрудными вёснами,
Тем всё зримей её красота святая и первозданная...

Мы восхищаемся волей

В звёздах улыбок и взглядах, чей блеск неподвижностью скован,
в снах летаргии, из молний и силы укрытый вуалью,
образ наш дремлет и брезжит в вибрациях света иного,
в тысячах душ, что когда-то мы в жизни встречали.

Ежесекундно фантомом проносится на расстояньи
в тихих глубинах души, на просторах заснеженных, братских,
там, где пещеры с дурманящим выдохом, и в подсознание,
и в аллегориях тех непонятных, тревожных, что снятся.

Наше лицо уменьшается, признакам рода подвластно,
скульптором смерть выступает, резцом те черты высекая,
но неизменен в нём дух, и, потоком из облака ясным
перенесённое, в зеркале с гладью туманной оно проступает,

волнами нашего голоса поднято, вихрем взовьётся,
станет из дыма расти над углями звучавшего слова,
в страсти любви разгорится, пылая, как тихое солнце
над чистотою земли — зимним садом с алмазным покровом...

Строгий, над всеми ветрами, над всеми краями,
взглядам бессменного духа Ты власть на столетья оставил!
Пало заклиятие жизни, которое было когда-то над нами, —
мы восхищаемся волей, что нам, как наследство досталась...

Тысяча сладких дыханий отравой в нас оживает,
о торжествах и смертях весть несут колокольные звоны,
мы всколыхнули волну — и поток свой она разливает
с гибелью и с исцеленьем на множество братьев, на миллионы.

Сделай наш призрак святым! И когда нам придётся сражаться,
облаком чёрным накрой ослабевших, спасительной тенью!
Будет мистический враг в облачениях света скрываться —
мощью лучей поддержи наших взглядов внушеньё!

Там, где мучения смерти, где нежность в объятии тесном,
с шёпотом об искуплении мира пусть кроткий восстанет отважно
и на сиянье в канун торжества в городах пусть рукой бестелесной
в полночь безумную братьям (о, звёзды!) укажет!

Ночной дозор на поле брани

Когда погасли бесчисленные пожары
и сумерки, подобно сугробам пепла с тлеющими искрами,
легли между лагерями сражающихся,
мы, пользуясь перемирием,
вышли искать своих драгоценных братьев.
И по гаснущему сиянию ореолов
узнавали их прекрасные головы,
словно бы грезящие
на каменных подушках.

Но туман нового утра
оседал на челе их смертельной росой,
и в тот вечер, простёрший покров свой
над тысячами дней наших,
мы, целуя лица мёртвых, видели вопрос на чертах их
и вымученную загадочную улыбку.

Молясь, всю ночь будем бодрствовать над палатками спящих братьев,
И деревья, воды, поля и дружественные города
будут скорбеть вместе с нами. Посреди чёрных океанов
наши сны будут подобны островам молчанья,
и на горизонте, под бледным светом светил
мы увидим эскадры мёртвых, плывущие в тропики.

Не горят ли все цветы и все звёзды
над могилами Твоих воинов,
как лампы в часы восьмидневной траурной мессы?
И не создал ли Ты миллионы языков —
от горьких вздохов трав и всему покорного мха
до красноречия пламени и добела раскалённых солнц, —

дабы за тысячелетия ими высказали себя отчаянье от тяжести заклатья
и боль всего преходящего?

И разве со всех берегов космоса
не слышится плач тщетно простирающихся к Тебе рук
и биенье сердец, разделённых бесконечностью?
Над пропастями гремят всепожирающие потоки,
в их гуле — отзвук камня, крови и мысли.
Вечный ветер преображает облака вещей в бессчётные новые формы,
и одного и того же места ни рукой, ни мыслью нельзя коснуться
дважды.

А наша загадочная душа?
На костре в парчовом плаще пламени
псалмы поющая!
И с лёгкостью, как отражение бесконечности,
в своих зрачках несущая тяжесть кары
за тысячелетнюю вину, —
трагическую грёзу этой вселенной!
Окружённая огненными водорослями, великолепными и изменчивыми,
которыми хлещет её Тобой раздуваемый ветер,
позволяя узреть ей вселенную сквозь пламя, как сквозь вуаль,
стоит она, гордо выпрямившись, затаив дрожь,
и в весёлом безумии
смотрит на иронические лики
тысяч смертей, из всех чёрных рук
принимает чаши галлюцинаций,
и поднимает экстатический тост в честь жизни,
солнца, смиренья, надежд
и, с наслаждением допив до дна свою чашу,
с мрачной радостью жадно протягивает руку за новой,
веками не насыщаясь.
И губы, в жару жажды прилипшие к чаше,
всякий раз кровоточат,
отрываясь от ледяного металла.

Дни наши ночью отделены друг от друга,
но ночи наши, как волна волну,
ласкают все ночи вселенной.
Наши встречи — прощанья,
а прощания — встречи,

и прощанья и встречи одной пронизаны болью,
самый громкий выкрик которой —
молчанье.

Но утром, когда будем стоять в строю,
раскалённый круг солнца, к земле обращённый,
подобно медной трубе в руках, таинственно скрытых сияньем,
громоподобно огласит мир боевым призывом.

И зов смерти,
звук вибрирующих в полёте стрел призрачного света,
мистическое гуденье пчёл над духовными порослями,
меланхолическая гармония самых высоких нот в гимнах победы,
звучащих веками, — над нашими головами раздастся:
сигналы самых жарких схваток сраженья,
которые избранники посылают на невидимых крыльях,
чтобы прикрыть атаку Твоих рыцарей, воюющих на земле.

В улыбчивом блеске, как в забрале сверкающем,
мертвенную бледность лица скроем
и к братьям обратим радостные взгляды,
в которых утреннее солнце, как в ручьях, отразилось.
Вот так песчинки Святого Источника,
поднятые ввысь таинственным равновесием вод
и, словно созвездья, рассеянные по лазурным эфирным волнам
боли и справедливости,
светятся в золотом бурлении улыбок.

Безумцы

Средь таинств земных мы блуждаем, молчашую твердь вопрошаем
о ненаставших вёснах и нерасцветших цветах,
мы посылаем приветы летящим в грядущее ветрам,
с недодуманной мыслью, с песнею недопетой,
свидетели чуда с печатью молчания на устах.

Земля, мы на этом свете — твои неродные дети,
с молоком матерей соблазнённых мы впитывали боль,
наши братья жили беспечно и пили нектар из речек,
а в наших ушах органом громыхал ураган вечно,
и жажду не утоляла волны океанской соль.

Мы молитвы к тебе возносили, когда другие хулили,
мы часто плакали горько в кругу славословий и од,
наш голос сверкал, словно солнце, когда молчали мильоны,
встречал триумфаторов город густым колокольным звоном.
но судорогой сводило наш пророческий рот.

Мы всем открываем объятия, и входят в наш храм, как братья,
И раб клеймённый, и пахарь, и владетельный князь,
в знак примиренья мы злейших врагов обнимаем
и вздохи земли, как матери вздох, понимаем,
с отверженными не порываем братскую связь.

Нам за земной красою мерещилась Смерть с косою,
и замогильным светом сияла святая купель,

в агониях и в рыданиях нам чудился жар лобзаний,
в тишине умиранья — юных крыл трепетанье,
в муках огненного проклятья — умиротворенья капель.

Смертным путём человека шли мы от века к веку,
сближаясь, мы отдалялись, и не было нас бедней,
но для Тебя добывали алмазы, золото, мрамор,
и в Твою честь воздвигали из них великие храмы,
покорные, души рабов возвышали мистической властью твоей.

Но не настали сроки, и были мы одиноки,
хоть в сердце своём вмещали священный огонь всех сердец,
муки всех нерождённых, боль в ярмо запряжённых братьев,
облачный мир иллюзий, сладость любви и зачатий,
словно за всех мы сами несли терновый венец.

Слышались лишь рыдания в ответ на наши посланья,
нам, истомлённым зноем, рок приказал: «тоскуй!»,
нас радостно встретят только в веках грядущих
души ещё не рождённых или уже не живущих,
наше прикосновенье — прокажённого поцелуй.

Тайно и неизменно нас кляли за измену,
коленипреклонённо вечный встречавших пожар,
о женщине, королеве новой любви, мы мечтали,
о муже, что боль всех, кто страдали,
в радость преобразит, как солнечный жар.

Мы верили испуганно в искупленье миллионов,
слитых в Одном Человеке, кормчем духовных миров,
что к берегам Твоей тайны по волнам тысячелетий
парус надежды направит, и ангельской речью дети
дадут названья растениям Твоих незримых садов.

Мы покоя не знали и в самых далёких далях,
так что внушал нам зависть мёртвых мудрый покой.
Мы красоту постигали владений твоих бесконечных,
знамения Твои читали мы на путях млечных
и храм в веках воздвигали, что был задуман Тобой.

Мир как штиль после бури. И в небесной лазури
возникает духовная крепость за кругом круг,
от звезды до звезды в Тобой распалённом июле,
словно пчёлы одного гигантского улья,
иерархии духов трудятся под мелодий задумчивых звук.

Глубже падая, поднимаемся выше, в гуле сражений Твоё дыхание слышим,
чем ближе к вечному морю, тем громче, низвергаясь с круч, гремит водопад,
в ступе Твоей при вспышках нездешнего света,
как зёрна, дробятся мысли, слова и планеты,
пепел и брызги на головы наши с неба летят.

И вот перед нами в грозах возник небывалый космос,
вели нас к нему солнца всех мыслимых млечных путей,
в груди тоскующей снова священная жажда воскресла,
пьянящий сок винограда из-под давяльного пресса
мы пили из ржавых кубков в мире, где нет смертей.

Чистое утро

Когда, усталые от грёз, мы утром в сад войдём,
то расцветающей земли простор увидим в нём;
у ветров спросим, у воды, деревьев, птиц и пчёл:
кто ночью нынешней в саду, таинственный, прошёл?

Играл песок, став золотым, где след священный лёг,
подобно ангелам шумел взволнованный поток,
был жизнью полон каждый вдох, как сотня жгучих дней,
и, словно заново рождён, взгляд изумлялся ей.

И боль, и тяжесть наших тайн Твоею волей в нас,
печать разломим на письме, в смирении склоняясь;
а враг, что нас подстерегал, уснул у стен без сил,
как Твой посланник, Твой гонец он нами встречен был.

Мир одиночества — порой для демонов приют,
но и желаний наших сад, где лилии цветут,
наисладчайших женщин там встречал с восторгом взор,
и мы приветствовали их, но только, как сестёр.

Места гармонии и смирения

В залах иллюзий дворца твоего мы в немом восхищенье идём,
взгляду загадочный мир всё полней представляется в нём:
всё жизнерадостней скорбь и мучительней хохот, мрачней,
двойственной смысл в откровеньях, что прежде казались ясней:

мудрое солнце, ночей и рассветов торжественный въезд,
смерти и звёзд предсказания, встреча земли и небес,
грусть изнурённого лета и осени хрупкий закат,
вечности свет ослепительный — это любимого взгляд.

Вот мы приходим в хрустальные залы твоей тишины
(счастливы те, кто вошёл, но счастливее те, кто дороги назад лишены),
таинства мира, что так превосходен, но хрупок подчас,
в свете улыбки твоей задушевной трепещут, открыты для нас.

Вскрик изумленья и вздох, каждый шаг наш и каждый привет
музыкой там в коридорах звучат и разносятся эхом в ответ;
и сокровенные мысли магически отражены,
точно созвездья чистейших ночей, и другим отовсюду видны.

Сердце в весеннем цветенье, в нём птицы, как будто в гнезде,
песни лазурные и поцелуи над теми, кто занят в труде,
в блеске таком — если б солнца со всех небосводов собрать —
нашей души отражает деянья волшебного зеркала гладь.

Как при Asperges*, ступенями мира идёшь и движением рук
радуг мосты над веками возводишь и всё освящаешь вокруг:
жён красоту и уныние гения, радость детей озорных,
грёзы цветов и животных безропотность, преданность их.

---

* Asperges — католический обряд окропления св. водой в начале мессы.

Благословляем колосья на нивах, мир в странах и городах,
тот, кто из наших ладоней напился, уходит, сияя, в мечтах,
о встречах меж братьев, и наименьших, улыбка твоя говорит,
тех, что подобны князьям в окруженье бесщётных, невидимых свит.

Нам не изведать печали сильнее, таинственной прочих потерь:
близость в пространстве твою ощутить и её испугаться теперь —
движемся мы, победители кроткие, вслед за тобою в сады,
и неприятель, что вышел навстречу, становится в наши ряды.

X X X

Вечно снова, в одоленьи, песню песен начинаем,
в тайне рук гроза и нежность, сладость музыки светла,
мы, жнецы твои, дорогу пред собою прожинаем,
но в просторе бесконечном — нивы, нивам нет числа.

На сто солнц колосья в дали, в шелестеньи неоглядном,
день души и лето духа беззакатны, век их юн,
нашу песнь ещё не кончим, как в безвестном братстве жадном
сила рук ударит звучно в утишённую наших струн.

И покуда в сердце громы, громов праздничное пенье,
на земле, что в пляске кружит, будет дружный пляс весны,
сонмы ртов в извечной жажде будут жадно пить забвеньё,
и надежда к душам будет близить утренние сны.

Смерть тем часом молчаливо ход направит городами,
будет в свадебных чертогах, где игра всех чувств нежна,
над стихийными боями, солнцегучими садами
всеприсутственна и мудро-победительно ровна.

Руки, в песне воздымаясь, полны зорких тоскований,
как цветы, протянут рденье через огненный туман,
и под сводами возникнет войско духа, рать скитаний,
новым табором раскинут те дружины звёздный стан.

Слово в ладе полновластном прозвучит глаголом мира,
и в духовном ратоборстве встанет строй передовой,
с распротёртыми крылами взлёт задержит средь сапфира,
в часе, бурею тяжёлом, недвижим перед грозой!

Женщины

Что вечер поёт над королевствами, над городами, над всходами,
над тайнами влагой покрытых дорог под тенистыми сводами?
Чьи руки в садах, где закатами небо в багрянец окрашено,
тысячелетьями розы срывают для вас, для приветствия вашего?

Когда провожаете творчества день, утомлённо бредущие,
дыханье земли подступает предчувствием мира грядущего:
едины по-братски, гигантские там города к горизонту вздымаются,
а в грёзах металла и мрамора ритмы, как вихри, взмываются.

И в солнцах, что минули прежде, погасли, но вспыхнут рассветами,
раскинулись женские руки и нежно мерцают, воздетые,
и вечно манят вас, вблизи растворяясь украдкой,
и в жесте своей красоты, как судьба, остаются загадкой.

О, сильные руки, куда вы ведёте желание смутное?
В какие сады, что проснулись, а были столетья мечтами окутаны?
В какое безмолвье, где в скорби чрезмерную роскошь позволили —
птиц пеньё полярных над гладью озёр в меланхолии?

Раздумий парят облака, островами в волнах возвышаются,
где травы и кроны в сиянии лунном, исполненном таинства,
и наших дрожанье сердец — это звон, долетающий издали,
когда корабли отпускают, серебряной привязью изданный.

И взгляды, в любовь погружённые, — это заморское плаванье
в те страны, где горы встают языками духовного пламени
и над пробуждёньем вселенского леса, лучами согретого,
раскинуты ветви небес нескончаемых, полные трепета.

Ответы

Бремя проклятья на нас: и в полёте высоких желаний
тяжесть земная, как рабство, мгла собственной крови над нами.

«Вы и сильны и бессмертны; а тайна души, как награда,
солнце хранящая, вёсны, бесчисленный сбор винограда».

Космос беззвучен, и в гаснущих звёздах кроваво-жестоких,
словно в цепях из враждебных огней, мы сейчас одиноки.

«Тяжесть доспехов на избранных вас: для сраженья,
всем существам на земле долгожданного освобожденья».

Грудь побеждённого сдавим колена движением грубым,
как ни старались любить, но, однако, не любим, не любим.

«Вы — словно плод незрелый, и твёрдость мешает объятьям,
но, опаяясь в полёте, навстречу вы движетесь братьям».

Радость, как солнце, но в грёзах: проснёшься — оно угасает;
бодствует боль многоокая, мучает, не засыпает...

«В братстве таинственном вы с миллионами слиты,
к радости общей, для братского счастья открыты».

К тем островам, что плывут, нас волной аромата позвало...
Движемся к ним неустанно, но ближе не стали нимало...

«Вас королевские взгляды окутали ложью, смутив миражами:
те берега, что сияют и в душах цветут, — перед вами».

Весенняя ночь

Ночь тихо пела, шум весенних вод
звучал меланхолично, как фагот;
надмирных чаш тяжёлый аромат
струили звёзд светящиеся чаши,
казалось, свечи в темноте горят
и, руки на груди скрестив, лежат,
окаменев навеки, братья наши.

Колелет ветер мистический посев,
и, к звёздам тысячи духовных рук воздев,
мы, с радостным проснувшись вздохом,
вновь в вечном городе своё находим место,
нам жест таинственный путь к истине открыл,
мы слышим музыку духовных крыл
и пение незримого оркестра.

Время

Липы, которые мы на радость пчёлам сажали,
храмы, в огне и молчанье творимые Тобой,
руки, что от трудов и наслаждений дрожали,
испепелил и в прах превратил тысячелетний зной:
гордой мечты имена дали мы вечным созвездьям,
но в их мерцанье теперь ритм совершенно иной.

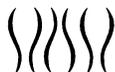
Новые нам небеса шаги Твои открывают,
солнце бросает тень на нивы других равнин,
словно жемчужин ловцы, из моря столетья всплывают,
на новых просторах растут полынь, камыши и тмин,
осенние грёзы и грусть в лучистой мистической чаше
нас опьяняют сильнее самых пьянящих вин.

Преданно ждём Твой приход. Будет он светлым, прекрасным:
мириады миров рождает огненная купель,
солнца бледнеют и рдеют, подобно любовницам страстным,
в наших сердцах и крови бродит обманчивый хмель,
в белых молниях небо, к нам приближается тайно
лилий и облаков вечноцветущий апрель.

Загорятся над нами вещей знамений зарницы:
шатры победного войска, пурпур закатных костров,
в золоте и крови для избранных озарится
зреющий в их одиночестве сад лучезарных плодов!
И засверкает в ночи алмазами королевы
магическая роса — слёзы ушедших веков...

Обретя свободу, бессмертье, земля остынет...
Но под арками чёрных мостов не замрёт бесконечный поток:
на берегах мистических рек мы узрим, как ныне,
мириады сигнальных огней, изобилья космический рог.
И по воле Твоей и суду будут сыпаться звёзды,
как в песочных часах струится песок.

Пред величием славы нам пристало склониться покорней,
благодарной улыбки будем ждать до скончания дней,
охлаждения лавы, просветленья в обители горней,
разрешенья мистической тайны Твоей.
Наши слёзы, дождь извечный, жемчужные зёрна,
не погасят тоски по любви и палящих огней.

~ ЗЕМЛЯ ~

Незавершённая шестая книга стихотворений

Птицелов

В кустах пламенеющих, в музыке соков, бурлящих весной,
вам слышен таинственный голос экстаза поэтов:
в нём солнце моё упоительной близостью дышит одной,
подсолнухи — словно миры, что раскрыты лучами рассветов.

В смятении страсти сердцам ускоряю паденье и взлёт,
в вещах, красоте их, богатства надмирного блеск отражаю;
однако пугает вас, робких, в сады мои тайные вход,
и взглядам своим королевским не верите, им возражая.

Дыхание веет с моих берегов и приносит вам сны,
как майского ветра порывы для тех, кто томится в оковах,
и тщетно часы, как паромщики смелые возле волны,
ждут вашего оклика, зова, к отплытью готовы.

Для взлёта мечтаний созревшие звёздные ядра сладки,
они, будто зёрна для птиц, на пороге рассыпаны мною,
но птицы в глубинах движенье моей ощутили руки,
вспорхнули в испуге и — прочь, поглощаемы тьмою.

Укрытый в цветении символов, я птицеловом притих,
как в обморок сладкий, хотел бы поймать ваши души в тенёта
и там укрощённые болью сердца у влюблённых моих
учил торжествующим песням и звёздной гармонии нотам.

Всё охватить...

Взлетев из растревоженного улья, звёзд пчелиный рой
вам не внушал ли страх, кружа над восхищённой головой?
И сон сестёр, над садом грёз и поцелуев пролетев,
не упрекал ли вас, как блеск корон пленённых королев?

И не затмила ль солнце вам высокая череда идей,
как стройный клин с утесов севера взлетевших лебедей?
Любить, как птицы, что из своих грудок вырывают пух
и устилают гнёзда им, способен ли ваш робкий дух?

Когда бы, слабые, могли вы вашу душу увидеть,
заставило бы это вас дрожать, а щёки — увядать?
Миллионы узников в ночи безмолвною толпой бредут,
как хочется им петь, дышать, гореть, любить без всяких пут

и всё с себя стряхнуть, что тяготит, что их влечёт назад,
в экстазе возликовать и щебетом весны наполнить сад,
и радостью своей безмерною достичь небес лазурь,
над миром простерев шатёр, гроз не боящийся и бурь!

Чтоб светлый смерч сердец вращался всё быстрее и быстрее
и увлекал всё за собой в седую зыбь и ритм морей
и чтобы гром его до самых дальних долетел светил
и, сбив с оси, в одно пылающее солнце превратил!

Всё охватить и мыслей и страстей круговорот
смирить и превратить в прекрасный одухотворённый плод!
Всё нерождённое извлечь из мрачной глубины ночей
и к жизни новой возратить огнём немеркнувших лучей!

И под давлением во многие миллионы атмосфер
свою космическую страсть взметнуть до тайных высших сфер,
и чтобы ярче всех миров земля цветами золотыми расцвела,
богатства космоса тащить в свой улей, как разбойная пчела.

Песнь о вечной юности

О вечной юности сладчайшая песня в наших сердцах звучит,
и мотив недопетый, невыразимый в глубинах душ сокрыт.
Ритм этот — утренних зорь дыхание непрерывное
над вечным движением моря, над неподвижностью гор.
Эту песню поют дальних миров каскады,
вторит им громогласно неисчислимых столетий хор,
в садах каждый год расцветают пурпурных огней мириады,
и ароматы метафор наполняют весенний простор.

Когда ранним утром над горизонтом пар золотой разлит,
в горнем краю нашем колокол медный гудит,
звоном мы наших братьев приветствуем:
сеятелей пшеничных зёрен и звёздных миров,
строителей городов духовных, наших сердец виноделов,
родники, что шумят в соловьиных гнёздах садов,
солнце, как королевская стража, охраняющее заоблачные пределы,
незримых владык огня, смерти, руин и гробов.

А тени и призраки, что крадутся во мраке, когда ночей антрацит
лишь вспышка молний и взрыв на дальней планете порой осветит?
Но на горных вершинах ветер нам гордостью грудь наполняет.
И в тишине мы давно преодолели всякую боль;
снег цветущих яблонь нам солнце не застит,
и розовеет гряда тел наших белых, как берёзовый ствол,
под нашими взглядами в садах распускается счастье,
мысли наши летят, как голубая музыка пчёл.

Из мёртвых домов мы выходим, победная песня звенит,
лазурью Твоею над нами сверкает зенит.
Нет прошлого — и мы, лёгкие, юные,
как дети, вступаем в Твой символический сад,
пред нами в своей красоте первозданной
волнуются реки, моря, песни, перси, гречиха и виноград,
мы идём и Тебе возглашаем осанну,
мы — владельцы всех земных урожаев и стад.

Так она пела

Отцвёл шафран — брат вечера — и гордо угасал,
и терпко пахла горечью вечерняя прохлада.
И мне слова сладчайшие любимый мой шептал,
и клятву незабвенную хранит молчанье сада.
Но именем неведомым в неизречённый путь
был позван тот, кого я жду в мучительной истоме.
И настезь приказала я все двери распахнуть —
пусть звёзды молчаливые ночуют в нашем доме.

Вошла в чертог мой тишина и в даль моих дорог,
и лишь на донышке цветка пчелы жужжанье слышу,
стучатся бабочки в окно, и вечный диалог
ведут акации, листву прозрачную колыша.
Удары сердца как шаги, и зачастил топор
к беде и к тайне тишины глухого лесоруба.
И эхо дальних выстрелов над немотой озёр
тревожит сон примолкших птиц настойчиво и грубо.

Любимый мой ушёл туда, куда и я уйду,
туда, где чёрная трава отряхивает слёзы.
В дремоте сердце. И шафран отцвёл в моём саду,
но не смолкает юный смех, во тьме пылают розы.
Я грежу о свиданиях под солнцем новых утр,
жду от магической весны любви и поцелуя.
Кружком сидят ученики у ног того, кто мудр,
но отклика на боль свою, увы, не нахожу я.

Псалом уходящих поколений

I

Вёсны, что нашим отцам, смехом цветы пробуждая, у вод времени пели, издалека нам навстречу спешили, их свирель мы слышали в колыбели, ночь приносила нашим трудам звёздное благословенье, солнце дарило нам свой чистый жар, братские нивы — своё сладкое колошенье. Материнской речи каждое слово для нас приветствием духа звучало и ароматом садов королевских нас, над веками летя, опьяняло, тысячью солнц озарённая вечность сева ждала, раскинувшись перед нами, и подносила нам радости жизни щедро раскрытою дланью.

Так мы пришли в города отцов. И всё, скрытое для поколений, узрели, и творения мастеров приводили нас в восхищенье. Мы шли по глубинам света, как водолазы подводной нивой, в круговоротах невидимой жизни, жестокой и молчаливой. Далёкие солнца выросли пред нами, кружились в танце, в огненном смерче к земле приближая протуберанцы; в пещерах земли наш приход приветствовали гейзеры и фейерверки. Гигантские металлические суставы машин трещали в пересверке молний под тяжестью миссии нашей. И над мирами мысль наша бессмертная летела, словно цунами, со дна морей до неба вздымалась волнами вездесущего света, обращалась к миллионам и оведала жгучим ветром нашу планету, в предчувствии нового мира объединились руки всех, кто страждет, в едином порыве, в едином горниле всесильной демонической жажды.

Но взоры, всматривавшиеся в невидимые туманности далёкого огненного моря, как в ковш литейщика, не узрели клейма скрытого горя на лицах миллионов. Без страха они в прибой веков взглядом вперялись, в рождение новой жизни, но в тайны глаз своих братьев погрузиться боялись.

Смех триумфаторов раздавался по всей земле от запада до востока,
братства вельмож и париев друг другу противостояли жестоко,
знакомились на всех языках, что существуют на свете.
но тяжёлый немой взгляд сопровождал их, как трагический вездесущий
свидетель.

Наш голос, охрипший от холода искристой ночи стихий, не ласкал слуха,
и песня наша блуждала в садах гармонических духа.
Смелостью мысли своей мы ненавистные нам города поджигали,
и в наших зрачках пожары пылали, озаряя пламенем дали.
Наш горизонт был затянут строительств тысячелетних дымом,
от собственной нашей отваги в минуты сомненья вставали волосы дыбом.

Сеятели боли, мы отвергнутое отцами зерно ветрам веков раздавали,
что слизывали его с наших ладоней и грядущее заседали.
Какому зною суждено иссушить ненасытные корни, опалить миллионы?
Какие бури живительной влагой напоят иссохшее лоно?
Вздыхая тучи космической пыли, вы идёте по нашему следу,
толпы, оставшиеся в арьергарде, но верящие в победу.
Солнце, как пурпурная рана, рдеет над времени океаном.
Соль его — слёзы мёртвых! Наши стоны звучат органом
в его ураганах! Нам платить за вину? О том возвещают судьбы скрижали,
на которых роковой приговор ещё до того начертали,
как взлетели первые молнии солнца над пылающим небосводом
и в лесах, что когда-нибудь станут углем, земля готовилась к первым родам?

И всё же вас, нерождённых, мы, жнецы и жницы на ниве смерти, любили!
Пусть наследниками собственной боли мы были,
но к вам простирали руки и мольбы об искуплении к вам возносили!

Вы незримо в походы водили ликующих кровавых триумфаторов орды,
ради вас красавицы мира смиряли мистической красоты своей гордость,
песни, познав мощь своих крыльев, к вам, нас предавая, летели,
и для князей нашего рода ваши костры горели,
вы делали сладким страданье, помогали любить хлеба и овины,
когда в мистических парках земли смолкал хор соловьиный,
когда октябрь дышал на виноградники и поля и в провалах вселенной
мы оставались с землёю, матерью нашей больной, и грустью её
сокровенной,
которую мы, в мысль погружённые, разгадать по улыбке стремились,
по тем сияющим волнам, что по лицу её вечно струились.

II

Но она — немая загадка, лишь звено мистической цепи —
ревниво завидует собственным детям, и нет мачехи злей и свирепей.
Держит их в кандалах, и потоки с летящими брызгами пены
заставляют их вспомнить про кровь и про вскрытые вены.
Спешит осушить слёзы золотыми кудрями любовника она, как наяда,
и смущается своей слабостью под таинственным пристальным взглядом...

III

Чья роковая рука на всех континентах, нас, которых миллионы,
одним рывком, как сорняки, вдруг удаляет с газона?
Из скалистых глубин проросли мы своими корнями,
капилляры недр земного — мы к нему прикоснулись — пылают огнями.
Как лоза, мы ползем всё выше по куполу ночи и цепляем на звёздные гвозди
мыслей своих недозрелых виноградные грозди.
Смотрим с завистью сверху на долины цветов, лабиринты безуспешных
попыток,
на застенки, горнов геенны, могильники, шахты — на места всех наших пыток,
на города недостроенные, на заброшенные поместья, на леса,
вырубленные отцами
под кровью заката залитыми небесами...

Вы, трижды счастливые, вы живёте, мы — только жили!
Мы не хотим расставаться, земля, наши грохочущие сердца, наши
руки — крылья!

Миллионами глаз охватить тебя всю, пройти до последнего шагу,
до последней капли выпить солнца жгучую влагу!
К небесам вновь устремляться в муках нового тела!
Мы для них рождены, так природа хотела!
Тысячу раз праздник весны встречать, вновь и вновь зерном прорастая!
Тысячу раз возвращать улетевшие на зиму птичьи стаи!
И когда среди молний и туч промелькнёт королевская просинь,
с тысячами жнецов на дорогу метать срезанные колосья!
В сверкающую мысль превратить всё, что жизнью живёт затаённой,
напоить соком корни, жаждущие стать звенящей песнями кроной,
дать цветенье цветам, свободу огню, заклтому в гранях кристалла,
дать налиться гроздьям и грудям. Звёзды разжечь до накала,
чтобы наши мечты стали явью по воле высшего мира
и во славу его зазвучала волшебная лира!

Вы, трижды счастливые, мы не хотим покидать нас породившее лоно,
глаза любимых жаждем ещё целовать, вдыхать фимиам благовонный,
в ликование душ погружаться, что в прибое сладостном тонут
высшего мира! Стол украшен цветами и накрыт для миллионов!

Гигантские тени

Словно сражений карты все столетья перед вами распростёрты,
а звёзды мёртвые — то города, сожжённые в походах давних!
Тени гигантские, вы накрываете народы, зерно святого мятежа бросая
в сердца, что плуг страдания, вспахав, заставил кровоточить.

И вихрь рядом с вами кружит души, былинки тонкие ломает,
и дребезжат взирающие в вечность окна, а сила, вырвавшись, ликует!
Кровь бьёт в висок, стучит, звенит, как горна звук сигнальный!
Под окнами дворцов — людское море! Песни с баррикад несутся!

В лаборатории, где мысль гения в ночи горит, вы опускаетесь —
так полководец свой обходит лагерь, чтоб не дать кострам погаснуть!
Вы охраняете своих страдальцев и в пророческих строфах безумия,
и в заточенья камне, и во льдах на островах изгнания!

В своих садах вас увидали королевской крови дочери!
В виденьях мастеров к вершинам вознеслись соборов новых башни!
И тысячи миров пришли в движенье — то оркестр магический,
играющий по нотам звёзд, записанным на небе полуночном.

Так странствуя из века в век, всегда своим вы недовольны урожаем,
и будущих побед колосья, что должно пожать неведомое племя,
вы, мёртвые, взвешиваете на ладони, как крестьянин,
который счёл зерно незрелым и свою откладывает жатву.

Но души ваши по волнам смертельной тьмы плывут, как боевые корабли,
что жалом огненным своих прожекторов ощупывают даль,
являя на безмолвном горизонте то вражеской флотилии суда,
то мол гигантской пристани, то всей дороги цель.

Глубины боли

Вод вечный плач дарил листву деревьям,
потоки слёз лились из тёмных скал,
и эхом скорби под землёй издревле
звучал незримых узников хорал.

Ведомые предназначеньем тайным,
туда спускались мы за рядом ряд,
казалось всё опасным и случайным
в тех штольнях, где лишь факелы горят.

В молчании веков нам посылал сигналы
в ритм бьющихся сердец часов далёкий бой,
то наших братьев встречные удары
мы слышали за каменной стеной.

И те удары и удары сердца
мы в катакомбах слышим, как в гробу.
Пусть братский наш привет, единоверцы,
как поцелуй, коснётся ваших губ!

Пусть облик ваш сокрыть спешат ресницы,
страданья крик сквозь толщу скал пройдёт,
трагическая тишина им огласится,
не заглушит его плач вечных вод.

Вот утро, просыпаясь над садами,
небесным светом ослепляет нас,
сверкает королевскими цветами,
дарует нам магический экстаз...

Как солнца луч, нас радость вдруг пронизет,
когда мы в майских встретимся садах.
А то, что мы во тьме сердца были ближе,
вам скажет только бледность на щеках.

Миф женщины

Толпа поклонников мне пела дифирамбы, но оглашала петушиным пеньем
Твоя заря в моей душе другой и более прекрасный хор.

И, словно онемев, я наблюдала, как мастер, ослеплённый восхищеньем,
пытался воплотить в бессмертный мрамор моей опасной красоты повтор:
так, предвещая рождение грядущих поколений, в таинственную ночь
солнцеворота

костры пылают на вершинах гор.

В моей телесной красоте всех зорь земных сиянье,
мечты всех дней, согретых жгучим солнечным вином,
всех птиц в садах расцветших щебетанье,
волнуемых ветрами колосьев смех, наполненный зерном,
и отражение луны в зеркальных водах, и волн гимн серебристый —
всё, всё Тобой одним в гармонию навек воплощено.

Дремучий лес из вечной тишины в лицо мне дышит,
и кровь тяжёлую волнует жаркий зов, разбуженный весной,
я в материнском шёпоте земли боль тайной страсти слышу,
когда с далёких гор стада по вечерам спускаются на водопой,
и тлеющие угольки цветов в сады любви уведят
мечты всех дочерей моих, в глубокой тьме идущих за Тобой.

Над стройкою кровавою народов страшайся ответа,
но нетерпеливый свой взгляд я устремляю в небосвод...
Там, возвещая нам Благоую весть любви высокой, ликует лето,
но только что открывшаяся рана моей душе покоя не даёт.
Прислушайся, небесный Пчеловод, гудит в груди голодный улей сердца.
Рой умирает. Земное солнце земным цветам не подарило мёд.

Блуждающей вблизи поющего истока жизни, безмерно утомлённой
души моей мечты унёс потрясший космос смерч.
В Твоих цехах обетованных мотив меланхолический напевают веретёна,
магической рукою пряжу бытия для них готовит Смерть.

О вечный Ткач, ты, ткущий уток и основу,
дай мне Мессии княжеский приход узреть.

Дыханье страшное, скрывающееся в глубине столетий,
мне, едва проснусь я, посылают виноградники Твои,
и от того дыхания миров угасших — я это вижу на рассвете, —
как солнце, вспыхивают новые зачатия Любви.

В садах иллюзии — слышу сквозь плач кровавых листьев —
сон навевают сладкой колыбельной соловьи.

Безудержно смела Любовь моя, когда край неба медленно бледнеет,
сверкают серебром дороги горные и караван летящих облаков.
В тени деревьев и на колоссящихся полях плоды земные зреют,
и в парках королевских звучит Твой голос, Твой извечный зов.
Все радости земные — моих родных сестёр по воле по Твоей я в битву
посылаю
и, сломленных, их принимаю вновь.

От демонов мой каждый шаг спасает какой-то голос тайный.
В душе светлеет, словно из-за туч выходит полная луна.
Устам немым я речь дарила поцелуем нежным и случайным,
Но скрытые на дне души слова надежды знала я одна.
Смерть и рождение страшат и манят нас, рождённых в час тревожный,
но души чистые всему внимают и лишь не просыпаются от сна.

Духов день

В творческом горении вы не замечали красоты лиц своих братьев
и сияющего облака, прикрывающего человеческое тело:
голос мужей твердеет среди грохота молотов,
а при свете горнов кто вспомнит загадочную улыбку наших сестёр?

Сегодня, братья, мы отмечаем праздник
душевной молитвой и размышлениями.
С далёких гор веет ветер, напоённый ароматом,
и все цветы ещё орошены росой.
Восходящее солнце сонные города пробуждает,
июль спешит нам навстречу из-за горизонта.
Воздух сладок от поцелуев влюблённых
и песен девичьих на сенокосе,
и птицы ликующим пеньем раскрывают тайны лазури,
словно бы вылетев из наших сердец.
Высоки хлеба на полях братских,
и придётся подпирать ветви, чересчур отягчённые плодами.
Дух бьёт крыльями, готовый к полёту
над бесконечностью горизонтов.

Так из века в век ты зреешь, доверчивая и величественная,
таинственная земля обетованная,
и каждый твой день пылает, как факел,
в глубинах древней ночи.
В творческом экстазе говоришь с нами
лишь символическими жестами.
Лишайник, цепляющийся за валуны скал, о цветах грезит,
и деревья, окружённые тучами насекомых, добывают сладость
для своих плодов.

Героической покорностью и болью
немые братства прокладывали дорогу духу.
Но как пещера хранит свои сталактиты
и галереи вокруг пропастей,
так ты, строительница в глубинах тьмы, с отвагой любящего
веками хранишь свой величайший шедевр.

Твоё молчание глубоко, как грустная улыбка доброты,
и красота твоя в весеннем цветении
напоминает поле, с первого посева, отягчённое данью.
Ослепительная грудь, что как солнце горит в мечтах влюблённых,
по-матерински утешит
плач вновь рождённой жизни.

Но в глубинах любви, в гордой покорности
ты скрываешь судорожную боль, что способна ломать кости скал,
и когда ты вся в лихорадочном поту, тебя окутывают облака.
Через моря ты перекидываешь мосты материков,
и по ним тысячелетиями идут поколения рабочих,
князей и пророков,
краеугольные камни гор сдвигаешь с места,
древние царства затопляешь океанами,
тропическую растительность покрываешь ледниками
и человеческим детям вечно указываешь нехоженые пути.

В таинственных ночах духа, обольстительная, сверкаешь,
как утренняя дорога в ликовании птичьего гама.
Впасть в летаргический сон готовы усталые души,
но из твоих родников набирают они в ладони влагу,
и, молчаливая, ты протягиваешь сгибающиеся под плодами ветви
путникам, бредущим по дороге к бессмертию.

Опалает нас жаркое солнце, твердеющие колосья бьют по лицам,
слишком сильный запах лип нас утомляет.
От любовной жажды вздрогнули губы цветов
и, разгоняя тучи насекомых жарким вздохом, раскрылись,
в глубинах лесов забили источники,
невидимые моря вдали отозвались прибоем.
И трепет наших сердец охватил всю землю,
по миллионам жизней разлилась наша кровь,
потекла по жилам растений, бурлила, цвела. Пела,
благоухала и жгучим соком к нам возвращалась.
Наше дыханье, подобно ветру, раскачивало верхушки деревьев,
гнало седые волны,
полное пчёл и птиц, семян и колосьев,
и наши глаза, будто скрыв в себе солнце,
ослепительный свет узрели.

Как долго мы шли? Или умерли
и вновь рождались тысячекратно,
с каждым шагом переступая границы веков?

От кристаллических полярных гор до тропических джунглей
мы, сеятели, идём по земле, сами себе удивляясь,
падают на дорогу тени пирамид и дворцов королевских,
храмов древних божеств, миллионов бессонных ночей.
Горизонты нам открывают объятия,
и гигантские города с садами и таинственно светящимися цехами
возникают за нами, мы слышим гимн работающих стихий,
с моря доносится вечный весенний аромат южных архипелагов,
тысячи братьев говорят одной благозвучной речью.
Поля брани, скрытые в глубинах тысячелетий, уже заросли цветами,
в зелени миртовых рощ белеют статуи победителей новых,
тоской неведомой объята пальмы, ручьи разносят имена наших святых.
Миллионами братьев рождённый
таинственный человек стоит на земном шаре,
челом прикасаясь к звёздам,
и сердце его, пламень, зажжённый от жара Вечного Сердца,
озаряет духовный космос.
День сошествия Духа Святого празднуют народы.

Х

Прохладой овеивает землю вечер.
Час за часом проходят в молчанье, в глазах отражаясь,
улыбка солнца гаснет в пурпурных колосьях,
и руки братьев, как руки влюблённых, ищут друг друга.
Глубоко под нами затихли земные сады,
но в беспредельных просторах — слышите? — поют соловьи...
Щебетом птичьим полны гнёзда духов в дебрях древней ночи
среди цветущих солнц земли Твоей,
о Севышний!

Розы не устают цвести

Идём, минуя молчаливые города духа, устало на звёзды глядим.
Солнца, как смоляные факелы, гаснут одно за другим.
Могилы, миры невидимые, ночи, века, океаны, колосья,
тучи и молнии нам жаркий август приносит.

Как закон твой нарушить? От вечного грохота стройки сбежать?
Как от палящего полудня обезумев, мистический плащ Твой сорвать?
Как из одной чаши цикуты тысячи выпить смертей?
Соединить тысячу глаз во взгляде, ослеплённом тысячью лучей?

Вселенные духов! Трагической тишины и света гармоничное звучанье!
Озера без звёзд, годы без вёсен — края отчаяния!
Пурпурные зори осуществления тысяч пророчеств,
которого тысячи лет ожидали тысячи одиночеств!

Земля — перекрёсток миров, где встречаются миг и вечность.
Космос нашей души глубже и выше, чем сама бесконечность
Пленники, идём, звеня кандалами, покорны самые свободные между нами.
Когда дождёмся в садах княжеских солнечного удара любви, победы
над болью и смерти — не знаем сами.

Розы не устают цвести, ручьи — струиться,
трепетать — сердца влюблённых, сиять — детские лица,
и святые, освобождённые от жизни, смерти и боли,
подобны горным орлам, гнездящимся на вершинах воли.

Неодолимые, мы растём...

Приветствуем тебя, издали приходящий, за нашим столом!
Одиноким дом наш никогда не заперт
ни для таинств ночи, ни для смерти, ни для боли,
ни для гостей из миров невидимых!

Жены наши, сбиравшие сжатые колосья, пели:
Приветствуем вас, неизвестные братья,
что вкусят хлеба нашего;
в сладости его вы познаете
отзвук молний и страсть солнечных поцелуев,
ибо, благовонный, он созрел среди бурь и огней.

Чужда нам твоя речь, и, словно поле брани,
разделяет она твой и наш род.
Но с каждым шагом к порогу нашему ты преодолевал столетья,
а язык, которым говорят наши души.
древней, чем багрянец созвездий, солнцу нашему
певших колыбельную.

Бедна была страна моих и твоих отцов. Они ступали на её землю
с опущенными глазами, как послы в осаждённый город,
покидали её с опущенными глазами
и на пути к смерти прошли её целиком.
Но теперь она раздвинула свои пределы, и с каждым нашим шагом
становится глубже и таинственней.
Все солнца восходят над ней и западают
в ожиданье задумчивых ночей,
в лазурный свод над ней все моря посылают флотилии облаков,
её города возвышаются под всеми небесами.
В пропастях обоих космосов расположилась она,
где последние звёзды, как пограничные камни, светят из глубин,
Млечный путь белеет, как волнующееся поле нежнейшего клевера,
в трепете бесчисленных крыльев и внутреннем удовлетворении
отражаются и искрятся звёзды невидимого небосклона.
В холоде боли мы жмемся друг к другу, как пчёлы в зимнем улье, —
миллионы существ всех миров, висящие над бездной, как гроздь винограда.
Все победы вселенной — наши победы, и под всеми солнцами космоса
зреют плоды, что украсят наш стол.

Мы, завоеватели, послали вперёд боевые дозоры мёртвых,
дабы разведали дорогу в невидимом мире.
Неодолимые, мы растем — посев, взошедший на страдании народов.
И наша любовь — таинственное восстание,
подготавливавшееся тысячелетиями по всей земле.

Звёзды, восходящие над горизонтом,
подают нам огненные знаки,
какими обмениваются готовые сразиться войска.
Мы знаем имена всех ураганов, которые пронесли над землёй
и теперь, с опущенными крыльями, уставшие, отдыхают
на сверкающих щитах ледников.
Дочери морей,
горные водопады и могучие реки в тропических чашобах,
что к материнской груди летят из хрустальных дворцов
и гармонию слов наших разносят на всех языках.
Между садами экватора за тысячелетия возникают лазурные ледяные мосты.
В глазах ланей, в полёте птиц, в покорном пчелином героизме
мы читаем знамения, указующие нам дорогу.
Века нашёптывают наши тайны. И уходящий век
с грустной улыбкой доверяет их приходящему.
Выючные животные, которых песня флейты заставляет
опуститься на колени и принять тяжкий груз,
внимая словам наших учёных, доверчиво кладут перед нами мощь стихий.
Вопреки своей воле нам служат тоскующие демоны,
фантомы полночные, трагические строители безумья.
Путь нам прокладывают землетрясения. И ночной мрак,
словно костры союзников, нам освещают вулканы.
Как с обросшего мхом камня на камень, что торчит из волн,
перепрыгивают в танце с острова на остров вёсны
и, отражаясь в зеркале вод, солнечными ладонями
ловят певчих птиц и бабочек.
Приближение наше ощущают народы,
впряжённые в плуг победителей и прокладывающие борозду
через все материки от океана до океана,
и мелех, сверкающий молниями, врезается в лоно древних гор.
Миллионы взоров широко раскрытых от изумления,
мы обращаем в недра земли, и все трудящиеся на ней руки — наши.
Окутанные чёрными тучами жалящих нас насекомых,
мы, жнецы всех народов, идём из столетья в столетье,

оставляя за собой оазисы пустынь. Меланхолические равнины,
трагические подземные города и пылающие горнила.

На тысячах строек мыходим с лесов,
и в наших ослеплённых глазах виденья кровавых цветов
и гигантских строителей.

Наш топор звенит в таинственном дремучем лесу,
в горных рощах под ледниками. на верфях у древнего моря.
Разогретая ударами сталь благоухает.

Они разносятся над городами и океанами, над солончаковой пустыней,
в тишине полярного моря, на архипелагах заоблачных миров,
эти предрассветные удары сотрясают тысячи закрытых ворот,
и в ответ тысячекратным ликующим эхом из глубин вселенной
звучит серебряный приветственный хор
воскресших утренних духов.

Не спрашивай, куда мы идём. Спроси у звёзд, что летят над нами,
у солнц, этих королевских возничих,
выезжающих на квадригах планет.

Спроси у женщин, чьи зрачки, как у безумных, расширены любовью,
глубокие, как рок и смерть и как лазурь невидимых солнц.

Спроси умирающих, когда их лица, подобные глади,
всколыхнутой болью, застынут в безветрии, а глаза
впервые не испугаются солнца...

В этот час над горячечным бредом тысяч матерей,
находящихся в агонии между жизнью и смертью,
склоняются эфирные виденья и шепчут слова,
недоступные человеческому слуху,
которые в момент пробуждения
превращаются в поцелуи и тоскливый экстаз...

Тишина, только нежно стучит сердце вод.

Жаркое дыханье прибрежных цветов наполняет безветрие.

Народы приветствуют поющее за горизонтом восходящее солнце,
Ночь глубока. Но любящий сердцем своим всё видит.

Потерянные

В разгаре лето, и цветет и зеленеет сад,
но дышит из других садов на нас смертельный хлад.
И мёртвые среди живых в процессии бредут.
Они не слышат бой часов, когда куранты бьют.

Безмолвная вмерзает речь в лед призрачных зеркал.
Тоска у путников в глазах и ужаса оскал.
Пусть веет сладкий аромат из их бескровных уст,
для одинокого весь мир безлюден, тускл и пуст.

Как солнце, ласковы они, обходятся без слов.
Преображается земля от робких их шагов.
В их душах холод ледяной царит в полдневный зной.
Галлюцинациями их пугает мир иной.

Они не слышат, как поют весною соловьи.
Надежды наши им чужды, и сны у них свои.
Над ними ночью небосвод сверкает звёздным льдом.
Они утратили свой кров, не знают, где их дом.

Над головой шумит листва невидимых дубрав.
Идут, бичуемы судьбой, не отдохнут, устав.
По вечерам ложатся спать, чтоб встать совсем не там.
И сколько стран они прошли, доверившись мечтам?

На мызе одинокой в дверь тихонько постучат.
Но только ступят на порог, все сразу замолчат.
Их вожделенье приведёт в страну прекрасных дев,
но девы лица отвратят и оборвут напев.

И лишь невинное дитя прижмётся к ним тайком,
когда к чужому камельку присядут вечерком.
И всё им слышится вдали умерших братьев зов
и эхо на краю земли затерянных шагов...

Сердца миллионов в твоём сердце пели...

Шла за тобою смерть в своём молчанье грозном,
но зрела средь утрат и пламени любовь,
и был всё слаще сон, которым рдели гроздя,
и зорче зрение, отверзшееся вновь.

И обострённого усердьем предков слуха
всё чаще достигал прибой незримых нот,
диктуемых тебе гармониями духа,
уже познавшего нетерпеливость вод,

стремительный полёт земли, поющий ветер,
возвраты вёсен, жатв невыносимый зной,
смех детский в сумерках, и щебет на рассвете.
и поцелуи тайны в тишине ночной.

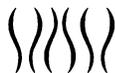
Небесной синевой, как жизнь, обогащаясь,
простёрся в поле день безмерной широты.
И, как с возлюблённым зари, с тобой прощаясь,
тебе нашёптывали таинства цветы.

Молчавшему века суть раскрывают вещи...
Мир снова засыпал под завыванье вьюг,
но с южных берегов пророков голос вещий
звал толпы севера в далёкий путь на юг.

Сердца миллионов в твоём сердце пели...
Когда же налетал полярной бури шквал,
ты горним светочем сиял во мгле метели
и души, как садовник, укрывал.

Тебе судьба родные дебри возвратила
и материнское дыхание морей.
Последний переход! Слепящее светило
померкло в золоте расплавленных зыбей.

Мы все несёмся вскачь... Во тьме мелькают спицы...
Как триумфатор, в свой победный час
ты времени покинул колесницу
и добрым взглядом провожаешь нас...

СТИХОТВОРЕНИЯ

не вошедшие в сборники

Хвала одиночеству

Я славлю одиночество! Нет сада,
где нежных запахов чередованье
такую боль дарило б и усладу —
и леса, и лугов пьянящее дыханье.

Ещё могу назвать тебя гаремом,
куда я ночью пробирался с риском,
где мысли блещут, словно диадемы,
тоскуя обо мне, как одалиски.

Тут для страстей моих точильный камень
и ложе, на котором дремлем сладко,
тут жизнь, надежда тлеют угольками
и в дымку превращаются украдкой.

Ты лечишь раны, как целебный корень,
ты ткацкий стан — и ткут на нём свободу! —
колчан для стрел любви, рассадник горя,
родник, что изнурённым дарит воду.

Ты лес дремучий — отголоски битвы
доносятся сюда, как мух жужжанье,
и мистики в твоей тиши вершат молитвы,
Христос идёт на муки и страданья.

Как горная вершина, воспарило
ты над землёю брэнной и убогой,
про землю, узник твой, совсем забыл я:
чем дальше от людей, тем ближе к Богу.

В глазах ночей блеск слёз и звёзд сверкал,
прохладой веяло в саду монастыря,
звучал молитвою колоколов металл,
хор ангельский, вечерняя заря.

Печаль заката

Когда закат опять разрисовал
кровавой ржавчиной стволы и край небес,
и звона комариного металл,
пронзая хвою и траву, наполнил лес,

когда в последних отблесках свечей
туман вуалью чашу обволол,
все стрелы медных солнечных лучей
я линзой души собрал в пучок.

Казалось, чёрный бор дотла сожжён
и пепел оседает на меня
в просветах между угольных колонн
лазурью умирающего дня.

От вспышки молнии вдруг вспыхнула трава,
и озарились пни, кусты и неба дно,
и всё — деревья, краски и слова —
души моей вместило полотно.

Последний хлынул света водопад
на мхов зелёно-красную кайму.
И в небе дотлевал уже закат.
Чашоба леса погружалась в тьму.

Подкрадывалась ночь, травой шурша.
Печаль заката навевала сон.
Тлетворным запахом наполнилась душа —
хрустальный, всё вмещающий флакон.

Angelus*

I

День угасал в липучей серой мгле,
как будто кто-то мелким ситом тряс.
Морозную гравюру на стекле
запечатлел магический алмаз.

И становился чёрным белый снег,
а ветер стих, и воздух тусклым стал.
Дома чернели. Лишь оконный свет
ущелья чёрных улиц прорезал.

В дали холодной, хоть портал монастыря
и обступал туман со всех сторон,
увидел я двух шпилей острия,
услышал мерный колокольный звон.

II

Ослабевают солнечный накал.
День зрелостью и зноем изнурён.
И вечер кисточкой искусной расписал,
пастелью голубых небес плафон.

Оркестром красок зазвучал закат
и эхом фиолетовых тонов.
Внимал я, росной тишиной объят,
плеск рдеющей волны и запахи цветов.

Сад монастырский, золотом лучей
согретый, мирно погружался в сон,
и видел слёзы звёздные ночей,
и слышал мерный колокольный звон.

---

* В католической традиции вечерний колокольный перезвон, при котором читаются молитвы.

Зимнее утро

В рассветных сумерках зажёгся алый взрыв;
день, Победитель времени, взошёл,
над мёртвым горизонтом засветив
пожарища кровавый ореол.

Искрилось небо гроздьями светил,
ракет зелёных вспышками; восход,
как фейерверк, то мерк, то вновь светил,
птиц золотых напоминал полёт.

Смешались в воздухе кармин и белизна,
снег пожелтел — его ожёг мороз.
С землёю ночь прощалась допоздна
и целовалась, вся в алмазах слёз.

Печалью в грёзах девственниц застыв,
день, Победитель времени, расцвёл,
над мёртвым горизонтом засветив
пожарища кровавый ореол.

Хоральная месса

В соборное окно луч солнца проникал
и падал сквозь витраж на выцветшие фрески.
Звучащая душа в мистический хорал
преображалась здесь с величественным блеском.

Белеет воск свечей, что, как цветы, горят.
Храм переполнен, нет пустого места.
В смертельной тишине монастыря
звучит минором праздничная месса.

Хорал гремит и в стены бьёт крылом.
Кадильницы ткут золотую ризу.
И полный экзальтации псалом
звучит и славословием и тризной.

Туда, где таинство себе воздвигло трон,
уводят ввысь огни мистической орбиты,
от горестей земли — туда, где небосклон
простёрт, как флаг, гвоздями звёзд пробитый.

Звучанье наполняет древний свод,
уносит к небу верящие души
и, щедро увлажнённое, взойдёт
молитвами страдающих, недужных.

Святой художник так воспринимал
призыв, в хоральном пении звучащий,
когда своё причастье раздавал
из золотой с вином и хлебом чаши.

И тихую печаль я слышал в этот миг
в дыхании толпы, в органа всхлипах резких.
В соборное окно луч солнечный проник
и падал сквозь витраж на выцветшие фрески.

В тоске

Как чёрный ворон, Страх в мертвящей тишине
величественно сел на нервов белый куст.
Из глаз он влагу пил, дух леденил во мне,
высасывая кровь из щёк моих и уст.

По жилам голубым кровь, как огонь, текла,
мистический огонь полночных грёз моих,
как лотос, увядал в чертоге из стекла,
и женская краса цвела в глазах мужских.

Летела низко мысль, я был тоской объят,
в губах моих цветок улыбки умирал,
под клёкот воронья предчувствий мрачных яд
моей души кристалл, как вазу, разъедал.

Таинственная Смерть, принцесса сладких снов,
в садах мистических, где не спадает зной,
ты, вечности заря, основа всех основ,
багряный ореол простёрла надо мной!

Коснулась крыльями холодного чела,
и принял чашу я с напитком золотым,
что мне к губам горящим поднесла,
и пал, как пред Евангелием святым.

Месяц

Оконное стекло луч месяца пронзил
в туманном сумраке ночного часа.
Пройдя сквозь призму, стену озарил
с обоями из белого атласа.

Как стих Корана, вязью на стене
начертанный под сводами мечети,
читал я песню рая на окне
и видел снежный сад в лазурном свете.

Нежней опала переливы роз,
заворожённых месяцем и мглою.
Цепь синих звёзд изобразил мороз
на бронзе инея алмазною иглою.

На чёрные леса и чёрные сады,
на перекрёстки городских проспектов
и на зеркальных вод пластины из слюды
ложится отблеск цветового спектра.

По волнам горизонта месяц плыл
и в окна проникал тюремных камер,
свой свет задумчиво и щедро лил
и на серебряной решётке замер.

Заглядывал в готический собор,
где люстр хрусталь дрожал от громового пенья,
и ткал из золотых лучей ковёр,
и покрывал им алтаря ступени.

Будил лунатиков в палатах всех больниц
и нервы бередил прозрачным светом,
пред красотой картины падал ниц
и вдохновлял учёных и поэтов.

Пора молитв

Пора молитв печаль нам принесла.
Закат кровавый тень обволокла,
чтоб пробудила стрелка на часах
полночный страх.

И губы чёрные тянули к нам поля.
Как в шаль, в туман закуталась земля.
Казалось, вздох последний оседал
на сталь зеркал.

Как будто это спящая земля
мглой застилала чёрные поля
и в ритмах, в запахах увяз
осенний вяз.

Разносит ветер стоны чёрных вод,
а в чёрных вазах леса — чёрный пот.
И всё это вбирала, не дыша,
моя душа.

В тиши застывших в ужасе дорог
я слышал грохот погребальных дрог.
Сон в город мёртвых души увозил
родных могил.

Веер ветров

Веер ветров развернула вновь десница Ночи,
звёзды в танце закружились, ускоряя бег,
в море — глади синей и зелёной —
хрустнуло стекло с хрустальным звоном,
пена волн белей, чем снег,
слышатся и стон, и плач, и смех.

Веер ветров развернула вновь десница Ночи,
плоть земную увлажнила на сто тысяч миль,
в царственном лесу высоком
щедро напоила корни соком,
он проник в сплетенья жил,
ветвям, листьям голову вскружил.

Веер ветров развернула вновь десница Ночи,
вспыхивали молнии в кромешных тьмах,
освещая купола с крестами,
разжигая вновь былое пламя
в душах мёртвых и цветах,
все препоны разметая в пух и прах.

Веер ветров развернула вновь десница Ночи,
и в душе, ветрам открытой, зазвучал орган,
ритмом бурь лесных проникся,
в медных трубах песня Стикса
стонет, словно ураган,
и зовёт нас к вечным берегам.

Веер ветров развернула вновь десница Ночи,
песню, как корабль, влекут моря,
мыс желаний скрылся в дымке мгlistой,
там вдали Неведомого пристань,
там и брошу якоря,
и прольётся в вышних сферах новая заря.

Когда усталость я из чаши часа...

Когда усталость я из чаши часа
пил, как целебный эликсир царицы,
Смерть из фиалок облачила рясу
и тенью села на мои ресницы.

Но зазвучала жизнь великим гимном,
как резонансы душ на струнах нервов,
и в океане призрачном, эфирном
я слышал эхо волн, ритм вздохов мирных.

Но привлекал сильней могильный запах,
и, погружаясь в сон, зажёл я факел,
и брёл за Смертью, и в подземных залах
курился дым, и кто-то горько плакал.

Меланхолические строфы

Остатки мёртвых сил, что я похоронил,
созрев, проснулись; май их разбудил,
и бледно-розовый букет экстаза
хранит моей души фарфоровая ваза.

И я вдыхаю горький аромат,
как будто в комнате моей осенний сад,
и просыпаюсь на цветах подушек, дабы
почувствовать себя запуганным и слабым.

Кто на путях моих готовит для меня
без блеска белизну, румянец без огня?
Кто из объятий грёз высвобождает душу?
Кто отрезвляет нас холодным душем?

И свет моей души надломлен, сер,
как луч, прошедший фильтр туманных атмосфер.
Я року в глубине души покорен:
фосфоресцирует гнилой в ней корень.

И в сумраке души...

День с наслажденьем просыпался в волнах света,
что лился нежной сепией на платье нив,
лазурью день сверкал, теплом лучей согретый,
и к небу посылал мечтательный мотив.

Он золотым дождём обрызгивал купавы,
он в ванне золотой седую даль купал,
деревья одинокие и травы
и радость поцелуем воскрешал.

И в сумраке души, словно в окне, рождался
луч золотой и тихий, как мольба
больных и страждущих, когда тот день касался
их потного, горячечного лба.

Тишина

Омрачённая тишина под тенью пепельных облаков,
ожидание, разлитое по застывшим деревьям, увядшим краскам
и тоскливой густоте вод,
тишина кладбищ, где лежат те, у кого не было друзей,
тишина храмов, где ещё курятся угасшие свечи
и последние ещё не отлетевшие молитвы переполняют сгустившийся воздух,
сады, где растут лилии, запах которых вызывает обморок,
полумрак, оседающий на следы тех, кто воскликнул: — Прощай,
тишина утомлённых душ!

Ваши взгляды, как прозрачные бабочки, летают по лицам друзей
в поисках уснувших в румянце улыбок;
вы восклицаете: — Ударьте по клавишам роялей и пробудите спящие ритмы,
пусть вырвется из них страсть, и безумье бурлящей крови
пусть брызжет из звуков!

Вы боитесь голосов, затаившихся и дремлющих в тишине,
как вечерний благовест, доносящийся из далёких городов, в тлеющих
сумерках вечеров,
как стон неведомых морей,
где выкрики ваших мёртвых близких тонут в пене набегающих волн.

Вы тщетно восклицаете: — Ударьте по клавишам роялей и пробудите
спящие ритмы,
пусть вырвется из них страсть, и безумье бурлящей крови
пусть брызжет из звуков!

Разъедающая атмосфера тишины усыпляет бурные ритмы,
жадно пьёт серебряную весёлость звуков, и, задохнувшись в этой атмосфере,
увядает всё то, что вырывалось пламенными языками из цветов
страстных мелодий.

Как мягкий ковер, приглушающий вражеские шаги, укладывается вокруг
тишина.

Вы ощущаете на своём лице холодное дыхание и в душе собственное своё имя,
погружаясь в круговорот времени и неведомых печалей,
из которых ваша душа бессознательно исходила столетье за столетьем,
словно светящийся вытекал сок по корням погребённых поколений
из болезненного посева Всевышнего,
с грядок вечной тишины.

Я знаю, Ты добр

Я знаю, Ты добр. И всё же со дна души,
как из торфяных болот, поднимается ко мне
дыхание тлеющих глубин.

В каждый Твой взгляд, в каждое дрожание мускула,
в неопределённую речь жестов, в звук голоса
проникает моя ненависть.

Синева небес блёкнет там, где мой взгляд
остановится с наслаждением, и я ненавижу лилию,
которую Ты взял в руки с мягкой улыбкой.
Знаю, Ты скажешь: — Какой сладостный аромат, —
и по моей душе разольётся такая горечь,
что я потеряю сознание.

Две души у меня; и более сильной,
той, что пульсирует и поёт в моём сердце,
я Тебя ненавижу.

О, минуты сожалений и горьких упрёков,
когда другая моя душа, та, чистая, эфирная,
с глазами, в чьих вогнутых зеркалах
пылает очаг Вечного света,
заламывает руки над моей земной тяжестью:
скорбящий гений — над могилой всех надежд;
услышь её трепещущую молитву.

Бог вечный посеял нас, и все мы братья;
наш голос, голос теней, полумрака и красок заката,
голос морей, древних дремучих лесов, голос бурь,
сотрясающий воздух вопль миллионов существ —
всё это трепет одной песни. Её самые высокие
и самые низкие ноты человеческая душа не слышит.
Разве возможна ненависть, откуда ей быть? Разве не единый порыв
нас уносит? Разве не горят наши жизни,
как тысячи электрических ламп,
питаемых одной силой?

О любовь, ты великое таинство.

Туманная ночь

Дождём угасших звёзд на землю мёртвый холод
просеялся с укрытых мглой высот.
И, как весла ударом, был расколот
и превратился в рябь застывший сгусток вод.

По чёрным тучам крался призрак белый.
И город обволакивала мгла.
Минувшее из погребов глядело
на стены, башни и колокола.

И небо над собором кафедральным
клубилось, становилось всё темней.
В порту под балдахином погребальным —
эскадра грустных и немых теней.

Сестра туманов, дочь любви и мрака,
ты мост взметнула за моей спиной.
Но Песни севера кровавый факел
мне освещает путь во тьме ночной.

Всё тщетно

Был сумрак тускл и бледен, как ночник,
когда приходит навестить больного
посланец вечности — полночный час. В тот миг
хотел бы я забыться грёзой снова.

Созрели ягоды малиновых кустов.
Июль дышал горячим белым жаром,
роса благоухала, воздух пел, но снов
счастливых ожидал я даром.

Кровавой зрелостью лишь раз алеет сад,
лишь раз от бури чувств проснётся на заре мы,
сны запоздалые до нас не долетят,
кто в праздник промолчал, вовек пребудут немы.

Овеял душу мне мир одиночеств...

Свеченье влажных звёзд впитали росы
в тот вечер сумрачный, сырой и серый.
Казалось, что во тьме стекают слёзы
по стенам сталактитовой пещеры.

В тот вечер сумрачный, сырой и серый
овеял душу мне мир одиночеств,
в кустах хрустальных на века окаменелый
мир грёз материи и дух её пророчеств.

Овеял душу мне мир одиночеств,
и чужд был голос собственной судьбины.
Казалось, вечный день прорваться хочет
к нам сквозь века, как дальний шум плотины.

Что сказать мне хочешь...

Ты в других пробудил день лучезарный,
но мой взор болезнен и неприкаян,
иду по болотной тропе коварной,
как беглый пленник вражеским краем.

Предостереженье Твоё в тишине слышу,
но страстями жизнь опьянила душу,
прикосновенье любимых её колыхет,
ароматом предчувствий туман дышит.

Завораживая, в упор глядят звёзды,
ухватить за ногу норовит чаша,
провожает меня напутствием грозным
в этом крае ужаса куст горящий.

Что сказать мне хочешь белизной лилий,
немотой тоскливого созревания?
Гаснущей свечой на могиле,
галлюцинациями увядания?

Как бывают многоглазы стрекозы,
так душа моя многоглаза,
в даях таинственных ей мнятся угрозы,
учащён её пульс от экстаза.

С каждым истлевшим столетьем я ближе
к Царства Твоего тверди.
Свет зелёных теней скоро увижу
и почувствую чёрный пассат смерти.

Извечная мелодия любви

Наполнен вечер музыкой весенней,
огонь заката расцвел туман.
Откройте дали! Тихих песнопений
и вечных вёсен нас влечёт обман.

Приветом жизни душу одурманю,
перед столетьями его послал восток.
Дыханьем розы он зовёт и манит,
как грусти завязь, как любви цветок.

Улыбкой юной освещая ночи,
извечная мелодия любви
прибоем волн в моей душе клокочет,
из искры разгорается в крови.

В ней скрытая печаль звучит веками,
очарованье горькое поёт,
и трепетными, нежными руками
она всех смертных за душу берёт.

На ложе снов отцветший день положим.
Огнями белых роз украсим сад.
И пусть его — и наши души тоже —
таинственные грёзы озарят.

Не охладит кровь молодую осень.
Звучит как диссонанс мой одинокий свист.
Лежит среди желтеющих колосьев
давно растоптанный, пожухлый лист.

Неуверенность

Была ночь, во сне тяжело дышали леса; ветви ломались с треском,
словно под напором невидимого пламени.

Казалось, из времени исходит шёпот неуверенности; но земля
молчала в глубокой тишине, затерянной среди веков,
как моря, в которых некогда струилась тёмная жизнь,
тысячелетиями откладывая меловые горы. Великие мысли земли,
подобно её теням, текли вдаль, куда их проецировало солнце,
и всё шире и шире захватывали таинственное пространство,
пока в их распростёртые объятия не попали первые звёзды.

Но беспокойство угнетало души. Увядали поцелуи, несорванные цветы.
В темноте смолкли птицы. Из катакомб доносилось нечто похожее
на порывы ветра.

Слова загадочных предостережений шептали умирающие провидцы.
Казалось, трепет каждого падающего листа имеет свой скрытый смысл,
как и тихий полёт летучих мышей, опускавшихся на сады
и ловивших на лету бабочек, отрывая им крылья,
сотканные из сумрака и лунных лучей крылья.

Ныне совершается нечто великое, — сказала моя душа.
Снова разверзся роковой Кратер и залил виноградники лавой?
Открывшиеся глубины смерти нарушили равновесие мистических ветров?
Над землями плывут облака крови?
Или святая мысль, превращающаяся в свет и похожая на дерево,
веками источавшее аромат и дававшее приют усталым,
страстность и столетний шёпот грёзам влюблённых и песни поэтам,
ныне гибнет, подкошенная?

О Всевышний! Бессмертие наше в нашей власти,
но настоящее простирается перед Твоим взором,
как земля, озарённая летом; туча за тучей отбрасывают в него тени,
когда таинство зреющих Замыслов преображает Твой взгляд,
всевидящий, сладостный и страшный!

Лишь им, равнодушная к судьбам тысяч, пробудится от грёз земля,
ибо с приближением Твоих солнц её древние горы смягчают, как воск,
и в тоске вспыхнет она огненным потом
и от нового приближения этих солнц превратится в пары,
послушные творческому всемогуществу
Мастера.

Для глаз любви...

Для глаз любви открыты тысячи дорог,
у душ есть сотни мест и дней для праздничных свиданий,
в пустынях звёздный светится песок,
как отблеск Вечных Городов, парящих в мирозданье.

Живут в них ангелы, и караваны грёз
к их башням тянутся, а нам для тайной встречи
открыт один лишь сад, и, кроме ран и слёз,
за вход в Твой светлый сад платить нам нечем.

Когда ж мы встретимся, закружится земля
быстрей и вспыхнет, как прозреньё,
нас фейерверком света опаля,
но кратким будет это озареньё.

Как нам продолжить чудо тех ночей,
когда под тяжестью росы лилеи гнутся?
Как общность обрести поступков и речей?
Скажи, как нам во тьме не разминуться?

Самих себя не знаем мы. Скажи,
как можем мы, князя земли, быть слепы?
Когда сердца, как солнца, вспыхнут, как души
слепящее снести великолепье?

Сокрытая любовь

Твоей любви сокрытой в бесчисленные души
неведомый им голос незримо проникает.
Стада на горных склонах вот так рожок пастуший
собраться в путь далёкий и трудный призывает.

Ты рассевал по нивам зелёным белый клевер,
мистическую тайну вплетал в ковёр природы.
И под Твоей ступнёю стонал весенний ветер.
Тебя узнали пчёлы, увы, не пчеловоды.

Любви сокрытой сладость в Твоём вине искристом,
висят Твои созвездья, как гроздья винограда.
И пробуждаешь души Ты солнцем златолистым,
звучишь Ты на рассвете росистой песней сада.

И в ней поют осанну, слагают дифирамбы
лазурные просторы времён непереплывтых,
горят сердца влюблённых, сияют ярче лампы,
любовь и примиренья в ней воедино слиты.

Пылает солнце бронзовым отливом,
цветёт в садах и грёз мистическим туманом дышит.
Ты миллионы душ зовёшь нетерпеливо,
они идут, они к Тебе всё ближе.

~ АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПЕРЕВОДЫ ~

Из книги «Тлиственные дщи»

Моя мать

По жизни мать прошла, как грешница, тоскливо,
по тусклым, грустным дням, лишённым аромата,
и с древа времени срывала молчаливо
плод жизни высохший, как пепел горьковатый.

По красоте лица пыль бедности хлестала,
глаза колола ей, их блеск гася слезами,
и, как самум, ей путь песками преграждала,
усталую укрыв тяжёлыми волнами.

Под грузом тёмных дней она склоняла шею,
тяжёлый жар труда испепелил все силы,
благословляла смерть, в агонии бледнея,
шептала радостно о близости могилы.

На влажный мрамор плит склонив в слезах колени,
взирала на алтарь. Струился воздух мглистый,
дождь благовоний, крест, несущий искупленье...
Душа тянулась к чаше, как к заре росистой.

О мать моя, ты светом ныне стала,
ты унеслась в огонь стрелою золотою.
Ты — тайна вечного огня. Хоть отзвучало
твоё над нашим миром имя, ты — со мною.

Цветок я бледный, влагой слёз твоих вспоённый,
они, как кровь моя, твоим наследством стали.
Мне передал навек твой поцелуй солёный
и жизни горький вкус, и тяготы печали.

Когда в зелёной мгле ночная тишь мерцает,
встаешь из гроба ты со мной делить молчанье
и, голосом моим разбужена, стенаешь,
в своём дыханье слышу я твоё дыханье.

В моей крови теплом твоё трепещет тело,
блеск тёмных глаз твоих моими стал глазами.
Мистический огонь, которым ты горела,
кипит в моей крови, кровь превращая в пламя.

Как ты когда-то шла, и я бреду тоскливо
по тусклым, серым дням, лишённым аромата,
И с древа времени срываю молчаливо
плод жизни высохший, как пепел горьковатый.

Моя мать

Шла жизнью мать моя, как грешница, в печали,
тосклив был день ея и светом не сиял;
была — как плод сухой, который ветры рвали
и времени полёт его не освежал.

Пыль острая красу лица ея снимала
и резала глаза, гася огонь очей;
пред нею, как в самум, пути все завевала,
в сугробах — под собой — приют давая ей.

Под тяжестью годов в бессилии склоняясь,
истерзана трудом, была едва жива —
и смерть звала она, в агонии терзаясь,
но благодарности всегда шепча слова*.

Теперь ты, мать моя, — сиянье золотого
луча, что, брошенный, летит издалека
в центр вечных, дивных тайн! Звук имени родного
домчался по волнам — я знаю: ты близка!

* Далее переводчиком пропущена строфа оригинала.

Я — бледный, слабый цвет твоей остывшей крови,
что, влагою очей налитый, вырастал,
своё желанье жить в твоём я черпал слове,
в наследство от тебя тоску я перенял.

Зелёной полночью, когда царит молчанье,
из гроба ты идёшь ко мне средь темноты,
и слышу я твоё знакомое дыханье,
а слыша голос мой — рыдаешь тихо ты.

И в жилах у меня — тепло родного тела,
в глазах моих живёт огонь твоих очей;
мистический огонь, которым ты горела, —
кровавым пламенем горит в душе моей.

Я путь свой прохожу, как шла и ты — в печали,
и мой был день тосклив и светом не сиял;
я — жизни плод сухой, который вихри рвали,
и времени полёт его не освежал.

Воспоминание

А. П.

Ритм шагов и трепет слов приглушённых...
Я слышу отзвуки тех позабытых слов
и вижу неяркий закат, весь в бликах зелёных,
и вновь погружаюсь в цветенье дурманящих снов.

Как долго вы зрели, прекрасные ароматы!
А ныне вы тлеете в мёртвой золе души.
Вы — лишь сладкие тени, что жизнью были когда-то,
горящее масло отцветших олив.

В тиши на лодке плыву и ритм веслом отбиваю,
ищу по звёздам неведомые острова,
где цветут кипарисы... Я ветер душистый вдыхаю...
Там прогорелые тени и вёсен грядущих трава.

Агония страсти

Погасли ль на западе вихри, пылая янтарно,
зелёное золото радуг, сожжённых дотла,
и полночи свет, в одеяниях синих тумана,
пролился ль волнами на скрытые ночью луга?

Не чувствую красок дыханье, но льются эфиры
мне в душу, как таинство, благоуханьем садов:
в руках моих дремлют до нужного времени силы,
которые ткут им из солнечной пряжи покров.

От жажды цветов неземных моя страсть умирает,
сгорая под взглядами солнца неведомых зорь,
и в пламени свеч мои мысли, обнявшись, взлетают,
пылающий лик омрачает предвечная боль.

Из книги «Рассвет на западе»

Ночи подобная...

Боль, озарённая зреньем, оседала клубами тумана,
огненных красок дыханье сгущалось в морозное марево туч.
Мыслей моих, как раскалённых клавишей фортепиано,
боялся коснуться полузадушенной грёзы луч.

Вновь погружалась душа в тишину, в гробовое молчанье,
вновь облекала сумрачный плащ с языками тлеющего костра.
День от меня уходил, опечален, и маятник на прощанье
мне посылал состраданья кивок, как тому, кто не встанет с одра.

И только боль, неподвластная времени, в своём дыханье глубоком
песнь Воскрешенья таила, пусть ей мечты убивать суждено,
ночи подобная, взгляд свой бросала в тысячи окон,
тысячам взглядов к вечному дню открывая окно.

И матери выкрик страдальческий, моё возвестивший рождение,
я только в дыхании боли глубоко почувствовать смог,
и в ней — крик последний мой, ликующий клич откровенья,
когда вновь забрезжит мечты увлажнённый слезами порог!

Из книги «ВЕТРЫ С ПОЛЮСОВ»

Природа

День мой песнею вторил музыке скрытых потоков
на меланхолическом берегу.
Давней жизни печаль, откуда я вышел, дохнула из запахов,
из говора леса, из тяжкого звона цикад над водами,
веками лежала она меж ними и этой рукой, что рвала цветы,
меж взором моим и таинственным миром,
что в мою душу немо глядел бесконечным вопросом.

Облака затемнили заходящее солнце. И душа у ветров вопрошала:
— Уходящие, пришедшие ли облака?
Отмолчали ветра, в зеркала послушные сгладились воды, и звёзды —
гаснущей искрой
в светящемся хладе морей — шумели, кипя надо мною невидимо:
— Свет умирает с приходом ещё большего света,
ещё большего, большего света!

Из книги «СТРОИТЕЛИ ХРАМА»

Земля?

За мирами — миры и цветы,
за звёздами — звёзды во мраке ночном,
и между ними мир, он кружит вокруг белого солнца,
и полёт его — тайный, но радостный гром,
и больше всего претерпевшие души
пребудут с ним и в нём.

Скажут сто братьев: «Знаем тайны его мы:
мёртвый встанет от сна, стихнет живой, дремля»,
скажут влюблённые: «Светом излишним взоры слепит он,
там время, как запах цветов неизвестных, всех убивает, целя»,
а те, кому видеть пришлось тысячелетья,
спросят с улыбкой: «Земля?»»

Из книги «Руки»

Пели горящие звёзды

На своём месте всегда, каждый миг,
в мистическом танце мира
кружимся во Вселенной.
В светлых высотах духа пылаем манящей
красой.
Над головами у нас
ореолом
искрится золото волос,
как аркан, до звона натянутый
ураганом на шее у лета.

В наши лица, в экстазе горящие,
холодом веют века,
и, охвачены счастьем цветения,
изнурительным блеском блаженства,
с бесконечно летящим криком,
танцовщицы мистерии, падаем
одновременно и ликующе
и, как в розах, в собственной крови
умираем.

Заступают места наши сёстры,
в белом блеске,
и в песне, через сумрак летящей вечно
нарастающими волнами,
к новым и новым пределам
в туманностях поднявшейся пыли,
пылает начало мистерии.

~ ecce

~ МУЗЫКА РОДНИКОВ ~

Таинственное в искусстве

В тех долгих разговорах, которые душа ведёт в одиночестве, ответы, немые и затаённые, возникают раньше вопросов. Ответы вечны, вопросы же ожидают своего времени, чтобы получить право на облечение в свет и звук. Часы, с горящими факелами сопровождающие нас, приспособливают свет к силе нашего зрения. И там, где когда-то слышалось диссонирующее тремоло сирены, мы, как только увеличится скорость движения, услышим гармоническую гамму, построенную на законах естественного звучания. По глубине вопросов мерьте высоту души, ибо по ним измеряется внутреннее богатство ответа. Только меньшая часть вопросов в душах умерших и сущих была переведена на язык слов. Самые же важные и глубокие из них укрыты в символах боли и предощущения половодья света, в символах силы и лёгкости, чья сладость разжигает бесконечную жажду, в символах таинственного отдохновения вещей, чьи изменения соответствуют эволюциям нашей внутренней правды, в символах предчувствий, любви и неуверенности, когда мы погружаемся в сумрак, полный опасностей, но и звёзд, в бездну самой большой неуверенности, когда мы шурим глаза от избыточного сияния внутреннего света. Во всех этих вопросах душа одинока. На том-то и зиждется одна из величайших тайн жизни и печаль молчания, которая чёрными тенями повисает на последнем слове тех, кто слишком откровенен. В каждом движении мысли и рук трепещет нервная конвулсия тонущего, тщетно пытающегося удержаться на таинственных волнах. Жизнь души — это путь, где непредвиденные события подстерегают в каждом тёмном закоулке и где молчание говорит единым языком для всех миров, а одиночество глядит тысячами глаз. Но всякий её шаг исполняет таинственные высшие предначертания, и сама её неуверенность имеет глубокое значение. А все случайности на этом пути кажутся таковыми лишь из-за несовершенства нашего познания. Это не случайности. Каждая душа обладает зрением, которое обращено вовнутрь, в невидимую ночь, заморожено единственным источником, откуда льётся свет всех звёзд прошлого и будущего. Головокружительный опыт такого зрения во всём смертельном великолепии его богатства не осознаётся душой в течение всей её земной

жизни. Этим зрением все мы объединены в общее братство видящих и посвящённых. Но только самые смелые мечты в биении сердец и молитвах святых отваживаются на предчувствие. И всё же именно этот опыт, для которого тысячелетия — лишь встречи мгновений и все мгновения — единое мгновение, а системы миров — всего-навсего игра искр, угасающих в сполохах одного костра, мир, где нет места для наших болей и наслаждений, куда не проникает ни единый луч нашего солнца без того, чтобы тут же не разложиться на составные элементы, и где наши крики не находят воздушных слоёв, которые бы их разнесли, опыт ночи, не являющейся ночью, — вот, по существу, всё наше скрытое богатство. Благодаря ему отражается в нас неясная и глубокая речь инстинктов, благодаря ему трепет эфира становится светом, доступным нашему зрению. Ощутить эти загадочные процессы, расширить гамму разнообразнейших звуков, которые мы способны воспринимать, освободить в земном зрении лучи, пронизывающие невидимое, открывающие новые картины, дорисованные на общей картине мира, наполовину излечить слепоту нашего экстаза при виде двух бесконечностей, объединённых бесчисленными связями, — разве это не мечта всех, кто научился слышать в песне времени гимны будущих рассветов? Кто из нас не хотел бы обладать такой гордостью и силой, чтобы довести мечты до конца — во всём их безумии, без страха перед карой? Чтобы распознать в наших болях солнечный удар внутренних солнцепёков? Чтобы почувствовать в наших радостях жажду, пробуждённую великим полуднем глубин? Чтобы оценить в нашей любви бессмертие этого мистического усилия? Разве вы не знаете, что именно эта мечта сияет в глазах тех, кто влюблён в свет, в глазах ещё не рождённых и ждущих своего часа? Не потому ли любовь преумножает все чувства и позволяет тоскующим слышать шёпот поцелуев в молчаливом столкновении цветка с цветком, в пении вод? В свадебные ночи, шествующие по земле, тишина наполнена душным дыханьем приходящих невидимых толп, а в биении единого мига, пролетевшего над народами всех островов и материков, разгораются мечты бесчисленных возможных жизней только для того, чтобы будущие боли когда-нибудь могли открыть новые миры Познания.

Все виды искусства обусловлены опытом другого зрения. Языком, полным символов, каждое слово которых возвращается из глубины стократным эхом единого ответа, говорит музыка. С ледяных высот, куда иначе, нежели как во сне, не ступал человек, в глубины, из которых всплывают самые загадочные наши истины, льются стремительные потоки бесконечной мелодии. В их обжигающую и охлаждающую купель окунаются тоскующие, дрожащие и нагие души наши, чтобы вернуться с улыбкой свежей и гордой, став на мгновение всеведущими. И, радостно открытые дыханию вечного солнца, ждут, прикрыв вечерней дремотой глаза, прихода новых снов. Лазурь ночи повисает над нами

магией звуков, в которых даже молчание звёзд кажется слишком материальным аккомпанементом эфирных глаголов предчувствия! А в замедленных унылых ритмах слышится трепетная и мучительная борьба света и тьмы в сумраке тысячелетий, вздохи груди, придавленной слишком большой тяжестью, которую не измерить слабыми руками! Проснувшаяся душа вещей говорит звуками; в их упоении боль обретает всё более демоническую выразительность. Дары, несущие послания вёсен, настороженная тишина морей, порывы невидимых ветров и пристальные молчаливые взгляды осенних дней находят слова, которыми выдают свои тайны. Тучи становятся символом, закрывая дали и принося молнии с мгновенными взблесками и близость смерти; и туман обретает новый смысл, поднимаясь даже из самых неприступных цветущих садов и медленно выпивая сияющую силу дневных и ночных звёзд. Вся психическая флора подчинена законам таинственного гелиотропизма. В любой период своего развития она обращена к солнцу — источнику всякой энергии. Каждая мысль, даже самая бедная и посредственная, способна обрести ослепительный блеск и разгореться под воздействием внутренних токов. Каждая, пройдя из столетья в столетье, способна, питаемая музыкой, охватить все виды искусства, овладеть мрамором и светом внешним и внутренним. Любое искусство — это галлюцинации, вызванные упоением самыми тонкими ритмами эфира и крови. Символические тени, утром устремлённые к закату, а вечером к будущему рассвету, в любой конкретный момент во всех видах искусства движутся в одном направлении и соответствуют моменту мистического дня и долгого солнечного года столетий и души. Боль всех художественных мечтаний — воспоминание о глубинах, куда душа отважилась погрузиться. В улыбках скрыт блеск невидимых слёз, которые делают доступной художественную красоту даже тем, кто более всего отдалён от неё. Аксиомы всех искусств почерпнуты из единой сокровищницы аксиом, и их сны — сны одной ночи и одного утра. На все из общих глубин сияет магический свет, поглощающий очертания одних форм, дабы другие усилились и ярко вспыхнули во флюоресцирующем танце невидимых лучей, преображаемых в менее преломляемые цветовые тона, чтобы для земного зрения они могли стать сном о неведомом. Любое художественное произведение, достойное такого названия, выражает мечту о бессмертии. Ведь в стране, откуда оно пришло, не умирают. Каждую секунду пребывания там оно набирало силы в атмосфере, сгустившейся под давлением высей, достигающих самых далёких звёзд. В этих чёрных волнах, как в волшебной крови, искупались сами отважные мысли и стали бы неуязвимыми, если бы ветры не наслали на них роковой дождь земных цветов и омовение оказалось неполным.

Именно потому, что искусство берёт начало в истоках, где отражаются звёзды иного неба, конечное воздействие любого великого произведения заключается в том, что оно усиливает жизнь лучами другого солнца, расширяет

и углубляет её картины новой добычей света и мечты и обогащает средства общения между душами. Один пронизательный взгляд погружается в сотни, и все они наслаждаются искрами пьянящего предчувствия прихода Вездесущего. Над страничкой, написанной Мастером, бесчисленные невидимые ладони протягиваются к вам для рукопожатья. Ибо суть искусства — любовь, которая дарует речь немым устам и прибавляет смелости слишком робким. Искусство тоже любит землю. Даже наиболее одухотворённое искусство с благодарностью сознаёт, что её свет служил опорой его крыльям прежде, чем оно взмыло ввысь с быстротой экстатических взглядов. Земля всегда остаётся берегом, к которому оно возвращается из своих полётов. И даже когда душа выражает языком искусства стремление покинуть мир увядающих красок и солнц, убивающих чрезмерным огнём любви собственные вёсны, даже тогда земля придаёт его пьянящей влаге нежный привкус аромата розовых садов и предостерегает от коварного благоухания поцелуев, которые вплоть до прихода другой жизни могут скрывать мгновенья обмана. Не одурманивает ли нас до головокружения сила песни, что набралась отваги взглянуть в глаза своей загадочной судьбе и пошла ещё дальше, когда из всех окон и дверей, распахнутых в ночь, повеял на неё ледяной ветер, закружился над ней, задул все светильни и пронизал её, посиневшую от холода, насквозь? Напрасно приходят в эти сады те, кто ищет там ядовитые цветы, чтобы отравить жизнь (несчастные, они закрывают глаза, чтобы не видеть кровавых отсветов своих угасающих горнов). Красота и любовь перекликаются за их спинами. Обе — неверные союзницы иллюзии, подкупленные золотом солнца.

В столетнем утреннем полумраке искусства встречаются с тенями зашедших светил, с тенями грядущих событий. Всё великое, что пришло в соприкосновение с землёй, уже заранее было отмечено мечтой. Путь к свету нашего солнца ведёт через сумрак предчувствий. Каждому дню предшествовала ночь с раскрытыми глазами звёзд. Экстаз раздвинул горизонт познания. История человеческой души — это история человеческих мечтаний. Но и в мире мечтаний господствуют законы, руководящие вселенной и её развитием, законы, играющие свою роль с чудесной лёгкостью, насмехающейся над тяжестью.

Никакая почва не бывает столь истощённой, чтобы не найти в себе силы вскормить полуночное цветение мистических посевов. Не найдётся души, столь погружённой во тьму, чтобы когда-нибудь в ней не мог заиграть яркими красками опыт другого зрения. Не найдётся души, которая в последний свой день посмела бы сетовать, что ни разу не узрела землю в ином свете, чем свет нашего солнца. Над каждой жизнью нависли беспокойные тени таинственного. Пропасти, один вид которых вызывает головокружение, зияют по обе стороны всех дорог. Каждый знает минуты неуверенности в правильности сделанного шага и неожиданные всплески любви к незнакомцу с ма-

ской на лице, которого мы повстречали в сумрачных закоулках собственной души. О, этот постоянный спор немых голосов о том, в какую сторону нам идти, который мы слышим в своём одиночестве! Вглядитесь! Укоры совести нисходят в наши сны и ведут нас в края, которые никто не видел раскрытыми глазами, и всё же мы их узнаем; но обращённые к нам слова, звучащие там, для всех, кроме нас, остаются немymi и, возможно, ожидали столетья, чтобы прозвучать в сочетании, столь печальшем нашу душу. Всякие губы знают невольную улыбку, ниспосланную в неведомое навстречу незримым надеждам. Мистическая улыбка, дар земли и молодости, — вот знак, что наша душа ещё способна блуждать по путям познания и боли. Впрочем, разве и то, что называют суевьем, не является несовершенным ощущением иных источников света? А то, что называют болезнью, не есть ли тайное волнение глубин, всколыхнутых ветрами, которыми мы не умеем управлять и которые подчиняются собственным законам? Наша душа проходит через опыт двух миров. Осознание их взаимозависимости составляет нашу духовную жизнь. Методы, которыми душа устанавливает своё господство над миром материальным и нематериальным, индивидуальны; ими обусловлено одиночество личности и сродство душ. Свет, исходящий в каждый конкретный момент из всех душ на земле, и есть тот день мистического труда, в котором зреет урожай будущего. Каждый метод, коим душа осваивает и обрабатывает свои богатства и приобретения из обоих миров, создаёт собственное искусство. Но из открытий, сделанных искусством в течение веков, лишь незначительная часть сохранится в книгах и художественных произведениях. Большая же их часть уходит с душами, которые умели или которым пришлось мечтать о своей победе молча.

Высшая справедливость

Справедливость, светящееся дуновение чистейших, самых высших слоев атмосферы, которыми дышат Святые, возникает от веяния того же высшего движения, что возжигает и гасит звёзды. Её вездесущность определяет и развивает строение вселенной. Это закон, стоящий на страже волшебного цветка жизни, наполняя ароматной тканью подвластные ему линии красоты. Тайна справедливости окружает жизнь бесчисленными символами. Всё, что, пошатнувшись в минуту слабости, отклоняется от предначертанного ею плана, погибает, спалённое холодом и тьмой. Как садовник, она идёт садами всех тысячелетий. Дыхание её пронизывает все времена и пространства, оно нежно и сильно и, подобно вечной музыке, вездесуще. И даже того, кто слишком привык к этой музыке, ибо родился музыкантом и постоянно музицирует, она захватывает в момент внезапного озарения, радости и любви, как песнь возвышенных надежд, как ясное осознание совершённого греха, как предостережение молний за горизонтом. Представление о справедливости постоянно меняется в соответствии с тем, как меняются чистота и невинная белизна душевного света. Затаённое чувство справедливости окрашивает и оттеняет каждое движение души, просветляя её или разъедая болью и тьмой. Эхом наших шагов оно пробуждает годами дремавшие силы, когда на перепутье нам надо помочь. Кто зашёл столь далеко, что понимает голос собственной боли, тот услышит в себе её выкрик, возвращающий первый крик новорождённого, ибо дни до пробуждения духа иллюзорны и часы их прочитаны тьмой.

Непостижимая в своих бесчисленных проявлениях, справедливость соединяет столетие со столетием, поколение с поколением, мир с миром.

Помимо нашей воли мы вовлечены в её действие, как вовлечены в круговращение земли и движение солнечной системы. Провидческая сила справедливости набрасывает на миллионы жизней удивительную сеть вековых взаимосвязей, чьи ячейки стягиваются от каждого движения, каждого шага, каждой мысли, меж тем как слабые руки тщетно пытаются развязать узлы, мешающие нам двигаться. Но именно необозримость и вездесущность справедливости настолько поражает нас, что мы не в силах охватить взглядом всё её потрясающее великолепие, способное ослепить, ужаснуть и привести в экстаз даже святого. Чего стоит наша жизнь, прочитанная биением сердца

на скрижалях истории, где тысячелетия спорят с тысячелетиями, как тучи с молниями? И что такое тысячелетия в бесконечных дождях горящих светил, которые сталкиваются в облаках самых отдалённых от нас туманностей и проливаются на единственную ниву вечной жизни для единственной жатвы? Но в зеркале справедливости одинаково отражаются и угасающие миры, и смежающиеся ресницы. Ибо для неё светят все миры и перед ней — все грядущие дни, а за нею — все ночи.

Слова звучат для неё и через столетия. Всё, что выпадает из наших рук, она подхватывает и подчиняет недоступным нам законам тяготения и ускорения.

Её пути опасны, как пути мимо строительных лесов, где возводится храм веков. Стрелы, о которых нам неизвестно, кто и где их выпустил, наполняют воздух шелестом неуверенности и тенями.

Но среди тысяч перспектив, в моменты просветления приоткрывающих душе мастерскую справедливости, есть одна самая тяжкая, более тяжкая, чем даже сознание мистической вины, как бы далеко эта вина ни отбрасывала свою тень в глубины времени. Речь идёт о незабываемом и пробуждающем неутолимую жажду, ослепительном великолепии любви, огнём справедливости обжигающей душу и даже свои смертельные прикосновения окружающей торжественной тишиной, в которой искрятся звёзды. Ибо справедливость есть пароксизм любви. Её упоение и её отчаяние, белизна её жара, не угасающего в веках.

Полностью познать законы справедливости — это нечто неизмеримо большее, чем познать законы, на которых зиждется архитектура вселенной. Большее, чем переход в высшую жизнь. Наша земля — это только сад символов и открытых, бесконечных перспектив. Среди светил, которыми опалает душу божественное Единство, справедливость — таинственнейшее из таинственных. В местах, озарённых её познанием, расцветает для нас вечная весна, в пылающем совершенстве сверкают вещи, негу невыразимой доброты выдыхают гармонические ритмы миров, и все скрытые родники земли бурлят, открываясь жаждущим устам и звёздам. Символы обнажают свой смысл, но и он становится новым символом, только более прозрачным, как если бы нижние слои облаков сдуло ветром, а облака в вышинах над нами, влекомые противоположными ветрами, пропускали ещё более щедрый дождь света. Света, в потоках которого душа убеждается, что милосердие справедливости не может быть ничем иным, кроме как милосердием бури, врывающейся в лес и довольствующейся тем, что выкорчёвывает лишь гнилые деревья, шадя душистую древесину здоровых стволов. Самое лёгкое её колебание вызывает мировую катастрофу, а единственный брошенный ею взор покрывает пеплом забвения целые города. Она нисходит на землю так же тихо, как падает снег,

оседа на слишком гордых и вытянувшихся вверх ветвях и ломая их своей тяжестью. Точно так же ломаются ветви и от чрезмерного изобилия плодов. Уста справедливости, умерщвляющие своей печальной улыбкой, ласковы, как уста влюблённого, более всего жаждущие усталости от нежных слов и поцелуев.

Уйти из жизни так же легко, как повернуться на другой бок в постели, возле которой стоит справедливость и, точно врач, держит руку на вашем лбу и вашем пульсе.

Нам дано узреть лишь ту часть её головокружительных деяний, что видна в земном освещении. Вот почему лишь в мгновенных вспышках не связано, прерывисто предстаёт перед нами её неведомый труд во тьме веков. Мы видим, как вздымается молот, но не знаем, куда он упадёт. Видим, как он падает, но не слышим удара. Слышим удар, но никогда не узрим его след на загадочном творении. Угрожающий жест обретает во тьме заманчивость раскрытых объятий. Однако мы не понимаем недостаточности доступного нам освещения и вместо того, чтобы усилить свет, перестаём верить в целесообразность происходящего и в связь между прошлым и будущим, в смысл существования земли и в смысл жизни. Однако те, кто благодаря стремлениям и предчувствиям приблизился к отблескам ослепительных глубин справедливости, давно убеждены, что нет иной боли, кроме той, какую доставляет наше несовершенство и недостаток у нас любви, а это есть боль, которую узник испытывает от собственной нетерпеливости.

Решающие мгновения

Минуты, когда мы ясно ощущаем свою душу, подобны молниям, в коротком блеске которых атмосфера нашего света становится сумраком. В текущем зеркале красок, звуков, в тысячах тех незримых метаморфоз, что постоянно претерпевает всё сущее пред нашим взглядом, мы видим отражение души. Мы ощущаем её близость по изменчивым, болезненно острым и чётким отсветам, неожиданно появляющимся на всех вещах и мыслях и в известные мгновения целиком поглощающим привычные очертания окружающего. Взгляд широко раскрытых от страха глаз души проникает сквозь туман вещей, словно трепеща в ожидании роковой встречи, чей исход скрыт за сном жизни, который становится вдвойне более непроницаемым после этих озарений. Но эти мгновения определяют наш путь, нежданно меняют его направление и там, где наши смиренные шаги вели нас по глубоким штольням во всё сгущающейся мгле, негаданно открывают перед нами простирающееся во все стороны бесконечное пространство. Это мгновения необъяснимые, порой даже отвергаемые скепсисом, когда со временем остывший взгляд возвращает нам события и вещи в более трезвой оценке.

Под грубым голосом, коим мы отвечаем на вопросы своих дней, скрывается нежный, неслышный голос души. Волны, которые колеблются от его дыхания, — чистейшие волны иного мира. Только в самых высоких криках любви, в самом глубоком молчании страсти и медитации и в эти решающие мгновения, приходящие неожиданно, голос души способен всколыхнуть тяжело сгустившиеся волны наших атмосфер и проявить себя. Голос этот может быть таким нежным, что все нежные песни, пропетые в веках, покажутся в сравнении с ним лишь немым жестом в сумраке, мешающем нам видеть игру губ и глаз, потемневших под воздействием интерференции самых глубинных световых волн. Ибо сладостные слова его, подобно свету, могут воскресить бесчисленное множество оттенков одной краски. Минувшие и грядущие тысячелетия — его пространство, где он раздаётся свободно и радостно. Издалека он говорит с дружественными душами. И только когда глас души сподобится повторить слова святых, слова великих провидцев, разгорятся их мысли и обнажат пред нами своё самое сокровенное содержание светлыми или тёмными чертами видимого, сотни ассоциаций собираются в один фокус, начинают звенеть недоступные нашему слуху

клавиатуры, и в молчании, связующем фразы, мы ощущаем скрытую взаимосвязь истин, чистых, ясных и глубоких, как воды, ставшие отражением лазури, неподвижные и всё же поднятые в воздушную бесконечность искрящимся солнцем, чьи грёзы снизошли в их глубины. Когда же голос души смолкнет, его чары долго ещё резонируют в нас. Внутренняя метаморфоза затронула и наше физическое существо. Это преобразование знаменует новый этап нашего земного развития. Все наши мысли и мечты с той поры отмечены новым оттенком, сначала незаметным, но тем более реальным, ибо ни одна секунда жаркого солнечного свечения не может пропасть даром, не оставив тысячи незримых следов. И толкование, которое мы даём своим поступкам и игре своих страстей и инстинктов, обнаруживает новые глубины и позволяет ощутить тяжкое сожаление об утраченных победах, из которых состоит тьма нашего прошлого; ибо победы добытые остаются при нас и ещё предстоят нам, усиливая сосредоточенный в нашей атмосфере свет. Состояния, которые до сих пор посещали нас бессознательно, оттенки увиденные, но не замеченные, звуки услышанные, но прошедшие мимо нашего сознания, проявятся, сделав картину мира более сложной и правдивой. Мы по-иному будем испытывать опьянение утренними зорями, тишиной полдня, глубоким молчанием ночей, заставляющим поверить в невероятное, когда земные просторы штурмуют торжественные небеса, дабы открыть их предчувствиям, по-иному будем испытывать опьянение лирическими и сентиментальными ночами, внушающими нам сладостный трепет, когда мы идём среди чудес, вызванных магией лунного света. Откуда иначе взяться тому аромату молчания, в котором расцветают эфирные аллеи лилий по обеим сторонам дорог нашего познания, делаю нашу мысль чище и сильнее? Но как сама душа переживает болезненные спазмы и страхи, так и её голос в какие-то мгновенья бывает ослаблен ветрами, которые удаляют его от нашего слуха, а в какие-то умолкает, ибо это мгновения ожидания и молитвы. Какая тоска заполняет душу, когда она единым взглядом, вместившим в себя годы слёз и осознания вины, охватывает свою убогую жатву на земных нивах! Какой страх испытывает душа, когда жизненные события, отражения часов, жестов, слов, пережитой боли в мгновенном озарении, подобном вспышке молнии, предстают перед ней в новых, неожиданных сочетаниях и открывают закон нашего существования, определявший наши судьбы, закон ледяной, математически точный и окончательно завершающий своё действие в минуту, когда мы его осознаём! Лишь сама наша трепещущая душа знает, закон ли это жизни восходящей или нисходящей. Страх, который в этот миг сжимает наше сердце, — не страх тела, всегда окрашенный более или менее осознанными воспоминаниями о боли, доставляемой нам дыханием, веющим из

разверстой могилы. Это не страх смерти, а страх жизни, возлагающей на нас мистическую ответственность. Страх, сулящий нам более страшные утраты, чем утрата дневного света. Сулящий пленение, от которого мы не освободимся, даже выломав решётки. Этот страх охватывает нас, когда мы осознаём, какая немая борьба ведётся во всех душах. Жестокая борьба за власть, которая до сих пор казалась людям условием нашей жизни, не более чем материальный символ этой борьбы. Святые пророки любви тщетно пытались остановить её и проповедовать учение о непротивлении злу насилием, пока в наших душах не была одержана победа, к которой были устремлены все наши скрытые надежды, — их помимо нашей воли влекли к себе цветущие дали, как помимо воли пчеловода манит к себе пчёл аромат полей цветущего клевера, который они чувят за километры.

Это были мгновения внутреннего просветления, горчичные семена познания, давшие богатые всходы мысли. История человечества творила из них новые формы. Именно в эти мгновения в душах, отдалённых друг от друга столетиями и тысячелетиями, вдруг зазвучали слова, складывающиеся в единый текст, и разгадка его будет концом познания. Сколько бы ледников и морей, включая самое глубокое море — море времени, ни разделяли тех, в чьих ушах звучали эти слова, родились они на одном меридиане второго солнца, которое проливает на них свой благословенный жар в полдень, не знающий тени. Восстал мыслитель, очнувшийся от тяжкой дрёмы, что лежала на мыслях и вещах, и утро новой истины воссияло перед ним в благовонных пламенных сполохах, среди которых безбоязненно пели птицы. Пророки, изнурённые постами и видениями, вышли из пустынь, и их слова реяли вокруг них, как королевские мантии, сотканые из молний, которые обрушивали свои удары на тянущиеся к пророкам руки стражей, посланных, дабы их пленить. А порождённое аскезой сильное и мужественное красноречие этих пророков склонялось так низко к земле, что заблудилось в розовых садах, выбирая самую прекрасную из роз для притчи о праведниках, а для предостережения душ прошло через все ночные угрызения совести и в лихорадочном бдении посетило руины всех разрушенных городов. Эти решающие мгновения наполнили узилища мучениками, арены цирков — жертвами, ночи сильных мира сего — кровавыми тенями и царства света — ангелами. Они нагромодили тысячи трупов в низвергающемся во тьму потоке времени и, преградив ему путь плотиной из мертвенно синих тел и заставив его изменить направление, выгнали на поля сражений целые рои металлических смертельно жалящих пчёл, когда горькое море боли должно было роковым приливом затопить землю.

Только в эти мгновения руки художников находили самые выразительные линии, полные таинств, а краски, протёртые в невидимой влаге другого мира, начинали светиться болезненным экстазом, который вливает в души

беспокойство красоты, жажду неизведанного, эту утончённейшую и всепроникающую боль, может быть, самую сильную из всех существующих на земле. В творческой тишине этих мгновений рождались галлюцинации симфоний, которых здесь никто и никогда не слышал; лишь отдалённо переданные земными звуками, они воскрешают тоску по более чистой жизни, чем современная наша жизнь, и позволяют душам понять, что их история не начинается с рождения и не кончается смертью. Но напрасно мы пытаемся вызвать эти мгновения криком страсти, напрасно хотим ощутить лучезарное присутствие души в таинствах крови и порывах чувств; искусственно расширенными зрачками ничего не увидишь в окутывающем её сумраке. Все душевные проявления, включая самые горестные, в конце концов завершаются торжественным примирением самых высоких надежд и покорной веры в Справедливость. Эти мгновения, таинственные и недоступные разуму, всегда приходят в нужный момент. Так же как звёзды нашего лазурного свода, и звёзды мира отражают мистический свет не там, где находится его источник. Блеск их загорается над горизонтом раньше, чем они взошли, и пылает после их захода. Но преломление их лучей в земной среде не подчиняется её законам; его индекс — величина не постоянная...

Улыбки времени

Не бывает душевной боли, которую убаюкивающие, шепчущие голоса не делали бы таинственной. Не бывает душевной тьмы, в которой бесшумно не летали бы ночные бабочки в поисках цветов, распускающихся исключительно ночью. Не бывает столь печального пути, на котором бы мы не могли неожиданно повстречаться с таким облаком благоухания, что, одурманенные им, вынуждены будем остановиться.

Утомлённые жизнью, мы черпаем новые силы из родников времени. Утро, восходящее из безграничности столетий, исцеляет наше большое зрение, раненное светом, бьущим с противоположных полюсов земли. Ибо так же, как свет, и время обладает свойством зеркального отражения, проецируя в души картины давних лет, первые сильные вёсны, удалённые от нас на тысячелетья, и полдни, озаряющие более совершенные миры далёкого грядущего. Каждый устремляемый нами взгляд способен встретиться с этими воздушными видениями иных географических просторов вечности. В миг, когда время становится непроницаемым для нашего зрения, меркнет и наш земной свет и глаза закрываются собственной тяжестью.

Всё, что мы оцениваем в жизни, мы оцениваем в надежде на таинственную связь всего со всем. Всякая мысль тем глубже, чем больший простор она предоставляет крыльям мечты, чем больше вокруг неё сумрака, который может быть озарён светом. Но все мысли подхватывает и уносит стремительный вращающийся поток, вовлекающий в себя все жизни и миры.

Взгляды, уже поверившие нам свои тайны, для нас мертвы. Это цистерны, чью влагу взметнула вверх жгучая мудрость солнца, дабы освежить неведомые далёкие источники. Вот почему любовь, чьи надежды зрели на самых низких, самых доступных ветвях волшебного дерева познания, сулит столько разочарований тем, кто не ведаёт, что самые высокие его ветви доросли до света и что именно на них столетиями вызревают плоды, которые нельзя срывать, поскольку до них не дотянешься, но которые сами когда-нибудь упадут на дорогу избранных. Падение — надежда тяжести, но свет и песня — надежда эфирного трепета.

Самая интенсивная жизнь — жизнь с максимальным числом надежд. Чем шире раскинулись могучие ветви, тем богаче охапка небесных цветов. Но в их рассветной красе ликуют бесчисленные вёсны, которым только

сдерживающий их закон жизни не позволяет выкрикнуть одновременно: не позволяет раскрыться одновременно бесчисленным губам, пьющим животворный напиток света, не позволяет взлететь в грядущее облаку золотого семени, чтобы им играли ещё не рождённые ветры. Чем сильнее душа, тем непоколебимее её убеждённость в своей таинственной свободе, тем торжественней озноб и головокружение ответственности.

Эволюция наших надежд — одна из самых тяжких, что мы переживаем. От самых низких, самых приземлённых отталкиваемся, самыми последними, невыразимыми, взлетающими к лазури, что выше всех наших горизонтов, кончаем. Низины души пребывают в постоянном временном безветрии. Чем выше мы поднимаемся, тем сильнее дуют вокруг нас ветры времени. Тем сильнее наше стремление объять всё единым взором, все моря, горы, страны, миллионы братьев и, словно искрящуюся пыль в широкой полосе света, — звёзды! Тем больше упоение нашим богатством! Но тем глубже и сознание, что мы сильнее всего любим ненародившееся, ожидающее рождения. Наше нетерпение возрастает соразмерно остроте нашего зрения; вот откуда та печаль, с которой мы, услышавшие громохание бурь времени, возвращаемся к повседневности, где всё кажется окаменевшим, неподвижным, где все неисчислимые силовые потоки текут так лениво.

Но это устремление к надежде, эта жажда движения и радости полёта — всего лишь свидетельствуют, что наша жизнь не заключена сама в себе, что мы живем ради таинственных надежд души.

Перспективы

Жизненное круговращение, обусловленное взаимосвязями, недоступными познанию смертных, требует, если оно хочет сохраниться и усилиться, широкого веяния ветров ирреального. Только под их влиянием оно перемещается из сферы красных тонов крови в сферу более чистых и возвышенных тонов благородной белизны, распространяющихся широкими волнами света. Стоит ли придавать значение тому, что переключка вздымающихся к небу языков пламени привлекает к себе летающих в сумраке наших ночей насекомых и с любопытством подползающих к кострам змей, коварных почитательниц огня? Сильный не боится их яда; он ловит их голыми руками, очищая родной край от их присутствия. Кровь сильных обладает иммунитетом от яда, поскольку в этой великолепной жидкости растворён и яд; готовясь к своей миссии, мы познали и впитали в себя всё, что приумножает жизнь, и всё, что её убивает.

Поднимающейся к свету душе грозит лишь одна опасность — всё то, чего можно достичь, не подвергая себя опасности. Все дороги к её обетованной земле непроходимы. И если, устав, душа отдыхает, её внутреннее зрение не знает отдыха. Тысячи солнц Млечного Пути она вмещает в одном взгляде и бросает его перед собой, словно бы посыпая песком дорогу к своему бессмертию. Её грёзы обретают лёгкость, только паря над пропастью. Ибо её стихия — пространство между угасающими и зажигающимися мирами. Её ночи прокладывают путь её дням, её слабость — её силе, падение — победе, смерть — удесятёрённой жизни. Место, где ей суждено отдохнуть, находится вне нашей земли. Но можно ли назвать отдохновением путь, на котором каждый шаг открывает перед тобой бесконечность?

Всем, с чем встречается душа, ей хочется овладеть. Она проникает во все вещи, дабы подчинить их своим высшим законам свободы. Глубины означают в её речи возможность опуститься в них и их познать. Благодаря своему происхождению она не знает большего счастья, чем строить на века. Вечно бодрствующая, она не может не пробуждать всё от дремоты. Её подобное жгучему ветру дыханье роковым образом угрожает всем посевам. Её взгляд заставляет расцветать все цветы. Но, вечно не удовлетворённый, не останавливается на их поверхности, сотканной из аромата и света, а проникает вглубь породившей их почвы, к огненному центру земли и сквозь всю землю, словно

она прозрачна, — там, на другом земном полушарии, перед ним открываются новые пространства и иные звёзды. Ибо ничто не способно ограничить душу, кроме безграничного. Она с благородной щедростью расточает свои богатства, но ревниво оберегает устремления к недостижимому. Даже смерть не способна загипнотизировать её и угасить жажду деятельности и новых завоеваний, дарящих ей ослепительный блеск несметных богатств под головокружительным, бесконечным сводом сокровищницы вселенной, где миры, как драгоценные камни, излучают давно воспринятый свет. Солнце создало её зрение, земное притяжение — её силу, боль — её любовь, невозможное — её отвагу. Чем большее напряжение от неё требуется, тем нежней и прелестней её румянец, тем чище и музыкальней её дыхание. Хранительница движения, она любит всё, что летит, время и всё, что устраняет препятствия для её полёта, величественное пространство. И её высочайшие устремления, как певчие птицы, находят себе пропитание на лету. Но вся доступная ей свобода воспринимается ею как плен, поскольку она слишком хорошо ощущает, что её свобода подчинена более высокой свободе, а та — ещё более высокой, и все — единой, Абсолютной. Минуты, когда и она должна подчиняться, — это решающие мгновения нашей жизни.

Самые свободные и сильные душевные порывы в те редкие и прекрасные минуты, когда они предстают пред нашими изумлёнными взорами, в своей огненной страстности подобны сверкающим, изменчивым волнам пламени, которые расчёсывает гребень ветров. Тем, кто не привык к такому зрелищу (столь неожиданному для бедных и холодных земных поясов нашего времени), чудится нечто жестоко эгоистичное в этом обжигающем полёте, чья красота ослепляет глаза, недавно очнувшиеся от сна. Сосредоточенное внимание творящих кажется равнодушием братьям, которые не поняли, что там, где души созидают, мгновения равноценны столетьям. Но как иначе можно было бы свести все силы в те торжественные творческие прикосновения, которые, подобно эфирным перстам, проникают материю и, изменяя сети внутренних взаимоотношений, ткуют новые связи? Разве можно упрекать в строгости взгляд из будущего, придиричиво изучающий фундамент постройки, по которой пройдут тысячи ещё не рождённых?! Словно любовь, многоликая как огонь, не способна создавать любые формы! Словно жар её пламени станет меньше, если будет невидимым!

Душа никогда не созидает только для себя. Там, где она строит, пространство наполнено тысячами рук, протянутых из всех столетий, которые подтверждают рукопожатьем вечное братство и передают друг другу незаконченное творенье. Это бурная, поражающая воображение деятельность, воспоминание о ней возвращается к нам онемевшим и смертельно испуганным, потрясённым ударами тысяч молотов, ослеплённым белыми пропастями

горнов, оглушённым звоном инструментов, доносящимся из таинственных цехов, приказами, раздающимися в этой жаркой атмосфере, лихорадочным дыханием тысяч, маршами приходящих и уходящих и песнями тех, кто уже трудится на высоте. В этих краях нет ничего, что отвечало бы чahlым земным представлениям об эгоистичной бережливости, запирающей свои улья, чтобы не дать губам братьев прикоснуться к мёду. Здесь нет ни одного движения, которое не сдвинуло бы с места все атомы вплоть до самых отдалённых миров. В этих морях от любого погружения в воду волны расходятся всё расширяющимися кругами, и волнение, не ослабевая, достигает берегов. Здесь строятся дороги для тысяч, города, в которых будут жить целые народы, и ворота этих городов открываются каждое в своё столетие. Проливающиеся здесь дожди увлажняют плодородные почвы всех земель вселенной. В солнце, которое здесь горит, отражена пульсация всех солнц, напоминающих собой вибрирующие пылинки летнего дня над бесконечными нивами, на которых зреет урожай под аккомпанемент лопающихся колосьев, сотрясающий почву и превращающий её в зернохранилище будущего. Все воли дрожат здесь в трепете единой воли. Все силы дают ей всемогущество и размах. Здесь дышишь любовью, как воздухом, как жгучим жаром всех тропиков, охлаждаемым льдом всех полярных ночей, воздухом, благоухающим ароматом всех вёсен, озаряемым молниями всех глаз. Все мысли сливаются здесь в гигантские формы единой мысли, говорящей обжигающими вихрями стихий, просторами, окутанными туманом, бесчисленными тысячелетиями, беременными жизнью, мирами, вращающимися в бешеном танце, пожарами, затопляющими тьму. В её поэзии цветут протуберанцы солнц, подобно розам, венчающим огненные зеркала фотосфер, в которые глядит, любясь собой, красота Вечного, чьё отражение передаётся от одной фотосферы к другой через пропасти пространства, тысячекратно увеличенное и не слабеющее, вездесущее, — красота, пусть даже увиденная слабым взором тех, кто живёт за тысячи миль от неё, но заставляющая их закрыть глаза из опасения ослепнуть и через столетия искрящаяся звёздами и вдохновляющая души поэтов на создание молитв. Поэзия, которая сублимирует эту красоту, стих за стихом льётся по стопам времени, измеряемого сотнями тысяч лет, звучит в полифонии всех созвездий, наполняющих собой бесконечность. Какой отвагой должна обладать несчастная душа, заключённая в тюрьму нескольких тёмных, подверженных всем ирониям материи органов чувств и тем не менее жаждущая понять, что и с какой целью здесь совершается! И всё же, какой гордостью она в своей глубине, в своих наивысших надеждах проникается, ощутив, что всё это связано с её нынешней и будущей жизнью! Ведь звёзды всех бесконечностей суть превращённые в огонь взгляды души, которые она к ним посылает и которые к ней возвратятся, когда её бледная земная тень будет

трепетать лишь в воспоминаниях нескольких одиноких душ, пока не угаснет в них навсегда. Вся боль земли исходит из тьмы, это столкновение взглядов в кровавых сумерках, каждый луч света — радость, но радость — только земная форма неясного осознания собственного бессмертия.

Участвуя в таинственном строительстве высшего мира, мы не способны в земной жизни узреть больше, чем это необходимо для достигнутой нами ступени. Взгляд вверх наказуется головокружением, взгляд вниз — падением. Наши мысли в смятении отшатываются от смерча вечной мысли, увлекающей в свои глубины всё, что к ней приближается. И всё же она вновь и вновь манит их к себе, они вновь и вновь к ней приближаются и приучают свои глаза долго смотреть на ослепительный свет. Наши конечности, продрогшие в холоде нашего века с его бедной тайнобрачной растительностью, с его весной лишайников и мхов, согреваются во время этих сладостных и опасных приближений. Глаз медленно приучается видеть в румянце братских щёк багряный отблеск единого горна, обслуживать который призваны тысячи рабочих. Воля, которая даже в нынешних существах дрожит от напряжения, увлекаемая круговращением крови, и — как столб дыма от внутреннего огня, разрываемая всеми ветрами — осознаёт, что её цель — вспыхнуть огненным пучком лучей, устремлённых ввысь, не может помешать изменению направления ветра. Полные неуверенности, мы отмалчиваемся, ибо понимаем, что существует абсолютная истина, и все мысли, подобно благоухающим, нежным, ядовитым и целительным цветкам, растут на дороге, ведущей к ней. Ведь существует нравственный закон, и человеку суждено собственной болью познавать на протяжении столетий его тайну. Ведь всякое глубокое познание жизни проливает свет и на мистические тайны смерти. Ведь есть необозримые богатства радости, цветущие, как сады, открытые для всех, но столетиями бесплодно отцветающие, потому что к ним никто не приблизился. Лишь изредка, в моменты самозабвения, когда наши распростёртые вширь руки находят в себе силу обнять тысячи братьев, до нас долетает их аромат и, подобно галлюцинациям, одурманивает нас настолько, что мы принимаем его за весть с того света. Страх смерти всегда служит свидетельством того, что мы не сумели оценить красоту жизни. Но врата, ведущие к красоте жизни, строго охраняются и никогда не отворяются перед тем, кто приходит к ним в одиночестве. Только когда перед ними будут стоять тысячи, они откроются. Погаснет ли до тех пор наше солнце? Нашим надеждам светят тысячи солнц, и взамен одного угасшего загорятся сотни, дабы вокруг них кружили планеты, способные вырастить цветы и дать в своих скалах зародиться эху песен и поцелуев среди роз.

Слово «человек» выявляет в душах высших существ тысячи возможностей красоты и силы. И кажется, что тишина пространства, в котором извечно летит земля, — это торжественная тишина ожидания.

Работа двоякого рода растёт под нашими руками: работа для времени и работа для вечности. Работу для вечности сопровождают таинственное восхищение и слава, два свидетельства, данные нам, дабы мы не сомневались в своём бессмертии. Слава ждёт нас на пороге нашей жизни и приводит к нам озарённых вечностью гостей. Всё, что отломилось от стен строящегося храма вечности и, подобно камню, свалившемуся с лесов, попадает к нам из мирового пространства, входя в земную атмосферу раскаляется и загорается, как звезда. Пути великих и святых похожи на искрящиеся золотые жилы, и их виражи обозначены на таинственных духовных картах. Исходя из бесконечных далей и возвращаясь в них, тысячи лучей обтекают землю, словно бы давящую всей своей тяжестью на их огненную сеть. Но их количество определяет степень блеска и величину земли среди звёзд другого неба. Восхищение устанавливает связь между душами, учит нас с торжественным и всё усиливающимся трепетом воспринимать красоту. Это свет, в котором исчезает всё, кроме любви. Если губы порой произносят хвалу преходящему, а глаза, не привыкшие правдиво видеть вещи, порой любят ложными ореолами, душа никогда не ошибается. Тот пьянящий трепет, отвергающий слова, как их отвергают любовь и смерть, чья головокружительная сила в нём заключена, душа испытывает только лицом к лицу с вечностью. Она всегда стремится к самому тяжкому, поскольку тайный опыт убедил её, что самое тяжкое есть кратчайший путь к высотам и что туда, где светятся золочёные башни её родного города, всегда нужно идти против ветра.

Красота мира

Красота мира — красота скрытая. Мы можем тысячу раз любоваться ею и ничего не увидеть, не сумев разглядеть мир в сферах его изменчивого и очищающего сияния. Нам неведомы богатства собственного нашего родного края. Разве что солнце нашего зенита поможет нам сориентироваться по собственной нашей тени, как расположены таинственные стороны света.

После шести дней труда и созидания мира красота — седьмой день наших душ. Это гармоническое отдохновение вечной воли, творческий взгляд, облетевший все будущие вселенные, расцветшие из зёрен первых звёзд, и убедившийся, что всё хорошо; это сияющий взгляд, недоступный смертному, воплощение вечности, до поры остающееся невидимым во всех мирах.

Лишь то тут, то там от векового обморока, бывает, очнётся душа достаточно сильная, чтобы вынести этот взгляд в жгучем свете апогея, пронизывающем столетия мирового развития. Страшное и величественное театральное зрелище представляют тогда молнии, вспыхивающие в облаках, скрывающих вещи, вечное прославлено преходящим, любовный румянец жизни пробуждён бессмертием. Видимо, в такие минуты возникло учение о творческом бессилии зла.

Но хотя познать все красоты мира в едином опьяняющем видении дано лишь избранным и единственно потому, что они обладают достаточной отвагой открыть эту красоту в утешение братьям среди бесконечных страданий, светлые небеса над землёй не закрыты. Многие тысячелетия вращается земля, но до сих пор не познала такого сумрачного тумана, который бы её надолго окутал целиком. Она ни на мгновение не остаётся без цветов, и весна за столетия ни разу не взяла отпуск. По дорогам, ведущим к вечности, в обе стороны постоянно движутся путники. На земле ни разу не случилось, чтобы какая-нибудь душа не освящала миг разговором с Богом.

Не было такой перемены света тысячелетнего дня, чтобы кто-нибудь этого не заметил.

Облака, мешающие нам глядеть в высоту, постоянно образуют просветы над головами народов. Бодрствующие в такую минуту ощутят благословенный свет, пробуждающий скрытый мир в нашем мире, лазурную растительность его невидимых садов, душевное продолжение его материальной весны. Он дышит как воспоминание о ночи перед рождением. Золотая роса его

столь обильна, что долго сверкает на листьях и травах и под нашим солнцем. Даже обескровленная реальность посылает утешительную улыбку, как больной посетившим его друзьям.

Но для того чтобы распознать сладостный вкус душевного вина, необходима иная, более сильная жажда. Жажда, вознаграждающая усталость свя-
тых и ищущих. Архитектура красоты мира так сложна, что всё великолепие её можно обозреть только с мест, откуда её не различить слабому зрению, перед которым все краски, формы и символы сливаются в нечто беспокоящее и смутное: грады красоты построены на горах, обнесены валами облаков, готовых разразиться молниями. И тем не менее всё, что душа может воспринять, от самого болезненного опыта тела до головокружительных взлётов мысли, находится на нужном месте, в золотом сечении её дня. Раскалённый металл слова, кроваво рдеющий в многослойной атмосфере земли и поднятый в чистые, насыщенные кислородом, поддерживающие горение жизни и огня высоты вечности, в великолепии похожих на расцветшие лилии искр, вспыхивает, как солнце.

Существует особая, скрытая связь между красотой и болью.

За всё самое утончённое, чем богата жизнь, за произнесённое шёпотом братское душевное признание, за познание того, с какой славой человек, посланник Божий, может приблизиться к другому человеку, за чудо забвения и прощения, за возвышенную способность к бескорыстному самопожертвованию жизнь вознаграждает страдающих. Они поддерживают священную традицию мистического родства с Богом. Справедливость в разговоре с ними понижает дрожащий голос — так в утреннем сумраке опадает роса; надо ещё немножко подождать, и прохладные капли будут тлеть, как угли, на благо-
вонных цветах. Тысячи картин, воссоздающих в многовековой последовательности одно событие за другим, сольются в её взгляде и, ожив, засияют скрытой красотой. Новые утехи овеют лица страдальцев с такого близкого расстояния, что у них перехватит дыхание; они поймут, что вереницы снов, которые посещают душу в земном изгнании, суть лишь остатки её былого королевского двора и что она, наречённая невеста, только ждёт своего дня, чтобы воссесть на трон, ждёт на берегу вечного моря и прядёт, подобная ночи, — между её магическими перстами тянутся шёлковые нити света из белоснежного конуса месяца.

Тайны внутренней сосредоточенности, благодаря которой нам сама себя раскрывает глубинная красота жизни, бледнеют в дни земного счастья. Шум бесчисленных плотин, прорвавшись через которые силы вздымаются фонтанами и пенятся, разливаясь по всему мирозданию, свист неистово прорезающих время ветров нарушают тишину, в которой говорят скрытые голоса. Всё убыстряя шаг, мы проходим сквозь огонь битвы, свет иллюзорного мира

слишком ярк. Мы слышим стук собственного усталого сердца, а не биение сердец, наполняющих вселенную.

Каждому общественному перевороту предшествовала боль бесчисленных искателей правды, действенная и деятельная боль, сопровождающая развитие. В боли вина встречается с примирением. Ночь, следующая за днём, тысячами звёзд призывает новое утро, дабы возжечь священные костры на восточных вершинах и восславить мистическое шествие жизни. Обморочным состоянием печали и смерти мы платим за познание гармонии, составляющей цель всех сотрясений вселенной. Прошлое, тяжкие тени вины, преследующие нас тысячелетиями, внезапно растворяются перед изумлёнными душами, словно бы поглощаемые милосердием. Дыхание смерти, подобное очищающему ветру, веет в цветущих садах сердец, разнося сладкий аромат по обоим мирам. Радостное, щедрое красноречие, не ищущее слова и находящее самые выразительные, подобное восторгу и экстазу, ничего более не утаивающим, нежданно захватывает всё, что говорит речью красок, звуков и света. Поднявшись над низменностями тьмы и ранних сумерек, где низшими формами жизни правит рок, мы вступаем в область свободной воли. Здесь звучит тысячами колоколов голос веры, потрясающий удивлённые взоры, преданный, радостно принимающий столетия развития, убеждённый в победах, видение которых, как солнце, клонящееся к земле, просвечивало сквозь кровь в грёзах пророков.

Познание красоты мира — вот цель всех наших усилий.

Все связи между душами обретают волнующую напряжённость благодаря её невидимому, не знающему границ присутствию. Тот, кто сумел показать нам какую-то новую линию, какую-то негаданную перспективу, приоткрывая красоту вещей и мира, — наш благодетель, единственный и незабываемый. Нам кажется, что он принадлежал нам ещё до своего рождения и целую вечность к нам приближался и в этой жизни нас наконец нашёл, дабы сказать нам то, что он был обязан нам сказать. Всю жизнь мы благодарны ему по закону любви, не умеющей забывать, а если что и забывающей, так только то, что раздала сама. Отсюда обожание влюблённых в телесную весну жизни, отсюда экстаз перед творениями гениев, сообщающий их словам резонанс, превращающий в музыку бурление крови в наших жилах. Но поскольку с нашим телом, отягчённым прошлым, нельзя жить в царстве красоты, опередившей на целые века все наши несовершенные возможности, и красота становится болью, нетерпеливостью, словно песок наших дорог чересчур раскалён её солнцем, так что с босыми ногами долго не устоишь на одном месте.

Сделать свой мир прекраснее, чем тот, который мы приняли, впервые открыв глаза, — вечная мечта души. Все усилия мы тратим на эту работу,

на которую уходят все силы веков. Миллионы голов находятся в этом рабстве поиска — на алмазных полях, в тропической жаре тысячелетнего дня. И всё же это рабство является единственной доступной на земле свободой, и чем дальше, тем более жестоким и строгим станет оно, потому что будет всё более сознательно избираться. Но наша жажда красоты не даёт нам покоя даже в тени другой жизни, и, не удовлетворённые земной добычей, мы верим, что впоследствии станем участниками многократно возросших усилий в новых условиях вечности.

Толпы

В духовном мире нет одиночества. Мы постоянно окружены тысячами душ. Толпы невидимых братьев что-то нашептывают нам, их дыханье вызывает у нас головокружение в тех местах, куда не ступала нога человеческая, они отвечают на наши сомнения, покрывают наши щёки радостным румянцем. Каждое слово, каждый всплеск радости и печали представляют собой магическое заклинание, открывающее могилы. Каждый миг нашего дневного света концентрирует в себе сияние бессчётных дней. Для того чтобы наши глаза могли раскрываться и видеть красоту вещей, блеск солнца, ночей и губ, тысячи глаз должны были закрыться навсегда.

Реки, скалы, моря, пропасти, животные, цветы и звёзды говорят нам о бесчисленных братьях, которые шли перед нами, приготовляли для нас землю. Металлы, воды, огни и силы отдавались в их лихорадочно дрожащие под ветром таинственной жизни, век от века всё более нервные и всё нежнее присасывающиеся к вещам руки, словно хотели почувствовать в них пульсирование вечного ритма, а руки, сеявшие боль, как заколдованное зерно, которого не убывает в ладонях, тонули в братской крови, трепетали, добела высохшие от наслаждений и усталости, осуждённые на проклятье отвергать всё, чего они достигли, и жадно тянуться к недоступному, без передышки, целыми веками, обессиленные общим трудом в одних и тех же каменоломнях, продолжавшимся вплоть до того момента, когда они цепенели в агонии; но ещё и тогда они словно бы пытались найти и развязать узлы тонких, острых, врезающихся в плоть и ранящих до крови волокон смертельных теней, в которых запутались.

Наши руки приняли их труд, ритм их горения, трепет их надежд. По морщинам на ладонях можно теперь читать будущую историю земли. Потому как подлинная история заключена во внутреннем соединении миллионов, возводящих одну таинственную постройку. В тысячах взаимоотношений, лишь бледный отпечаток которых отражает действительность. В бесчисленных человеческих падениях и взлётах, в познании души и тела. В просветлении и сиянии миллионов глаз, которые в каждом столетии сосредоточены на таинстве земли, и все эти глаза — будь то глаза мудреца или нищего у дверей храма — видят какой-то лишь им доступный оттенок ужасного и прекрасного лика вещей. Сталкивая ненависть и любовь, высочайшие устремления

и вину, окликает жизнь, как ночной сторож, свой час вечности. Ворота вечности всегда открыты для рождения и смерти, и она постоянно освежает жизнь своим сквозняком.

Там, в глубинах внутренней жизни, и происходят настоящие потери и завоевания. Там находятся поля сражений, не обозначенные ни на одной карте, и всё же именно исход этих битв решает судьбы тысяч. Каждая минута знаменует собой победу или поражение в каком-то уголке земли, так же как каждое дыхание где-нибудь сопровождается первым или последним вскриком жизни. Все души связаны таинственными нитями; любое произнесённое шёпотом слово будет услышано. Каждое, как удар пожарного колокола, врывается в окна всех домов. Мысли оставляют за собой в полёте огненные хвосты, различимые на целом полушарии. Состояние современного человечества, в сущности, совсем иное, чем об этом можно судить по тому, что произносят наши уста, фиксируют книги, во что мы в большинстве своём верим; часы душ идут неизмеримо быстрее, чем часы действительности; эфирные волны духовных зеркал отражают уже иное и более счастливое, чем наше, столетье...

Королевские хроники, сообщения о завоёванных землях, насилии над народами и их языком, набегах на города, предаваемые огню, о жестоком ликованиях, эхом которого было молчание смерти и отчаяние тысяч, как и всё прочее в том же роде, что запечатлела наша история, — не более чем спроецированные на стену тени таинственных движений. Прошлое неизмеримо богаче наших представлений о нём, и роковые облака его тяжелее, а солнце жарче и благотворнее. Народ — это сообщество живых, мёртвых и ещё не рождённых; в его глубинах лежит наследие столетий улыбок, поцелуев, страстности, никому не ведомых проявлений героизма, сплетённых рук, завет проклятия и крови. По багровой от кровавых боёв земле к нам приближаются из глубины веков светлые фигуры святых безумцев, которые и сквозь дым над сожжёнными городами умели разглядеть иную, более счастливую землю и призывали к крестовому походу любви для её завоевания. Их воля магически влияет на нашу, ибо воли постоянно соприкасаются из века в век; их воздействие распространяется вширь в пространстве, вдаль — во времени. Как от поколения к поколению передаётся речь, так передаётся и жатва нежности и правды, печали, восторга, горечи и тьмы, сопровождавших слова. В тени наших мыслей отражается меняющийся за столетия лик земли, появление и борения человека, история всего нашего рода, шаги братских толп, шествующих веками, оглашающие вечность песни надежды, затопленные светом башни будущих городов, белоснежные миры, вынырывающие из туманностей.

И как при первом пробуждении нашего духовного зрения присутствуют тысячи, так присутствуют они в его апогее, когда мечта о грядущих

столетиях, подобно волшебному миражу, возникает в пустыне нашей тоски, раскалённой жаром нашего дыхания; мы вдохновляемся торжеством жизни, что, справедливая, как солнце, единой световой волной разлилась по миру бесчисленных душ. Освободить их все! Чтобы тысячи братьев могли узреть, что в глубокой вечности при благоприятных условиях мог увидеть один!

Чтобы тысячи сумели простить то, что в опьянении милосердия сумел простить один! Чтобы они научились любить, как самые сильные из душ, и ненавидели только то, что ненавидели даже самые святые из нас! Чтобы тысячи обретали вещи и овладевали ими, как те, кто познал сладость возвышенной расточительности любящих! Чтобы там, где мы побеждаем мыслью, нам удавалось одерживать победы и телом и прекрасная идея превращалась в прекрасную явь, объятья грёз становились объятьями рук, туманные города — городами из мрамора и золота, мгновенные солнечные улыбки — днём, наполненным светом. Чтобы эволюция вывела нас из состояния, когда жизнь состоит из радостей, которые нам, слабым, ещё причиняют боль, и страданий, которые мы, несовершенные, ещё воспринимаем как радость. Ибо более высокая ступень жизни приносит более строгую оценку вещей. И самая высокая ступень жизни наступает тогда, когда радость и свет достаются тысячам братьев, а боль тысяч душ принимает на себя одна сильная душа, способная превратить её в благословение. Кто найдёт слова, чтобы написать историю такой жизни? И разве не является целью жизни наступление такого времени, когда писать историю будет невозможно, да и не нужно?

Для верующего судьбы тысяч взаимосвязаны. Мы не понимаем эту связь, как не понимаем и высшую справедливость. Мы не понимаем её, поскольку та часть истории, которая развёртывается во времени и пространстве, ничтожна по сравнению с той, которая развёртывается вне этих пределов. Но и в видимой части некоторые события происходят столь величественно и неожиданно, что не находят глаз, которые могли бы их узреть и сохранить для будущего. Кроме того, нескольких прошедших тысячелетий истории недостаточно для постижения закона, определяющего жизнь нашей звезды, рассчитанную на неизмеримые века. Но уже по тому, что мы видим и предчувствуем, по кровавым бурям и пожарам, по молчаливым страданиям бесчисленных душ и по лихорадочно горящим пророческим глазам мы познаём жгучие прикосновения Вечного, опаляющее приближение добела раскалённого железа к отравленным ранам, целебное дыхание таинственных соков, зреющих под созвездиями святых ночей. Великие и сияющие любовью слова уже многократно летели над нашими головами и оставляли молчание печалей и доверия в душах тех, кто умел их слышать.

Молчание печалей, потому что они видели, как ещё далеки мы от чистой, сильной жизни и сколько ещё пожаров, страданий и бурь нас ждёт. Молчание надежд, потому что они знали, что победа всегда принадлежала тем, кто понял Высочайшую Волю и верил, что в святых руках и засохшие ветви расцветут, как лилии, и что взгляды любящих говорят магической речью, правящей душами и событиями.

Посвящение жизни

Не существует иного посвящения в мистерию красоты кроме посвящения жизни. Чем чище жизнь, тем ярче видение. Тот, кто хочет познать величайшую тайну красоты, должен задать вопрос, который пылал на устах всех пророков: как жить? Ибо как повсюду, так и в области красоты правят великолепная и внушающая страх справедливость, одинаково благосклонная к червю и к князю мысли, досыпая звёздами, как гранаты песком, то одну, то другую чашу весов и восстанавливая вечное, никогда не нарушаемое их равновесие, всегда в одинаковом напряжении удерживающее космос. Всякий срывает роскошные плоды красоты с тех ветвей, до которых духовно дорос; её световые галереи, громоздящиеся одна над другой, соответствуют духовной иерархии.

Но всегда, во всех своих проявлениях красота преследует свою далёкую цель: объединять духовные силы в видении земли и её реальностей более богатым, чем прежде; подобно пастушьей свирели, увлекать мистические стада на расположенные всё более высоко, всё более благоуханные и целебные пастбища древних гор. В каждом нашем победоносном взоре отражается радость миллионов, завоёвывавших для нас мир красок и форм, возвышенную улыбку цветов и звёзд. Что было завоёвано однажды, остаётся на века. Любой грош, преумноженный вечностью, способен уравновесить всё золото земли. Ни один могучий взгляд, узревший мир в новом великолепии и с новой степенью правдивости, не пропадает в тысячелетиях; каждый из них дожждётся своего времени и воплотится в деяние, засверкает словом, поцелуем, пророчеством; но также и упрёком, болью, жаром борьбы, которую духи ведут во всех мирах. Урожай со всех полей красоты — это дань, собираемая со всех городов жизни, уплачиваемая нашей звездой вечности.

Как языки пламени, танцующие над скрытыми кладами земли, красота указывает нам на места, где нужно продолжать поиск. Разделяя души и вдохновляя их на борьбу, она имеет в виду возвышенные и славные цели, маячащие, как мишени, в таких далях, куда не долетят стрелы даже самых отважных прозрений. Её улыбка схожа с широкой, загадочной улыбкой моря, опасной для одинокого пловца; и её послание — это как бы мистическое письмо вселенной с печатью звёзд, которую не разломает даже эфирная рука самого могущественного из духов, но оно будет открыто для всех глаз. Миллионы сердец стучат в унисон на службе у красоты, как челноки ткацкого

станка жизни; миллионы сердцебиений в течение непрерывного рабочего дня поперечными нитями любви стремятся соединить основу, порванную на заре времён. И напрасно бьётся всякое сердце, оказавшееся вне этой объединяющей работы, это челнок с разорванной нитью, лишь зря обременяющий духовные руки.

Кажется, что и красота, как восходящее солнце, покидает места, где когда-то стояла. Но тот, кто разгадал её тайну, знает, что она неподвижна, как солнце, с ослепительным победоносным смехом радующееся мирам, которые она оживляет.

До тех пор, пока перед нашим взором, словно какая-то мистическая растительность, буйно разрастается красота вещей, всякий раз новая и внушающая изумление, мы можем быть уверены, что идём в правильном направлении. Деревья, цветы, родники своим ослепительным великолепием возвращают нашей душе сияние тем более яркое, чем ближе мы к своей цели. Птицы приветствуют нас пеньем, как братья, предсказывая своим полётом наслаждение лёгкостью нашего полёта.

Всё бытие, чья сложность и неслаженность нас тревожит, затихает перед нами, как хаотическое волнение сил в день Творения, и мы можем отправляться в духовное плавание по зеркальной поверхности сияющего водного течения. Необходимость со всей отчётливостью выступает перед нами в гениальном озарении, наши поступки обретают точную функциональность, подсказывающий их инстинкт становится осознанным. Духовно сложное и непрозрачное мы видим вдруг сразу со всех сторон; мы подчиняемся тенденции развития; каждый миг объясняет нам загадки столетий; всё соответствует великолепным перспективам закона; опьянение полнотой неисчерпаемого жизненного богатства даёт нам предвкушение свободы, жажду которой все мы несём в своих сердцах.

Но как только вещи пред нашим взором начинают распадаться и превращаться в хаос, без закона и ритма (сколь бы ни был он трагичен в душах, которым справедливость предопределила путь боли), это свидетельствует, что мы сбились с пути и направляемся в болотистую хлябь распада, которая тысячелетия будет ожидать какой бы то ни было растительности, а может быть, и вовсе её не дожждётся за всё время существования земли. Как повреждённое зеркало, с которого слепые руки соскребли серебряное покрытие, природа утрачивает способность отражать черты нашего духовного лица. Сумятица и противоречия, взаимно превращающие самих себя в ничто, сообщают нам, что какое-то пятно лежит на нашем внутреннем зрении. Это значит, что мы потеряли точку, в которую сходятся все перспективы красоты; произошло нечто такое, что не должно было случиться; мы лишились правильного отношения к жизни земли. Была ли это боль, которую не следовало извлекать

на свет из тёмных нор вины? Была ли это любовь, которую нельзя было отвергать, ведь она — королева! — была готова покориться, и вот теперь огнём выжигает всё вокруг, как князя при своих набегах на чужие территории? Была ли то истина, которую мы забыли, как иногда забывают задуть свечу, зажжённую возле ложа, задевают её во время чересчур бурного сна, и от неё загорается дом? Или мы слишком долго спали и пропустили в веках время, когда надо было свернуть на другую дорогу? Или мы отстали от наступающего братского воинства и теперь блуждаем по утихим полям сражений, где только алчные мысли кружат над нашими головами, как тени хищников вокруг покинутого лагеря? Сопричастны ли мы ввиду своего молчания к вине могущественных перед тысячами безымянных? Или, может быть, мы бессознательно препятствовали духовному единению мира? Но красота исчезла. Наше духовное зрение ослепло, руки, наталкивающиеся друг на друга во тьме, утратили способность к творчеству. В такой ситуации искусство погибает. Ибо проникновенно видеть и проникновенно творить — это одно и то же. Мистический садовник не впускает в свои внутренние сады тех, у кого нет сил в них трудиться.

Но работа, которую совершает искусство, идёт в том же направлении, что вся жизнь на земле. Это продолжение творческого акта, положившего звёзды, как краугольные камни, в основу своей постройки и сделавшего фантазию мостом между миром видимым и невидимым. Следовательно, невозможно искусство, противостоящее жизни. Не противостоит жизни ни искусство ужасов, ни искусство, оживляющее сумрачный простор между днём и ночью. Ибо искусство так же, как жизнь, есть господство закона над хаосом, это речь, диктующая свои правила на века, линия, ограничивающая пространство за пределами природы, краска, позволяющая предощущать торжество зорь, зажжённых иным солнцем, чем наше, музыка, извлекающая из посвиста вихрей, из шума волн, из воя и гогота животных светящийся трепет благородных звуков и умеющая связать их так сильно, что они, как заклинание, проникают в мир духов и в его глубинах воскрешают рыдания ещё не рождённых чистых существ. Ибо в искусстве заявляют о себе ещё не воплощённые формы жизни. Однако жизни противостоит немота, пусть даже она проливалась продолжающимся века дождём слов и пусть даже её тишина была молчанием целых библиотек; противостоит слепота, пусть даже она обмакивала свою кисть в розовую краску заката, удерживаемую в ладонях вечера, и с этой кисти капали солнца, как капли текучего золота; противостоит глухота, пусть даже она в неистовстве, подобно буре, заставила звучать гигантские клавиатуры морей. Немота, слепота и глухота противостоят жизни, потому что разрывают связи между существами и нарушают этим процесс духовного соединения, самый смысл красоты.

В этих местах нет внутреннего различия между отдельными формами человеческих усилий. Мастеров науки и художников, гениев действия и сердца, завоевателей и святых объединяет с бесчисленным множеством других общее дело установления духовного сотрудничества. Всех их манит красота, всегда ускользающая в жестокой любовной игре, всегда преследуемая фантазией. Той фантазией, без которой на земле не произошло бы ни одного открытия; фантазией, чьи фрегаты достигали не обозначенных на карте мысов новых материков на столетия раньше, чем корабли из железа и дерева; фантазией, которая при взгляде на весну слышит щебет тысяч вёсен, в песне жнецов слышит музыку созревающих звёздных полей и в красоте женщин приветствует любовь великолепных братских существ, выступающих из глубины веков; фантазией, глубокой интуицией проникшей в духовную сущность мира, создав понятие Всемогущего, и из чувства благодарности за миг экстатического постижения цели озаряющей улыбкой весь космос, забывая про тысячелетние страдания миллионов сердец и про смерть, которую живым нельзя любить, хотя она способна объединять в большей мере, чем жизнь.

Весь таинственный мир, дремлющий в нас и до сих пор не выраженный, а его не выразят даже шеренги созвездий тысяч земель, мир, чьи величие и слава недоступны даже предчувствиям и грёзам самых отважных, трепетно пробуждается в нас при вспышке каждого творческого поцелуя, словно сломались ещё одни оковы мистического проклятия и приблизились друг к другу простёртые для объятия руки духов, мечтающих о соединении и освобождении.

И такое впечатление производят все великие творения человека на земле.

Опасности жатвы

И в искусстве есть свой синеющий жар полдня, героизм безмолвной борьбы, критическая пора жатвы. Это мгновенья лихорадочной спешки перед грозой, когда песнь замирает на губах жнецов, а оси телег, увозящих урожай с труднодоступных мест, прогибаются под тяжестью золотой поклажи.

Точно так же, как всякое благородное устремление человека, искусство сопровождается ревностью скрытых сил, враждебных духов. Да, и очи красоты, полные звезд, противятся человеку своим сиянием, способным загипнотизировать слабого, погрузить его в сон, отчего создаваемое им валится из его рук. Творцу необходима борьба, бурное волнение духа, поднимающееся из родниковых глубин. Трудом он развивает свою богатырскую грудную клетку, и тогда на крутых подъёмах и в минуты опасности дыхание его остаётся глубоким и равномерным. Покрытые золотым загаром руки гениев должны быть закалены трудом, чтобы в них всегда доставало силы единым взмахом косы охватить весь полукруг горизонта, овладеть временем, удерживая его, как воз за ободья, пока братья накладывают снопы.

В высоком пароксизме труда, как в огне последних поцелуев, робко стихают музыка грёз и беззаботные игры; напряжённая серьёзность преображает мазки художника; громовые удары познания сверкают, словно молнии; и смерть во всём великолепии ожидающих миров мечет в разгорячённые лица холод своих сумерек. В бурях радости и славы, в гимническом восторге свободы, в сладкой истоме победы есть оттенок серьёзности, придающий всему великому в искусстве пафос молитвы. Тень ли это трагического воспоминанья, на мгновение омрачающего духовный лик? Извечная ли горечь от сознания ограниченности человеческих сил, которую острее всего ощущают самые могучие из нас? Или мистические стигматы, — проба чистоты нашего золота? А быть может, это слепящая молния, блеснувшая из приоткрывшихся на миг и вновь захлопнувшихся врат вечности, откуда к нашим ногам просыпался дождь цветов, ещё напитанных росой серафических рассветов?.. Мы знаем лишь, что в этой серьёзности, сопровождающей великое искусство, выражена связь труда художника со всяким трудом человека на земле. Ибо и в труде, связанном с землёй, самом грубом и смиренном, когда человек и животное шагают рядом в клубах единого горячего дыхания, есть своя патетика, свой болезненный блеск славы, экстаз самоотречения, есть упоение

ветром, смешивающим воедино духовное дыхание миллионов и громахание гигантского пульса в висках, подобное эху кузниц, в которых дробятся и формируются миры, есть своя мечта о всемогуществе. Даже в самых грубых движениях, в самом изнурительном труде, как из-за прогнувшейся решётки в окне тюрьмы, блеснёт неожиданно жар души, некогда присутствовавшей при создании звёзд, а теперь страдающей в заточении.

Ибо и труд материальный имеет свою цель в вечности. И из его колея, отчеканенных в чёрной земле, пьют воду первые птицы, что возвещают весну духа. В скорбном героизме, покорный, из века в век стоит этот труд на страже, охраняя растущий людской род от смерти, голода и слепых стихий, поддерживая его жизнь для таинственных целей, всё глубже посвящая человека в познание земли. Тысячи лиц иссушает трагический труд, чтобы запечатлеть их цветенье в единственном лике, тысячи членов калечит, чтобы придать пьянящее сиянье линиям единственного тела, жар — единственной песне. Идут народы, дыша разгорячённо, как их мать-земля, окутанная облаками, которые сгущаются вокруг её лица в вечном холоде космических путей. Разве можно забыть, что, платя за каждый шаг, сделанный вами по дороге через века, тысячи падают от изнурения? Быть может, именно неоплатная, молчаливая боль, невидимая во тьме, где толпы безымянных трудятся и умирают, придаёт серьёзность ясновидения творческим часам, тем великим часам в жизни народов, когда в гармоническом ритме сияющих огней расцветают сады духа. Вот рука, всемогуществом которой вы восхищаетесь, творения которой позволяют вам подниматься до сверхчеловеческих вершин, до братства высших существ, эта рука в смирении прошла через тысячелетья метаморфоз; веками училась она сражаться с землёй, камнем, деревом и металлом, сжимать их повелительно в самой сокровенной их сути, прежде чем сложилась её удивительная конструкция, сформировались её мускулы. Бичуемая огнём, она обрела чуткость пальцев слепца, и, одухотворённая, простирается теперь над землёй, в узлах скал и движениях ледников, точно в книге для слепых, читая её историю, и уже протянулась к золотым письменам, рассыпанным по небесному своду. Движения жнецов и сеятелей наделили её той лёгкостью, которая позволяет воплотить в искусстве покачиванье дерева на ветру, трепет холодных вод, полёт птицы, света, мысли и звёзд. Сосредоточенная в ней мощь толп, оживая, даёт ей магическую власть над самими толпами, царским жестом усмиряет бури ритмов и опасные морские валы духа.

Так боль множества подготавливает рождение князя среди работников — художника, творца, мыслителя, советника царей и поверенного неисчислимых. Всех, для кого труд земного пахаря и тревожная неуверенность в исходе жатвы превращаются в служение высшему духовному порядку, в который, как звено в общей цепи, включена и земля. Земные масштабы раздвигаются

для них до бесконечности космических пространств. Возникают новые миры времени и чувства. Сиянье миллионов солнц сосредоточено на труде их рук. Им предстоит сломить заклятье взаимной вражды меж душами. И будут они искать новые и новые слова для любви, потому что все сказанные прежде скатились, как дождь, по скалам сердец. Картины великолепия будут убивать ироническое красноречие зла, заставляющего человека забыть, что его путь пролегает через овладение естеством к сверхъестественному. В благородных творениях архитектуры они дадут жизнь вековым снам камня, а глазу — возможность вновь и вновь восхищаться величием руководимой духом материи. Их воля, как успокоенная водная гладь, будет зеркалом высшей воли. Их таинственно чуткая мысль обретёт сказочную чувствительность тех маятников, которые не реагируют на сотрясение земли вокруг, но трепещут от далёких катастроф, сотрясающих острова на другом полушарии, от скрытых опасностей, из века в век грозящих красоте и силе рода человеческого. По их воле в духовное безветрие дремоты и равнодушия, словно буря, врываются беспокойные, таинственные голоса. Им возводить храмы надежд для миллионов, им высшей мерой отмерять радость и боль и со всё большей страстью в доверительных откровениях красоты отыскивать смысл вечной драмы, которая разыгрывается в черед сменяющих друг друга миров...

С какой отвагой и царственной осмотрительностью будут прокладывать пути к земле обетованной эти разведчики, высланные народами вперёд! Какими уверенными должны быть зрение и рука, чтобы охватить картины тех гигантских просторов, что веками дремали в великой тишине света, а теперь станут родиной любящих! С какой орлиной быстротой должна устремляться вперёд их мысль, чтобы настичь добычу, которая, подобно молнии, в единый миг прорезает всё видимое пространство горизонта! С каким тревожным напряжением будут они таиться в холоде ночи, чтобы не пропустить пророческого знамения созвездий! С какой чистотой будут близиться к празднествам своей жизни, к таинственным именинам души, чтобы не лишиться творческой ясности — того высшего дара, который даётся лишь в редкие мгновения, а однажды утраченный, не возвращается никогда! Ибо чего не уловил в нужный час слух избранного, по тому напрасно будут тосковать века и народы.

Но огонь жизни требует новых и новых жертв. И именно те, кто всех выше, как царские дочери, будут принесены в жертву ради расцвета государства и попутного ветра для кораблей. В уединении или среди толп, в объятьях женщин или в садах друзей — нигде не будут они ограждены от внезапных порывов ледящего ветра, настигающего тех, кто несёт сопряжённую со многими опасностями стражу на перекрёстках веков. Каждое такое дуновение будет лишь укреплять жизнь их творений, а их добродетель и святость состоят в том, чтобы передать эти творения людям нерушимыми, с длинными

колосьями, с полновесными рядами зрелого зерна, набравшего силу для вечности. Ибо созданное ими им уже не принадлежит. Оно принадлежит тем миллионам, которые вместе с ними трудились во тьме и муках веков. Всем живущим на просторах земли, ожидающим от Творца зова, наименования нынешнего часа в вечности, возвышенной боли пробуждения, опоры славы и великолепия, приличествующих княжеской гордости бессмертия, затаённой в каждом сердце, как бы ни отрицали её на словах, как бы ни опровергала её жизнь. Созданное ими принадлежит миллионам ещё не родившихся, которые когда-нибудь сменят нас в творческом труде и будут страдать от всего, чего мы могли достичь и не достигли. Ведь и природа, и братский мир животных страдают от того, что мы не там, где быть должны.

И горе творцам, изменяющим своему назначению. Их собственное творческое могущество, великое и страшное, обратится против них самих. Мукой станет для них сила их зрения, невыносимой тяжестью станут для них ослабевшие руки, словно готовые оторваться от тела. И как всегда, это несоответствие между тем, что было дано, и тем, что возвращено, будет наказано муками разложения, галлюцинациями небытия, горькими языками пламени, вырывающегося из цветения вещей, колдовской силой останавливающего шага, обращающего в дым и пепел великолепие космоса.

Сиянье трагической славы проливается отсюда на творчество художника. Сладка, как жизнь, и жестока, как рок, воскресная игра творческих сил, этот великолепный танец под музыку вёсен и звёзд, эта лёгкость ветра, созидающего из облаков гигантские дворцы и скрепляющего их мрамор золотой шпаклёвкой солнца. Ибо мы с трепетом ощущаем, что перед каждым сияющим воскресеньем прошло шесть в кандалы закованных дней, что за экстазом танца следует изнурение от долгого пути, а ветер, созидавший из облаков неземные города, спустившись на землю, способен опустошить целые края, с корнем выворотить древние дремучие леса.

Цели

Тем, кто жил в наше время, было дано услышать то, чего земля за свою предыдущую историю не слышала. В голосе её ветров и огней, в морском прибое и в оползнях скал раздался новый голос, одновременно — смерч и огонь, тайфун и землетрясение: голос толп. Тысячелетиями он тлел в глубинах жизни. Алое и лиловое пламя её геенн и надежд, сохраняя немоту, вырывалось из крови любящих. Однако над Множеством простиралась ночь: оно беспокойно переливалось из страны в страну, оставляя за собой угольные следы огней и могилы. Ужас тайны стерёг его восходы и закаты. Это Множество обожествляло безумцев, которые мяли его, как глину, и своим плодоносным лоном давало жизнь мудрецам, презиравшим его. Оно страдало, как страдает поле, которое взрывают плуги, топчут копыта, буравят черви, хлещут дожди, — поле, немое и для всех открытое, одариваемое лишь долгими, ласковыми взглядами солнца и звёзд. С какими демонами и личинами полночи, с каким миром ужаса сталкивалось Множество в своём подсознании, если в горячечном поту оно металось на ложе веков и, обессилев, застывало без воли и сознания своей мистической власти? Какая боль была нужна, чтобы в этих глубинах засеребрился рассвет?словно из тьмы перед толпами выступает в первом бледном озарении образ земли, шара, летящего в мировом пространстве и привлекаемого солнцем. Не поражены ли глаза всех её обитателей мистерией небес? Не становятся ли все языки тщетной попыткой души высказать своё изумление вещами? Даль вдруг утрачивает молчаливость отчаяния. Моря и горы перестают разделять человеческий род. Массы, пробуждённые первыми ударами возникающего течения, сознают своё единство и силу. Вспышки молний, казавшиеся ударами огненного бича в кошмарных видениях пророков, становятся сигналом, с помощью которого невидимые договариваются с невидимыми. Опьяняющие и вездесущие ветры веют в душах. Они доносят до них вздохи со всех мест, где страдает человек. По воздуху, которым мы дышим, иначе ширится звук, а пространство обретает иные акустические свойства. Боль одного, подобно дрожжам, действует на боль всех. Каждый день возникают новые, таинственные органы чувств для восприятия тысяч духовных связей и соприкосновений, неведомых минувшим векам. Теперь уже нельзя, как некогда, душить братьев, пользуясь их немотой. Всегда кто-нибудь услышит их агонию, и, передаваемая из уст в уста, она полетит по всей земле, как

буря, которая раздувает священные костры. Уже нельзя на целые века наложить лапу власти на земной урожай, а потом, окровавленной, замахнуться на худые и боязливые руки голодных. В развевающемся платье танцует земля перед взорами душ. Нам известно уже слишком многое из её красоты и коварства. Мы знаем, что она богата зерном, оливковым маслом и золотыми плодами, столь же сладкими для всех губ, как солнце, великолепие которого она подражает. Знаем глубину её колодцев и убеждены, что наши дети и дети наших детей смогут всегда утолить их водой жажду. И также знаем, что мы рождены для иного голода и иной жажды, чем земные голод и жажда.

Могущественные затрепетали бы, если бы узрели карту нашей звезды такой, как она видится экстатическим взорам любви. Мы тщетно бы искали на ней границы королевств и языковых областей; с высоты, с которой видна архитектура материков и связь между островами в зелёных зеркалах океана, уже не различимы белые камни на межах нив и виноградников. Все земные просторы с тропическим расцветом наслаждения и познания казались бы им одним из самых маленьких духовных городов, откуда ведут дороги ко всем видимым и невидимым империям вселенной, к головокругительным духовным метрополиям, чей образ нельзя представить человеческим воображением. Величайшие ледники человеческой мысли, ещё сверкающие между небом и землёй, когда край, над которым они возвышаются, уже погрузила в сумрак ночь, тянутся в золотом холоде к звёздам другой лазури, но с этих триангуляционных точек можно измерить лишь незначительный отрезок ослепительных просторов духовных царств. И всё же только взгляд в эти лазурные дали, где все звёзды видимого космоса трепещут, как золотое утреннее облако, которое рассеется под лучами солнца, усиливает наше зрение и учит нас ценить высоту и вес земных вещей. При взгляде на эти обетованные и недоступные королевства дети земли прижимаются друг к другу с ощущением внутреннего братства, которое делает общими их надежды и когда-нибудь сделает общим урожай земли, богатство пшеничных нив и садов. И хотя порой кажется, что никогда не было большего смятения в мыслях, чем в пору предрасветных сумерек, в которую мы живем, эта таинственная цель заставляет биться все сердца и подчиняет своему закону их смятенную пульсацию. Ибо сердца не слушаются нашей воли; высшая справедливость освободила их от такого послушания. Они прислушиваются только к приливу и отливу жизни, пению и плеску её светящихся волн, треску её молний, её власти, её высшей гармонической воле. Напрасно будете вы отвергать её голос, напрасно станете заклипать посев, который должен взойти. Вам наперёд пришлось бы погасить солнце, которое даёт ему жизнь и которое отнимет её, когда будет нужно.

Нельзя себе представить, что человечество не способно понять, что существующий миропорядок означает утрату тончайших радостей и представляет

угрозу всей духовной жатве земли. Со смертельной тоской глядит ясновидящий в глубины, где из тьмы во тьму накатываются волна за волной народы и откуда, как при всемирном потопе, раздаются вопли и вздымаются дрожащие белые духовные руки. Среди обречённых на труд и голод толп, возможно, умирают вынужденные замолчать певцы, которые могли бы развеселить братские сердца опьянением бессмертия и в садах грёз, где эхо ещё помнит торжествующий хор духов при сотворении мира, срывать розы, чтобы усыпать ими пути влюблённых и победителей. В подземной темноте, возможно, слепнут глаза, созданные, чтобы видеть таинственные улыбки красоты и знаки, которые нам подают обитатели сестёр нашей планеты; возможно, бесильно опускаются руки преданных кем-то из князей — руки, которые одни только посмели бы открыть родовые сокровищницы, тайные зернохранилища тысячелетних урожаев, закрытые на замок ревнивыми годами, и в умиротворённой тишине смогли бы услышать магические слова разговаривающей сама с собой земли, когда она в своих мастерских подбирает элемент к элементу и готовит феерию вёсен для свадебных торжеств королев. Не является ли духовный урожай общим достоянием всех народов, и его сохранение не должно ли стать единственным предметом разговора в совете мудрецов и королей? Не ложатся ли тяжким бременем на грудь всего человечества великолепные слова, которым не дано было прозвучать в толпе? Не гаснут ли факелы гениев в смертельной атмосфере болезненного дыхания, непрерывно веющего из низин, где томится Множество? Ибо Множество страдает, и его страдание таинственно переливается из души в душу, проникает в творческие мысли, загрязняет серебряную чистоту их интонации и всякую песню счастья лишает могучего отклика в душах миллионов, а только они способны возгласить вселенной радость возврата и освобождения.

Взгляните, бесчисленные широко раскрытые детские глаза постоянно изумляются таинствам земли, погружаются в чудеса её дней и ночей, в некое счастье её цветущих деревьев, в благословение её торопливых облаков, в ослепительную грёзу её жизни, расцветающей под многозначительно молчаливым и тревожным воздействием солнца. Какие невидимые нам явления отражаются в магических зеркалах детского взгляда, если в нём годами сохраняется отблеск серафического сияния? Какой мир красоты и чистоты приближается к нам в нём и, словно разочарованный, угасает в слезах? Что означает духовное излучение красоты на щеках влюблённых? Не лучи ли это нашего собственного дня, которые в иные мгновения для нас невидимы?

Всё говорит нам, что есть иной взгляд на землю и мир, чем тот, который известен нам по зрительному опыту, по книгам мэтров, по картинам художников. Взгляд, о котором свидетельствует всякое опьянение славой, творческой силой, милосердием и покорностью. Каждая весна, возвращающаяся

к нам на хрустальных плотах по разлившимся рекам с песней, которую мы не слышим, но которая способна перелететь через моря, маня птиц из оливковых рощ юга; каждый солнечный восход, подготавливаемый звёздами, которые, как искры от кресала, летая во тьме, разжигают пламя утреннего костра для свершения молчаливого обряда праздничной мистерии, разыгрываемой в память о сотворении мира; каждый любовный экстаз, который, подобно смерти, гасит в нашем зрении все земные и небесные источники света, чтобы дать нам почувствовать головокружение вне времени. Но наше видение таинственно связано с видением всех. Глубина света, который в новых паразитических перспективах выстраивает перед нами вещи, зависит и от чистоты духовной атмосферы тех существ, среди которых мы живем. А духовный урожай земли может расцвести лишь под жгучим солнцем свободы, какого наша звезда до сих пор ещё не познала и которое даже самым сильным людям современности показалось бы смертельным. Раздаётся призыв толп... Является ли он знаменем завоёванных побед в подсознательных глубинах жизни? Мы верим в это и готовим новый род людей. Мы воспитываем нежные и сильные братские души, трепетно заботимся об их безопасности, мечтаем о всё более глубокой близости людей, ко всё более чутким объятиям духовных рук стремимся. Пока ещё нам всем суждено погибнуть в пустыне и не увидеть земли обетованной, пусть даже наша мысль уже разбивает шатры под лазурью иного века. Мы несём ещё в своём теле проклятье прошлого. Войны, охватывающие всю землю и всю жизнь на ней, оставили след в нашей крови. Пожарища завоевателей посыпали пеплом наши виноградники и наши грёзы. Смоляные факелы наших надежд готовы не только освещать, но и поджигать. Против собственной воли мы оказываемся во власти ненависти там, где должны были бы молчаливо сочувствовать. Мы не понимаем, что любовь — это единственная атмосфера, в которой слово может проникнуть в братскую душу и вызвать в ней вспышку света. Все слова ненависти немы и лишь тормозят развитие. Мы находим жестокое наслаждение в поисках всего, что нас разделяет, и за это нас карают одиночеством, ледяными пустынями изгнания, где дыхание наших слов инеем оседает на наших лицах, а руки онемевают от холода, дрожащие и не способные к труду.

Но человек один от полюса до полюса, с одинаковой космической судьбой и одинаковой тайной, мистическое единство объединяет миллионы тех, кто был, есть и будет. В вечном кипении, в борьбе, в молчании и безумии народов, в героизме мудрецов и учёных, в ясновидении художников, в исцеляющей воле святых, в страданиях и счастье влюблённых, в духовном расцвете женщины, в возгласах экстаза и смерти, в дремавших в нас силах, которые, пробуждаясь, от существа к существу распространяются в даль и вездесущим светом одаряют взоры посвящённых, — во всём проявляет себя невидимый

освободитель, человек империи Духа, единый в миллионах, великий мастер сил и сердец, в котором найдёт искупление всё живое на земле.

Тот, кто боится дыхания свободы, особенно жаркого в атмосферах духа, и видит в переменах, готовящихся на земле, опасность для расцвета человека, не понял головокружительной тайны любви, которую человеческий род несёт в себе, как скрытый драгоценный клад, и которая озаряет надежды любящих так ярко, что они превосходят всё, что мы слышали до сих пор из разговора земли со звёздами.

Вечное стремление

Вопреки всем разделяющим их далям времени и пространства братья одного духовного рода стремятся друг к другу. Всякий ответ, угаданный ими в молчании земли, всякая загадка, оставшаяся немой, всякая мечта, в которой страшно признаться, сближает их. Словно бы подчиняясь приказу, полученному ими в гипнотическом сне и в иной жизни, они идут навстречу друг другу всеми путями всех одиноких «я», тишиной всех ночей. Они родились в один и тот же час вечности. Отражения их духовных ликом находятся рядом. Когда, устав, они пьют из одного источника вечных вод, Провидение велит им трудиться совместно и передавать неготовое творение из рук в руки. Умирая, они завещают друг другу богатство своего рода, свои тайные месторождения, непрощённые вины, неодержанные победы, недуги своего зрения. Они выполняют своё предназначение, когда находят друг друга ещё на земле; и хотя порой кажется, что они разлучились, они не разлучаются никогда. Только друг от друга они могут принять подарок без унижения. Только по отношению друг к другу они смертельно ранимы. У них общие надежды. Это как всем известное прибежище, которое инстинктивно находят те, кого застигла в пути буря или кого преследуют охотники. Судорожно прижавшись друг к другу на морозе веков, люди одного духовного рода согревают друг друга своим дыханием и смотрят на то светлое место в небесах, откуда ожидают появления солнца. Их общая история тянется через всё прошлое флоры и фауны вплоть до таинственного возникновения жизни на земле и вне земли. В числе их общих предков были мученики, завоеватели, законодатели, певцы, создатели символов, основатели городов. В их земных судьбах было нечто родственное. Их тело формировалось по единому закону боли и наслаждения. Из слов всех языков земли они создают тайную духовную речь, которую не понимают непосвящённые. Трепет деревьев, плач и смех вод, шёпот и страсть ветров, мерцание звёзд и полёт облаков — вот средства общения, с помощью которых они ведут между собой разговор через дали всех планет и веков. Их молчание кажется лишь тихой паузой в экстазе самых страстных объятий. В иерархии воли их воли находятся в одной сфере.

Ведь именно волей отличается один род духов от другого. Словам свойственны предательские умолчания, глаза можно отвести от пристального взгляда, но воля обнажена, как пылающий огонь. Её внезапные вспышки от-

крывают молчаливый и трагический мир наших глубин и выдают наше родство с космосом. Но воля, какой бы она ни была сильной, способна, подобно ветру, лишь выравнять различие атмосфер над областями духа. Самый сокровенный её голос зовёт к установлению иного порядка вещей. Её взгляд не имел бы магической, всесильной власти, если бы не был озарён призраком иной земли, иного космоса, иных жизненных возможностей.

Каждый род духов из века в век живёт единым стремлением завладеть всей землёй, втянуть в свой круговорот все силы, сделать свою волю потоком живых вод, который и в пустынях всего мира заставит столетиями расцветать на своих берегах ослепительную растительность. Это стремление своим дыханием всё невидимое делает видимым, королевской процессией проходит среди Множества, с почтительным шёпотом расступающимся перед ним, завистливо поражаясь великолепию двора. Это стремление принуждает работать на себя все руки на земле, захватывает все её поля, накладывает свой отпечаток на мысль, определяет цели труда, методы науки, смысл любви, даёт оправдание господствующим страстям, своему толкованию жизни и смерти. Оно жаждет с королевской щедростью распорядиться всеми сокровищами земли, ибо раздавать свои богатства, давать веками, давать целую вечность для духа — высочайшее наслаждение и гордость, возвышенная нега, тайная причина любой борьбы.

Но даже добыв своему духовному роду власть и предоставив ему возможность победоносно диктовать свою волю миллионам, лихорадочно трудящимся в поте лица, его гении живут в глубинах жизни презируемые и работают скрытно. С болезненной страстностью они познают себя перед картинами забытых ими мастеров. Тонкими, побелевшими от общения с тенями, дрожащими руками переворачивают страницы своей истории, обретают силу в новом познании и ждут, когда бывшие победители ослабеют. Тогда наступит их день, и они, опьянённые властью, ворвутся на строительные площадки, труд на которых станет для них наслаждением.

Так сменяются роды духов в вечном творчестве, как сменяются хозяйственные инструменты в зависимости от расположения земли и солнца и времён года. И как глубинная мёртвая земля должна быть перевёрнута плугом, чтобы обрести живительные свойства, так и скрытые силы всего мирового пространства ожидают вихревого плуга воли. Но и воля подчинена закону, в соответствии с которым низшие формы трудятся для высших, все руки — для тонких, сильных, духовных рук, способных понять смысл и взаимосвязи всего творения. И не заключается ли надежда земли в том, что ею овладеет самый высокий род духов?

По земле шли покорители, победители, мученики и безумцы воли. Их могущественные руки месили, как тесто, народы, горели города, бурлила боль.

И в конце концов падали, обессиленные, сломленные тяжестью сверхчеловеческой миссии сплотить разрозненное Множество и всю землю зажать на века в кулаке одного закона. Они терпели крушение, потому что их усилиям мешала в глубинах жизни не завершённая борьба духов. Но вечная жажда единства, которая — хотя они этого не сознавали — порождала их трагическое безумство, сохраняется из века в век в воле миллионов. Она кипит в душах, как кипела всегда, и посылает в свою эпоху великих объединителей, как посылала всегда. В борьбе религий и языков она хочет объять всю землю, весь космос, саму вечность. На руинах городов и храмов расцветают сады мудрецов, чтобы и они трудились в духовном мире во имя святого дела единства. Во славу их мечты горят огни всех горнов, сражаются труженики науки в лабораториях, рабы в рудниках, владельцы флотилий, князья торжищ; её лихорадочным сияньем озарено зрение изобретателей, которые ищут всё новые пути, сближающие разделённые морями народы, уносящие голос вдаль, всё более тонкими узами связывающие существа. Над развалившимся статуями давних победителей, над надписями, покрывающими стены королевских дворцов, грезят поэты. Музыка и образ дают силу их стихам, где вновь оживает жест триумфаторов, которые тщетно пытались слишком отважной рукой разорвать над миллионами тенёта веков.

Самая страшная роковая боль земли возникает в результате сковывания и насильственного подчинения воли, которая не может после этого продолжать свою магическую игру роста и цветения и присоединиться к работе своего духовного рода. Это боль раны, уродующей творческие руки, боль проказы и пустоты. Физическая боль редко так глубоко вонзает свой топор в человека, препятствуя сокам и не позволяя им подняться до самых высоких ветвей духовного древа. Обычно эта боль отсекает лишь боковые побеги и, как садовник, даёт его кроне разрастись в высоту, которой бы она иначе не достигла. Но если таинственная рана проникнет к душе и та погрузится в летаргический сон, возникнут духовные состояния, которые с такой глубиной прозрения постигли религиозные гении всех эпох. Существуют такие состояния немого отчаяния, которые превращают в погребальную процессию танец миров и вёсен и в бессмысленную игру тысячелетние усилия народов. После этого мы напрасно будем искать во всех безумствах какой-то смысл и во всех ядах забвение. Мы не справимся с ужасом пустоты, из которой, как из гигантской могилы, веет на нас ледяная тьма космоса, цветущего созвездиями.

Проходят века, работают воли, круговерти, поглощаемые более высокими круговертями, и всех их втягивает в круговорот, уносящий миры. Кто смог охватить мыслью их чудесное непрерывное движение? На каких более счастливых звёздах находит продолжение их великолепии, если и на нашей

бедной земле мы останавливаемся в изумлении перед ослепительными возможностями жизни и грёзы?

Есть ступени, взойдя на которые воля уже не ведаёт ни ненависти, ни битв. Нежным сиянием сочувствия она просветляет взоры. Она всё поняла и погрузилась в думу, безграничную, как космос. Она уже желает подняться выше. Жар высших миров для неё угасает. Что такое созвучия сфер рядом с мучительной музыкой страдающих сердец? Покорно спускается она к братским толпам и силой, которой завоёвывала свои высоты, стремится рассечь пути, сжимающие бесчисленных. Но если можно поделиться хлебом с алчущими губами, то разве можно поделиться своим видением мира с жадными взорами?

Но существуют ступени и выше этой княжеской и покорной воли, которая не хочет видеть ничего, кроме земли и труда братьев на её полях. Ступени, когда воля перестаёт страшиться безграничных страданий, когда она понимает мистическую необходимость переходных веков и жаждет иметь тысячи жизней, чтобы мучиться страданиями всех их, иметь тысячи рук, чтобы всеми ими работать, тысячи чувств, чтобы всё объять, чтобы раздуть пламя всех очагов жизни, сделать более обострёнными её духовные битвы и ускорить их ритм и на всех крыльях мысли и мечты лететь, пока она не достигнет цели, славу которой предчувствует, хотя и не могла бы выразить словами. Но небо со всеми своими звёздами и все таинства времени, словно весенний туман скрывающие нерасцветшие чудесные сады, разделяют её и цель. И всё же её взор не утрачивает лихорадочной весёлости наступающего борца, и вопреки всем разочарованиям она продолжает петь, любить, верить и творить!

~ СОКРЫТАЯ ИСТОРИЯ ~

Едино творение

Плоскогорья сомнений — это край голода и холода в работе художника. Даже подлинный творец, заплутав, забредает сюда в те тёмные минуты изнеможения, когда душа опустошена и обессилена; ему знакома горячечная иллюзия свободы, что в этих местах вводит восходящего на вершины в заблуждение, но здесь он нем. Однако не так, как безучастный зритель космической драмы, — он творит как участник, играя и принося себя в жертву. Нет, он не отломанная ветвь, а цветок на стволе жизни. Лишь под воздействием потока, который заставляет сиять все солнца и оживляет все земли, творит историю, поднимает и ведёт толпы, создаёт и разрушает империи; потока, который с ослепляющим великолепием проникает в невидимое и позволяет целому роду проснуться в одном существе; лишь под напором этого потока наполняется светом зрение и развязывается язык творца. Человек творит лишь в состоянии милости, в клокочущем буйстве рождающейся веры.

Но кто опишет словами богатство этой веры? Слова лопаются, подобно коре кипящего жизнью дерева, отламываются и опадают, а новые возникают под ними — по правилам одного закона, под лучами одного солнца. Догмы этой веры — пропасти, в её постулатах — тысячи смыслов; а там, где вдруг умолкают слова, — говорят ужас и любовь, боль и наслаждение. Здесь живёт тайна, а чудо — это единственная реальность; шаг — и вверх взмывают, словно испуганные птицы, надежды. Здесь послушание — это свобода, а бессмертие — очевидность; здесь возрождение — это путь, а смерть — иллюзия. Чёрное огненное вино вдохновения настояно на плодах, созревших в этих загадочных виноградниках. Ослабеет ли жар этого вина от того, что мы не знаем, чья именно рука подаёт нам его из мира невидимого? И не та ли это вера, что разжигала отвагу наших мастеров, которые отрывали народы от ничтожных коварных радостей, опутывавших их сетями ироничных, обманчивых улыбок и паутиной испуганного, неизбежно осторожного рассудка? Эти мастера шли в героическом смирении даже по самой узкой тропе меж зияющих пропастей безумия, шли туда, куда до них не ступала ещё ничья нога, и к благословию нашего рода они нашли радость там, где до них её никто

не отважился искать; там, где они стояли, взвивались ввысь духовные бури; всё, чего они касались своей рукою, давало богатый урожай, а разум они заставляли освещать те пути, которых тот раньше страшился.

Народы, утопая в крови, делят меж собой землю; результаты их присваивают князья торга, что захватили силы природы, воды, металл и огонь; но объединяются братства страдающих; империи, обнимающие весь земной шар, создаются в подсознании миллионов; за горизонтом растут ввысь гигантские мегаполисы; скрытые силы земли, одна за другой, послушно, как вожжи, отдаются в руки человека: и за всем этим, что перерождается, кипит магическим варевом, там — в глубинах, у огнедышащих печей духа — работают творец, художник, учёный, мыслитель, святой, ясновидящий, любящий. Те, кого от смертельного жара защищает безумство их веры, те, кто преклоняет колени в порыве счастья и в покорной в своей щедрости тоске, те, кого смущают враждебные духи, искушение которых приходится раз за разом преодолевать водопадом любви: преодолевать для того, чтобы иметь возможность творить. Те, у кого захватывает дух при каждом взгляде вниз и ввысь, и кого распаляет мысль о приближении времён, которые уже ждут появления их творений. Неведомые никому и себе самим, без какого бы то ни было вознаграждения как раз за самое лучшее, что отдают, они нанизывают мысль на мысль, знание на знание, мечту на мечту. Но не жалейте их, не жалейте безумия ищущих. Не судите их, если случится им ошибиться и быть презираемыми своими же братьями. Ничто не исчезает в духовном мире: и камень, отвергнутый другими, найдёт своё место в руках зодчего, и горящий дом спасёт от гибели заблудившегося. Каждая ясно выраженная мысль облегчит сон всех людей на свете. И сокрытое творение, над которым трудится художник или гений науки, мыслитель или святой, меняет ход жизни на земле: оно создаёт новые связи между существами, разжигает новые источники огня в борьбе духов, предуготовляет новые озарения, преображает наши органы чувств, лепит, кромсает и исцеляет тела, воскрешает их магические способности, предрекает новые события истории, формирует Человека и проникает в невидимые миры.

Каждое проявление творчества — это средство коммуникации, благодаря которому становится возможным познать дух духа. Всё имеет язык, и наше тело — тоже. Оно поразительно красноречиво вещает каждым своим членом, каждым жестом, молчанием и страстью, недугом и смертью; всё несёт в себе духовное значение, и сокрытая наша история и история наших усопших, хоть время удалило их от нас на недостижимое расстояние, беспрестанно читаются в мимике наших лиц, в печальных линиях наших рук, в признаниях наших глаз. Жизнь земли, флоры и фауны — это непрекращающийся поток знаменний на нашем пути. Но мы способны воспринять лишь несколько начальных

фраз из этой речи; и хотя единственный смысл этого языка — приблизить нас друг другу, мы, наоборот, только ужесточаем взаимную борьбу. Все наречия, на которых говорят народы земли, выросли под влиянием этого таинственного языка вещей. Они возникают в огне творческих исканий и гибнут, если в них не вдыхают жизненную силу отважные духом — творцы-завоеватели, сердца, наполненные любовью, прозорливые наблюдатели вещей видимых и наделённые высшим даром провидцы миров незримых. Речь вод, лесов, бурь, ветров и живых существ; особые послания, таящиеся для человека в каждом земном уголке; строение человеческого тела, всегда зависящее от возраставшей его почвы; скрытая тысячелетняя история рода определяют тип каждого из языков, его словарный запас, синтаксис, музыку и ритм. И пусть любой язык недостаточно совершенен для служения высшей духовной жизни и мы, озарённые светлым наитием, лепечем, словно дети, но в строе языка заключена гораздо более глубокая мудрость, нежели в большинстве из того, что мы на этом языке произносим.

С каждым научным открытием — а значит, с новым видением мира — наше взаимопонимание становится более гибким, появляются новые точки духовного соприкосновения; каждое такое открытие сопровождается ослепительная вспышка любви. Любое из этих открытий делает нашу речь более глубокой, тем самым даруя нам всё большую власть над вещами. На этой планете всё живёт ожиданием того момента, когда оно сможет принести пользу, служа нам, — мы лишь должны суметь обратиться к каждой из стихий на её языке. Однако ни одна из наук не имела бы смысла, если б не могла дать нам знания о том, как быть хозяином своей жизни, как возродить свой род и сделать жизнь на земле более яркой, высокой и доброй.

Но всё же невидимый мир проникает сквозь мир видимый. Свободой фантазии искусство объясняет нам суть вещей. Его особо чувствительный и тонкий слух чутко внимает пульсациям вселенной. Распространяемый им свет более чист и таинственен, нежели сияние нашего солнца; это другая — духовная — сторона солнечного сияния. Живописное полотно, скульптура, поэтическое произведение, музыка, мечта — всё это знаменья, которые, находясь в заточении мира явлений, наделяют дух духом. Поэтому все они имеют множество толкований и смыслов: их язык на порядок выше, нежели любой другой, а одно слово их языка выражает целый род отношений. На каких высотах — страшных и райских, труднодоступных, но тем не менее для каждого из нас более близких, чем стук собственного сердца, — творит человек! Но выразить всё это можно разве что полным экспрессии жестом, молчанием меж двух выкриков, красноречием ритма, шёпотом бликов, безумством цвета или божественной многозначностью музыки! Облака, пламя огней, ветер, весь тот оркестр природы, которым был рождён язык ваших далёких праотцев,

вы заставляете звучать, чтобы вещный мир сказал за вас, отчего вы умираете! Какие знамения высшего мира перед зачатием! Благословенное детство, веками не стареющее детство народов вблизи того таинственного порога, через который мы переступаем при рождении; детство, что вновь и вновь даёт вещам имена и облик, словно до этого их никто не называл и не изображал. Это потому, что до этого не была изображена и поименована их тайна. Они представляли в неверном, преломлённом свете и ещё ждут и будут ждать, когда их коснутся руки творца. Отсюда — вечное чувство неудовлетворённости юной поросли и печаль осени, когда художник упрекает лето за то, что оно не дало обещанного. И всё же лишь из блаженных мест детства широко разливаются незримые реки, которые орошают всё, что растёт на этой земле во имя вечности. Слабый и жалкий человек, попав в сей край бурлящих источников, обретает силу, которой страшится сам. Кажется, что порядок вещей здесь иной: силы тяготения нет, и любой полёт становится возможным, самое недостижимое — достижимо, а безумие является мудростью; порабощённое сердце, что должно затаиться, принуждаемое к этому землёй, здесь бьётся свободно и имеет возможность признаваться в самых умопомрачительных надеждах и страхах, не имеющих своих названий; крики поверженных и униженных здесь откликаются вечностью; слуги — правят, князья — служат; «править» здесь означает «давать», а «видеть» — «иметь»; здесь ищет лишь тот, кто уже нашёл; цену дарам здесь назначает принимающий, здесь всё есть лекарство и всё есть яд, — так, как того требует высшая справедливость. Красота окутывает всё, что растёт и цветёт, — женщину, ребёнка, героизм, справедливость и смерть, сеющую жизнь. Здесь наше загадочное тело и источники наших мыслей выдаёт, делая явными, сияние. Словно в руках провидцев, каждая вещь здесь являет свою сокрытую историю, воскрешая картины прошлого и драмы, которым она была свидетелем. Ядовитые туманы в опасных людскому роду местах оборачиваются пугающими видениями. Те, что зря обременяют свою душу слишком тяжким сном будней, поразились бы, с трепетом увидев, как близки они друг другу, постигая одну и ту же правду, одинаково разгадывающая один и тот же символ; когда волны изумления кидают их друг другу в объятия, это подобно смерти: но будут ли они после своего воскрешения жить так, как жили прежде? Главные противоречия в восприятии одного и того же художественного творения проливают свет на истоки и корни человеческого существа; диссонанс восприятий — это лишь отражение различных ступеней развития в вечности. Счастливы те, кто сможет постичь таинство боя, сохранив при этом свою любовь! «Куда вы идёте, туда и мы шли, а куда идём мы, туда и вы последуете», — написано на всех верстовых столбах по пути духа.

До самых сокровенных и болезненных тайн суметь раскрыть сердца́ и телá, защитить своё видение, пусть и ценой жизни — вот в чём суть устремлений,

героическое безумство и возвышенная покорность творящего. И что за немощное око могло принять эту наивысшую покорность за гордыню? Возможна ли вообще гордыня там, где земля раскрывает свои глубины прежде, чем мы сделаем шаг, и где каждую минуту может вспыхнуть огнём то, что было собрано нами и нашими отцами? На строительстве того храма, который все мы, обливаясь кровавым потом, возводим, опасная и ответственная работа доверена наиболее послушным. Но достичь момента, когда будет отброшено последнее из покрывал, которыми наша слабость себя лихорадочно окутывает, и, дрожа, стоять во всей своей наготе перед волей Всевышнего — неужели это не превыше сил человека? Неужели здесь мы уже не мертвы? Неужели жизнь способна лишиться себя этого последнего обмана? Неужели это не подобно тому, как кровоточащая рана лишается защиты наложенных на неё бинтов? Но всё же мы надеемся, что и сюда уже проникли потомки рода человеческого, и слава одарила их своею тайною милостью, словно плащом света, и окутала сиянием их наготу — слишком страшную для очей смертных.

Всё под солнцем, что живёт и дышит, сохранили для нас руки, созданные для творчества и любви: руки, добровольно заставляющие себя страдать, сами себя бичующие и сами себя исцеляющие. Эти обожжённые до черноты молниями из всех облаков руки указывают нам новую землю. Они ласково касаются нашего чела и исцеляют наши сны. Потому что есть сны, которые сегодня уже не должны сниться человеку, а есть и такие, которые не должны были сниться никогда.

Отражение в глубине

Вся земля, видимая и невидимая, тайно живёт в человеке: её глубинный огонь, братский огонь солнечному, кипение источников, музыка рек, королевская неутомимость морей и ветров, незримое сияние света, немая жизнь горных пород, растений, животных и непрерывное движение звёздных миров. Как иначе могли бы мы понимать язык цветовой палитры или мудрость форм, если бы наша душа тайно не присутствовала в момент сотворения этого видимого мира и не пронесла через века воспоминания круговерти жизни до нашего рождения? Но есть существа, в которых прикосновение какой-либо вещи может вызвать воспоминания такой силы, которая другим, более забывчивым, непонятна. Страстное и трогательное волнение, свойственное ребёнку, вновь и вновь оживает в них при первых дружеских знаках, которые посылает земля. Даже самые молчаливые места земли радостно взывают к ним, как при встрече после долгого, веками длившегося расставания, а дни их — словно первые вёсны жизни, вместившие в себя события целых столетий. Когда все остальные бредут, погрузившись в себя, эти дрожат от любви; там, где глаза остальных, открывшись, но не выдержав ослепительного света, вновь закрываются, эти — видят. Мечтатели, посвящённые и посвящающие, мастера, учёные — все те, кто поддерживает духовные связи на земле, — идут среди нас, взвалив на себя груз всех надежд рода человеческого. Но в каждом, даже в самом покорном из братьев дремлет и ждёт своего пробуждения грядущий распространитель тайного знания о какой-либо из загадок природы. Не представить даже, насколько богаче стал бы наш род, если бы все немые уста могли заговорить, а все уставшие от тяжких трудов руки — писать. Когда вы стоите перед художественным полотном, или когда превосходное стихотворение окутывает вас струящимся из него ароматом садов и девичьим смехом, или когда льётся музыка — в такие моменты в вас пробуждаются и глубоко сокрытый художник, и ранее молчавший поэт, и музыкант. Это тот же самый неведомый творец, что среди всех сестёр земли указал на ту, которую вы любите; тот самый, что при взгляде на цветок, окрашенное зарёй небо, рябь воды или наступающую ночь даёт вам возможность познать счастье далёкого, древнего солнца. Любовь развила ваши чувства и одарила вас глубиной магического ясновидения, в котором всё на земле расцветает вплоть до самой своей сущности, которая — есть красота. Истина такова, что

человек видит суть людей и предметов только тогда, когда любит их. Напрасно утверждают, что влюблённые, окутанные пеленой желаний, смотрят друг на друга ослеплённые иллюзией; нет, только любящие в самые чистые минуты своей любви видят друг друга такими, каковы они есть на самом деле, то есть прекрасными; ибо они видят друг в друге не только зримую часть своего существа, но и более значимую — незримую в сферах нашего света, которая обретёт плоть в другом временном измерении. Никто не может постичь красоты того, что он не любит. Для того чтобы возникло художественное произведение на века, между творцом и моделью должна существовать духовная связь — поле напряжения, где искры перелетают от одного сердца к другому, когда эти сердца сближаются. Потому-то в произведениях тех великих мастеров, чья любовь распространялась на всё, что живёт на этой земле, столько доброты, справедливости и даже — при всей трагичности — столько нежности. Никакая наблюдательность, подстёгиваемая волей, не заменит милосердное ясновидение любви. Только наполненный любовью взгляд так же терпелив, как солнце, и способен тысячу раз возвращаться к одной и той же линии, чтобы точно передать её жизнь, — и ничто ему не кажется случайным и недостойным внимания в любимом им предмете. Навязчивое пристрастие к любимым чёрточкам создаёт стиль художественного произведения. Произведение творца выдаёт скрытые свойства его собственного характера, поскольку любим мы только то, что является нашим тайным отражением. Любовь определяет наш род и наше место в иерархии духов. И сатирик, и карикатурист тоже видят всё глазами любви, но слишком резкий свет нашего солнца скрывает от них таинственное сияние, излучаемое существами, отсечёнными знаком смерти: сочувствие — вот что смогло бы разжать их ладонь и осторожно взять из неё острую царапающую иглу.

Нет художественного творения, до которого не долетели бы брызги волн другого, невидимого мира. Труд всякого художника — это следствие мистического послушания. Шаги всех ищущих перекликаются в тишине общей мистерии. В мраморе храмов застыла музыка церковных гимнов; священные своды разверзлись над театральной сценой, где разыгрывается мистическая драма, символизирующая странствия духа на земле; как меловые рифы поднимаются из усмирённого временем моря, так на опыте бессчётных поколений вырастает миф; дворец дотянулся своими башнями до того самого солнца, под лучами которого вызрел закон, объединяющий народы в единое целое, и к нему же возносятся мечты о силе, гордыне, власти и её жестоком счастье.

Расчёты, необходимые для подтверждения крепости железных конструкций моста, обращены к силам, управляющим космосом, так же, как к ним обращена и молитва; исследование законов природы, дающих человеку

власть над стихиями, — всего лишь один из путей мистической медитации. Есть такие высоты, где знание — это святость.

Процесс посвящения идёт от духа к духу. На некоторых этапах посвящение передаётся через живое слово, через тысячелетнюю устную традицию, которую письменность может воспроизвести лишь отдалённо. Самое прекрасное и возвышенное, что было в истории человечества, окутано молчанием, но отражено в художественных произведениях, хотя даже в самых изумительных из них — весьма несовершенно. Даже если опьянённый окружающим художник мечтает о природе более возвышенной, нежели земная, зрение его обеднеет и зачахнет без постоянной подпитки покорным и исполненным любви наблюдением за земным миром.

В устах представителя изобразительного искусства слово зачастую настолько красноречиво, что помогает по-новому и острее видеть, но, увы, оно не даёт возможности хоть сколько-нибудь приблизиться к той таинственной земле, из которой художник черпает и раздаёт. Сумей живописцы света, вод, лесов, движения, жизни, боли, смерти и того, что за границами нашего мира, облачить в слова всё, что они выражают формой и цветом, мы бы чествовали в своих рядах новых поэтов и мистических философов; нам осталось бы только удивляться, во что может верить человек и какие грани демонического и святого может он постичь в природе, от языка которой мы отвыкли. Но слово им даровано не было; и когда они вешают о том, что было для них в процессе созидания особенно важно, речь их темна. Они сами не раз изумились бы тому, как далёк от наших городов, занятий, законов и правды тот мир, что они изобразили. В то время как они вымеряли на холсте границы света и тени, а их рука искала чарующую линию изгиба, — где были их души? У каких озёр, под каким звёздами и в каких событиях черпали они силы? Какие духовные открытия, какие поцелуи зажгли в них святое сумасшествие красоты, которое преобразило у них перед глазами предметы, засиявшие, словно выхваченные невидимыми лучами? Вот что глубоко роднит изобразительное искусство с музыкой. Слово и музыка, его сопровождающая, — это два смежных мира, но как же далеко друг от друга они зачастую оказываются в вечном развитии миров! В какое нежное звучание преображает музыка шум наших деревьев и вод, пение птиц и ласковые прикосновения стеблей, гул толпы, стоны сердец! Как тут не почувствовать, что в истории музыки отражена сокрытая история нашего рода: от одинокой песни тоски вплоть до гармонических смерчей многоголосья и штормов полифонии, когда звучат голоса всех стихий космоса, подчинённые всемогущим бурям духа! О каких только новых городах, о каком новом человечестве, высших законах, о каких роковых и наисладчайших страстях не поёт нам музыка! Как же сильно в ней это скрытое неземное желание диссонировать! А уста её, потрескавшиеся от жара

тысяч солнц, орошены из источника справедливости! Небеса — это состояние души, и врата в высшие миры отнюдь не отделяют от нас пропасти веков и пространств; среди несчётного количества миров внутреннего космоса наш дух продолжает своё существование в том, к которому его привела степень его чистоты. Праздник Сошествия Святого Духа на человечество вознёсся, словно сияющий лазоревый свод, над нашими мастерами и так же возносится над нами, когда нас преображает любовь. Эпоха, в которую творит великий художник, оказывает влияние не на содержание его языка, а лишь на его структуру. Структура подвержена изменениям, которые провоцирует наше тело, а смыслы вызревают и наполняются богатством на протяжении веков. Но мир, предстающий в некоторых из великих творений эпохи, нередко оказывается ближе восприятию древности, нежели сегодняшнему нашему восприятию, а порой он, наоборот, опережает историю этих земель. Язык изобразительного искусства — это тайна, не поддающаяся контролю; что тогда, много веков назад, могло ожидать того смельчака, который всем понятным языком объяснил бы, что именно изобразили художники на своих полотнах и в своих скульптурах? Словно из прорубленных на восток окон исходит свет нового дня с картин, а в их магических зеркалах отражается мир невидимый. Люди, что слишком погружены в мысли своей эпохи, останавливаются перед художественными произведениями с недоверием: красота — это таинственный суд над их жизнью, уличающий их зрение в слабости; беспорядок в мыслях подсказывает им, что одно из их крыльев пострадало от нападения где-то там, за горизонтом, но неприятеля они не видят...

В искусстве время измеряется иначе, нежели в нашей истории, и не подчиняется хронологии. Мгновение становится вечным, а дух гения на земле, как на ищущем приключений корабле, плывёт в веках, ловя послания, посылаемые из одного мира в другой по широким, полным тайн волнам, словно в космических глубинах от одной духовной станции к другой.

Но сколько бы веков и миль ни отделяли одно художественное произведение от другого, в головокругительных масштабах внутреннего космоса это всё одна — единая земля, которая отражается в искусстве в виде символов, и единый дух в ней томится и мучается, созидая ради своего освобождения. В доисторических памятниках, в варварском искусстве и во всех культурах, что предшествовали культуре нашей, есть одна общая черта, черта совершенства и одновременно слабости, черта, которая для высшего, неземного разума словно отпечаток единого духовного творения — дело рук Человека, одного за всех в этом братстве миллионов, магическая дань за ту боль, что распространяется везде, где бы он ни был, тот общий, звучащий во все века голос печали, желаний и кратких, божественных минут познания и счастья.

Но кто в этих общих для всего донине существующего искусства чертах захочет увидеть догмы красоты? Разве жизнь на земле — это не перекрёсток тысячи дорог? А рядом с теми, кто на протяжении веков говорит, разве нет таких, что до сих пор молчат и втайне от других трудятся? Откровение не завершено, человек не освобождён, а образность, что создаёт его города, мастерские, машины, государства, формы любви и мечты, бурлит всё сильнее в непрерывном стремлении к солнцу. Высшее счастье и высшую власть, что манят миллионы возможностью их достичь, даже отдалённо ощутить не удаётся. Любящий нас невидимый мир ждёт, и словно отзвуки стука в дверь, слышно в ночной тиши биение сердец... И сегодня те, кто поднялся выше, страдают от чужой боли сильнее, нежели от своей, а мученики не ради своего спасения, а ради спасения рода всё так же умирают подле нас — в окопах, в изгнании, и в самом тяжком из всех изгнаний — в одиночестве среди толпы.

Подобно тому как во сне, где картина за картиной медленно являются спящему, чей дух странствует в вечной ночи без границ пространства и времени, художественные откровения одно за другим запечатлеваются внутренним зрением человечества. Мёртвые разговаривают, словно живые, и встречаются там, где живыми никогда не встречались; каждое чувство блаженства и каждая боль, летящие по огненным путям своим от членов к сердцу, разжигают символические видения и пророческие сны. Новые тверди земные появляются из морей, неведомые города грохочут среди садов. С каждой новой весной произрастают на новых местах белые и жёлтые луговые цветы, перемещаются созвездия в глубинах ночи, меняется расположение полей, предназначенных для посева. И уже не той дорогой поедут в дни жатвы последние из увенчанных колосьями повозок, наполненных поющими. К бурлящим тёмным толпам спускаются всё более многочисленные шеренги братских им существ, и от них исходит такой свет, словно телá их воспламеняются от сердец. Какое из этих видений окажется настолько сильным, чтобы пробудить нас, как вещей сон?..

К источникам познания нужно спускаться, будучи лёгкими, словно дух; поэтому по пути к ним земную одежду оставляют, как на пути к смерти. Последний блавест свободы звучит в тишине; тот, кто трудится, полон смирения и желает только одного — исполнить свою миссию. Мгновения его творческого увлечения сияют в духовной ночи, словно освещённые окна, к которым со всех сторон жадно тянутся таинственные безмолвствующие, лишившиеся на земле своего голоса, и души миллионов братьев, донине на этой земле страдающих... За всех, и за тех, кто не родился, он должен говорить: за всё, что есть на земле, — за деревья, травы, стихии, за несчётное множество безмолвствующих. В эти-то мгновения и рождается красота — в те минуты,

когда творческий дух смиряет и успокаивает тревожное волнение сердец, дышит полной грудью, бросает семена в пламя, как в благодатную почву, находит дело для тысяч искусных рук и провидит будущее за тысячи глаз.

Пока художник не достигнет того состояния, когда ни одна дорога, кроме его собственной, ему не видна, он будет ещё очень далёк от свободы. Дух творящего подобен осаждённой башне в жарком бою: ни часа передышки, ни минуты ощущения безопасности, ибо не настало ещё время сложить оружие. Атаки со стороны видимого мира — это лишь самое малое, что может стать препятствием на его пути: против него могут восстать и мёртвые, и невидимые. Там, где сражается дух, буквально всё может таить опасность. Сомнение грозит смертельным головокружением, а излишняя самоуверенность не позволит узреть новое, высшее откровение. Каждый час жаждет победы, как каждое мгновение на взлёте требует нового взмаха крыльев. И тот, кто послал в свои сады боль вместо радости, не подаст братьям самых спелых плодов, что зреют высоко на солнечной стороне. Чем сильнее ощущение счастья, тем, значит, выше мы поднялись, и чем ниже атмосферное давление, тем выше пролёг заоблачный путь. Но лишь имея отзывчивое сердце (а что, если не это, и есть любовь?), дух обретает возвышенную радость творчества — ведь как ветви не выживут без древесного сока, так засохнут и руки, если их не питает сердце, его искрящаяся, светящаяся, бегущая вверх кровь.

Смысл битвы

Новые завоеватели, неизвестные людской массе, но рвущиеся вперёд во всех частях света, невидимые, но всюду присутствующие, стали частью народов: их корабли можно встретить в любом порту любого моря; они склоняются над сушей меж океанов, словно над картами боевых действий; им видятся грядущие урожаи под палящими лучами солнца всех земных поясов, им известны богатства всех залежей угля, железных рудников, золотоносных вод, все запасы меди и олова. До самых дремучих лесов и тропических пустынь доносятся залпы непрекращающейся войны, которую они ведут, словно охотники, затягивающие силки; все народы, не подозревая о том, платят им свою дань; оставаясь невидимыми, они оказываются советниками всех царей; побеждённые ими умирают тихо, словно отмеченные таинственной болезнью, которая неспешно высасывает жизнь; но при самых утончённых из их побед невидимые стрелы летят из светящихся бесконечных глубин духа и разума, усеивая трупами всё вокруг. Каждый шаг их пути и их грёз тайно сопровождают слуги-рабы на обоих полушариях земли: и духовные творцы, и учёные, и победители стихий, и художники — все они трудятся на их нивах, словно наёмные работники. Тому, кто подчинил себе землю, даже солнце, кажется, готово служить, ревностно следя за работой облаков и ветров.

Каждая сила, словно крик, прорезающий глубины жизни, будит тысячи других дремлющих сил. Однако против этой власти, на которую веками трудились руки мёртвых и единственная трагическая красота которой в том, что она впервые помогла человеку опутать весь земной шар обжигающими сетями своей воли, выступает столь же вездесущий и таинственный враг. Топлы, на протяжении тысяч лет покорно удовлетворявшиеся хлебом и зрелищами, пришли в движение. После первого оцепенения от ужаса, который следует за каждой новой открывшейся истиной, мы начинаем понимать, что наибольшее участие в наших радостях и печалях принимают существа, чья жизнь нам совершенно не видна, и что удары нам наносит некая неведомая рука. Тайна единения мерцает светом в глубинах материи, расстояние перестаёт быть расстоянием, страдание, сознающее своё присутствие повсюду на земле, превращается в природную силу, преобразующую всю жизнь. Дух, против воли находящийся на службе у победителей, восстаёт против них. В самых жарких очагах экономической и социальной борьбы решаются вопросы духовные —

речь идёт об ином отношении сердца к миллионам сердец, об ином видении радости и красоты. Новый человек заявляет о себе на земле. Крестьянин, от межи к меже осматривающий свою ниву, видит перед собой все равнины, горы и моря, со всеми богатствами, братскими народами и городами. В глубинах мира духов ему уготованы царство и иной порядок вещей; и оттого, что внутренняя незримая правда миллионов людей не совпадает с правдой действительности, рождаются печаль и тревожная красота современности. Человек трепещет, поражённый картинами, предстающими перед ним на каждом шагу, словно галлюцинации; он утрачен величественным молчанием, в пучине которого его изумлённый крик ужаса теряется без ответного эха. Не привыкший к бурям, он испытывает дрожь, когда вихри доносят до него пение со всех вдруг распахнувшихся морей, и гул далёких столиц, портов и фабрик, и аромат, что тянется из дремучих лесов и проплывает над экваториальными озёрами. У него перехватывает дыхание, когда сладкие порывы эфира от движения летящей земли дуют ему в лицо. Веками приучаемый к воинственной настороженности, он дрожит от неожиданных прикосновений миллионов духов, чьё обжигающее присутствие он начинает ощущать даже в тех глубинах своего существа, где самые заветные его мысли надеялись пребывать в одиночестве. Он зажмуривает глаза, но возбуждающий свет солнца проникает против его воли сквозь закрытые веки. Там, где горизонт его отцов ограничивали горы родного края, он видит искрящиеся зеркала далёких рек и заокеанские материки. Смерчи, пронсящиеся над земным шаром, роняют на крышу его дома искры от полыхающих где-то вдали городов. Молчание казематов и тишину лобных мест приносит к нему с другой стороны земли кипящая внутри неё лава. Падающие балки с рушащихся лесов таинственного здания и стук топоров не дают ему спать. Ночь превращается в сплошной кошмар — в сумятицу голосов вопрошающих и голосов, отвечающих им из бесконечной дали. Но страстное желание жизни, накрывающее народы, словно штормовые волны, никогда не было столь трагически сильным; никогда иллюзия жизни не казалась лишённым наследства столь ослепительной, дар дышать и наслаждаться — столь драгоценным, тело — таким богатым и сулящим удивительные открытия, зреющий на солнце виноград — столь сладким и желанным. Как будто всё сияние потустороннего мира заполонило землю и заставило искриться воды, деревья, цветы, облака и глаза. Но с той же силой, с какой растёт в народах страстное желание овладеть сокровищами земли, растёт и осознание того, что без сотрудничества миллионов никто не вкусит плодов из её таинственных садов. Наивысшее земное блаженство — упоение победами братской силы, радость от радости братьев — всё ещё остаётся неведомым и недоступным. Тело человека создано прошлым, целые области мира человеческих чувств, обращённые к ночному космосу, до сих

пор не были освещены нашим светом; чувство высшей формы любви, которая может осознать всеобщую радость как свою собственную, осталось неразвитым. Словно существам из иного мира, толпы в страхе уступали дорогу святым, чьи сердца, подобно плодам на солнечной стороне сада, созрели раньше, нежели сердца остальных. К ребёнку, женщине и простолюдину обращены надежды рода. Подсознательную область нашей телесности необходимо расширить, одухотворить, сделать более чистой, более отзывчивой и ясновидящей. Болезненный инстинкт, угадывающий тайный закон созревания на земле, подсказывает человеку всё, что направлено на изменение наших отношений с материальным миром, что помогает нашему стремлению к чистоте, чуткости и свободе органов чувств, духовному усилию, борьбе за красоту, последней битве на земле, указывающей в бесконечное будущее.

В создании нового человека искусство принимает участие уже на протяжении веков — так же нежно и естественно, как солнце, наслаждение и смерть. То, что способен узреть дух творческий, становится видимым лишь в потоке света, низвергающемся на нас из высшей жизни. В древних сказках, мифах, в таинственной науке и снах — настолько хрупких и невероятных для их понимания, что понадобился особый язык символов, музыки и образов, — искусство тысячелетиями поддерживало надежду на то, что стихия будет побеждена отзывчивой силой духа. Всюду присутствуя, томясь сильнейшей жаждой красоты, оно, словно садовник, разбивало под всеми солнцами сады для любящих сердец, его руки ткали на одном станке платья женщин и одеяния священников. Оно не останавливалось даже перед смертью и лишь стремилось прочесть ответ на её сжатых и безмолвных губах. Оно было вездесущим устроителем торжеств и праздников, архитектором жизненных иллюзий, маэстро тишины, в которой слышен гул звёзд, творцом наивысшей боли, скорбным и строгим судьёй земли.

Но создание красоты вовсе не ограничивается творениями, запечатлёнными в книгах, картинах, статуях и памятниках. Оно — в основе всего плана жизни: оно зиждется на абсолютной чувствительности к магнитным полям духа; создание языка и основание империи — в равной мере акты художественного творчества. В любом человеке скрыт неутомимый художник: под россыпью искрящихся мгновений, словно под молниями, вылетающими из-под долота скульптора, творит он цельную личность. Жизнь героя или святого, как и всякое художественное произведение, произрастает из вдохновения; из вмешательства высших жизненных сфер, где смерть теряет своё значение; из неотступного упорства воли, загипнотизированной сиянием цели. Мечта влюблённого, узника, пловца, северянина и верующего — это поэзия, и не перестаёт ею быть, даже обходясь без слов. Бесконечная весна любви превращает в музыку движения девичьих тел, а несметное число безымянных

артистов и творцов новых форм и жестов находят, сами о том не ведая, новые пластические символы космического языка воли. Никому неведомые музыканты преобразуют язык, а женщины, склонившиеся над детскими колыбелями, в постоянной творческой неудовлетворённости любви изобретают всё более совершенные поцелуи. Любое сильное чувство всегда и везде граничит с художественным творчеством и даёт нам возможность ощутить внутри себя просторы доселе нетронутой красоты.

Для творческого, созидательного духа нет ничего второстепенного: предметы и существа проникают благодаря своему невидимому излучению в самые потаённые места, где зарождается наше творение. Наши мысли окрашиваются негой белых облаков, всевозможными оттенками луговых цветов, кровью роз, а солнце просеивает их сквозь сияющее решето, словно зёрна. Сладостная порывистость вёсен, трогательная чистота лазури, тайный язык цветовой палитры, торжественность вод, гор и бесконечности непрерывно работают в нашем подсознании и питают в нас сверхчеловеческие желания. Самая заветная, эфемерная составляющая каждого нашего вдоха наполняет свежестью корни сердца, отягчённого слишком густым соком земли. Каждое слово, падающее в живые глубины нашего нутра и дающее корни (а часто это длится годами), неизбежно по закону столь же древнему, как само сотворение мира, должно бороться за жизнь и дать всходы. Но путь от зарождения новой мечты до превращения её в реальность и героический осознанный жест, с которым жизнь сама приносит себя в жертву, — труден и горек, поскольку его нужно прокладывать вдали от дорог, существующих уже столетиями, а в хлебах, которыми мы утоляем свой голод, дремлет прошлогоднее солнце. Но и слабая, трепещущая, неуверенная в себе мечта превратится в силу столь же несокрушимую, как буря, если она одновременно вспыхнет в миллионах сердец. Толпам на миг покажется не только, что они стремглав несутся на тысячи лет назад, они также увидят и тревожные озарения; инстинкт самосохранения предупредит их об опасности за горизонтом: в такие мгновения миллионная толпа становится более ясновидящей, нежели пророки, и способна сделать выбор в пользу справедливости — пугающей и непонятной, как природа.

Если жизнь народа перестаёт быть созидательной в области прекрасного — это знак, что народ страдает сверх всякой меры. Рабство, делающее труд безрадостным и отпускающее своих пленников в их дупла измождёнными, с потухшими очами; рабство, которое разрушает красоту женщин и заставляет их бояться материнства; рабство, которое для миллионов людей сделало утро неприятелем, что, словно поджигатель, приближается в зареве восхода, — работает на разрушение рода. Ибо красота во всех её проявлениях рождается из поцелуев и свободных объятий; раб, потерявший веру в своё освобождение,

уже не имеет сил для того, чтобы видеть и создавать прекрасное. Красота — это цветок, свидетельствующий об избытке сил и поступательном движении жизни; это отрицание смерти; красота — это путь к загадочному югу, где солнце всё горячее, растительность всё богаче, небесная лазурь всё более духовна, ночи всё более глубоки, а звёзды всё более яркие, где лёгкие шаги едва касаются земли, но позволяют овладеть её законами, где для достижения самого большого результата можно затратить минимум энергии. Красота — это тихое, невероятное чувство уверенности, единственное на всей земле; это сотрясаемая всеми солнцами, непрекращающаяся улыбка, видимая с земли и всегда заключающая в своём сладком слепящем свете долю меланхолии, но и это даёт возможность почувствовать невероятную тишину какого-то невыразимого великолепия, подготавливаемого настоящим будущим...

Настоящее

Не ослабевает жизнь на земле, что бы ни думали те из нас, кто слишком устал. Величие прошлого и будущего сокрыто в настоящем, всегда готовом вырваться наружу во всей красе. Огонь каждой нашей секунды таит в себе те же силы, которые зажигали миллионы звёзд Млечного пути и на волнах света сеяли жизнь на одной звезде за другой; а наши океаны сотрясает тот же материнский трепет, каким он был и в то время, когда они впервые ощутили в глубине своих вод, что беременны новыми живыми существами. Легко, словно нежный ветерок, струится по всему сотворённому миру то самое дыхание, что оевало исчезнувшие растения кайнозойской эры, пробуждало к жизни бесчисленные племена животных и, словно духовный авангард, послало вперёд из дремучих лесов той древней весны. Не переставая, всё так же действуют силы, что создавали языки и организовывали народы, а пока мы предаёмся мечтаниям, усилия миллионов изменяют землю. Вдыхаемый нами воздух имеет тот же таинственный состав, что и дуновение в горах, некогда наполнявшее грудь и расправлявшее плечи великанов-героев, пророков и влюблённых. Как и века назад, всё так же поразительно искусное умение воды и солнца, с которым они лепят землю; всё так же рвутся к жизни кристаллы и металлы; так же из мастерских материи, не знающих ни воскресений, ни праздников, доносится гармоничный гремучий ритм. Одна за другой лопаются струны на таинственном инструменте, на котором жизнь бесчисленных существ исполняет свою песнь боли и наслаждения; но оставшиеся струны подхватывают их завет, сохраняя частоту интервалов — и всё опаснее и сложнее его игра; и всё больше умения нужно для того, чтобы сохранить высокие ноты накала жизни; всё более духовными и полными тайн становятся вариации одной и той же темы, звучащей тысячелетиями. И хотя работа над достижением цели жизни продолжается беспрестанно и цель эта — там, в скрытых глубинах — достигается каждую секунду (ибо всё, что живёт, включая даже самых слабых, измождённых и уродливых из существ, в своей борьбе со смертью и победе над ней одарено мгновениями обжигающей и трогательной красоты), всё же именно сегодня духовные силы, трудящиеся на земле, кажутся наиболее свободными. Их подготовленные веками манифестации преобразовали тело и стали богаче, ярче, поразительнее; потребность любви и счастья стала более тонкой и опьяняющей, подобно смерчу,

вовлекающему в свои всё расширяющиеся круги миллионы людей. Из всех минувших столетий в наши ряды вступают то одни, то другие великие мастера нашего рода, стоящие на страже творческого горения, и хотя они уже поднялись на более высокую ступень духовного космоса, землю, которую так любили, они не оставляют и всегда готовы сюда вернуться. И, приняв осязаемый лучезарный образ, они проникают в одинокое существование самого обездоленного из всех любящих — для того, чтобы в глубокой тишине, подготовленной горячностью сердца, обратиться к нему с речью ещё более красноречивой и нежной, нежели те, с которыми они обращались к своим ученикам в рощах древних городов под звёздами древних ночей.

Свет бесконечного дня, неведомого и великолепного, даже слишком яркого, с каждой секундой разрастается над духовной землёй...

Нечто невероятное произошло со всеми предметами. Каждый камень, каждый стебель травы, насекомое, которому и минуты хватит, чтобы допорхнуть до смерти, цветущее дерево, столетиями нежившееся в сладком эгоизме своего тихого счастья, — всё с какой-то невообразимой силой обжигает ожившие чувства. Души наши оказываются смятёнными и опьянёнными этими ещё не полностью развившимися истинами, что вдруг хлынули все разом, подобно тяжёлому, дурмящему аромату тысяч невидимых цветов, подобно восхитительной весне, случающейся в каком-то ином мире один раз в несколько тысячелетий. Из наших ночных предчувствий выходят миры, перед красотой которых меркнет фантазия, а солнца приближаются к нам из чёрных глубин космоса, словно прожектора духовных флотилий. И чувства идут кругом от великих открытий последних поколений, принесших новое понимание человека, материи и космоса. Боль, которую испытывает пылкий ум, и его глубоко, до самой смерти скрываемое недоверие к найденному оставляют в наше время на лицах сильнейших из рода человеческого тайные знаки, свидетельствующие об их глубоком духовном родстве. Истины низаны одна на другую, словно болезни; многие современники испытывают одни и те же творческие муки, проникая в одни и те же области познания, и, не ведая о своей близости, пугаются один другого, а неожиданно встретившись, ревнуют и сладостно страдают, словно подозрительные любовники, догадавшиеся, как одинок каждый из них.

И последнее открытие, к которому начинает приближаться человек на земле, — это тело... Тело со своей болью, своими болезнями и в своём созревании, — это оценщик и судья всего сущего, создатель и разрушитель иллюзий. Тело — дух, видящий дальше, нежели наш разум; певец наших мечтаний; ткач, что испулённо прядёт полотно из всех нитей и волокон, из лунного мерцания, из мглы и тьмы; капитан бригантины, чутко следующий зову космического ветра — ласкового или угрожающего — и знающий,

когда нужно поднять, а когда убрать паруса! Загадочное тело, обращённое к солнцу нашего мира, и одновременно духовно расцветающее под невидимыми солнцами другой вселенной. Не вытекают ли его развитие и разрушение, зарождение его болезней и возвращение к нему силы, здоровья и доброты из тайного процесса мысли? Не зависят ли они от выбора метафор, способа доказательств, справедливости воли? Что значат ритм и интонация голоса, воскрешающие в нашем сознании давно умершие существа и вскрывающие глубокие родовые связи? А улыбка, язык жестов, исключительная правдивость движений, которые словно молнии озаряют нашу скрытую историю? И разве искреннее братское слово, неопровержимое, сильное и нежное, жар которого охлаждает дыхание высшего разума, не воздействует на тело, словно оздоравливающий поток и магическое всеисцеляющее лекарство, берущее своё начало в мире невидимого? И не это ли слово ищут все наши пророки? Не оно ли, уже будучи скрытым, звучит в глубине души? Какое это откровение — затаив дыхание, узреть лицо умиротворённого человека, вкусившего сладостную жизнь высших существ; или улыбку, за которую заплачено днями и ночами побед; или взгляд, ослепляющий сиянием внутреннего космоса, — взгляд, в котором пылает уверенность того, кто познал места, где нет смерти... И такие люди, инстинктивно создающие законы, были во все времена и подавали пример остальным одним своим существованием, цельностью натуры, естественным великодушием и величием даже в самом простом и малом; в присутствии таких людей всё излучало доброту, счастье казалось достижимым, а судьба — благоприятной, как будто любым своим жестом они могли вызвать и подчинить себе музыку духа, скрытую от слуха, но воспринимаемую пылающим сердцем.

Слово «жизнь» приобретает новое значение в устах людей. Наверное, из всех слов именно оно — таинственное, объёмное и неизмеримое — наиболее полно воплощает сегодня закон, суть которого пророки, ясновидцы и прорицатели стремились выразить символами, мифами и молчанием. Закон, непостижимый в своей ослепляющей красоте, говорящий с каждым из существ на ином, предназначенном ему одному языке предзнаменований, но закон абсолютно определённый, повиновение которому или какая бы то ни было ересь, наказуемы и ведут к увяданию, трагическим галлюцинациям и потере любви. Закон этот слышен в шуме ветра, пении вод и многоголосии переговаривающихся лесов. Безмолвно и преданно следуют ему и растения, и животные, и поколения бесстрашных и жестоких насекомых, движущихся шеренгами, словно солдаты, и гордые птицы, и смелые хищники, и червь, разрубленный пополам садовой лопатой, и карликовая сосна, укоренившаяся в расщелине скалы, и излучающая холодное сияние флора подземелий; существа, не страшщиеся никаких страданий, игроки, не боящиеся проигры-

ша, живут и живут далее, словно совершают ритуал какой-то вечной, тяжкой и жестокой веры, что обложила данью и забытьё, и игру, и упоение солнцем, и сладость сна; той веры, что заставляет минутное наслаждение жаждать вечности, дабы бросок вперёд был ещё более яростным, муки и смерть — ещё более устрашающими, а движение, творящее красоту, — ещё более великолепным.

Это закон, дарующий ясновидение, словно вихрь, возносящий дух и наделяющий добротой и великодушием существа, чья чрезмерная сила представляла опасность для их собственного рода. Закон, что неожиданно смягчает нежностью слишком глубоко проникающую и оттого угрожающую жизни мысль. Тот закон, что даже самый трезвый взгляд, который не могут обольстить никакие иллюзии мира, орошает дождём слёз, вуаль которых мягко обволакивает жестокое в своём безжалостном реализме восприятие мира.

Эффект обмана духовного зрения таков, что как раз красота настоящего ускользает от нас. Никогда ещё мегаломания и королевское стремление духа объять необъятное целое не были столь сильны, нежели в те удивительные времена, в которые мы живём. Где они — мечты того человека из прошлого, что добился права на свой сокрытый от чужих глаз сад, на своё до гробовой доски тщательно охраняемое счастье; где мечты того человека, который поставил вал, лес, водные преграды, толпу рабов, страх и смерть, дабы все они обеспечивали безопасность его рода? Человек, близость которого мы чувствуем в биении наших сердец, в неожиданном и незнакомом акценте нашего голоса, в поцелуях любимой женщины, в беспокойстве наших мыслей, когда нам вдруг кажется, что облака впереди на нашем горизонте — это столпы пыли, клубящиеся на его пути, — этот сильный и близкий нам человек будущего уже сегодня рушит в наших мечтах границы империй, чтобы разбить свой сад величиной с земной шар от неба до неба, где материка и острова — словно корзины с цветами, разбросанные по океанским волнам. Народы, живущие в трудах и заботах на обоих полушариях земли, выполняют его миссию, сменяя друг друга, словно рудокопы в дневную и в ночную смену, что опускаются штрек за штреком всё глубже. В мечтах архитекторов вырастают целые города, созданные в едином творческом порыве, в едином победоносном созидании форм, — это гигантская кристаллизация, подчиняющаяся единому математическому закону; это ожившая материя, что как цветок подчиняется единому закону роста. Города с садами и огнедышащими, освещающими тьму горнами, где трудятся приручённые человеком демоны энергии, послушные духу, а в вечерние часы отдыха магические луны подобно жарким углям тлеют над проспектами, по которым движутся бессчётные толпы. Бессловесный протест страдальцев всех наций и ещё более опасный протест высших духов, что в одиночестве приходят к прозрению, ведут в тишине свои

расчёты и устремляют взор на всё, что есть на земле, — всё это придаёт нынешним временам волнуемую напряжённость поры великих исторических решений. Мы чувствуем, что судный день не где-то там, в будущем, — мы ощущаем его постоянное присутствие во вселенной. Чувствуем, что каждый час есть судья всего времени, и каждый из нас помимо своей воли вершит правосудие в людских жизнях: женщина в жизни мужчины, мужчина в судьбе женщины, а в жизни их обоих — дитя, что вошло и село за их столом, словно таинственный гость, и то дитя, что отшатнулось от их дома... Новая любовь, более высокая и упоительная, нежели стихийная древняя страсть, что была чернозёмом для её магических цветов, светится в наших слезах и наших экзостатических улыбках. Сердце толпы (тайный знак часа на просторах вечности) начинает испытывать ужас, доселе ему незнакомый: ужас от братоубийства. Начинает тосковать по миру, по своему королевскому праву на мечту о счастье, о свободе и освоении земли. Братские сообщества миллионов, говорящих на всех языках, всё более жаркие схватки духов, всё снедающая жажда власти и наслаждений; всё, что ставит одного человека рядом с другим, а силу против силы, — всё вдруг оказывается ведóмым и направляемым одной общей гигантской силой духа, тем духовным единением, что на протяжении миллионов лет было как бы заколдовано, но тем не менее бодрствовало, незаметно посылая свои тихие сигналы по разным направлениям и в свете дня, и в тишине ночи, в страстных и тёмных глубинах сердца, в жажде материнства, познания, в жажде недостижимого. Духовное единение не отказывается ни от чего, чувствуя себя в безопасности своего всемогущества; и даже то, что мы называем случаем, для нового человека — камень в руке строителя. Вопреки изнуряющему скепсису, отчаянию любящих сердец, вопреки чувству вины, под молчаливым бременем которой живут целые поколения, человек растёт вверх — к духовному единению со всем на земле. И ничто не остановит эту силу, которая, как водопад, несётся с непредсказуемой скоростью, словно бурная река, которая прокладывает путь к народам, на протяжении веков разбросанным поодиночке, и разбивает оковы, а затем связывает эти народы новыми духовными узами; эта сила лепит новые тела для носителей новых мыслей, даёт миллионам существ общую надежду и общую боль. Что значит для духа природная катастрофа, космическая трансформация или остывание солнца и земли? Невозможное, невероятное и безумное кажется на уровне духа радостно лёгким, изумительно естественным, невообразимо разумным. И чем опаснее минута настоящего, чем ближе кажутся распад и смерть, тем быстрее и лихорадочнее скорость мысли и сердца, тем соблазнительнее изощрённость наслаждения, тем щедрее помощь, посылаемая из таинственных кладовых мира невидимого; чем более хрупок и ценен инструмент жизни, тем чувствительнее оказывается реакция на боль — на ту боль, которая учит нас

законам существования и охраняет прекрасное. Если нужно, то жизнь, обладающая мудростью всех миров, что готовили рождение этого мира, жизнь, которая всегда оказывается победителем, вызывает болезни, которые ведут к высшему здоровью, и насаждает культ чистоты, разума и чувственной холодности, когда наслаждения и яды начинают угрожать человеческому роду. Смерть же в садах жизни — это садовник, что пересаживает саженцы на положенное каждому из них место, с места видимого на другое, невидимое.

Не ослабевает жизнь на земле. И всё раскатистее грохочет летящая сквозь тысячелетия колесница, в которую впряжены светила и миры. Всё более самоуверен магический, нежный, всё обвораживающий, взгляд женщин. И ещё выше чувство уважения к ребёнку — наследнику и создателю нового мира...

Творение смерти

В радостном гуле жизни мысль о смерти кажется нам чуждой, словно не входит в систему нашего мышления. Горячечные краски иллюзии ослепляют наши глаза и не дают возможности увидеть цель всех наших земных путей. Предчувствием того, что жизнь вечна, веет от красоты вещей, которая словно жаром обдаёт нас; нам кажется, что время остановилось и мы застыли в нём, а вокруг нас разыгрывается восхитительная драма жизни.

Однако вдруг, посередине пути, который мы тысячу раз мысленно совершали, думая о бренных и земных вещах, нас постигает удар — страшное осознание того, что мы, несомненно, идём к смерти. И вот уже в нас звучит тревожный метроном сердца, заменяя нам голоса рек, шум деревьев, пение птиц и шаги братьев. И застывает небесная лазурь, и, как на льдине, образуются трещины на зелёном кристалле далёкого полярного солнца. А мы похожи на уставшего от своих занятий живописью художника, что, выронив из руки кисть, вдруг отчётливо и с тревогой обнаруживает, что всеми забыт в пустой мастерской, и чувствует своё одиночество и бессмысленность своих трудов и вообще трудов всех людей в этой зияющей пропасти времён.

Но всё же ясное осознание смерти есть одно из самых таинственных открытий человека на земле, его царская и трагическая привилегия, ставящая его выше всех иных живых существ. Миллионы лет прошли, прежде чем знание это проросло из тёмного инстинкта, заставляющего спасаться бегством в страхе за свою жизнь, созрело и превратилось в абсолютную, яркую, повседневную уверенность, которую не могут омрачить никакие сны или галлюцинации. Ясность и сила этого знания зависят от интенсивности чувства жизни в каждом из нас. И различия здесь могут быть столь глубоки, что не найти слов, которые могли бы их описать со всей точностью. Даже в жизни одного и того же человека меняется чистота внутреннего света в зависимости от того духовного периода, который он ныне переживает. Миллионы людей умирают, так и не успев вкусить истинный вкус смерти, — точно так же, как умирают, не познав любви и скрытой красоты покидаемого ими мира. Недостаточное ощущение близости смерти, присущее бесстрашным дикарям и детям, не есть сила; героизм начинается только там, где дух ради служения делу жизни сам сознательно выбирает земную смерть, в полной мере, твёрдо и отчётливо зная ей цену. И в такие минуты очи даже самых могущественных

из людей наполняются слезами, словно при взгляде на белое, обжигающее и огнедышащее солнце. Были и братья, которых всполохи смерти ослепили настолько сильно, что способность видеть к ним так и не вернулась, и всю оставшуюся жизнь они брели, подобно плачущим слепцам, сбившимся с дороги. Какие только резкие трансформации, какие новые и неожиданные ориентиры для духа, а иногда и отказ от ранее бесспорных правд не готовило человеку вдруг открывшееся знание о смерти! К каким только крушениям не вело безжалостное, словно разящие молнии, её предчувствие, которое заставляло врасплох дух, не подготовленный опытом жизни и страданий! Есть же и такие пророки смерти, дух которых летит на её огонь подобно бесшумным ночным мотылькам.

Но право бесстрашно, правдиво и осознанно видеть смерть человек завоевал благодаря духовной работе тысяч поколений, усилиям и любви самых великих душ на этой земле. И завоёвано оно было для того, чтобы жизнь продолжала расцветать, чтобы развивалась, становилась лучше и добрее. Оттуда, из глубин смерти, проникают в нашу духовную жизнь новые ветра, меняющие наши ориентиры и цели на просторах вселенной.

Ибо после первых потрясений на нас нисходит дух, который уже поновому смотрит на освещённые блеском смерти вещи этой земли. Скрытое движение жизни проступает под кажущимися неподвижными формами; миражи исчезают, навечно растворяясь за горизонтом. Содрогаются от бушующих волн каменные океаны скал, водные потоки тысячелетиями прокладывают свои урочища, растительность вырывается наружу из глубин, словно огненные языки гудящих гейзеров, мириады живых существ проникают из столетия в столетие; видимые миры вступают под солнца миров невидимых; жизнь кажется всеобщим, непрекращающимся праздником торжества над смертью. В обдувающих наши лица ветрах мы чувствуем полёт земли над пропастями вселенной, а в горячем дыхании солнца — ревниво распахнутые нам навстречу бесчисленные страстные объятия. Все наши чувства возникли в сражении со смертью — сражении, которое может найти покой лишь в одном уповании на Бога; именно в этой борьбе мы завоевали время и пространство — эти заповедные поляны в глубине полного тайн дремучего леса вселенной, в котором человек заложил сад со своими истинами и мечтами. Именно борьба со смертью наделила наш взор пронизательностью и молниеносной решимостью, обучила его языку цветовой гаммы, форм и жестов и позволила ему заглянуть вперёд сквозь века, то есть в самое прекрасное будущее. Эта борьба, подобно нашему открытию противоположных сторон света, дала нам способность слышать так, чтобы всё наше естество содрогнулось от грохота накатывающихся космических волн, соединяющих в единое целое разные миры. Тысячи указывающих путь и предупреждающих

об опасности голосов мощно зазвучали в трагическом безмолвии вселенной. В хор голосов земли, поющих птиц, ветров и вод вторглось человеческое слово — та сила, что упорядочивает хаос и организует труд, преобразует робкую волю одиночек в магическую волю и мудрость масс; слово, что объединяет народы, создаёт и уничтожает империи, укрощает стихии, возводит храмы и веками на всех неисчислимых языках земли ведёт бой со смертью. Однако близость смерти принуждала жизнь выдумывать всё новые и новые уловки, необходимые для того, чтобы избежать уничтожения и, вновь и вновь меняя обличье, спастись и в холоде окаменевших кристаллических нив, и среди застывших металлических лав, и в прекрасных и страшных подводных мирах, и в царстве живых существ и растений. Эта борьба сплотила все живые существа на земле и все стихии, заставив их помогать друг другу ради сохранения и распространения светлого чуда жизни. И жестокая борьба всех против всех, жажда крови, алчность бессчётного числа паразитирующих лярв наполнены лишь одним обжигающим, страшным и великолепным, ненасытным, жестоким и сладким желанием: жить, развиваться, до бесконечности увеличить род свой, всё захватить и высосать, как того требует эта трагическая жажда. Ибо жизнь жаждет вечности; пьянящая жажда вечности полыхает в красе цветов и облаков, в синеве небес, в силе мужчин и страсти женщин; она полыхает в любви, радости зачатия, творчества, победы и в дьявольском наслаждении от разрушения; беспредельная память жизни, отягчённая воспоминаниями обо всех исчезнувших вселенных, тем не менее сохраняет восторженную лёгкость пения птиц или детского смеха и небесно чистое, словно рассвет, благоухающее ложе вёсен, устланное миллионы лет назад для избранных существ, что всё никак не появляются... Миллионы и миллионы лет продолжается на нашей земле сражение со смертью, сопровождаемое, словно гулом боевых труб, шумом морских волн, что скрывают в своей глубине поля брани, плачем лесов в ночи, грохотом сотрясающих подземелья бурь, искрами молний, галдежом полчищ птиц, жужжанием насекомых, ликованием и радостными возгласами любви; миллионы лет торжественно звучит смех, в котором слышен рык переполненных диким счастьем водопадов, несущихся из расщелин скал, из стремительных ледниковых рек, и музыка дождя, и стук сердца, и марш людских колонн, и вихри творчества, и бурление городов; всё это — непрерывный и неутомимый полёт, вызванный героическим призывом солнца и далёкими, сквозь века летящими к нам приветствиями звёзд, участвующих в этом же самом сражении. Но каких высот, где расположены один над другим миры, достигает всё более ослепительный и священный вихрь, поднявшийся с поля этой битвы? Каких величественных туманностей, где любую из звёздных систем двигают, словно отряд на поле сражения, в божественной игре справедливости и смерти, что ведётся уже на протяжении миллионов

лет? И человек, стоящий в огне этого сражения, с расправленной за века грудью, научился дышать из невидимого мира будоражащий и призывающий к созиданию пьянящий аромат вечности, восторг от веры, мысли и мечты; научился предвидеть будущее; движением эфемерных рук духа он отваживается менять диспозиции сил в природе; бешеная жажда и царственное желание заставляют его создавать новую землю для рода своего — укрепленный лагерь, надёжно защищающий его от набегов смерти. А из духовного опыта столетий, собранного в книгах мудрецов, в произведениях искусства, в исторических хрониках, в отпечатках его ног, оставляемых им повсюду, где бы он ни останавливался, складывается арсенал для вечного боя со смертью.

Но тревожащая близость опасности призывает человека быть постоянно настороже: ведь гибель несут огонь и вода, соки цветов и наслаждение, которое и даёт, и забирает жизнь, соперничество мужчин и материнство женщин, сражения за мир, создание империй и создание мечтаний. Безумие вызревает в глубине мысли, святости, любви, героизма. А смерть, скрытая под тысячью покрывал, вынуждает человека с большей чуткостью познавать богатство предметов видимых: от знамений звёзд, по которым он читает сокрытую историю земли, до последних открытий, которые он уже начинает предчувствовать, включая познание собственного тела — ратного поля, на котором происходят самые жаркие схватки. Смерть заставляет прислушиваться к таинственным голосам, что из тиши его сердца говорят ему о законах таинственного космоса, иных, нежели законы земли, и о таинстве другой смерти, которая будет страшнее той, против которой он воюет на земле...

На низших ступенях духа мысль о смерти (которая всегда безотчётно присутствует в душе) заставляет человека устремляться в мир чувств. Желание становится всё настойчивее, а жажда крови — ещё более жгучей. Это инстинктивный, берущий своё начало в глубинах животного подсознания побег, крик наслаждения, взывающий в темноте ещё не рождённых миров о помощи в противоборстве со смертью. Но тех, чьи утомлённые глаза с наступлением утра преображаются, вдруг ослеплённые слишком ярким светом дня, мысль о смерти окутывает холодящей туманной вуалью и смягчает резкие цвета во всех уголках духа и чувств. Сломленные, черпают они из этой мысли тоскливое утешение и гордость от своего открытия о бренности всего сущего. Но напрасно они стараются убедить себя в иллюзорности красоты вселенной: магические ночи кажутся им зияющей пастью тьмы с поблёскивающими в ней белыми зубами звёзд; тщетно они, персонажи трагедии, из обгоревших и почерневших балок царских чертогов своего рода, сожжённых ударом молнии и разрушившихся от времени, пытаются слепить убежище для своего одиночества, думая, что там они смогут укрыться от вселенского вихря смерти. Ибо нельзя убежать от предначертанных космосом трудов: жизнь — это

непрекращающееся созидание, а каждое из солнц, словно зажжённый в поле огонь, освещает борьбу, ведущуюся на его землях. И дух снова и снова, до изнеможения, натягивает от одного солнца свои сверкающие волокна, сеть в тысяче мест разорванную, на тысяче мест восстановленную; мистический шелкопряд неумоимо плетёт эту сеть, мечтая закататься в ней для своего таинственного сна, за которым последует ещё более торжествующий полёт. Справедливость, эта великая и главная вселенская правда, что зажгла свет миллионов солнц для того, чтобы они освещали её творение и чтобы ни один из свершённых ею поступков не остался незамеченным, дала каждой из жизней, даже той, что кажется самой невзрачной, свою собственную роль в драме любви. Каждая жизнь есть чудо незримых побед над смертью, готовившееся на протяжении миллионов лет. Кровь, заставляющая пульсировать сердца, окрасилась в пурпур под палящими лучами бесчисленных жестоких и торжествующих солнц. Словно серебряная роса, блестит на лепестках каждой мысли сияние всех звёздных ночей. Улыбка правды, говорящая о том, как много ей известно и как много она ещё скрывает, отражается в каждой травинке и каждом движении лесного зверя; эта улыбка для нас подобна трогательному воспоминанию о нашем собственном прекрасном и великом детстве, каждое мгновение которого растягивалось на тысячелетия. Корни жизни сокрыты от нашего земного познания глубже всех самых тёмных просторов с пересекающимися их млечными путями, которые поблескивают, словно дорожки, посыпанные толстым слоем серебряного песка; и в размышлениях о смерти мы растём и, несмотря на все пропасти времён, словно в головокружительном экстазе ощущаем свою связь с этими корнями.

Смерть пугает нас откровенностью, с которой демонстрирует нам главные истины вселенной, посвящая человека в тайну общего происхождения всех живых существ. В страхе перед ней рождались первые рассветные проблески справедливости. Смерть наградила боль даром предвидения, даровала её невидимым рукам отвагу раздвигать шторы дневного света, за которыми скрываются прекрасные миры тихого благоденствия, ждущие, когда же очи наши привыкнут к их нежному мерцанию и достаточно окрепнут, чтобы узреть их. В разлуке с земным миром и страхе смерти человек учился познавать ангельскую сладость поцелуев, нежных и трепетных, словно два скрещённых луча, соединяющихся в один, а на губах детей чувствовать проникающее сквозь столетия дуновение цветов вечной весны. И не было такого величия и героизма, которые бы не удесетеряла близость смерти. Одиночество, которое ищет мыслитель или провидец, — это тот приют, что также близок её владениям, безмолвным для слуха тела, но наполненным многозвучием бури, музыки и песен для чуткого творческого духа. Туда отправлялись мастера рода нашего, чтобы по прошествии столетий произвести переоценку всего земного — как

время от времени необходимо проверять весы, на которых торговцы взвешивают свой товар; но все измерительные приборы оказываются недостаточно чувствительными для взвешивания невесомого и измерения неизмеримого. Там учились они понимать глубинную суть каждой мысли: куда ведёт эта мысль — к жизни или к смерти, и, возвращая словам их истинный смысл, помогали людям лучше понять друг друга. Там вызревала сладкая решимость святых, проповедников вечности и ценности жизни, противостоящих дьявольскому красноречию бренности и смерти; страстотерпцев, заражённых идеей вечной жизни, для любви которых существовало одно мерило — вечность, и которые знали только одно наслаждение — познание всё более глубокое, поразительное и интенсивное, познание, что вечно утоляет, но никак не может утолить свою жажду, познание всё более торжествующее и чистое... А их утончённые тела там расцветали в гармонии с высшими законами космоса в награду за то, что смогли заглянуть в буйные заросли людских стремлений и поступков, подобно ясновидцам, интуитивно угадывающим полезные свойства лечебных растений, смогли распознать яд даже в сияющей ткани самых светлых мыслей и научились читать стигматы смерти во взглядах людей и в знаменьях, сулящих роду опасности.

Ибо тот, кто преодолел смерть, сумев её ясно и отчётливо увидеть — на смертном одре, при погружении в мир прекрасного или благодаря блаженной чистоте своей сущности (но сколько их, этих избранных, по сравнению с миллионами прочих?), обретает свободу, дать которую не в силах ни одна власть на земле. Такой человек словно бы уже отказался от своего земного гражданства и стал членом космической общности духовной жизни. Он обретает магическую власть; куда ни ступит — основывает новые верования, становится царственным покровителем каждого доброго дела на земле. Ему вручаются бразды правления событиями, он читает тайны сердец, а речь его, преобразившись, напоминает речь излечившегося от загадочной болезни, при которой разряды молнии выжигают из памяти целые цепочки взаимосвязей: он навсегда забывает тысячи слов из детского периода истории человечества, слова ненависти, иронии, издёвки, осуждения и гордыни, он не в состоянии вспомнить их, словно никогда и не слышал. Ему остались лишь слова восторга, сочувствия, благодарности, смирения и любви. А незнакомые ему братья являются к нему без приглашения и открывают свои сердца, охваченные трепетом, томительной нежностью и счастьем. Сладостен и безопасен совместный с ним путь: лёгок, словно танец, шаг его любящей воли. Познание его, подобно свету полуденного солнца, рассеивает страх идущего по дороге.

В наивысшие моменты жизни — в торжествующем полёте мысли, в экстазе созидания и в любви — видение смерти лишается своего ужаса; наше существо

сотрясает грохот космической жизни — единой жизни, звучащей хором всех миров, вечно присутствующей во всех существах, наполненной чувством братства, переливающейся блеском и славой будущего и прошлого. Уверенность в бессмертии проносится через все чувства и наделяет их особыми тонкими способностями, для которых нет границ времени и пространства. И мы дрожим в сладком оцепенении под обжигающими искрами далёких звёзд, словно под накрывающим нас горячим пеплом, что принёс сюда ветер от взмахов крыльев, растущих во время полёта из видимого мира в пропасть миров невидимых, и слышим эхо побед, что доносится к нам из всех миров.

Ужас перед смертью есть всего лишь осознание величия и красоты жизни, воспринять которые мы пока не готовы; это плач очей, ослеплённых молниями на самом пороге, который мы так боимся переступить. И чтобы видеть, нужно развивать зрение; точно так же мускулы укрепляет труд, а сердце — любовь. Для того чтобы духовный взгляд сумел охватить самые далёкие горизонты, нужно преодолеть череду смертей. А духовная высшая жизнь кажется тому, кто смотрит на неё снизу, страшной как смерть. И даже самая сладостная и совершенная песнь духа людского, даже предчувствие близости высот, за которыми прекращается рост миров, под которыми неизмеримо далёким кажется царство нашего добра и зла, отзываются в нашей душе бесконечной печалью. Боязнь смерти свидетельствует о том, что мы не связаны должным образом с мистической жизнью космоса и подобны наёмникам, не понимающим, зачем вообще им нужно быть на своём месте в огне сражения, и потому удержать их там можно только при помощи страха. Это страх перед величием трудов, для свершения которых наши руки и сердца кажутся нам неготовыми и чересчур слабыми: это подобно тому, как припозднившийся жнец бросает печальный взгляд на солнце, клонящееся к горизонту и напоминающее о близости последнего светлого часа на лазурном циферблате небес. Так же нервно дрожат, спеша и ошибаясь, руки, старающиеся всё успеть до темноты; такова и печаль одинокой женщины, что наблюдает, как иссыхают её груди, живительную влагу которых так и не вкусили любящие губы. Утру жизни — юности — ещё не знакома эта печаль смерти; словно в серебрящейся пыли разбившегося зеркала ночи ещё любитесь своим отражением в росе солнце, ещё кажутся послушными нашему взору облака, а вечер — столь же далёким и невозможным, как сказка. Но с каждым делом, которое мы должны были выполнить и выполнили, дух становится всё более спокойным. Рука, что наполняет чашу весов, всё слабеет, но стрелка весов, стремящаяся к абсолютному равновесию, дрожит всё меньше и, близясь к центру, всё реже покачивается из стороны в сторону. Смиранный труженик, что в молчании достигает наивысшей точки сосредоточения творческой воли, приближается к цели и уже без страха прислушивается к учащённому биению своего сердца.

Он звучит в его мечтах затихающим эхом стучащих топоров, что уже завершают работу по возведению его нового дома на другом полушарии времени. Он идёт по земле подобно крестьянину, что в задумчивости шагает мимо полей, отныне ему не принадлежащих; наливаются сладким золотом колосья, но не ему теперь их убирать, они уже не его — чужие. Да и пальцы, которыми он теребит колос, проверяя его на зрелость, уже слабы, а глаза потеряли интерес к земным вещам. Смерть, что так же мягка и нежна, как и срываемый с ветви сладкий зрелый плод, есть наивысший дар любви. Но, будучи слабыми, мы не замечаем истинной ценности свершаемых нами трудов в гигантском хозяйстве всего космоса, неуверенность всегда присутствует в нашем сердце, а в минуты усталости дело наше кажется нам напрасным и убогим по сравнению с грохочущим величием того, что происходит в окружающих нас мирах.

Духи мастеров наших, живших на земле до нас, спускаются в такие минуты к страдающему в одиночестве человеку и протягивают ему участливую руку, коли не нашлось не вкусивших смерти губ, которые могли бы его утешить. Они учат нас, что уже сейчас, под лучами солнца, среди нежных и благодарных цветов, в кругу братьев своих шествует наш дух дорогами, по которым пойдёт он тихо и тайно, когда мы в последний раз сомкнём глаза. Не ведая о том, что мы уже сейчас живём в бурном мире мистического космоса; засыпая, мы каждую ночь преступаем его порог и познаём язык смерти. Подобно растениям на водной глади, возрастает мысль наша на качающихся волнах вечности. Тени от невидимых садов ложатся на наши пути и пугают нас своим величием и возвышенной печалью, подтверждая, что нет недостижимого для них места на земле. Самые глубокие и потаённые уголки нашего естества уже теперь сокрыты в таких пучинах, до которых смерти не добратся. Погружаясь на эту глубину, мы уже сейчас вступаем в высший мир духов. Самые главные и высшие истины жизни каждую минуту готовы открыться нам; те, кто спускается вниз по чёрным ступеням пропасти и поднимается выше самых высоких горных вершин, способны узреть даже в солнечный полдень переливающиеся серебряным блеском и определяющие время нашего пребывания в вечности знаки Зодиака, которые наше солнце как раз осветило своим сиянием.

Давящий груз смерти подобен прессу таинственного винодела, что соединяет разбитые сердца в одно общее в сладостной боли любви. И что значат отличия родов, языков, племён или талантов перед общей для всех таинственной мистерией смерти? Когда она, уподобившись буре, пронесётся, ломая деревья космических чаш, и начнёт сотрясать наши окна, разошедшиеся от времени, то даже самое горделивое пламя из сокрытых в нас гаснет, оставляя после себя лишь чадающий чёрный остов фитиля; и тогда накрывает одинокую душу печаль, а ладони тоскуют по братскому рукопожатию, сами собой

распахиваются навстречу друг другу врата и сердца, и человек идёт к человеку как брат к брату: и для них нет уже никого и ничего в этом грандиозном и страшном бытии природы, кроме них самих. Возвышенную тайну прошлых поколений разносит тишина, окутывающая ложе умирающих, а движения присутствующих при этом становятся столь же прекрасны, как жесты в свершаемом на протяжении тысячелетий тайном обряде. И хотя ясное видение смерти оставалось невозможным для взгляда большинства людей, каждое прикосновение к делу смерти внушало тем, чьи очи уже прозрели, всё больший ужас.словно новый орган чувств, отвечающий за восприятие целого, громко заявил о себе внутри человека: зрение, способное объять весь земной шар, жаркий пульс единого сердца всех жизней на земле, восприимчивость даже к самым далёким и скрытым проявлением радости и боли незнакомых нам и невидимых нами существ, как если бы это были наши собственные радость и боль, и всё это работает против смерти независимо от того, где и кто (пусть даже скрывающийся под маской безумства и дьявольского обольщения) готовит её для нас на этой земле. Ощущение силы жизни крепнет, границы чувствительности к боли расширяются, понятие убийства достигает новой, внушающей ужас глубины. Мечта о справедливости — самая смелая мечта на этой земле, против которой восстаёт буквально всё, чему доверяют наши чувства, — обдаёт душу мучительным полуденным жаром. Земля, на которой мы живём, всё больше и больше своих тайн открывает всё большему числу на ней живущих, словно её таинственный день с каждым часом и каждым веком становится всё продолжительнее. Камень, что созревает в глубине скал, цветок, распутившийся для праздника любви, птица, кружащая в поисках пути для своего возвращения из мира весны, невидимый из-за скорости полёта рой насекомых, звезда, переливающаяся то одним, то другим цветом на протяжении тысячелетий, — все они имеют свою историю, ради познания которой трудились на земле сотни сотен духов. Мы не видим вещи так, как видели их отцы наши: они словно покрыты сверкающей патиной от рассматривавших их до нас взглядов. Духовная атмосфера прошлого заслоняет от нас вещи. Мы внимаем не только снаружи, органами чувств, но и изнутри — духом нашим: внимаем не только события космической драмы, но и сплетённый из сил, тоски и надежд невидимый глазу кружащийся вихрь, что гремит и поёт в этой мистерии. Мы чувствуем, что предназначены господствовать там, где предки наши дрожали от страха. Новая боль, которую пророки прошлого едва распознавали, боль, что есть уже не просто боль человека, живущего на этой земле, а боль человека вселенной, отзывается в нашем сердце. Самую утончённую боль нельзя описать словами, ибо на протяжении веков она тихо и тайно созревает, прежде чем создаст язык, на котором обратится к нам; а те братья, что её чувствуют, разговаривают друг с другом как

любящие или бодрствующие среди спящих при помощи взглядов, жестов и знаков. И здесь, в очаге обжигающей боли, мы начинаем обращать внимание на сокрытое, невидимое оку земли участие наше в деле смерти, и страдать от него, словно повязанные общей виной. Среди нас есть мученики любви, которые страдают, словно от угрызений совести за свершённое убийство, от общей боли людских масс, этой веками скрываемой боли всех обездоленных, кого судьба лишила возможности испытывать радость от сияния света, развития и познания, тех, кто, будучи рождён в темноте, проклиная час своего рождения и отсчитывает время в ночи, как заключённый, слышащий переключку голосов тюремной стражи. Они страдают от боли всех ночных, законных в чары одиночества, существ, что под утро в ужасе просыпаются ото сна и, словно тайные поджигатели, бродят по городам, где живут братья. Они страдают от боли всех несвободных, для которых участие в деле земли подобно спуску в рудничных клетях на самые глубины соляных шахт, в то время как высоко над ними загорается яркими красками рассвет, журчат, устремляясь к морям, воды, щебечут летящие на юг птицы, поёт свои песни летящее к любви сердце, а сама любовь поёт в упоении от своего бессмертия. Ясновидцы видят битву — полыхающую, словно незримый огонь в жертвеннике, которому днём и ночью не даёт погаснуть сменяющая одна другую стража; демоническое сражение, которое считается нормой и законом жизни, страшное ещё более оттого, что ведётся в полном молчании, где одни невидимые сражаются с другими такими же невидимыми, безымянные — с безымянными, где орудием убийства служит воля, и где убивают с застывшей в зеркале глаз улыбкой, по прихоти духа, от безделья и ради удовольствия. Всё, что видят эти ясновидцы боли, является им через призму этого сражения: каждый предмет, который они пытаются рассмотреть поближе, начинает искриться, как наэлектризованный; они чувствуют колющую боль от фруктов, собранных для их столов без любви в сердце, от одежды на своих телах, сшитой из ткани, в которую были впряжены чёрные нити отчаяния; эта жгучая боль расходится от гигантских мостов, дворцов, театров, колоннад, вокзалов, парламентов и храмов, военных кораблей и причалов. Они видят, как вулканический пепел из дьявольского горна смешивается с синью небес и с первыми лучами солнца накрывает все сады вёсен, молодости и надежд, кровли алтарей и домов, книги, мрамор, людские тела... И не поможет то, что трепет любви мудрецы этого мира назовут болезненной иллюзией; все чувства их превратились в загадочные щупальца, от которых ужас смерти током разносится по всему их существу. Кипение жизни, понимание её совершенства, сладости, силы и вечности заставляет их отвергать всё, что несёт смерть, задувает огонь, швыряет людские массы назад сквозь тысячелетия в эпоху пещерных сражений

и первобытных страхов, когда врагом человеку была вся природа, а самым жестоким из врагов — такой же человек.

Наблюдая за трудами сегодняшних народов, можно заметить знаки, говорящие о том, что всё больше и больше становится таких ясновидцев боли и что осознание удивительной тайны жизни крепнет; родство рода, семейства, расы ощущается всё сильнее и готовит высшее объединение народов, сознающих общую опасность, которую представляют для человечества разрушающие жизнь силы. Даже война — это путь к союзу живых существ, к созданию сообществ, стоящих на более высокой ступени. Мечта о справедливости всё сильнее обжигает души. Толпы, что тысячелетиями копошились в темноте, выходят на сцену истории и договариваются меж собой, несмотря на различия языков и вероисповеданий, несмотря на границы империй и дали всех морей. Спавшие на протяжении столетий народы пробуждаются. Великолепную картину всемирной истории и кажущегося хаоса разнонаправленных сил, противостояние народов и духов мы начинаем воспринимать как процесс формирования стройных рядов по всему земному шару — процесс, отдельные этапы которого могут длиться веками. Тому, кто не знаком с его стратегией, он может показаться беспорядочным, но это движение, стремящееся к упорядоченности, дремлющее в самом, наполненном гармонией, песнями, музыкой, танцем и ритмом, существе духа и страстно мечтающее стряхнуть с себя заклятие и вырваться из хаоса. Тысячи и тысячи лет пройдут, прежде чем толпы построятся в колонны по всему земному шару; процесс этот начался до того, как человек научился изображать на скалах события своей истории и, странствуя среди гор, остановился, увидев в гигантских фигурах богов своё отображение в облаках. Подобно беспокойным роям пчёл, ищущим новые улья в чащобах и ущельях скал, перебираются народы из одной земли в другую, переплывают моря, прорубают себе тропы сквозь дремучие леса и возводят новые города, которые, как и палаточные лагеря путников в пустыне, в каждую минуту могут быть оставлены ради продолжения путешествия по тысячелетиям. Охотничьи уголья, пастбища, залежи камней, металлов, соли, жажда познания, поиски далёких полюсов, покорение гор, завоевание земных недр и творческое честолюбие — всё это для нашего духовного ока суть явные знамения о глубинных, незримых побуждениях, ведущих человека к господству над всей землёй; к тому, чтобы вкусил он плоды земных поясов, чтобы ощутил придающий силы жар всех широт земли, сухое дыхание пустыни и морозное — полюсов; чтобы смешением всех кровей, всех оттенков кожи, опыта всех народов и мудрости всех религий, неги всех влюблённых рос объединивший в себе всё лучшее новый, надо всем земным шаром господствующий человек, противостоящий опасностям, таящимся на земле, ядам страстей, наслаждения, ненависти, безумия, мысли и мечты. Словно в тысячелетней бессоннице, метались

на гигантском ложе народы — тело распростерлось от океана к океану, под головой вместо подушки легли горы, — народы, преследуемые фантомами демонических прошлых убийств, гордыни, кровожадных божеств, олицетворявших их собственные представления. Толпы людей растекаются из одного столетия в другое, из города в город, в бурлящем вихре тоскующих голосов, в гуле колоколов, сражений и пожаров, в дьявольском грохоте безумствующей истории; отбрасываемые на века назад в пучину хаоса после кратких периодов расцвета и порядка, окружённые немymi свидетелями — деревьями и скалами, золотыми туманностями из юных и созревающих звёзд, что тихо и нежно светят издали, словно и не содрогаются от бушующих на них огненных ветров. Но человеческая жизнь есть основа бунта против смерти, созидание закономерности из хаоса среди расцветивающих небо всполохов молний, становление крепнущего в едином ритме хора голосов — полифонии, рождённой бурей. Это поиски закона, который остальные живые существа уже обрели себе во спасение и к которому теперь всё ближе и человек. Того закона, что был бы для всех безусловным и несомненным подтверждением унаследованных знаний о силах природы и вещах; закона, неисполнение которого или неверие в который считалось бы болезнью, излечимой только посредством любви. Биение здорового сердца, ритм дыхания, тонко чувствующий и реагирующий на малейшие изменения и отличия, не выпускающая из виду ни одной энергии и силы, создающих иерархию, соблюдение которой почиталось бы за счастье; возведение гигантского улья, чья работа, поддерживаемая инстинктом, означала бы совершенную игру всех сил в битве со смертью, радостное преодоление смерти поющей жизнью рода.

И тогда человек понял бы то, что сегодня он пока ещё не осознаёт; понял бы, что происходящая сегодня борьба между народами — не что иное, как дьявольское идолопоклонство смерти; что в зрачках, потухающих на полях сражений, угасают тысячи картин мира, сияние солнца, песнь звёзд и что это угасание опыта, нежности, красоты, молодости, силы и плодородия есть уничтожение цветов в духовных садах земли, несущее погибель. Но правда и то, что здесь проявляют себя и геройство, и торжествующая жертвенность, и возвышенное самоотречение; и это тот героизм, что, проявив себя на подходящем для этого поприще, мог бы менять течение гремучих рек, возводить города, сливать воедино моря, мог бы спустившись в страшные подземелья, завладеть сокрытыми в них богатствами, мог бы сломить сопротивление уничтожающих людской род сил и распространить господство жизни на земле. Но фанатичное поклонение смерти — это и бездействие миллионов людей, обречение их на невежество, тьму и погружение в пороки.

При новом порядке жизнь каждого отдельного существа, охраняемая жизнями миллионов братьев, не чувствовала бы привычного сегодня ужаса

перед смертью, так как страх этот был бы не нужен для сохранения жизни, как сегодня, ибо защитой ей была бы любовь. Битва со смертью воспринималась бы как экстатический подъём всего общества, бессознательной и вездесущей силой. Ибо и здесь несёт свою службу смерть, этот никогда не спящий, неутомимый жнец; и даже если бы она перестала стравливать народы и превратила бы человечество в один дружно работающий улей, то и тогда смерть, как освежающий ветер, что усиливается от колебания температур на разных частях духовного света, не оставила бы дел своих и побеждала бы, используя для своих целей отнимающие силы страдания, коварство космоса, угасание звёздных систем, болезни, бесплодие земли и всё более тяжёлые условия для жизни и её расцвета, а потому смерть необходимо и далее преодолевать при помощи крепнущей силы духа и любви. И даже если бы в глубине людских масс вызревало сознание, своего рода свидетельство осуществившегося пророчества веры, что и вся жизнь на земле, цветущая уже миллионы лет, — это всего лишь один день в бесконечной космической истории жизни, то это всё равно не ослабило бы борьбы и героизма: торжествует каждым новым рождением поддерживаемое и вновь раздуваемое страстное желание жить, вкушать сладостные плоды познания, испытывать мучительное и благословенное счастье любить и быть любимым, восторженно приветствовать каждый час, сохранённый для познания новой правды. И возможно, мудрость этих грядущих времён, обогатённая опытом тысячелетий и рассматривающая события истории, словно ткач — основу с вплетёнными в неё отдельными нитями, дарует человечеству обещание новых, иных, жизней — высших, таинственных, невероятных, горящих светом звёзд, подобно сияющим окнам вечернего города, к границам которого человечество век за веком подходит всё ближе. И возможно, смерть покажется нам после резкого пробуждения погружением в новый сон — более яркий и загадочный, один из тех миллионов снов, навеваемых нам мерцанием пылающих магических цветов духовных вселенных. И в эти тысячелетия космических сумерек, когда для сохранения жизни необходимо будет приложить такие усилия, которые нам и представить невозможно, любовь человека к человеку, что может показаться убийственной в наше время, когда её нет рядом с нами, а братские сердца бьются разрозненно, сотворит такое поющее единение духа, о котором даже мечтать нельзя без головокружения. И разве можно усомниться в том, что мы уже приближаемся к границам этих мест, когда нам об этом говорят и ноющие от сближения сердца, и видения святых — этих целителей душ и победителей стихий, обретающих в своём бушующем и ненасытном творческом порыве познания, что кажутся безумием лихорадки, игрой духа и чувств?.. И разве это не те самые порывы, которые в общем плане природы предугадывают

будущие её потребности и на протяжении веков готовят инструменты, необходимые для продолжения человеческого рода?

Но даже в этом экстатическом сне духовной полифонии жизни человечества нельзя не увидеть дьявольского соблазна вернуться назад, притяжения бездны и вездесущего безумства животной жизни, проявляющегося в болезнях духа и тела; ибо прошлое, даже по прошествии миллионов лет, находится здесь, рядом, нисколько не утратив всей своей силы. А жизнь, чтобы сохранить себя, должна быть настороже и не забывать о неприятельских огнях, что полыхают со всех сторон. Страдание меняет лишь свою оболочку, но сущность его срослась с жизнью. Геенна удерживает миры в равновесии. Смерть в центре творения, среди цветов любви и песен жатвы, среди угасающей в болезнях и бессилии красоты вещей, боль от несовершенства, боль от любви — всё это навсегда останется связанным с жизнью. Останется и боль в неземной природе, в которую человеку путь заказан; никогда печаль не оставит наше сердце, в тоске сжимающееся от вида последних улыбок бранных вещей этого мира. Народы, которые на наших глазах живут в разрозненности и хаосе и все воюют друг с другом, переживают свой упадок, светлая страница их истории уже перевёрнута. Принятые в качестве закона жизни жестокость и эгоизм суть показатели старости и приближающейся смерти. И любое насилие над народами, уничтожение языков и характерных для той или иной нации проявлений чувств — это проводники смерти. К единой жизни ведёт несчётное количество дорог; к единой мудрости — полифоническое многообразие знаний; жизнь проходит великие и всё меняющие пробуждения, через сон и смерть, сулящие метаморфозы и кажущееся забвение. Рабство — это творение смерти, свобода — творение жизни. Революции суть священный закон жизни, и то, что они по-прежнему свершаются в крови и пожарах, говорит о тьме, в которой человечество пребывает и поныне, ибо мир, предназначенный для человека, — это молодой мир, освещаемый рассветным сиянием звёзд. И они будут свершаться иначе, в экстазе мучительной радости, подобной счастьем роженицы, и в восхищении от новой невиданной красы, подобной невыразимо прекрасному сну, от которого мы боимся пробудиться.

Сокрытая история

Картина мира, каким мы его видим в ослепительном свете любви, подобна произведению искусства, созданному миллионами братьев: это воплощение грандиозной мечты, развивающейся веками. Её творили бесчисленные народы: воители и те, кто смиренно трудился на земле, строители городов и империй, создатели языков и письменностей, творцы законопорядка и наук, и те, кто в своих грёзах узрел богов и высшие миры. Всё новые и новые горизонты открывались перед нами в героических усилиях и муках, в подсознательной работе души и ясном свете разума, в безмолвном одиночестве среди звёзд и таинственной игре противоборствующих масс. И в каждой из бесщётного множества тайных побед, которые человек одерживал, завоёвывая эту землю, сокрыты в разных точках пространства и времени немые драмы, позабытые людской памятью, озарения духа и искромётные прозрения. Наша история берёт своё начало в мире невидимом и, развиваясь в лучах нашего солнца, вновь уходит в тень сокрытого мира.

На какие глубины нам нужно спуститься, чтобы повторить, словно волна за волной, весь её ход? В какие пропасти молчаливой воли нам должно проникнуть, какие млечные пути погасших светил проследить, какие творческие рассветы новорождённых миров узреть? В какие водовороты кровавых облаков, бушующих над трагической тишиной пражемли, окунуться? И что за глазницы звёзд и существа высших миров были тому свидетелями? Не теплится ли до сего дня в глубинах нашего подсознания доставшаяся нам по наследству вековая тревога? Плач ломаемых бурями древних лесов, тишина, скрывающая близость невидимого врага, кроважадные жаркие вздохи во тьме? Дыхание смерти, что на протяжении тысячелетий гасило сияние солнца в навсегда закрывающихся очах? Гул приближающихся войск, отчаяние окружённых городов и ужас, который вызывали у древних народов небесные знамения, тревожный блеск вещей созвездий, кровавые раны затмений солнца, таинственное брожение внутреннего огня, смещение гор и стихийное движение вод?

История зрения! Самое первое пробуждение духа, пока ещё находящегося во власти тёмной ночи, из которой он вышел. Изумление человека, потерпевшего кораблекрушение и пробудившегося от лучей палящего солнца: он осматривает спасительный остров, но, будучи ещё слишком слаб, не может

вспомнить ни таинственных подробностей катастрофы, ни тех, кто путешествовал вместе с ним по океану вечности! Детство народов среди братского им животного мира, когда ещё не было далее и когда вся земля была одним заколдованным садом духов! Первые радости от осознания многоцветия, от улыбок камней, влажного, словно очи, сияния металлов, приветствие золотокудрого огня, обожествление солнца и звёзд! Тысячелетнее преобразование земли на глазах всего человечества, сверкающий выход из сферы невидимого вещей, всегда присутствовавших рядом с нами, но веками незримых! Мир наскальных художников, резчиков рун, создателей первых поэтических эпосов и царственных пастухов древности! Открытие красоты в гармонии линий, в движении зверя и полёте птицы, в танце совершенного человеческого тела! Видения ваятелей статуй героев и богов, зодчих катакомб, монастырей, соборов, купеческих городов и княжеских хором, современных архитекторов, создающих дворцы для празднеств освободившихся братских народов! Вселенская дрожь духа, который впервые вдруг осознал одиночество земли, окружённой немой бесконечной пропастью, печаль океанов, могучих горных вершин, тропиков и ледяных арктических пустынь! Кружащие голову звёздные дали — видения загадочных просторов, где среди звёзд искрится фантомный образ нашего солнца!

Приход каждого из Мастеров, призываемых болью миллионов, отмечен знаменами; но когда они приходят и предстают перед сильными мира сего, то остаются неузнанными, являясь воочию лишь своим ученикам и исподволь направляя народы на их таинственный путь! Мир, освещаемый иным солнцем, мир, который избранные завоёвывают в святом экстазе, пытливые — в пророческих снах, а любящие сердцем — в муках! Всё, что есть на земле, видится зашифрованным древними иероглифами посланием к нам, тысячелетний процесс созидания похож на свиток, намотанный на валик писца, — то разворачивающийся, то вновь сматывающийся! Галлюцинации, порождённые чувством вины, демонические призраки, явление в наших снах давно ушедших, словно смерти не существует, всплывание таинственных существ из глубин мира бессознательного! Восторг наслаждения, которому не дают громогласно вырваться наружу леденящие ладони ужаса! Опыт, замалчиваемый из страха быть объявленным порождением безумия, или же из чувства смирения, ибо он слишком прекрасен, а может быть, из любви к братьям, дабы не опечалить их!

Дар слова, пророческие откровения музыки! Томные песни одиноких сердец! Счастливая дрожь, когда одна обнажённая душа вдруг касается другой в экстатическом хоре! Гимн сплочённых верой тысяч людей, словно вихрь, рушащий все преграды и бастионы и штурмующий укрепления вечного города! Полифония, в которой звучат голоса всех стихий и живых существ на земле,

а противоборствующие воли примиряются под влиянием гармонии небесного покоя! Сладкое ликование сердец, вырывающееся из глубин тишины, — это свидетельство постоянного присутствия рядом с нами высших миров.

Волшебство ароматов, уносящих душу в давным-давно позабытые дали и воскрешающих воспоминания о силе древних вёсен и безымянных встречах! Предостережения смерти и разговор цветов с душами святых, знамения тайного родства тел и обещания сладостных поцелуев и объятий, таких же нежных, как мерцание бликов!

Вкус крови и слёз, смешанный со сладостью земных плодов, грёзы райских садов и их демонические галлюцинации!

Прикосновения, при помощи которых дух, словно слепец, исследует место своего заточения и родные черты в лике земли, а в любовных поцелуях обретает сладкое и восхитительное воспоминание о материнской груди!

История боли старше самой истории рода человеческого! В этой боли соединились сознание таинственной вины, мучительное ощущение утраты молодости, красоты, любви, духовности, понимание неотвратимости земной смерти! Кровь, которая текла при объединении племён, формировании наций, и тысячелетиями зреющее в муках слово каждого из этих народов! Труд, приносящий безмолвное страдание, покорно сжатые бессловесные губы, как тяжкая дань принимаемые слёзы из самых глубин сердца! Горечь и печали будней, жалищие не хуже тучи ядовитых насекомых под палящим солнцем творческого горения, и каждый час нашего дня готовит для нас свою печаль! Царственная боль, что дожидается своего часа, зрея тысячелетиями; боль, для зачатия и созревания которой нужно было сотворить законы и государства и дать возможность проповедовать и умирать Мастерам! Печаль от унижения братьев, от сомневающейся в себе справедливости, от одиночества и бессилия того, кто видит, как падают в гибельную пропасть тысячи! Действенное отчаяние ведёт к освобождению!

Работа разума — прокладывание для ещё не родившихся братьев дорог в дремучем лесу безумия, истребление ядовитых побегов варварских фантазий! Сладостное ощущение твёрдой земли под ногами у того, кто идёт ввысь, ослепительное блаженство свободы, силы, власти над телом, познание истинной сути всех вещей! Цифры, сплетённые в формулы, которые, словно невод, бросают в глубины жизни и вселенной: и звёзды, что хоть и не были видны их первооткрывателю, но действительно оказались там, где он предсказал! Победная улыбка духа, который развенчивает иллюзии чувств, тысячелетиями вводящих в заблуждение миллионы, но и к своим собственным победам относится с улыбкой! Неотвратимая потребность, которая сильнее, чем смерть, и заставляет во весь голос сообщить об открытой истине! Братский смех лекаря и им исцелённого!

Сокрытая история доброты! Тайна любви! Тихое веселье сильных, широкоплечих мужчин, создателей нового порядка, их радость оттого, что они могут охранять слабых и униженных! Слово любви, прощения и жизненной справедливости, во всех языках мира противостоящее слову ненависти, безумия, жестокости, насмешки и смерти! Улыбки незнакомых друг с другом братьев, случайно встретившихся в толпе, слаще поцелуев! Хлеб, преломлённый и поданный братьям, источает сиянье, ведя нас в мир духов! За дар, полученный от кого-то, нам совсем неизвестного, в минуты самого отчаянного нашего одиночества, мы благодарим всех братьев! Жесты прощения и милосердия таинственными волнами расходятся в глубины жизни и наполняют трепещущие сердца новым доверием к человеку и к самой жизни! Новую империю, пока невидимую, но расширяющую свои пределы из века в век, строят ныне на земле! Смирение верующих, для которых свята жизнь всех существ на земле! Тех, кто к каждому из братьев, даже провинившемуся, относится с уважением — уважением к таинству его земного воплощения, к скрытой славе его мук, в которых горит неугасаемый огонь вечной справедливости, к мистерии его смерти!

Первый радостный трепет — уже не трепет победителей и избранных, а утренняя радость народов, любящих друг в друге непохожесть и различия в языках, народов, отзывающихся на призыв начать творить вместе! Магическая воля толпы верующей и любящей: одержимые демонами выдают себя криком, а тяжело больные, на выздоровление которых не было надежды даже у самых близких, встают исцелённые и возносят слова благодарности. Всё, чего по-настоящему сильно желает человек, становится частью жизни на земле и воплощается в нашем явном видимом мире. Глубины душ, беспрестанно открытых настежь для ветров, дующих из высших миров! Бой вселенских курантов, отбивающих очередной новый час вечности, отзывается в подсознании миллионов; грудь женщины, вздымающаяся от любви, словно волны во время бури!

Сокрытая история женщины! Сияющие ладони, протягивающие воду из источника жизни, с которых избранные пьют напиток своего бессмертия, а те, кто справедливо наказан, вместо этого упиваются братоубийством и смертью! Безграничное и доселе неосознанное содружество сестёр всех наций, которые и не предполагают, какая власть им дана, но власть эта становится всё сильнее и сильнее, укрепляемая данной судьбою болью и поддерживаемая невыразимо таинственным шёпотом земли, улыбками звёзд и цветов! И, гляньте: вот уже сестра мстит за унижение другой, незнакомой ей сестры, невзирая на сильных мира сего или чью-то гениальность, величие или людские законы: всё это ничто в безумном взоре ясновидящей; святая осеняет поцелуем посиневшие губы казнённого брата! Мука красоты,

предчувствие неземного великолепия, встреча с сияющим духом, объятья, не желающие ничего другого, кроме одного — вечности! Скрытый героизм материнства, вершащий судьбы народов! Сёстры, с покорностью помогающие мужчинам и одновременно выполняющие предписанное им самим: мудрые, они, словно матери, охраняют сон спящих поколений и вглядываются в будущее своего рода!

Каких вершин должна достичь образность, чтобы суметь описать все эти неисчислимые мистерии, беспрестанно и одновременно разыгрывающиеся во всех частях света, — эту сокрытую историю рода человеческого! Историю, которую нельзя запечатлеть в слове и которая, как на сцене, разыгрывается в тишине и глубине внутреннего мира перед владеющими даром духовного зрения! Проступая из прошлого и устремляясь в будущее, сокрытая история трудится на духовной ниве нашей земли, творит вместе с народами, помогает расти и расцветать языкам, учреждает законопорядки, основывает верования. Под её жаркими лучами годами созревали телá, её опыт — магическая ценность в сокровищнице наших чувств. Она направляет ясновидение любви и недоверия; её тайные знаки мы чувствуем в чертах лиц впервые увиденных нами братьев: в волшебстве и покоряющей властности голоса, в гипнотической силе глаз и жестов, в необъяснимом притяжении сердец. Именно эта история внушает нам тайную симпатию к некоторым местам и вещам или их неприятие. И в ослепительном сиянии, в котором перед нами является всё разнообразие цвета и форм, жизнь флоры и фауны, в ликовании от осознания собственной безопасности, силы и господства над земными стихиями мы ощущаем близость и поддержку миллионов братьев, чувствуем их древнюю победоносную мощь.

И всё это бесчисленное множество неизвестных нам поимённо святых и сибаритов, актёров, разыгрывающих тайную мистирию, и её толкователей — все они бок о бок трудятся вместе с духом созидающим. Все те формы, что лепит жизнь, гений кидает для обжига в раскалённую печь, словно литейщик в страстном творческом запале. И как мы смогли бы понимать её знамения, если бы и в нашем духе не был сокрыт извечный труд времени, опыт несметных поколений, огонь мучений и стойкой веры, храбрость императоров, любовное томление женщин, мгновения прозрения всех исследователей и первопроходцев? Братства наши отличает от них лишь подсознательное ясновидение памяти, восприимчивость к свету, идущему из самых глубин, отчётливость границ и очертаний, которую обретает, становясь осознанной, полифоническая мудрость жизни; но и творческая односторонность воли, что, подавляя тысячи голосов и замалчивая целые области познания, предоставляет свободу нашим действиям и ставит нас, в чём-то уменьшившихся, но более сильных, туда, где нас ожидает смиренный труд в братском сообществе.

Ничто не исчезает бесследно в духовном мире. В унижениях и муках рабского труда зарождалась братская взаимопомощь. Счастье и удача Мастера сияют в совершенстве созданных произведений и веками отзываются в радости творчества всех первооткрывателей. Любовь женщины небеса озаряют красотой её лица и музыкальной гармонией стройных членов. Сила и чистота справедливого сердцем сверкают в веках, отзываясь в созидательной мощи всего рода. Хорошо организованное войско — это прообраз гигантских братств будущего, стоящих друг за друга не на жизнь, а на смерть; тех братств, что землю, на которой будет жить искупивший свою вину человек, преобразят в сад. Каждый велик, даже самый малый народ велик числом своих воевавших тысячелетиями братьев, а границы его владений простираются дальше всех звёзд к тайным дебрям иных миров — туда, куда добрались святые и пытливые умы этого народа. И даже если нахлынет на одну часть света волна варварства и уничтожит посеvy духа, то они созреют в другой части — у народов, которым повезло их сберечь. И от развалин храма, и от произведений искусства, чудом спасшихся из огня, и от каждого из обломков произведения, созданного руками древних мастеров и покоящегося в погребениях, повеет ослепительным духом человека-созидателя; его уста освятит улыбка братства, которое способно снова разжечь пламя творческой грёзы. Слова пророков, подобно гаснущим на наших глазах молниям, вдруг отзвучат могучим громом в душах миллионов.

Вот так — в стихийной круговерти воюющих племён, в бесчисленных жестах работающих рук, в гуле городов, портов и рыночных площадей, в шумном напряжении бирж, парламентов, трибун, театров и школ, в одиночестве созидания, молитвы, боли и мечты, вершит свой труд тихий мир глубин. Каждую минуту, всё сильнее и энергичнее, одновременно во всех уголках земли, человек стремится к человеку, а руки, осенённые духовностью, словно страшась ревнивого ока нашего солнца, ищут друг друга в сумеречной полутьме. Они ищут друг друга порой даже против своей воли, но одновременно испытывают счастье оттого, что покорны; ищут друг друга наперекор силам этой земли, но одновременно при их тайной поддержке. Человек, будучи в состоянии познать лишь определённую, видимую ему часть своей истории на земле, боится поверить в то, что после многотысячелетнего подготовительного периода, которым и была до сих пор жизнь нашего рода, только сейчас начинаются наши похождения на этой звезде. И нам кажется сумасшедшим каждый, кто хочет произнести это слово правды, уже на протяжении веков бывшее очевидным всем любящим сердцам. Потому что наша речь порождена болью, борьбой и жестоким опытом прошлых поколений, и язык наш начинает заплетаться, словно у человека, поражённого блаженной немотой и способного лишь на улыбки и слёзы.

Но случаются минуты, когда сокрытая мистерия глубинного мира вдруг открывается духу в просветлённых видениях. Пространства, завоёванные для жизни и её развития, но разделяющие живые существа, исчезают, словно облака под напором ветра, а новое благословенное пространство растёт и ширится с головокружительной быстротой. И мы делаем свои первые шаги, дрожа от чувства блаженства и тревоги. Бесчисленные толпы, невидимые в безбрежных просторах земли и смерти, вдруг предстают перед нами; и мы чувствуем, как нас захватывает и уносит безграничный поток братского единения, существовавший на протяжении веков. Словно части одного войска, что сражались между собой, не узнавая друг друга в темноте и тумане, мы вдруг останавливаемся, поражённые ярким светом, и, словно очнувшись от демонического сна, обнаруживаем на своих руках братскую кровь. Мы видим родные черты в миллионах лиц, которые раньше были для нас лицами врагов и чужаков; а единую духовную речь слышим даже в языке тех народов, которых мы опасались, словно эти незнакомые звуки были для нас тайным смертельным приговором. И мы понимаем, что разбили наш общий лагерь для борьбы с совсем иным неприятелем: тем, который постоянно меняет свои обличья и расставляет тайные засады, каждую минуту готовый нас атаковать. Мы здесь — для борьбы со смертью, болью и демоническими силами хаоса, таящимися в глубинах наших сердец. Мы понимаем, что земные предметы — эти наши духовные иллюзии, за которые мы сражались, — ценны лишь постольку, поскольку помогают нам объединиться и освободиться. Нашему слабому зрению не под силу разглядеть те дали, куда от человека к человеку начнёт шириться братское единство. Мы не знаем, достигло ли уже наше зрение способности перешагнуть границы этой земли. Мы лишь чувствуем, что сокрытая история наша — это часть высшей истории, которая пишется во вселенной. И как наша земля дрожит в огненных объятьях своего солнца, так и наше солнце опутано жгучей сетью миллионов звёзд; дрожь нашего духа и его развитие в земных трудах соответствуют развитию высших духовных миров, с которыми наш мир крепко связан.

Зодчие поднебесья

Невидимыми волнами расходятся наши послания над земными и морскими просторами; мы слышим слова, произнесённые вдали, и голоса мёртвых: они словно раздаются из глубин подсознания, где душа наша встречается с душами наших братьев. Картины событий, что разыгрались за тысячи миль от нас, на другом полушарии земли, жесты трудолюбивых рук, безумства полей брани и празднество толп, воскрешают перед нами под воздействием магии хоровод движений и света. На тысячах мест по всей земле одновременно тысячам глаз являются свидетельства головокружительной памяти жизни, которая помнит всё, и из каждого события, воскрешаемого и через века, вытекает неотвратимая за него ответственность. Земля открывает духу свои сокровищницы, скрытые на протяжении столетий. И вот мы узнаём доселе неизвестное нам наслаждение от скорости, полёта и господства над вещами. Мы проникаем в историю фауны, в потаённую красоту материи и нашего собственного тела, а нам посылают знамения о своём присутствии силы, которые, овладей ими человек, преобразили бы на земле весь людской труд.

Какая же глубочайшая память об утерянной славе направляет эти наши открытия? Из каких мук одиночества, неизвестных прошлым временам, вырастает это страстное желание духа преодолеть пространство и объединиться с далёкими братьями? Из какой бессознательной уверенности в магической силе миллионов, сплочённых единой волей? Какую покорность души, какое уважение к тайнствам жизни нужно будет взлелеять в нашем роде, чтобы он без угрозы для неё сумел распоряжаться силой, которую даёт познание духа? Так, чтобы его творения и жесты засияли красотой, а мысль его, святая и ясная, стала достойной того, чтобы её подхватили и понесли с молниеносной скоростью небесные волны! Ведь несмотря ни на какие великолепные перспективы человеческого творчества, страдания миллионов не становятся меньше. Борьба народов за власть над землёй подобна схватке демонических сил; на языке высших духов, которому послушны стихии, народы до сих пор говорят между собой не только о жизни, но и о смерти. Сколько ещё столетий будет блуждать по лабиринту страданий род людской, пока не предстанет перед миллионами во всей своей космической правде земля, эта одинокая звезда среди других небесных тел, кружащая в тех глубинах тишины, в которых се-

годня только сердце человеческое может отозваться на зов братского человеческого сердца и ответить его надеждам?

И всё же остановиться невозможно. Трудовой гул северных мегаполисов, трудящихся не покладая рук, всё сильнее будоражит землю: он летит через моря, спускается с вершин гор к полюсам и пробуждает от тысячелетних снов самые далёкие из народов. В отблесках горнов будущее обретает очертание, подобно сверкающим в сумраке тропинкам. Пение новых братьев слышно в хаосе соперничающих голосов, в грохоте цехов и гудении машин; ритм этой песни преобразует сумбурный гул бодрствующих толп в стройный марш единой торжествующей силы. Каждый вновь сделанный шаг, приближающий покорение стихии, таинственным образом отражается в глазах миллионов и направляет миллионы рук к созданию единого творения. И в творческом порыве, доселе неизвестном роду человеческому, в героических усилиях, готовящих землю к приходу всё новых и новых миллионов, которые, радуясь как дети, проходят через врата жизни, пополняя ряды всё новых народов, рождается иной порядок вещей, иная игра стремящихся друг к другу сердец, что ведётся по более сложным и доставляющим больше страданий правилам.

За нашими земными трудами скрывается более высокое и прекрасное противостояние, одним из бесчисленного множества космических полей брани для которого служит наша земля. Деяния сеятелей и жнецов, укротителей огня и строителей городов и храмов отражаются и в мире духов. В надеждах и муках совместного творчества создаётся новый язык, приближающий друг к другу людей, продиктованный новым видением земли: в своей наготе человеколюбия, смотря прямо в лицо смерти, стоит человек рядом с человеком, брат среди братьев, дрожа на ледяных ветрах космических просторов. И в гигантских усилиях всех народов прийти к познанию и освобождению тихо зреет и любовь — попираемая, скрытая, но присутствующая везде, даже в безумствах нашей борьбы и в кровавых объятьях народов; любовь так же, как постепенное овладение землёй, готовит переворот в судьбах человеческих, эпоху великого возвращения, объединения духов, космический период истории человечества.

Магическое содружество целого рода превращает даже мёртвых в участников общего дела. Любая реликвия из склепов или разрушенных древних дворцов и храмов обращается к нам с дружеской братской улыбкой, разжигая в нас творческую смелость. В торжестве духа, меряющего пространства меж мирами вселенной, отзываются тысячелетний покорный труд миллионов, мудрость императоров, правящих народами, мудрость сеятелей, жнецов и примирителей божеств. В нём звучат и справедливость древних поколений, что делили наследство земли между родами и народами и создавали

науку о мере и порядке, и героизм смельчаков, пускающихся в путешествие по сумрачным морям неизведанного, и мечты пророков, для которых свет небесных тел в ночи был предвестником будущей истории на этой земле. Для них — людей будущего, неведомых и ещё не родившихся, идёт работа на полях, в шахтах и лабораториях, в мыслях учёного и художника. Один народ борется и страдает ради другого, даже не подозревая о том. Предметы и вещи, что создавали для нас руки далёких и невидимых братьев, всё сильнее воздействуют на нас. В цехах наших мрачных предместий, в кружении веретена, в грохоте ткацких станков и стоне металла завершается тот созидательный процесс, что был начат на другом полушарии земли; процесс, который сопровождался музыкой и мерцанием неизвестных насекомых, лихорадочным жаром жестокой и чарующей природы юга, шёпотом горных подземелий и манящим охотников безмолвием ледяных полюсов. Сколько братских рук веками трудилось над преображением материальных форм, прежде чем эти предметы предстали перед нашим изумлённым взором, поражая своей целесообразностью и красотой? Рук, что были призваны созидать ради нас теми таинственными силами, которые и нас побуждают разжать свои ладони и сеять семена духа для будущих веков? Ведь и материальные вещи имеют свою сокрытую историю: приходя к нам из глубины веков, они для нас словно сигналы и приветствия от духов, с земным воплощением которых мы, скорее всего, никогда не встретимся в этом мире. Чьи руки ткали одежды для наших девушек, танцующих во время празднеств, и срывали для нас в далёких садах плоды, ещё сохраняющие аромат земли и солнца? Охватывает ли их ещё так же, как и наши руки, дрожь от любви или боли, или они, вытянутые вперёд, словно руки слепцов, окутаны холодом последних минут сумерек жизни и уже касаются дверей, ведущих из этого мира? Не приближаются ли к нам шаги теней, сокрытых в самой глубокой тиши нашего одиночества? Фантомы, возвращающиеся на былые места и блуждающие там так же, как и мы в своих снах бродим по уже давно пройденным нами дорогам. Сегодняшний человек с равнодушием принимает результаты труда своих братьев, этот дар их жизни: без любви возвращает им долг плодами своей работы. Но любящий сердцем в каждой вещи, с радостью принятой им из братских рук, невидимых и незнакомых ему, чувствует близость и отражение в ней жизни своих братьев, и сердце его наполняют благодарность и нежность. И никогда не доставит ему радости вещь, если известно, что она была создана в муках и унижениях его братьев. Глас народов, взывающих друг к другу сквозь времена и пространства, через поля брани и могилы, слышит он в песне труда; ликование надежды, выразить которую словами человек пока не отваживается, поскольку чрезмерное великолепие этих слов ныне могло бы показаться бредом ослеплён-

ного чудом. Но слышит он в этой песне и вторжение в нашу жизнь новых страданий, которых пока ещё слабое и не способное любить людское сердце не выдержало бы.

Как бы ни было велико господство наше над земными вещами, всё же усталость работающих рук и борющегося духа по-прежнему останутся уделом человека. И стальные тела машин, в которых заколдованные демонические стихии служат нашему делу созидания, были выкованы в жару литейных цехов, в ритме ударов, отзывающихся в сердцах болью, в мгновенных вспышках творческой мысли, за которую слишком отважный расплывается безумием и смертью, в муках и борьбе душ, что создавали законы, гарантировавшие творцу покой и безопасность. Жертвой созидания человек искупает боль, которую он, даже против своей воли, распространяет вокруг себя: боль эта тенью ложится на пути братьев — тенью как от проходящих к нам святых и любящих сердцем, так и от тех, кто от нас уходит. Болью отзываются и величие, и правда, и слишком яркий свет, бьющий в глаза тех, кто не готов к такому сиянию. Боль вызывает каждое неожиданно произнесённое творцом новое слово, и преждевременный возглас, нарушивший тишину утра и разбудивший отдыхающих перед долгой дорогой путников, и безжалостный голос вожака в наивысший момент творчества, и молчание, которым любящие обходят вопросы, остающиеся во имя любви без ответов. Но тем и прекрасен род людской, что всегда находились братья, которые благодаря отваге и любви делали свободный выбор в пользу тяжкого труда на благо рода, взбираясь на самые опасные леса, по которым они поднимались, возводя в поднебесье строение духа, стремящееся в духовную высь; их слух ласкала музыка бурь, а взбунтовавшаяся стихия призывала, суля победу, вступить в бой; им были милы и кружащее голову чувство ответственности, и печальные стенания всех чувств, пугающихся близости неизвестного, и призраки смерти.

О свободе и полёте тоскует жизнь; в сверкающую золотом высь зовёт его поющее солнце. С самых первых сумрачных силурийских рассветов и безумных гигантских фантомов юрского периода, преображая всё сущее, уносит нас на крыльях мечты и работает творческая фантазия: она победно звенит в гомоне птиц и трепете наполненного любовью сердца. В радостном сиянии познания, чувствуя себя свободным сыном и хозяином земли, человек мечтает управлять ею. Он желает знать смысл своих трудов, как части общей космической драмы, к которой он сопричастен своей болью и надеждами своего бессмертного духа. Нетерпение масс, которое тем сильнее, чем масштабнее труды человека на этой земле, тоска всех народов по свободе, муки угнетённых и униженных, ещё до рождения своего лишённых наследия предков, — всё это таит в себе бессознательные, трепетные, но ранее сдерживаемые

порывы, стремление духа построить более совершенный мир и горечь любви, лишённой возможности полностью раздать свои богатства. Миллионы рук, которым и сегодня ещё нет на земле достойного занятия, напрягаются в тщетном желании, страдая от невозможности применить свою силу. Способные строить на века, они, безумствуя, способны и разрушить творения веков: им послушны и огонь, и смерть, и все демонические стихии хаоса. Несчётное множество глаз открываются для того, чтобы узреть в сиянии красоту мира. Слова пророков, что, словно молнии, сверкали над безмолвствующими толпами, столетия спустя громом отзываются в сердцах миллионов. Блики света, которыми играет потаённая суть каждого живого существа, теперь видят не только святые и любящие сердцем — теперь эти блики искрятся в мыслях миллионных толп. Ни преломление хлеба и самое щедрое и искреннее им одарение, ни самые приятные блага на этой земле не могут утолить жажду человеческого познания и искупления. Осознавая свою скрытую мощь, труженик земли сознательно хочет встать в шеренгу трудящихся братьев, чтобы занять в ней место, подготовленное его таинственным прошлым. Он хочет понять игру сил, в которую он вкладывает и свою волю, хочет знать связь собственного дела с делом созидания всего народа. Всё ярче и сильнее мечта о городе братьев, возводимом всеми народами. Так в тяжких земных трудах формируются новые чувства и энергии: умение по-иному, с космических высот, взглянуть на творение всех народов и времён, чувствительность к воздействию тайных духов, способность страдать от обид, причинённых далёким и неизвестным нам братьям, чувство нежной справедливости, объёмлющее всю земную природу и жизнь всех её существ, великое сознание, объединяющее мысль миллионов.

Сто рук сокрыто в нашем естестве, но даже самое успешное творение не может утолить жажду духа творчества. Как бы ни была богата песнь нашей жизни, но есть тоны, выпавшие из её мелодии и лишь в наших мечтах отзываются протяжно и тоскливо. Но дух любящего сердцем преодолевает пространство и время: ему ведомы те глубины, где его дело связано с делом всего рода, и, как своим собственным победам, радуется он победам своих братьев. Каждую минуту ветер приносит ему свежесть тысяч рассветов со всех уголков земли, где город за городом, народ за народом пробуждаются в шуме дня, словно новые литавры присоединяются к нарастающему прибою таинственной музыки, несущейся по земле. Песчинка в неисчислимых шеренгах, идущих сквозь века, шагает он, любящий сердцем и счастливый от своей безымянности и неузнанности, среди братьев своих. Сердце его сияет в общем потоке братской силы, а его покорный труд — это символическое приветствие вновь пришедшим. Он знает, что все дела, которые видны из поднебесных высот, — и расчистка русла источника, бьющего из земных глу-

бин, и познание новой истины, и прививка деревьев в саду, и воспитание ребёнка, и возведение кровли, и подписание мирного договора, и создание империй, и заботливость врача, и пророчества художника, и справедливость судьи, и прощение, дарованное праведником, — любое дело, самое великое и самое смиренное, служит утверждению высшего порядка вещей, по которому тоскует жизнь. Духовная близость всех мастеров нашего рода, всех героев, ясновидцев и святых поддерживает нас, уставших от дневных трудов. Дыхание более ярких миров, словно таинственная и неукротимая энергия радости, струится в земную атмосферу: аромат далёких садов окутывает горячее чело занятого своим трудом человека, с нежностью и сочувствием обдувает бледные щёки рожениц в самую важную для них минуту.

Но смерть без устали подстерегает свои жертвы на всех строительных площадках созидательной деятельности человека. И тот, кто умирает на рабочем месте, кладёт свою жизнь за своих братьев. Ведь труды человеческие — это поле брани, последнее поле брани, что останется на земле и тогда, когда все остальные порастут тысячелетними цветами. Род триумфаторов, отвыкший от праведных трудов своих рук и живущий за счёт созданного другими, чахнет и хиреет, цветы жизни угасают под его взором; руки, которые должны помогать работе духа, оказываются неспособными созидать, когда перестают ощущать истинный вес земных предметов и не знают, как удержать их в равновесии, поскольку разжечь духовный огонь можно только из искры, что возникает от контакта земли с творческой волей. Вновь и вновь необходимо завоёвывать те вещи, которыми питается вечно голодный огонь жизни, вновь и вновь приходится сменять караулы, стерегущие самые дальние границы всё расширяющегося познания и поддерживать связь с невидимыми нам шеренгами мёртвых. Каждое новое поколение повторяет в своём развитии всё то, что совершил весь род людской: от детских игр каменного века — до высшего и последнего человеческого творения. С большими колебаниями, погрузившись в свои собственные дела и мечты и всегда готовые к неожиданному бунту, исполняют демоны стихий наши приказы; чувство глубочайшего наслаждения хаосом дремлет в их прикрытых очах с поблёскивающими молниями зрачками; их гигантские силы склонны к равновесию и сну: миллионы лет трудились они, прежде чем создали наш видимый мир, это поле боя духов. Но человек, наделённый даром любви, сумел проникнуть в их тайну и научился отдавать им приказы на их собственном языке, и они, встрепенувшись, служат ему с такой лёгкостью и покорностью, ловкостью и умением, какие не забыли ещё с первых волшебных времён творения.

Мы всё ещё переживаем первые месяцы мистического года, находимся в начале освоения человеком земли; наши средства труда — словно орудия

для весенних работ крестьянина, на смену которым обязательно придут другие, как только солнце сместится к летним знакам зодиака. К чему стремятся духи, работающие на этой земле? Какие грандиозные по своей архитектуре города откроются нам в будущем? Какие причалы для бороздящих выси флотилий, какие сады с цветами, о которых не могло мечтать даже самое жаркое наше лето, какие картины, рождённые столь буйной фантазией, что она показались бы нам безумной, какие открытия, заставляющие нас безмолвствовать и трепетать от страха? И там, за горизонтом самых дерзких мечтаний, какие грядут рассветы последней, космической эры нашей истории, когда новые, сегодня ещё неизвестные силы будут покорены человеком? Какие ещё нас ждут радости блаженного смирения, простоты, послушания и забвения?

Но высшая награда за труд — не в вещах, созданных человеком, пусть даже они и поражают своей необычностью. Придут в упадок города и империи, в прах превратятся наши картины, скульптуры, дворцы и храмы. Изменятся языки, науки и религии; молчание поглотит слова наших мудрецов и песни певцов. Шум истории всех народов, раздающийся над пропастью вечности, — словно тихое жужжание насекомых над вечерней гладью воды. Но жизнь в союзе с трудом стойко сопротивляется не только на этой земле, но и во всех многочисленных мирах. Голос жизни смолкает подобно песне команды тонущего корабля — только после того, как уже предприняты все шаги для спасения и последние телеграммы отосланы к соседним берегам... Истинную цену земным трудам мы ощущаем в мистерии мира духовного, сокрытого от нашего земного познания. Но всё яснее и яснее наше понимание земных вещей, из века в век всё теснее объединяется род человеческий, всё сильнее жажда справедливости и готовность бороться за неё. Всё быстрее созревают тела под влиянием страданий и любви, всё острее воспринимают они мерцание духовной вселенной и распознают различия каждого из духов в чертах лица, языке жестов, силе словесного убеждения, осознанности поступков и таинстве воли. Всё быстрее растёт чувство свободы, роднящее нас со всем, что живёт и страдает на этой земле, всё сильнее восхищение красотой, раскрывавшейся нам в окружающем мире всякий раз, когда мы были способны содействовать развитию жизни, и всё ближе приход мастеров, в знаниях которых будет сосредоточен опыт тысячелетий: человек верующий видит и ощущает знамения сокрытых урожаев, зреющих под другим небом благодаря нашим земным трудам.

Мошным звоном звучат колокола мистического воскресенья в течение всех шести рабочих дней нашей недели. Тихо отзываются в наших сердцах блаженством утолнённой любви, звенят в воспоминаниях мёртвых, в произведениях мастеров, рождаются из самых потаённых глубин музыки, из возвы-

шенного спокойствия красоты. А в полуночном сиянии, когда нашим очам являются разверзшиеся небеса, и всё наше существо, дрожа, замирает, мы чувствуем их гул — он несётся над притихшими садами вселенной, в которых миры цветут и плодоносят под солнцем справедливости.

Интуитивно осознавая существование высшей духовной правды, народы славили праздники, дни которых определяли знамения небесных светил, естественные ритмы земной природы и важные события в истории рода; эти дни, когда руки миллионов отдыхают от бранных трудов, словно руки благородных князей, были посвящены только символике культа, духовной сосредоточенности и пляскам.

Слово

Таинство слова! Как из движений губ человека, из немых знаков письма возникают яркие образы земных вещей, разверзаются пространства времени, а красота ещё не материализовавшихся миров является нам будто в галлюцинациях? Каким образом человеческое слово обрело свободу, отделившись от покорного языка животных, дабы служить завоеваниям человеческого духа на этой земле, сохранять опыт тысяч поколений и объединять слабых людей в могучую рать, стремящуюся покорить себе землю, все её энергии и стихии? Разве слово человеческое не разжигает огонь высшего наслаждения от познания и любви, от кружащей голову свободы и победы над жизнью и смертью? Разве не ведёт к далёкой, сокрытой в глубинах веков цели — мечте об объединении всего рода человеческого, или ещё более прекрасной и заветной, маячащей за горизонтом земли мечте о непрерывной сопричастности к мистерии высших миров, к делу освобождения?

Расколовшееся на тысячи противоборствующих языков единое слово, таинственное, вездесущее, использующее знаки и символы всех существ и форм земли! И не стремятся ли все народы, сознательно или бессознательно, заменить своим языком утраченную общность слова и охватить им всю сумму земных знаний? Ведь опыт миллионов, добывавшийся на протяжении веков, сокрыт в слове народа, а борьба языков — это борьба живых, за плечами которых стоят невидимые колонны мёртвых. Но разве и сама земля по-прежнему не стремится помешать объединению духов? Будто она, обладая ясновидением, простирающимся на миллион лет вперёд, сознаёт опасность такого преждевременного объединения и неизбежность борьбы во имя познания и искупления.

Природа этой земли говорит полифонией звуков: в каждом уголке звучит своя гармония природных стихий, иной ритм, иная интенсивность жизни, иное напряжение магических невидимых токов. И человеческое слово, запечатлевшее сокрытую историю народов, созревание тела и духа под покровом времён, тоже принимает законы своего родного дома. Горячим дыханием потухших солнц и печалью древней ночи веет из глубины этого слова, оно воспроизводит тысячелетний гул озёр и рек, эхо бурь, блуждающее среди горных вершин, голоса колеблемых вековыми ветрами лесов и братские голоса зверей. Призрачный образ родины дрожит на его волнах, и когда они стихают, из пучин времени выныривают в наших грёзах черты лиц миллионов братьев.

Языки, в которых оживает давно ушедшая весна рода человеческого, — это переливающаяся многоголосие, словно щебетание детей или птиц! Слово, в котором чувствуется дыхание бескрайних равнинных и степных просторов, запах земли, которую на протяжении тысячелетий пахал и перепаживал плуг: слово, которое создавалось в умиротворённом ритме посевов и жатв, с помощью фантазии, — неподкупной и бесхитростной, грубой и тяжкой, как шершавая от трудов ладонь, которая властно касается каждой вещи; сладкое корневое слово со вкусом свежих лесных ягод и мёда! Слово, переливающееся лазурной синью южных небес, яркой зеленью экваториальных джунглей, ослепительным светом пустынь и морских побережий, где среди цветущих деревьев сверкает водная гладь; в слове слышен голос солнца, подобный металлическому звуку ударных инструментов, сопровождающих танец, а все предметы — от близких до самых далёких — проявляются в нём чётко, без игры полутени! Слово, отточенное как стальной клинок в перерывах между двумя битвами, слово, в котором звучит гордость и настороженность воинов-победителей, и утончённое слово, родившееся в торжествах и ристалищах при дворах древних императоров; слово, обогащённое искусностью ремесленников и купцов за крепостными стенами замков! Языки, в которых слышны грохот морских волн, набегающих на берега северных земель, свист ветра, играющего с тросами и отрывочные команды мореплавателей, которых застиг шторм! Слово, окутанное туманом, в мареве которого все предметы кажутся огромными и загадочными; слово, в шёпоте которого, кажется, до сих пор слышен шум сказочных дубов-оракулов; в слове этом проступают фантастические образы древних героев — теней, среди которых мерцают звёзды! Языки, спаянные в одно целое болью давних сражений: победившие и побеждённые до сих пор идут друг против друга, не примирившись и через века! Слово, лихорадочно пробивающее себе дорогу и созревающее в героизме и одержимости современного труда, в дыму гигантских горнов, в грохоте машин, среди качающихся на невидимых волнах таинственных посланий, в напряжённом ритме больших городов, в беспорядочном топоте миллионов ног, подстраивающихся под шаг единой победоносной воли, в растущем нетерпении толп, в атмосфере неуверенности и ощущения близящихся переворотов! Слово униженных и слабых: эти тянущиеся к живительной влаге чужеродные деревца в неприятельском лесу, стойкие и непобедимые — их вырывают, но они вновь и вновь прорастают из своих корней, гонимые мучительной тягой к солнечному свету, веками оберегающие свою тайную мечту о свободе и расцвете! Слово — это и тихая жалоба, произнесённая в одиночестве покорной службы, и слёзы на щеках отверженного! Языки святых Писаний, сквозь которые проступал свет высших миров, озаряя вековую ночь! Слово, стихнувшее во времени! Языки,

сквозь тысячелетия несущие свою речь только при помощи знаков на стенах пещер и саркофагов, на развалинах дворцов и храмов! Слова, застывшие на устах человека, но в тайне от всех работающие в бескрайних глубинах жизни, в её памяти; ведь то, что сегодня нам известно о духовной стороне земли, — это наследие и творение неведомого слова, которое когда-то объединяло человеческие племена и помогало освободить человека от власти стихий, из тьмы, безумия, рабства и бремени низших миров.

А сколько языков таит в себе одна и та же речь — с одинаковым звучанием слов, одним и тем же ритмом фраз и общим наследием веков? И разве не переливается каждое слово тысячью оттенков духовного света в зависимости от силы внутреннего зрения, спектр которого меняется и в жизни одного и того же человека может меняться соответственно чистоте его сердца и достигнутому им высотам духовности? Какое разнообразие интенсивности — от спокойной усталости и обыденности до жестокой выразительности слова в моменты боли и приближающейся смерти, до торжествующего величия экстагического зрения! Какой же нам был нужен опыт, какие пути и встречи нам были суждены под этим солнцем и в мире невидимом, чтобы мы смогли понять тайный смысл слова поэта или стиха Писания, которые мы знали на протяжении многих лет, но так и не осознали всей их глубины! Вихрь, затягивающий в тёмные пучины, когда сияние жизни угасает в наших словах, пламя путеводного фонаря, разбившегося в бурю! Предметы стали тенями, а путь заблудшего обернулся демоническим одиночеством; и вместо ответа слышат братья лишь отзвук своего собственного голоса и эхо своих шагов, звучащих как поступь надвигающегося неприятеля. Но и слово всепобеждающей жизни! Аллилуйя любви ангельскими напевами звучит в каждом, даже самом грубом наречии земли! Восемь блаженств и все те блаженства, о которых пока не сказано в Писании, но которые ещё будут открыты на земле! В безграничную лазурь небес поднимается солнце; видевшее страдания многих поколений, оно будет свидетелем и тех побед, что ковались тысячелетиями. Привет из родных мест слышен в пении птиц, радостном зове несущихся с гор водных потоков, видится в покачивании ветвистых рук деревьев. Прекрасны братья, по утрам идущие вершить свои труды среди остальных народов земли, прекрасны женщины и дети, и те, чьи лица уже преобразила приближающаяся смерть. Потому что вся земля и все её царства — видимые и невидимые — это пространство, предназначенное для любящих сердец; преодолевая границы веков, их взгляд обнимает её со всех сторон, глазами миллионов братьев, а в слове их заключены магическое красноречие и глубина пророчеств.

Языки народов послушны закону духа, по которому привлекательной силой обладает всё более мощное и яркое. В них есть протест слабых и их

подражание сильным, готовность прильнуть к ним и одновременно желание выжать из побеждённых последнюю каплю. В сокрытой истории народа встречаются духи всех веков в общей работе над единым загадочным творением. Справедливость народа и его сила, победа над земными предметами и признаки болезни, вины и унижения — всё отражено в его слове. Нежной улыбкой владеющих тайными знаками сияет мудрое строение речи, из глубин веков взирают на нас незнакомые нам мыслители и правдолюбцы, магистры, проникающие в суть тайных взаимосвязей вещей и открытые сердцем пророки нового творения. Богатство словарного состава языка таит в себе сокровища, накопленные поколениями, свидетельства о родстве и совместных трудах в древние времена, и это наследие — дар ещё не рождённым. Только беспрестанный процесс творчества, геройство и благородство любящих сердцем братьев способны уберечь язык народа в битве духов. Народ, создающий богатый и точный язык, свидетельствующий о верном и глубоком понимании всех вещей, о любви к ближним и жажде общего дела, о чистом взгляде на тайну воплощения и смерти, народ, чьё слово звучит колокольным звоном во славу мужественности, верности и свободной братской взаимопомощи, уже одним только своим языком доказывает (даже если ничего другого у него нет), что в недрах его сокрытой истории готовится эра роста, силы и славы. Цветущее поколение мужчин и женщин, здоровье, игры и благополучие детей, справедливое общественное устройство — всё это есть результат живого и совершенного слова. И придёт время, когда мудрость, что дала одному из народов силу и красоту, откроется всему человечеству. Потому что слово самого малого и бедного народа, так же как и слово народа самого многочисленного, имеет одну-единственную возможность достичь могущества, величия и бессмертия: оно должно провозглашать и создавать высшую жизнь, мечта о которой зреет в каждом народе, будучи надеждой и путеводной звездой всех его поколений. К островам блаженства, берега которых минуют большие корабли, спешащие по своим торговым и военным делам, может причалить, прибитое штормом, утлое рыбацкое судёнышко. В творениях великих человеколюбцев, пророков и мастеров слово приобретает магическую силу: оно разрушает заклятия, разделяющие души, заставляет биться в унисон сердца, очарованные красотой, и позволяет увидеть земные вещи через призму вечности. Так души святых, великих исследователей и лекарей жизни, вышедших из народа, на протяжении веков трудятся на ниве этого слова, а в минуты опасности встают на его защиту, словно солдаты. Но самые великие из них, мастера всего рода человеческого, шли от одного народа к другому и по-прежнему идут среди нас сквозь тысячелетия, служа всем языкам и трудясь для дела объединения и искупления. Народ, в недрах которого они родились, вписывает своё имя

в книгу памяти всего человечества: его слово изучают князья духа; священны места, где знаки небесные открылись их взору, и реки, что шумели во время их молитв, и рощи, в тени которых они гуляли в сопровождении своих учеников; а города, что были свидетелями их чудес, становятся известны во всех уголках земли на все времена.

Потрясённый безграничностью жизни, взирает разум на гигантское духовное творение миллионов душ, находя всё новые способы и новые пути для достижения цели — создания общего духовного пристанища всех народов. Придёт время, когда народы будут любить друг друга, радуясь своей непохожести, а различия в языках будут вызывать у них чувство уважения к несметному богатству жизни, которое это многоголосие и многообразие лишь приумножает. Ибо дух и слово каждого народа и каждого отдельного человека настроены на свой, индивидуальный лад и полнозвучно откликаются лишь на определённые тона в полифонии космической музыки. Закон, по которому строится и развивается каждый язык, несёт на себе многовековой героический отпечаток его сокрытой истории, а его тысячи слов передают нам привет от тех безымянных братьев, что его создавали. И в горьком привкусе, жестокости или благозвучии его слов заключена подсознательная оценка вещей и понятий. Так слово каждого из народов озаряет духовную землю с иного места: бросает свет и тень на иные предметы, с помощью только ему свойственной тактики распространяет своё влияние на новые территории и выставляет духовные дозоры на завоёванных высотах. Но точно так же есть недоступные именно ему места — края безмолвия и вечной взаимосвязи и отношения непостижимые и невыразимые. Любой из языков — прекрасен и свят, все они прошли искупление болью веков и освящение любовью и смертью. И даже самый бедный из языков, подобно простейшей свирели, способен в руках святого зазвучать мелодиями единения и любви, а разбить такую дудочку — непростительное зло.

Только в созвучии всех языков на земле, в скрещении лучей всех взаимопроникающих миров проявляется жизнь человека во всей своей трагичности и красоте. Начиная с первых потрясений детства, используя опыт всех органов чувств, в бесчисленных встречах душ и духов, слово всех народов достигает болезненных и сияющих глубин этой земли и отражает в себе бесчисленные метаморфозы предметов, совершающиеся и в героическом экстазе, и в усталости от трудов, и в бреде от мук и наслаждений, и в любовном ослеплении, и в экзальтации веры. Слово несёт свою службу в пророческой женской интуиции и в воле творца, узревшего в своих видениях новое творение; в настроениях, что восстанавливают друг против друга народы, и в борьбе духов, в радостном кличе свободы и в победах, одержанных над телом, жизнью и смертью, в муках сомнений и отчая-

ния, в наследии коварства и жестокости, сквозь которые в страшной своей истории продирался человек. Оно не дремлет в бреду всех недужных, одержимых демонами, душевнобольных, закованных в пылающей жаром телесной камере пыток; в одиночестве и гордыне душ, которые ничего не ждут от будущего и не верят в высшее предназначение всех земных вещей; в трагическом беспокойстве ищущих, жизнь которых на исходе, и всех тех, кто не страшится пуститься в путь по опасным мирам, доселе для человека заповедным. Но и там остановится ли слово человеческое? Где мистические границы слова? Призраки и демонические видения из низших миров, что вызывали дрожь у многих поколений, уходят в тень пред его сияющим светом. Но из тьмы дремучего леса тайн до сих пор раздаются по ночам звуки страшной охоты смерти и безумства, отдаваясь в наших сердцах трепетным эхом и пугающим пением крови, неслышимом в гуле дня, но в минуты самой глубокой тишины гудящим словно плач космических бурь. Но и здесь, в гуле хаоса, в бурлящем гомоне перекрикивающихся друг друга голосов, слышится сладкий напев ангелов, для которого в наших языках нет пока слов; мелодию эту внимает душа братьев в минуты медитации и молитвы, в моменты умиротворения, высшей небесной любви и тогда, когда стоит у изголовья уходящего в иной мир святого. В подсознании душ человеческих подобно волнам прибоя накатывается из тысячелетия в тысячелетие вдохновение песнью, мифом, возвышенной мечтой. Не пение ли это духов одного из высших миров, донёсшееся к нам по неизвестному закону вибрации? Или это проникающее в наш жестокий сон тихое пение земли нашей, нежное и спокойное, словно колыбельная, предвестье грядущего человека, одного среди миллионов братьев, человека искупившегося? Этот голос — словно гармоничное звучание камертона, по которому подсознательно стремится настроиться словесное творчество всего человечества. И языки народов лопаются, подобно струнам многоголосой лиры, при этой продолжающейся тысячелетия настройке.

В слове человеческом, как и в жизни, присутствует вечная вибрация, беспрестанно идёт процесс возникновения и затихания, потому что род людской до сих пор ведёт поиски истинного своего языка. Чередуются поколения, изменяется картина мира в зрачках миллионов. Те слова, что опьяняли наших отцов ароматом цветов и заставляли быстрее биться сердца, лишь вяло и меланхолично шелестят в осенние дни своего увядания. А с другой стороны заглядывает в этот сад человеческого слова восходящее солнце тысячелетий. И каждый новый побег и бутон расцветает на месте, предназначенном ему победоносной стратегией жизни; и даже самому чахлому пучку мха в лесной глуши уготована своя минута славы, когда он загорается в сумраке золотым сиянием.

Сегодня языки людские всё ещё слишком отягощены ужасом и борьбой первых веков завоевания человеком этой земли; слишком много неуверенности и темноты, неведения, жестокости и смерти в слове человеческом: вместо того, чтобы сближать, оно разъединяет сердца. Пытливая душа с трепетом приходит к пониманию того, какая магическая сила таится в слове. Все земные деяния и все энергии подсознания заставляют сильнее звучать его таинственную музыку. Все усилия разума, страдания, святости и любви устремлены к тому, чтобы слово человеческое как можно ближе подошло к таинственной правде мира; чтобы как можно большее число людей смогло прийти к согласию об истинной ценности земных вещей, а человеческие взаимоотношения стали честными, крепкими, нежными и чистыми. Тысячи слов по прошествии веков замрут на устах человека, а слова новые, отражающие более тонкие и тесные отношения между предметами, займут их место; и смолкнут жестокие слова нашей борьбы так же, как навсегда отзвучали в языках наших слова, что обозначали старинные орудия пыток и позорные способы умерщвления, молитвы к кровожадным божествам и демонические заклинания шаманских культов. И, может быть, лишь из глубин подсознания, в трагических видениях слабости и безумия вынырнут через столетия их призрачные, всё более бледные тени. Когда жизнь человека будет свободнее и чище, то слова ненависти, презрения и насмешки, проклятия и издевательства станут так же невозможны, как слова укора больному, что мечется в лихорадке и грозит кому-то невидимому, являющемуся ему в галлюцинациях. Космические ветра наполнят свежим воздухом сад слова человеческого, и по иным законам будет развиваться его растительность. Глаз человека научится распознавать оттенки света и блеска там, где пока слабые наши очи зажмуриваются, будучи ослеплёнными. А слово человеческое, наиболее выразительное в жалобах на жестокость жизни, в признаниях вины, в обличении слабости и несовершенстве братьев, научится объединять души в доселе неизвестной им радости от познания простых вещей, среди которых мы блуждаем, неспособные узреть их красоту, и от по-детски искренних встреч сердец, которых мы так опасаемся, зажатые в тисках недоверия; но боль этих сердец будет сродни тоске пытливого ума и подобна сочувственному взгляду высших духов.

Ведь слово человеческое, несмотря на то, что в своём трагическом неведении служит обману и смерти, есть согласно своему глубинному сокрытому предназначению творение любви. Оно заискрилось и вырвалось из одинокого тоскующего сердца подобно тому, как возносятся руки молящегося; вырвалось из пылающего сердца, что уже не может сдерживать в себе песнь радости; из ликования неизвестных поэтов, почувствовавших, словно дети, братскую связь со всеми вещами; зазвучало как слаженный хор, передавая ритм совместного труда, и как заклинание от невидимых сил. Оно робко

дрожит на устах влюблённых, которые, смущаясь под чужими взглядами, ищут путь друг к другу в своём одиночестве; но их благословенный шёпот, что тише, чем падение лепестка, способен проникать в тишину мира ещё не рождённых. Среди грохота боёв и шума маршей начинает звучать тонкий плач младенцев — этот главный звук слова человеческого, общий для всех языков земли; первые слова, приветствующие человека, вступающего в этот мир в полумраке, ещё наполненном ароматом материнской груди, — нежные, ласковые, уменьшительные, полные любви среди счастливого смеха, поцелуев и песен; и трагична жизнь, если в её подсознании не звучит эта музыка. В бескрайних просторах земной природы теряется, затихая, слово одинокого человека; даже щебет птицы, раздающийся в сини небес, звучит сильнее; но одинокий этот голос, сознательно объединившийся с миллионами таких же, управляет стихиями, летит через океаны и, проносясь по волшебным волнам, охватывает все государства земли; яркое же сияние таящегося в нём познания делает нашу землю видимой со звёзд иных галактик. Мастера прошлого вопрошают вождей вновь приходящих поколений, а те отвечают им спустя тысячелетия, словно все они встретились в одну минуту за общей работой; и слово их любви, каждым народом понимаемое по-новому, не теряет дара исцелять сердца людей и способность давать новую жизнь.

Ведь самое заветное желание земной природы, насилуемой и терзаемой человеком, но жаждущей своего искупления, тысячами голосов отдаётся в любящем сердце: тысячью голосов, наперебой сталкивающихся в диссонансах, за которым скрывается высшая гармония, и после тысячелетних метаморфоз всего сущего их гул сливается в одну мощную величавую симфонию-посвящение. Формой цветов, резной каймой листьев, умоляющим и гордым покачиванием ветвей растительность земли сигнализирует человеку о своём многообразии, о своих давних победах в разные времена, о силе солнца, о покорном тяготении земли, о своём счастье в дни милостивого лета и о том, как она жаждет сохранить в веках все свои несметные виды и формы, о своей надежде на то, что все они, благословенные и бессмертные, расцветут и зазеленеют вновь в сиянии света духовного мира. Всё — от неспешности червя до лихорадочного беспокойства птиц, от готовности к взаимопомощи до страха смерти, от сытости до сна, — все эти проявления желания и борьбы символически отражает в любящей душе слово. А у высших братских представителей животного мира этот язык форм и жестов становится волнующим и трагическим в своём красноречии. Есть и такие движения и взгляды живых существ, в которых звучат одиночество и печаль тысяч и тысяч лет; в них — усталость проигранного сражения и безнадежность от тягостной дрёмы материи, унижение и покорность, наполняющие глаза любящего человека слезами. Есть

взгляды ангельски чистые и укоризненно робкие, доверительно устремлённые на человека, как на божество, и взгляды таинственно мечтательные, обращённые вдаль, за горизонт, в мир не постижимых для нас свершений. Бесчисленные взгляды, в которых тоскует заключённая за решётку духовность, настойчиво и разочарованно обращаясь к нам, словно немой, язык жестов которого мы не в силах достаточно быстро понять, дабы выразить словами то, что сам он в своём заклитии сказать не может. Но смотрите: волшебство любви рождает слово, которое в огне творчества поэта, мыслителя и святого выражает стремления всех существ земли, их горькие тайны и сладостные надежды. А там, где слово человеческое пока ещё слабо и, дрожа, затихает, начинает звучать язык музыки, жестов и форм, владеющий силой знамений. О новом порядке, высшем, нежели законы земной природы, о порядке, что соединяет нашу жизнь с жизнью высших миров, возвещает слово любви в истории земли; благодаря приходу новых мастеров слово это становится всё красноречивее и отзывается в миллионах сердец, освещая пути, верша правосудие, готовя новую жизнь на новой земле.

Ослепительный свет свободы

Каждый раз, когда мы преодолеваем боль, достигаем очередной истины, проживаем наполненный любовью день или в последний раз в этой жизни окидываем взглядом окружающие предметы, в нас растёт чувство духовной свободы. И нет более достоверного подтверждения нашего превосходства над всё ослабевающим давлением космоса на наши души. Ещё никогда дух наш не трудился более точно и осознанно и не возносился ввысь в спокойном и естественном полёте мысли, никогда чувства наши не воспринимали земные вещи так ясно и свежо, словно сквозь каплю чистой утренней росы, и ещё никогда не происходило это в такой благоприятной атмосфере, которая помогает увидеть каждую линию с ошеломляющей чёткостью, и мы с волнением и по-новому смотрим на уже привычные формы вещей. В подобных мгновениях нет ни той радости, ни той боли, что можно выразить словами, но зато они дают ощущение космического равновесия, безопасности, силы и господства, солнечного умиротворения от покоя и красоты.

Рушится проклятие наследственной вины, груза столетий, подавляемая память нашего подсознания. Сила, которая аккумулировалась в нашем роду на протяжении жизни нескольких поколений, журчит в каждой нашей мысли словно ручей, что столетиями блуждал в глубинах тёмных подземелий и, наконец, вырвался с тихой радостью наружу, к солнцу. Все сады бесконечного детства распахнулись в вечность, и мы смотрим невинным незамутнённым взглядом на все существа и формы жизни на этой земле. Движения и работа бессчётных толп живых существ, которые казались нашему уставшему сознанию лишь хаотическим вихрем, вслепую несущимся по наполненному болью лабиринту, вдруг выстраиваются в безупречную систему — результат победоносного труда на протяжении миллионов лет — и превращаются в непрерывное триумфальное шествие в сияющий мир невидимого. А в борьбе, которая сокрыта под искрящейся и звонкой поверхностью жизни, в смиренном труде насекомых и червей, в соперничестве и делах не на жизнь, а на смерть, которое регулирует движение и ритм всего сущего, мы уже замечаем не только боль, помогающую избежать уничтожения, не только опьянение жестокостью и губительную пучину удовлетворения и наслаждения, но и победный клич жизни, уверенной в том, что настанет час её искупления.

От осознания того, что делу духа, вершаемому в космосе, ничто не угрожает, у нас кружится голова. Мы спустились к истокам земной жизни: познали горе, таящееся в самой сути природы, печаль безмерного одиночества животных, законы человечества, которые держатся на унижении большинства, тоску от увядания, потери молодости и красоты, горечь слабости и смерти. Нам стали понятны соперничество народов, языков, полов и душ, взаимосвязь любой, даже самой невинной радости, с мукой и страданиями братьев, боль побеждённых рядом с триумфом силы и красоты; удручающая зависимость нашего внутреннего сияния от ритма тела и времени, от места и духовной атмосферы всей земли, нас гнетёт сознание непреодолимости пределов, ограничивающих человека в его земном воплощении. Всё это мы познали, но тем не менее нас не оставляют ни силы, ни надежда, ни радость от полёта, ни жажда творчества. В такие мгновения словно меняются все законы тяготения на земле и в мыслях наших: мы ощущаем парящую лёгкость, а тело наше подобно идеальному огню, преображающему все стихии земли в ослепительное сияние. И где-то там, далеко позади нас, остались слепота чувств и гордыня, жажда власти и наслаждений, бесцеремонное самомнение суда, избравшего мерой вещей наше земное существование. Одна тайна объясняет другую тайну. Разве красота формы не связана с риском и неисправимой дерзостью любви, мечтающей о вечности, хотя существами низшего порядка она достигается лишь продолжением рода? В бою члены наполняются лёгкостью, а крылья искрятся смехом. Цветы земли и звёзды небес кажутся сверкающими нотами птичьего многоголосья, а тьма наполнена блаженством и восхищением.

Таинственная стена, разделяющая существа, падает — больше нет препятствий для нашей любви. И для нас, освободившихся от всего, что связывало наш дух, — от пут времени, рода, пола и слов, нас, нищих и страдающих от жажды столь сильной и обжигающей, что помочь ей могут разве что дары из всех звёздных сокровищниц вселенной; каждый свершаемый для с любовью поступок — это словно монетка, над приумножением процентов которой трудятся все народы земли и которая в течение бесконечной истории превращается во все богатства мира, ибо наше общее творение создают миллионы братьев и все живые существа: нашим общим наследием наполняются дворцы, сады и города, ради нас работают все мастерские, кузни, станки, мельницы, машины, ради нас — все безмолвные часы работы мысли лучших умов, ради нас в муках приходят на свет миллионы братьев, тружеников наших. Для нас — гул рыночных площадей, портов, школ и жатвенных полей, несущийся по всей земле от края и до края. Для освещения наших дорог навстречу вечности загораются солнца на всех млечных путях вселенной. Каждая радость и боль, осознанная нами, оставляет в нас такой же след, как воспоминания из нашей собственной жизни, которая словно раскинулась в веках и тысячелетиях. Нашей собственной

становится боль матери, потерявшей своё единственное дитя, и боль женщины, наблюдающей, как напрасно угасает её красота и увядает грудь, к которой так и не прикоснулись жадные уста новой жизни. Мы разделяем смиренную радость нищего, считающего поданные ему в пятницу — день милосердия — медяки у дверей храма, и смиренную надежду больного, ожидающего той минуты, когда в его каморку заглянет солнце и накинёт на его одинокое ложе сотканное из лучей покрывало. И грусть бледного ребёнка, что играет на свалке стёклышками и осколками жемчужных раковин, выбрасываемых сюда из ювелирной мастерской; а в глубине сердца у нас звенит жаркий смех девушек, возвращающихся с фабрики, — бледных при свете слабо освещающих вечерние сумерки фонарей, с лихорадочно горящими от усталости глазами. Но мы разделяем и страсть толпы, внимающей речи своего вождя, и несущуюся гремучим потоком мечту о справедливости, захватывающую уличные массы одну за другой под топот приближающейся конницы. Мы слышим предостерегающий гул разбуженных ульев больших городов в канун государственных переворотов и испытываем чувство жалости к людям, убивающим друг друга подобно столкнувшимся роям насекомых — жестоких и безвинных, обезумевших в пылающем жаре лета. А в сплетённой из несметного множества лучей сети, в которой трепещет наше собственное сердце, мы обнаруживаем радость от всех побед на земле: от возбуждения первооткрывателя, что, бродя в ночи по тёмным улицам, жаждет прокричать о своём секрете на все четыре стороны света, до торжества травинки и карликового куста, которые судорожно вцепившись корнями с расщелину скалы, счастливо улыбаются, радуясь своей храбрости, и тихо плетут цветочные узоры под нежным дождём из солнечной пыли; от радости вырвавшихся на свободу рек, несущихся сквозь каменные преграды и наполняющих своим смехом всю ширь долины, до мгновенного экстаза букашки, от счастья птицы и сладостно-неподвижной лени змей, свернувшихся в кольца на горячем песке под солнцем, до ликования самого солнца — живого, борющегося и непобеждённого, которое, отзываясь на сигналы далёких своих братьев во всех глубинных уголках вселенной, посылает свой свет. Ведь в каждой жизни, замеченной нашим духовным зрением, мы находим соратника в деле собственного искупления; на каждый выкрик и боль кто-то отзывается вздохом облегчения, доносящимся откуда-то с другого конца земли. В муках унижения и страданий пробуждается нежный трепет сердца, тоскующего по красе и совершенству. И не прячутся ли крылатые звуки, словно в укромных гнёздах, в многочисленных изгибах духовых инструментов? И разве не острым ножом мастер вырезал на гладком теле дудочки отверстия, чтобы превратить её в волшебный инструмент, который рождает в трепещущих от любви и гармонии руках сладкие напевы? Воля, что поддерживает цветение жизни, наливает соком девичью грудь не только от прикосновений страсти,

но и от приближения смерти. Даже из насильственных объятий рождается в слезах и столах светящаяся радостью жизнь. Время открывает свои тайны как средство против доселе не искуплённых страданий, бессловесных мучений миллионов, боли материнства, невежества, безумия и тьмы. Где он, один из тысяч миров, в котором уже достигнуто то, к чему здесь, на земле, преодолевая боль, стремится жизнь? Кто из миллионов людей на этой земле, шагающих по всем дорогам мира, вступает в этот самый момент вместе с нами в край свободы? И не есть ли мечта, что слишком нежна для того, чтобы воплотиться на земле, отражение жизни, которая цветёт под иным небесным сводом? Мы чувствуем, что за нашими смотрящими на этот мир зрочками сокрыты другие, зияющие глубиной. Какая фантазия способна охватить невообразимое богатство великолепных картин, которые они способны узреть: все эти миллионы живых миров, цветущих под жаркими лучами всех солнц, безбрежные вёсны, лета и осени всех вселенных, что трудятся одновременно, в одно и то же мгновение космического времени! И разве не ещё более восхитительно сияние тех глаз, что видят в прошлом будущее развитие вселенной, ход которого является им словно смена месяцев одного бесконечного года?

Ослепительное сияние нашей свободы — не есть ли это всего лишь отблеск воздушного пути, открытого для крыльев в вышине тысячелетий? Не очертание ли это гигантских горных вершин на ином, не нашем горизонте, в то время как в подземельях нашего времени вьётся тропинка, которую с трудом и в борьбе преодолевает одно поколение за другим? Не ужас ли это от неожиданного пробуждения под сверлящими потоками света и не внезапное ли осознание нашей связи с высшими мирами? Не зелёный ли это луч, озаряющий небеса в предзакатный час и превращающий в сказку природу этой земли? Или голос горна, зовущий к возвращению, гулко несётся по всему миру, и мы слышим его вдруг так близко от себя, переливающийся и меняющийся на все лады, что даже сердце на мгновение замедляет свой ход подобно тому, как затихает шаг путника, поражённого неожиданно гроыхнувшим громом? Или воспоминание о нашем участии в событиях, которые предвосхищали рождение этой вселенной? Или осознание нашего участия в создании звёзд, планет и всех форм зримого мира? И хотя в такие минуты чувства наши обострены настолько, что способны откликнуться дрожью на соприкосновение нашей мысли с любым предметом, словно мы действительно касаемся его руками; хотя каждая жизнь кажется распахнутой нам навстречу, будто двери родного дома, путь назад — возвращение к разъединению, хаосу, жестокости, гордыне, тьме и смерти — закрыт для нашей свободы. Как и на часах нашего времени, стрелки на часах свободы тоже не могут повернуть назад. Потому как свобода — это просто иной вид любви. Она есть высшее послушание духовным законам жизни; послушание, что исполняет своё дело

ещё до того, как оно будет ему поручено, ибо благодаря ясновидению любви оно с радостью угадывает все свои будущие задания. А взгляд его, пролетающий над всеми высшими мирами, останавливается только на пропасти с блуждающими огнями, пред которыми смиренно закрываются даже очи сильнейших из духов; здесь находит оправдание всё, что делается на земле и во всех других мирах. По биению сердца любящий отличает один полюс духовного космоса от другого, а творение жизни — от того, что было сотворено смертью. Он видит мир в гармонии, но не все предметы этого мира имеют для него равную цену. Он идёт среди потоков сил земли, среди завораживающих своей красотой цветов и существ не как чужестранец в заколдованном по чьей-то воле королевстве, а как свой в этих садах его собственной души, которые его взгляд вдруг обрёл способность видеть, а голос, направляющий его, — это тот же голос вечного слова, звучащий в глубинах его существа, который и есть основа основ. В мыслях его ясно и осознанно трудится мудрость, которая укутывает деревья корой для того, чтобы не расплескался их сладкий сок, послушный солнечным лучам, и заставляет вырываться из почек искры-цветы, нагие как пламя и благоухающие, словно наполненное любовью тело женщины. Эта мудрость заковывает в чешую, словно в металлический панцирь, тела рыб, а крылья мотыльков превращает в веер бликов; она сотворила змей бессловесными, а поднебесных птиц — сладкоголосыми; она укрыла смерть на всех дорогах земли, в морской пучине и в орлиных гнёздах. Но любящее сердце она распознаёт среди всех богатств земли, подобно пасечнику, по одному только вкусу и цвету мёда определяющему, в каких цветущих уголках был он собран пчёлами. Ей известен закон жизни, который наказал нам повелевать мирами, находящимися под нами, и приобщиться к созидательному процессу в том мире, что расположен над нами. Но высшие миры объемяют миры низшие; приход в высший мир происходит в сладостном оцепенении и страстном порыве любви. Любовь — это река, впадающая в море; не ослабевая, на протяжении тысячелетий несёт она бурные свои воды, ибо солнце гонит, словно стада, облака в горы и тем самым даёт возможность напиться всем её источникам; река эта не выходит из берегов: послушная закону, она, словно горный поток меж скал, шумит, переливаясь радостным девичьим смехом и звонкими хлопками детских ладоней. А в минуты тихого спокойствия над ней слышна песнь справедливости — строительницы нового космоса, которая безостановочно и незримо трудится во имя зари.

Но этого ослепительного сияния свободы — духовной субстанции, сила которой никогда не может ослабнуть, — наши бранные очи выдержать пока не в состоянии. Было бы несправедливо, если бы мы, посреди безмерных страданий земли, вкусили бы радостей более, чем те, что мы завоевали муками наших сердец и трудами нашей любви. Сеятель, разгорячённый делом, не слышит

пения жаворонков в сини небес, но и пение жаворонков, и шум лесов утихнут, когда пройдёт пора свадебного веселья. Женщине и ребёнку, розе и утру назначен один миг высшего — полёт красоты. Сузятся границы горизонта, и гигантские цепи гор на краю небес укутает мгла; и пройдут, наверное, годы, прежде чем мы вновь узрим их в алмазно-чистом воздухе в один из предвечерних часов после стихшей бури или в полуденные минуты искрящегося синевой январского дня. Но даже когда наше внутреннее, третье око, вновь закроется и глаза земные вновь привыкнут к обычным размерам и формам вещей, то потрясение, что испытало наше существо, узрев открывшуюся вдруг ему красоту, навсегда останется в изменившемся ритме нашей жизни. И в каждом слове, с которым любящий обратится к своему брату, к жене своей и ребёнку своему, в ласке, с которой он погладит животное, не сорвёт, а оставит цвести цветок, в сострадательной нежности к колосьям, с которой он приступит к жатве, будут играть блики того сияния, что озарило его во время посещения им райских садов; сияния, озарившего его в момент освобождения от оков времени, пола, рода, всего общества, когда он — не более чем просто человек, без имени и фамилии, под которыми он известен его братьям, — почувствовал себя свободным духом, несущим свою службу среди братских ему духов во вселенной, и задрожал от головокружительного чувства глубинного единения всех духов, сверкающих словно лучи единого и всемогущего солнца. И, смиренный, в каждом деле на благо жизни ощутил он дело любви, будь то посадка дерева или пение песни. Голос его зазвучит среди других мужских голосов как глас милосердия, но одновременно и глас силы, встающий на защиту всего духовного.

Ведь высшая жизнь, возвещающая о себе в душах наших молниями свободы, стремится перейти из сферы внутреннего зрения в сферу активной деятельности. Земля — это место борьбы; но дабы реализовалось на земле дело свободы, недостаточно усилий лишь одного одинокого человека. Мы составляем одно тело с миллионами братьев, живых и мёртвых, что трудятся в нашем подсознании и ограничивают нашу волю. И закрылись властные очи под страшным гипнотическим взглядом миллионов невидимых глаз вездесущей массы. Та самая мечта о свободе, о которой поёт в минуты экстаза любящий сердцем, болью отзывается в беспросветной жизни многочисленных толп. Человек — представитель царского рода; никакие унижения, даже если они длились тысячелетиями, не могут лишить его таинственных знаков, что отпечатались в его душе. Глаза, распахнутые навстречу внутреннему свету, никогда не смогут закрыться полностью, не умолкнет никогда святое безумие пророчеств. Гигантские крылья миллионов, сложенные до поры до времени, ожидают своего часа, чтобы расprostереться над вселенной в вихре духа, который кружит солнца, словно языки пламени. Порядок, который держит в узде народы, блеск государственной власти, законы, флот и войска — это

лишь временная защита от скрытого дела свободы, над которым трудятся все пытливые умы земли; того дела свободы, тайное знание о котором разжигает и героизм вождей миллионов, что направляют силы дремлющих толп, и героизм учёных и художников, и героизм материнства, смирения и святости. Его задача — освободить человека от гипнотического бега по кругу материальной жизни, что, словно груз, тянет его вниз, к смерти, и не даёт вырваться; укрепить господство духа над силами и стихиями земли в нашем собственном теле и наших мыслях над движением, притяжением, пространством и доселе не оформленным и не укрощённым хаосом; стать воплощением всех сил земли и существ её населяющих, усовершенствовать её природу ради наивысшей красоты, создать новый порядок земных вещей, при котором в братском единении сольются миллионы народов земли; связать дело нашей земли с высшей вселенской жизнью.

Человек идёт к свершению этой задачи через муки и сладостную жестокость борьбы и сражений, иллюзорность чувств и гордыни, переоценку роли рода, племени и общества, через жажду власти, через боль и смерть. Одно лишь слово любви пока не в состоянии зажечь в нём желание служить этому делу. В муках и тьме ещё только создаётся общий духовный язык рода. Слишком много печали ныне в тех трудах, что вершат люди во имя братской верности. И наказы любви человек исполняет неосознанно, словно слепец, что на ощупь открывает двери жизни. Костры мучеников полыхают на перекрёстках веков. Ангелы жизни и смерти, словно надсмотрщики хозяина полей во время жатвы, наблюдают за тем, что и как свершают миллионные толпы, но не видит пока человек ангелов жизни — ни ликов их, ни их сладких улыбок. Однако не напрасны труды вековые, страдания любящих сердцем, преображение племён и духовные усилия каждого из нас. Каждое слово любви, каждый осколок стекла, убранный с дороги, дабы не поранил он чьи-то босые ноги, каждое наименование вещи её подлинным именем, каждая пробоина в стене эгоизма нашего находит свой отклик в высшем мире. И каждый новый час, отбиваемый курантами вечности, отзывается сладким и завораживающим оцепенением в миллионах сердец. Всё более явными становятся знаки цветения и смерти. Поколения, в рядах которых нарастает напряжённая неприязнь между живущими в своих заботах и трудах людьми, поколения, где человек отдаляется от человека в страхе перед братской жизнью, перед своей наготой и кровью, хиреют и угасают; звонкие голоса детей смолкают на порогах домов, отмеченных смертью; напрасно увядает красота женщин, а на смену наслаждениям приходит смерть. Печальна мудрость этих поколений, а мечты их молчаливы, словно сады, где притаился в укрытии цветочных клумб враг, заставив покинуть их стаи певчих птиц. Но стоит миллионам людей объединиться в дружбе и доверии, как в свои права вступает жизнь, поющие соки поднимаются по стволу

дерева, род ждёт обновление. В начале общих дел братья строятся в колонны, ведомые свободной волей, со светлой радостью их приветствуют вожди, окликают друг друга отряды. А утренние трели птиц, выпархивающих из-под самых лучей солнца, и свежая красота земли — это словно продолжение великого сна о братании миллионов людей. Подобно календарным праздникам, являются им по очереди весна, лето и осень, а труды их сопровождаются пением ещё не родившихся и только вступающих в эту жизнь. Свет одного общего солнца искрится в их слове, а в их молчании один брат исповедуется другому, как влюблённый. Благословенна женщина, дающая жизнь, благословенна красота, указующая цель, и дважды благословенен ребёнок — освободитель земли. Только когда шум волн общей гигантской жизни миллионов достигнет каждого отдельного сердца, когда каждый из братьев почувствует в своих руках силу миллионов братских рук, — ослепительный свет свободы уже будет казаться не мимолётным наваждением, а обычным, естественным и повседневным делом; и не ослабляя радости от творчества и первооткрытия, этот свет одним только своим прикосновением способен будет разогнать все ужасы смерти, а отношения людей наполнить свойственной детям правдой и естественностью. И лишь тогда окажется человек на пороге своих истинных дел, достаточно свободный и сильный для того, чтобы получить откровение о своём предназначении.

Мир

Каждое сражение на земле — это лишь отображение того сражения, что вершится в мире невидимом; той борьбы, что, ширясь из века в век, вовлекает в себя все энергии стихий, огонь, молнии, моря, реки и всех существ; она проникает за границы слова — в область предчувствий, бессознательного и в красоты миров невидимых; грохочущие шумы этой борьбы доносятся со всех бесчисленных планет космоса; словно знамёна, развевающиеся на ветру, сияют перед отрядами духов вознёсшиеся солнца. Каждая мысль звенит как стрела, пушенная из одного лагеря в другой; каждое свершаемое нами дело говорит о нашей принадлежности к тому отряду братьев, вместе с которым мы сражаемся; и нет такой оглушительной тишины, в которой бы не были слышны взмахи обгоняющих друг друга духовных крыльев. Наша радость — это ликование братских горнов, звуки которых долетели к нам издалека; наше отчаяние — это тоска заблудившегося человека, что вдруг чувствует своё одиночество среди немых бескрайних просторов, тоска странника, заплутавшего между гигантскими постройками обезлюдевшего космоса. Во имя объединения рода людского и всех дел его на этой земле, ради соединения всех волей в единую, вездесущую волю, господствующую надо всеми силами и стихиями земли, ту волю, что соучаствует в делах высшего мира, лилась кровь страдальцев на всех полях брани всех времён. Всякое опьянение властью и силой, всякая жажда наслаждений и великолепия, экспансия языков, народов и империй, все безумства захватчиков — всё служило, пусть неосознанно и слепо, этой цели. Но тщетно: ибо не соединяет меч, а разделяет; не будет мира, пока непримирившиеся полчища духов стоят друг против друга. Слияние языков не остановит сражения, если духи не объединены общим видением и схожей оценкой вещей. Любое насильственное объединение народов лишь плодит боль на этой земле. Поскольку и тот народ, который благодаря трудам своим пришёл к осознанию самого себя, тоскует по вечности. Он не желает умирать, а лишь хочет добровольно включиться в общее духовное дело, свершаемое родом человеческим. Для любого народа не какой-то другой народ, а именно он сам в глубине своей собственной души является самым заклятым неприятелем, самым большим источником опасности. Для каждого, даже самого духовного из братьев, главный враг и главная опасность — в его собственном сердце, в тех его уголках, где гнездятся необузданные демонические силы; в манящей притягательности

низших миров, в тёмной сладости смерти, хаоса, жестокости, гордыни и тьмы, в угасании любви, в затмении внутреннего зрения и в потере способности видеть духовную суть вещей, в безумии, что, затаившись, готово в любой момент вырваться наружу, ослушавшись даже торжествующего закона разума. И вовсе не гордыня, бросающая друг против друга народы и людей, а лишь духовное объединение братьев может помочь завоеванию земли и её искупительному очищению. Ценность и красота вещей исключительно в том, насколько они служат делу братского объединения духов. В процессе познания общей истины духи встречаются, радостно обнимаясь, как после долгой разлуки; воюющий мир отступает пред ними, а звёздные сады высших миров открываются им навстречу. Бесчисленные очищаются, озарённые любовью, а земля и всё на ней сущее превращаются в сад, цветы которого приветствуют высших существ. И хлеб, что был испечён из зёрен смирения, преломлённый и поданный с любовью брату, отражается во взгляде духов, словно сияние в искрящемся свете руки — дающей и принимающей. И все солнца вселенной, посылающие свои лучи из полночных пропастей, призывают к духовному объединению всех народов земли. Сполохи первого костра, зажжённого в древности, освещали пути, по которым шествовали во всех тысячелетиях колонны наших братьев; в их топоте был сокрыт грядущий грохот далёких гигантских городов, объединяющий сердца ритм трудящихся рук и шорох духовных крыльев, эхом несущийся со звёзд. У садовода, сеятеля и жнеца, смиренно хозяйствующего на длани живородящей земли, завоёванной его трудами, человек учится господству над всеми царствами и силами земли, что будут, как обещано, подчинены роду его, как только придёт конец битвам и власти злата, а любой труд будет осенён любовью. Ведь в глубинах духа скрыта царственная уверенность, что вся земля принадлежит ему и нечто бесконечно большее, чем земля; и, пролетая чрез века, он сжимает её всю — от полюса к полюсу — руками бесчисленных братьев, словно одной гигантской ладонью.

Не в насилии и не в уничтожении тел, — оболочки, в которой дух созревает и достигает своего совершенства, — есть залог победы высшего мира на этой земле. Для этого нужны всё новые и новые, накатывающиеся, как прибой, волны жизни, новые и новые поколения ищущих, страдающих и добивающихся искупления, всё более сильные и лучезарные тела, всё более чуткие инструменты познания и воли. Враг запирает на замок врата жизни, но любящее сердце во все времена открывало их навстречу ликующей песне ещё не рождённых. Любой, даже самой горькой мукой познания приближающиеся полки братьев готовы заплатить за милость нашего солнца, за дар этой земли и искупление её трудов; они готовы принять мучения слабых тел, отмеченных печатью вины отцов и матерей, и несовершенство рук, обессиленных ещё прежде, чем их изнурит труд; по горячему дуновению мы чувствуем при-

ближение этих полков в благоухании весны, в буйстве ярких цветов, в рассыпающем электрические искры сиянии солнца и звёзд, в сладостной музыке, пронизывающей все наши чувства во время любовных объятий, в опьянении сердца, в неожиданной смелости мечты, переносящей нас через тысячелетия, не боящейся головокружения от высоты и не знающей недостижимого в экстатическом хаосе слов. Распахиваются крылья духов, жаждущих обнять всех, заключить в свои объятия, но попытки их безуспешны до тех пор, пока не запоёт в их наполненных любовью движениях кровь, в которой горит расцвет нового времени и магическую силу которой подготавливали миллионы лет творческих усилий. О творчестве тоскует дух, обретающий оболочку тела; лишь на таинственном корабле этой земли может он достичь берегов высшего мира, лишь будучи в теле человека, может стать соучастником изумительнейшего чуда любви — столь невероятного среди жестокой природы, но всё же свершающегося в духовной жизни чуда, которое позволяет человеку почувствовать, для чего возник из бездонных глубин творческой воли весь этот космос — видимый и невидимый. Свой вклад в общее дело всех народов на земле вносит каждая отдельная жизнь. Крик одного страдающего человека способен превратиться в бурю и сотрясти все цепи и оковы под чертогами господствующей власти. Один час творческого озарения, пережитый открывающим новые истины умом, способен изменить на столетия направление труда миллионов. Гнев пророков, словно очищающий огонь, обжигает века. Скрытое геройство и благородство безымянных поддерживают устои империй; деяния святых охраняют народы надёжнее, чем войска, и готовят почву для тех времён, когда уже не будут нужны никакие империи, потому что единственной и единой империей будет вся земля со всеми своими материками и океанами. Из ребёнка, которого женщина покачивает в своих объятиях и убаюкивает песней на пороге избы, вырастает князь, что будет строить духов в новые шеренги. Там, где у тысячи братьев не нашлось отваги пойти на смерть во имя сохранения рода, гибнут миллионы. Каждое деяние любви расходится в виде таинственных волн по жизни всех людей. Каждое правдивое свидетельство о том, что происходит на земле, способствует освобождению человечества. В недрах толпы трудятся неизвестные нам любящие сердцем и пытливые духом, что тихо и смиренно распознают красоту во всех вещах; реформаторы языков, поэты нежных и сильных слов, подготавливающих встречу братских сердец и их творческие объятия: и дело их подобно сладкому труду лесных пчёл, о которых не ведаёт хозяин леса, ибо они послушны только небесному пасечнику. Сверкают сакральные молнии, освещая и полярные ночи северных охотников, и полубезумные видения наивных и жестоких племён в девственных лесах на экваторе; духи обращаются к ним из камней и деревьев; в глазах их женщин и девушек — боль красоты; тени усопших входят в их видения

из царства мёртвых; душа, томящаяся в темнице, изливает свои печали в песнях и ломает оковы по зову сверкающего слова. И они должны высказать откровения, с которыми к ним обращаются растения, живые существа и стихии; и они произнесут заветные слова лишь после того, как их язык созреет под лучами вечного солнца. Мысль человека пока ещё не нашла на земле достойного отклика: пение земли, этой несущейся по галактике звезды, всё ещё не было услышано миллионами населяющих её народов. Значительная часть нашего земного шара — та, где пока что не любил и не страдал человек, не послужила ещё источником силы и вдохновения для духа человеческого. До сих пор не воплотились в слове космическая красота полюсов, тихое безмолвие дремучих лесов и пустынь, одиночество горных вершин и островов, затерявшихся среди океанов; своего слова всё ещё не сказали племена угнетённые, запуганные, на тяжкие труды осуждённые, в ярмо впряжённые. Великие, многомиллионные народы, обессилевшие от духовных трудов, свершённых ими столетия назад, умолкли на тысячи и тысячи лет, но и они готовы сказать своё слово. Новые открытия и новые силы, чудеса и загадки света, движения и полёта пока не оставили своего духовного следа в сердце человека: заветы лучезарного единения, братства и сближения, которые в них сокрыты, обещания гигантского духовного строительства будущего всё ещё не осознаны человеком. Даже гении пока не смогли в полной мере осознать и прочувствовать ни благодарность к миллионам безымянных и страдающих братьев наших, что снуют среди нас на перекрёстках больших городов, возвращаются с фабрик, полей,строек, лесов и подземелий, ни беспрестанную работу улыбок, жестов и наполненных болью, гневом и желанием криков, творческую, неисчерпаемую и потрясающую работу, что преобразует жизнь и вносит новые краски в искусство, служит источником вдохновения для философов, учёных, генераторов снов, вождей масс и заклинателей сердец. И нет такой полной унижений жизни, которая бы со всеми своими ужасами и без прикрас показанная, всё же не была бы способна воодушевить на создание произведения на века. Жизнь страдальцы, которую она всю проводит на своём ложе, лишь сквозь единственное оконце взирая на чудеса, являемые солнцем, способна засиять благословенным светом и озариться вечной духовной правдой, что переживёт и создание, и гибель империй. В ком из миллионов и миллионов наших братьев в это самое мгновение вспыхнет искра, из которой разгорится пламя всей истории человечества? Чья душа окажется достаточно чувствительной к дуновению эфирных ветров и сможет в этот самый момент услышать послания, которые направляются нам из высших миров?

Чем более ясно дух представляет себе цену земли и каждой, даже самой смиренной из жизней для дела познания и искупления, тем сильнее ощущает он ужас насильственного прерывания жизни и трагичность всей истории

человечества. Ибо пути всех народов отмечены кровью. Из глубины душ доносятся на протяжении тысяч и тысяч лет стоны и проклятья побеждённых и умирающих. В крови руки тех, кто создаёт империи и объединяет племена, творит законы и управляет народами; кровавы и алтари богов, руки высших служителей церкви, видения князей песни. Словно из тела мученика, подвергнутого бичеванию, брызнула на протяжении тысячелетий при каждом шаге народа его кровь. Будто факелы, полыхали подожжённые города, освещающие его путь во тьме истории. Тени принесённых в жертву рабов веками сопровождали павших героев, дабы могли прислужить им и в царстве мёртвых. В экстазе борьбы развивались сознание и чувства человека, завоевывавшего землю, его взгляд, способный охватить время и расстояния, доблесть мужей, их сила и справедливость, расчётливость и разум, послушание, верность и покой: но параллельно этому торжествовали безумство и прячущийся в пучинах жизни хаос, дьявольская гордыня от вседозволенности и опьянение жестокостью, уничтожением и смертью... Печали, отчаяние и страдания всех поколений, немые и затерянные в безбрежии и горе земной природы от края и до края, не замеченные, затерянные в памяти и спрятанные в великолепии городов, узах вины и оковах трудов, в страданиях миллионов матерей и в горячечном одиночестве немощных, оставленных умирать, становятся век от века всё более зримыми, превращаясь в единый собирательный образ на одном конкретном месте земли, словно фата-моргана огненной геенны; как будто человеку нужно снова и снова напомнить о бренности земных вещей и о корнях, что связывают его жизнь с жизнью этой земли. Ведь до сих пор так и не была искуплена жизнь, зиждущаяся на страданиях бессчётного числа существ. И из семян самых высоких истин, провозглашаемых пророками и учителями миллионов, выросли в душе людской массы кровоточащие цветы безумия. Ступени, по которым человечество поднималось к свободе, были покрыты кровью, словно пурпурным ковром. Кровь сопровождает процесс рождения новой, высшей жизни на земле. И ничем не измерить той боли, которую человек, защищая себя, причинял и причиняет всему живому с первых своих шагов на земле. Полные укоризны глаза животных, запряжённых в ярмо и миллионами идущих на смерть ради умиротворения жестоких и демоноподобных божеств, страдания наших немых братьев, на протяжении столетий сопровождающие исторический путь всех народов, отражаются в мыслях святых. Даже стон дерева, падающего от удара топора, отзывается в любящем сердце. И паучок, которого мыслитель в задумчивости случайно захлопнул среди страниц своей книги, затем отбрасывает ему тень на самые светлые и чистые его мечты. И все бесцельно вырванные и вытоптанные цветы, истреблённые виды животных, лишённые своих корней народы, незамеченные творения любви, невысказанные слова прощения, — всё это сделало беднее

и печальнее и нашу мечту, и нашу песню. Но и несправедливость, и мучения, причиной которых стал воюющий народ, тоже сказываются на его будущей судьбе. Кровь тоскует, жаждет новой крови; жестокость и агония, свидетелем которых был дух в страшную годину смертельного боя, на протяжении последующих столетий будут жить в мыслях и подсознании народов. Не только города, торжища, причалы и рабы становились трагической добычей победителей, но и вина, которую не успели искупить нашедшие смерть побеждённые. А груз забот и трудов, незавершённых мёртвыми, что были раньше срока с корнями вырваны со своих мест на земле, ложится на плечи живых. Кровавая битва, оконченная на поле брани, продолжается уже как битва духов на невидимых полях сражений. Отчаяние, что испытывает покорённый империей-победителем народ, — подобно поджигателю, спрятавшемуся в запертом доме и ожидающему прихода ночи. И не было бы спасения из этого заколдованного дьявольского круга, засасывающего словно в водоворот всё новые и новые поколения, не будь в тех же самых глубинах подсознания действенной силы любви, молитвы стоящих на коленях за спинами воюющих народов жён и матерей или смиренного геройства, что идёт на смерть во имя ещё не родившихся. В тиши замершего при виде ужасов сердца начинают звучать сладкие голоса высших миров, пророчества мастеров, песнь невидимых свидетелей нашего дела на земле; благовест вечного слова объединяет все земные языки в один; и разум наш, освещённый смиренным опытом бесчисленных поколений, проясняется, уподобляясь тайному разуму, управляющему миром. Объединение, что не может быть достигнуто ни мечом, ни огнём, втайне готовится в глубине познающего духа.

Ибо во всех военных лагерях готовых пойти один против другого народов были и есть братья — и число их множится из века в век — которые уже узнают друг в друге соратников своих, тружеников одних и тех же полей с общим урожаем, обитателей одних и тех же духовных меридианов, говорящих на одном языке сердца и чувств. На одном языке говорят обращающиеся к ним солнце, земля и тихо улыбающиеся звёзды, расцвет и гибель материальных форм, движения растений и живых созданий, поддерживающих друг друга в жизни, горделивый любовный шелест цветов, героизм материнства, нежность, с которой каждый втоптанный в землю стебель травы льнёт к ней. Границы царств земных и языков уже не разделяют их; сражавшиеся обрели вечный покой. Они уже увидели лучезарное солнце будущих времён. Они уже достигли того, к чему стремятся народы на заклятых тропах истории; их связало единство более сплочённое, чем то, которое даёт послушание законам и верованиям, избрётённым народами для самосохранения. Их господство — в их службе; они трудятся на своём клочке земли, как рачительный крестьянин на поле соседа. Мысль их и любовь их работают ради миллионов неизвестных и невидимых

братьев. Жесты их неутомимых рук подобны движениям рук дирижёра, что задают ритм полифонии поющих голосов, гул которых висит над просторами тысячелетий. Имущество для них — всего лишь мерцающая иллюзия, нужная только для того, чтобы сделать труды их более радостными. Свет и сладость земных вещей привлекают их лишь тем, что могут оказаться даром любви. Справедливые по отношению ко всему, что живёт и дышит, — и к деревьям, и к цветам, и к животным — они сторицей возвращают жизни этой земли всё то, что отняли у неё ради сохранения собственной жизни; и новая, наполненная сиянием природа разрастётся в их творческих мечтах: деревья с ещё более ароматными и сладкими плодами, цветы, что поражают ещё более ослепительной красотой, а доверчивые и счастливые животные ещё ласковее льнут к человеку, а дома́ и сердца́ их станут прибежищем для песен и птиц. И они страдают, но их боль — это боль от осознания собственного несовершенства, и нужна нечеловеческая сила, которая смогла бы вынести их любовь: так ломаются ветви, отягчённые плодами. И даже самый острый пристальный взгляд, обращённый в звёздное небо, не способен определить границы их общей родины, ибо с каждым новым открытием рубежи этого царства расширяются вплоть до заповедных красот незримых миров; и ослепительная сила видения позволяет им, путешествующим инкогнито государям, встретившись, узнать и приветствовать друг друга улыбкой. И даже если кто-то из них позабудет о братьях своих и узах братства, то ему снова и снова будут напоминать об этом песнь солнца, птиц и вод, сладость поцелуев на женских губах, счастливый смех детей, что приветствует их, когда в предвечерних сумерках они возвращаются с полей. Тишина ночного одиночества, духа и чувств, блаженства и горя, изумлённого и покорного смирения пред загадками вселенной, счастье совместного труда, поддержка братских рук в минуты опасности, грусть от бренности бытия и послеполуденная усталость любви, когда тело давит на человека, словно платье в особенно жаркий летний день; и все знамения справедливости и смерти вдруг становятся понятны духу. Уже не подчиняясь внушениям, что бросают народы в битву друг против друга, они воспринимают своё соучастие в кровавых делах, которым не могут помешать, как самое тяжкое из всех возможных мучений, уготованных человеку.

Это не только духовные муки, сопровождающие любое из деяний смерти — будь то самооборона, убийство животного или защита справедливости, — но и муки от невозможности противостоять господствующим по сей день на земле силам, а также муки от сознания вины, объединявшей на протяжении всей истории весь род человеческий, словно тайных заговорщиков. История всех народов, равно как и скрытая история каждого из братьев, становится одной общей историей человека на земле. И даже для самого великого народа-победителя нет иной свободы, нежели участие

в освобождении всего человечества; и пока он трудится и творит, за ним ревностно наблюдают глаза тайных свидетелей, поджидающих минуту его слабости и готовых коварно помешать его делу созидания. Каждая мысль о ненависти, даже глубоко спрятанная в самых далёких уголках сердца, ведёт к братоубийству. Из запущенного сада вихрем несутся чёрные тучи кровожадных насекомых, поглощая все цветы. Тот, кто похвастается доставшимися ему земными благами более, чем это необходимо для поддержания жизни, ради дела познания и любви, становится на сторону смерти. Порядок, что держит в рабстве и тьме духовные силы миллионов, служит демоническому делу, притягивающему гром и молнии. Но и свобода без любви ведёт к смерти. Из мира невидимого пришли сюда все видимые силы, восстанавливающие народы друг против друга и посылающие на поле боя. Господство сильных мира сего над народами тоже есть послушание: дьявольски восприимчивый дух завоевателей и творцов побуждает к творчеству, лишь пророческая уверенность помогает ему определить число и силу мистических воинов и постичь их волю; и не было бы сего господства, не будь оно отдано в руки властителей тайным голосованием духов, что гнездятся в глубинах подсознания масс.

Но на смену одному калифу на час приходит следующий, ибо изменчиво соотношение сил между духами в зияющей глуби человеческих масс: беспрепятственно, повсеместно и одновременно несут свою службу слово, смерть и любовь. Никто не может получить на этой земле в своё пользование более, чем может объять и удержать дух его. Справедливость, сменяющая поколения существ подобно тому, как хозяин поочерёдно засеивает свои поля разными культурами, объединяет историю этой земли с общим космическим временем, хотя глаза наши не узрят свет ярких всполохов, доходящих к нам из уже обретших искупление миров до тех пор, пока будут застланы кровью. Во всех народах неизвестные и невидимые глазу множества, затерянные среди бурь сражений и дворцовых переворотов, не теряют веры и любви. Не прославленные в песнях и не запечатлённые в мраморе, в отличие от славных творцов земной истории человека, своими чистыми и натруженными руками (а если нужно, то приносят в жертву и жизнь свою) возводят они империю, равной которой по красоте на земле ещё не было: по их смиренной воле растут гигантские братские города, над которыми разносится многоязычный гул.

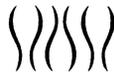
Ведь даже духовную битву наше сердце не воспринимает как последнюю ступень духовного созидания на земле. И в борьбе духов, и в той боли, что причиняют они друг другу, мы чувствуем страстное желание любви, способной проломить стены, их разделяющие. Ибо каждый дух осознаёт ту глубинную общность, которая породила космическое воинство и к которой оно возвращается с добычей новых знаний и опыта. Каждый дух ощущает и то, что история началась задолго до рождения нашего видимого мира, до того,

как противоборствующие духи затеяли эту скорбную и божественную игру, высшая цель которой — даровать вселенной счастье возвращения. На протяжении тысячелетий блуждает наша мечта, не в силах найти успокоения, и будет блуждать, пока, поражённая, не узрит новую землю под звёздным небом нового космоса, такую землю, знания о которой бессознательно живут в нашем сердце: землю, где каждой вещи находится именно ей предназначенное место, где человек обретает свою правду; пантеон духов — воплощение в новом мироустройстве видимого мира, где боль принимается с наслаждением подобно боли материнства, а труд наделён благословением любви. На этой земле человек, это воплощённое гигантское сознание, гармония которого соткана из полифонии, будет мирно трудиться с высшими космическими силами над своим последним творением. И не мечта ли об этом кружится вихрем среди нас все эти тысячи и сотни тысяч лет? И ради этого не нужно ли будет тысячу раз погаснуть солнцу, дабы зажечься вновь? Но тем не менее мистерия эта, столь невероятная в жестоких условиях сегодняшней земли, вершится и в эту самую минуту и свершается вот уже на протяжении тысяч и тысяч лет во всех искуплённых душах и душах святых, что заседали и воздвигали милые их сердцу миры, словно сады для миллионов братьев.

На языке красоты говорят о мире любящему сердцу все вещи: небесно чистое сияние лазури, что успокаивает очи, воспалённые желаниями тела и духа, зеркальная гладь воды среди зелени берегов в безветрие, радуга, что зримо присутствует в многоцветии садов, облаков, самоцветов и звёзд, в блеске утренней росы, в хрустальном великолепии заиндевелых садов, по которым зимнее солнце рассыпало брызги своей улыбки. Таинственная тишина воскресного дня, о наступлении которого свидетельствуют праздничные одеяния всех любящих живых существ, торжествующее сияние совершенных форм, доверчивость и нежность всех улыбок, наполненных счастьем и добротой, радостное утреннее пробуждение после болезни, все проявления преданности, материнской любви, дружеской братской помощи, покойного отдыха и сна в сильных и любимых нами объятиях; и чувство уверенности в выбранном пути, что словно озарение, приходит к справедливому человеку, и платоническая беседа соединившихся душ после того, как стихнет страстная битва поцелуев земных любовников, и возвышенное чувство свободы, что охватывает нас, как только мы с покорностью приняли отмеренную нам боль и расплатились за те страдания, причиной которых стали вольно или невольно в мире видимом или невидимом. И то сияющее безветрие, что объединяет наши души с глубочайшими тайнами космоса, было знакомо всем триумфаторам жизни, всем святым, пророкам, любящим и всем верящим и познающим. В тиши звёздной ночи и творческом самозабвении чувствует его мыслитель и учёный, поэт и женщина, льющая слёзы от счастья, что несёт

своё священное послание. Это сияющее безветрие — последняя из загадок архитектуры, скульптуры, музыки, искусства, геометрии и счёта. В нём художники открывают чудеса, даже если изображают самые простые из вещей: когда достаточно одного взгляда на утопающую в лучезарном свете природу, на играющего в саду под сенью каменной террасы ребёнка, на украшенное несколькими кустиками роз окно бедняков, чтобы ослеплённые и полные слёз глаза увидели зримое сияние вечности на этой удивительной земле посреди бескрайнего космоса.

Так и весь мир, окружающий нас на протяжении многих тысячелетий, посылает нам в своей красоте знамения о мире единения и покоя, которого так жаждут сердца. И хотя разум наш и наш земной опыт являют нам мир как царство смерти, а фантазия теряет всю свою яркость там, где уже нет ни борьбы, ни побед, сердце наше не перестаёт верить в реальность его существования; реальность более явственную, нежели реальность каких бы то ни было чувств. День за днём возвращается на своё место солнце и поёт вдохновенный гимн жизни, а влажные от росы губы трав и цветов каждую новую весну перешёптываются и как будто тихо смеются, готовясь удивить чем-то детей земли. Прошлое по-прежнему присутствует здесь, открывая нам свои тайны с каждым новым, полученным нами знанием, в которое нас посвящают камни, реки, живые существа, миры над нами, — словно чья-то таинственная рука листает перед нашими глазами страницы книги, в которой запечатлена вся минувшая и будущая наша история; и нам снова и снова дают прочесть всё с самого начала, чтобы мы смогли как следует понять то, что будет написано потом. Читая, каждый из нас застывает, поражённый, вдруг осознав своё второе рождение на земле: нас охватывает внезапная уверенность, что дух наш выходит за пределы земного порядка и вступает в порядок высший. На земле его путь определяет борьба во имя справедливости, а в иерархии высших сил — познание и мир, сила и нежность которого яснее притчи, что убогое слово человеческое использует для выражения невыразимого. И здесь мы с головокружительной ясностью ощущаем, что мир есть высшая ценность всей вселенной.

О. Бржезина. Рисунок Ф. Билека

Яромержице. Мемориальная доска
работы Ф. Билека на доме, где жил О. Бржезина

Яромержице. Надгробие на могиле О. Бржезины
работы Ф. Билека

Из рукописного
наследия

Пролог к «Музыке родников»

Вечно гремит музыка родников,
переливается великолепием цветов, изумляет бурлением вёсен.
перетекает из солнца в шелест пшеничных колосьев,
в шелест листвы отягчённых плодами деревьев,
в стук сердец, в голоса и поцелуи всего живущего.
Как белые кремни, омываемые течением, искрятся звёзды в её
безграничных волнах.

И пока она звучит, в руках остаётся сила,
мускулы работающих рук напрягаются,
зрачки открываются везде, где торжествует жизнь,
пусть это только лишайник или мох, покрывающий камни,
подготавливая дорогу высшим формам растительности.
Она гремит повсюду — в щебете птиц и в радости глаз.
И даже братоубийственная мысль
будет стёрта в порошок в её потоках.

Слушайте музыку родников!

Уставший путник грезит возле них о краях,
которые он обошёл, о великолепии гор, шуме больших городов,
тишине лесов, пении юных жниц.
Возле них отдыхает тот, кто видел все богатства земли,
тысячи видов существ, смутную речь её символов,
красоту подводных садов,
паразитный труд человека в многообразии вещей,
в обработанных металлах и красках тканей
и теперь мечтает о поре, когда духовный человек, как пчеловод,
позволит пролиться душистому мёду из сот,
куда пчёлы наносили мысли многих веков.
Мыслитель отдыхает среди её цветов
и в её ритмах находит отголоски своих мыслей,
объединяя в гармонию взаимопротиворечащие крупницы
несовершенного познания, боль духовного зренья,
ещё не способного должным образом отдалиться от картины.

Возле них творец-завоеватель готовится к своему подвигу —
объединению тысяч раздробленных и враждующих племён,
недовольный тем, что до сих пор делалось
для установления всемирного братства.

Не говорите, что извечно одинаковый ритм их ослабляет волю
и убаюкивает.

Засыпает лишь слабый и хорошо делает.

Его усталый голос отнимал бы надежду у борющихся, усиливал бы
сомненья.

А неуверенность в удаче присуща и сильным.

Но не мешайте влюблённым прийти и слушать музыку родников.

Пусть увидят красоту своих лиц в зеркале вод!

Да, музыка родников, возможно, меланхолична — в ней поцелуи
МИЛЛИОНОВ

сливаются с хрипом агонизирующих,

как шелест кровавых листьев с бурлением гаснущих звёзд.

Но тем более страстными и более духовными будут их поцелуи,
когда они поймут, что их губами целуются тысячи существ
и что каждое сильное и чистое объятие,
дарующее ясную и плодотворную жизнь,
означает новую победу над проклятьями и тяготами земли,
означает завоевание тысяч дней, возможность негаданных открытий,
песен, которые никто не пел, красоты, которую никто не видел,
освобождения, справедливости.

За всё благодарю

Полпути за нами, пожалуй, — кто знает? — и мы ближе к родному дому, чем кажется нашему сердцу. Доверчивее на нас глядят вещи, мы узнаём каждое дерево, каждый камень на пути, а воздух благоухает ароматами отцовского сада.

За всё благодарю, Таинственный!

За боль нашего детства, за сладкий смех и наслажденье, которые Ты даровал сердцам братьев. Твоя справедливость познается веками, и хотя мы страдали, виной тому были прегрешенья отцов и наши, ибо рост означает наслажденье и боль.

Жгуче солнце нашего возмужанья — мы поняли это и не роптали. Мы устремляли взгляд в глубь тысячелетий и порой бледнели от ужаса или божественного счастья, но не из страха перед бурями, что крестятся молниями, или перед смертью, а от изумления таинственностью нашей жизни; так тяжело больные в ужасе смотрят на отраженье в зеркале и видят в чертах своего лица следы молний пылающего духа. Жаркие дни мостили нам дорогу, укладываясь на ночь под звёздный балдахин, и каждая жизнь погружалась в молчание смерти. Поцелуи родителей наших будили нас, как утренний щебет птиц, и каждый из нас, вновь рождаясь, ощущал на губах аромат, как дитя, что вкушает сладость забвенья — душистую клубнику, созревшую в садах материнской утробы.

Кто родители наши?

За всё благодарю, Таинственный!
За влечение к сестре-женщине, пылавшей красотою;
за тайны её тела — облаков, пронизанных светом,
за утреннюю зарю её румянца
и ароматы июньских ночей,
за волны груди и бёдер
и нежную душу, тоскующую, как и наша,
и обманутую, как и наша.

За лихорадочные часы вдохновенья,
за творческий экстаз, когда душа
вспоминает о своём княжеском происхождении,
за бессонные ночи над бурлящей стихией,
что должна отлиться в вечную форму,
за часы, когда мы глядели в глаза смерти,
как жнец смотрит на солнце, чтоб шире был взмах косы,
пока ещё не наступили вечерние сумерки.
Было счастьем учиться языку братьев,
и счастьем было забыть боль, причинённую нам словами,
полными ненависти, и с улыбкой вернуться к братьям.
Никто не расстался с нами чересчур опечаленный.
Ни разу не отвергли мы боязливой улыбки, шёпотом просящей о примирении.

Полпути за нами. И, быть может, мы ближе к родному дому,
чем кажется нашему сердцу.
И любовь к нам пришла... поздно.
Но можно ли в этом кого-то винить?

Последний дар Ты дал нашей боли —
своё молчанье. Все голоса оно погребло: переключку с двух берегов,
режущий слух вскрик женщины,
раздавленной любовью,
приказы лоцмана во время шторма
и ночной голос сомнений, когда звёзды сверкают,
как зубы смеющегося безумца.
И единственной истиной кажется
небытие.

Сейчас всё в нас молчит.
Всё с благодарностью принимаю:

страдания народов, боль одинокого победителя песен,
тоску животных, меланхолию цветов,
всё в себе заключает тайну и ведёт к счастью,
к безграничному счастью, для которого нет слов в языке нашем,
ибо человек — дитя боли
и язык — инструмент боли.

Всё молчит.
Каждый из нас одинок. Ибо к смерти
каждый из нас приближается в одиночку,
и напрасны слёзы любимых глаз,
напрасны прикосновенья горячих губ
к рукам холодеющим...
уходящий всегда один, один...

За всё благодарю!

Возвращение

Как нам знакомы лесов глубины, где пьют из потоков лани
и где ячменника запах как сладковатая мгла,
где папоротника ладони скрывают источник тайный,
вот выглянула из тумана
луна, как опал, кругла,
в ряске лесные озёра, солнечные поляны
в кустиках земляники — алые поцелуи
в травах любовь зажгла.

Над зеленью виноградников вновь небеса синеют,
слышен шелест колосьев, мельниц гул возле поющих вод,
тополя, словно странники, бредут по тихим аллеям.
В саду — птичьи гнёзда, а за окном — огород...
Братьев мы повстречали,
по родимым пятнам узнали,
в улыбках детей девичью красоту матерей разглядели,
пращуров наших род.

На землю вернулись из облаков,
расцеловали женщин и стариков,
в стуче сердца слышали эхо тысяч сердец,
отзвук наших шагов в глубинах веков.

Как нам знакомы ведущая к дому дорога,
города голубые, очертания гор,
мы шли так долго и вот стоим у порога.
Взгляд легко обнимает родимый простор.

Мы домой возвращаемся издалёка,
по чужим краям мы блуждали века,
у чужих костров по ночам согревались,
голоса пророков расслышать старались.
Путь по звёздам искали досель.
С победителем — пели. С побеждённым — страдали.
Города и храмы вновь и вновь воздвигали.
Открыватели новых земель.

Мечта о сверхчеловеке

I. Много говорят о величии одиноких людей; возникла мечта о сверхчеловеке, который, как одинокий орёл, обитает в ледяных высотах духа. Но всё это напрасно; такое бегство из дружины работающих людей есть высочайшая мука творческого духа. Всякая жизнь, отклоняющаяся от закона любви, преследуется болью. Всё человеческое развитие, все виды искусства, все науки имеют единственный смысл: выйти из этого одиночества и создать связь между человеческими душами, связь, достигающую глубин, которые вызывают у современного человека головокружение и страх. Народам Запада уже ничем нельзя помочь; их творческая жажда неукротима, вырастут города, металлургические заводы, лаборатории, цеха, дабы человечество убедилось, что на этом пути, где всё усиливающаяся деятельность порождает всё усиливающуюся жажду могущества, наслаждения, власти, — на этом пути нет счастья. И, как в минувшие времена, создаётся впечатление, что скрытые прибежища глубинной жизни заключены в сердцах женщин, верующих и любящих, и в сердцах детей.

II. Но дух, полностью объявивший все пределы познания, даже если бы он понял закон и отдался его сияющему опьянению, неизбежно переживает минуты, когда он, поднимаясь, страдает и должен страдать. Ибо наше зрение обрело интенсивность, какой раньше не имело. И все наши органы чувств непрерывно утончаются. Предметы повседневного обихода, материи, в которые мы одеваемся, и хлеб, который мы едим, были созданы с болью, и что-то от её таинственного излучения запало в наши души. Кто будет строить, созидать, обрабатывать землю, бороться с животными, с безумием, со смертью в царстве сверхчеловека? Наше счастье связано со счастьем всех людей. Пока нам с любовью не будет дано то, что мы получаем от других людей, мы не испытаем всей полноты жизни. Но нам ничего не будет дано с любовью, пока все люди вокруг нас не ощутят глубокое братство душ и жизнь каждого человека и всех существ не будет восприниматься в своём мистическом единстве.

III. Истинное восхищение великими людьми возникает у нас потому, что они жили не для себя, а для всех остальных. До сих пор это сообщество любви проявляло себя лишь в сфере искусства, науки, общественной организации, борьбы человека с природой. Но настанет и должна настать эпоха, когда это единство будет ощущаться в любой человеческой деятельности, и то, что не-

когда совершали верующие во имя Бога, теперь все будут совершать во имя человека. Отёсывать стволы, добывать камень, строить дома, выращивать цветы, приводить в порядок дороги люди будут, как бы совершая религиозный обряд, который один человек соблюдает из любви к другому. Творением, с помощью которого человек может служить человеку, станет и тело. И его совершенство, гармония, красота, способность к наивысшим достижениям, обострение всех чувств станет религиозной обязанностью.

IV. Всё это неосознанно дремлет в душах людей. Тщетно безумцы восстанавливают друг против друга народы. Новая земля без границ, новый язык, рождающийся из ощущения, что все языки земли суть слова единого языка, творятся в глубинах человеческих душ. И указателем пути к высшей, более интенсивной жизни, целиком посвящённой служению возлюбленному, является любящая женщина, существо поразительное, устрашающее отвагой, с которой она, преисполненная любви, преодолевает всю накопленную веками ложь. В пору любовной весны для неё нет ни одной вещи, не освящённой памятью о любимом. Она дышит, радуется солнцу, цветам, неге закатов, испытывает чувство наслаждения только в единстве с любимым и в глубине своего существа относится ко всему столь же непосредственно и новаторски, как величайший художник.

Не лишено глубоких причин то обстоятельство, что современное человечество в лице своих учёных так тесно связывает себя с братством животных; оно принадлежит к нему законом борьбы за существование, который его гипнотизировал и которым оно оправдывает любое коварство и любую жестокость. Но звериный закон не тождествен закону человеческому; животное, подчиняясь своему закону, испытывает счастье, о котором мы не имеем никакого понятия; оно достигает единения с Божеством, потрясающей полноты переживания текущего мгновения, которое иные мыслители — и не без основания — сравнивают с экстазом мистиков. Но человек, подчиняясь звериному закону, страдает; он не может раствориться в настоящем, вычеркнуть из своей жизни прошлое и будущее; у человека свой закон, лишь первые буквы которого он научился читать ценой тысячелетних страданий. И научили его этому великие люди, в которых мудрость и опыт целого племени, созрев, превратились в любовь. Для современного человека этот закон столь поразителен и непонятен, что следование ему кажется равнозначным смерти. У современного человека нет достаточно развитых органов чувств для восприятия мысли, которая, подобно молнии, карает неподготовленное существо смертью или безумием. И хотя история человечества представляет собой книгу описания безумств, преступлений и невежества, тогда как жизни, являвшиеся примером подлинного величия, прошли в молчании и не оставили

следов, всё же создаётся впечатление, что в те времена, когда люди верили в Бога, они были ближе к собственному счастью, чем в нашу бурную эпоху гигантских проектов, закладки великолепных фундаментов новых, потрясающих весь земной шар строек, на которые высшие духи космоса смотрят с изумлением и надеждами, невыразимыми человеческими словами.

Впрочем, наша земля не место достижения цели, а лишь путь к её осуществлению. Это корабль, как и все миры вселенной. Но и с корабля может доноситься пение путников или звон цепей. Было бы тщетным отрицать, что ныне дух на земле страдает и если бы можно было сосчитать и взвесить радость и боль всех народов земли, всех материков Старого и Нового света, человек, любящий людей, невольно бы погрустнул.

Дополнения

Отокар Бржезина о своём творчестве

Из письма Франтишеку Бауэру¹. Нова Ржише, 21 мая 1893 г.

Повторяю: я спокоен и чист. Потому что вижу минувшие годы, как сквозь стеклянную призму. Я грустен. Потому что я поэт и во флаконе моих слов заключён аромат жизни. Он был туда налит раньше, чем я родился. Оптимизм — атрибут поверхностных и мелких душ. Я сын современной эпохи, *fin de siècle*², если хочешь; но я один из тех, кто способен заплакать, захваченный спазмою вдохновения.

Я вращаю собственную жизнь в своих пальцах, как резчик по стеклу. Я отыскиваю острую грань и вкладываю её, как алмаз в резец.

Я ничего не жду от жизни, потому что моя жизнь мне не принадлежит.

Она принадлежит искусству, чьим несовершенным медиумом я являюсь.

Бессмысленно навязывать мне рецепт, рекомендующий стать поэтом действия. Я поэт света, звуков и таинственной жизни, которая дышит на нас из предметов внешнего мира. Поэт теней и смерти. Я не хочу сплестать из своих стихов кнут, дабы пробуждать им спящих буржуа.

Аплодисменты толпы меня не интересуют.

Я пишу для людей своего края: людей такой же душевной конструкции, как моя собственная. Для меня довольно нескольких читателей, таких, как ты.

Я страдаю, потому что стиснут колодами тяжкого ремесла, к которому не был предназначен; потому что живу в условиях, которые ломают мои крылья; потому что изнываю от жажды в одиночестве; потому что знаю, что не разорву тяжёлого железного кольца, которым прикован к необходимости; потому что веду непрерывную, отчаянную борьбу со своей мыслью, этим, как сказал Теофиль Готье, Протеем, который облекается в тысячу форм, всегда свежий, сильный, коварный, стремящийся вырваться из плена. А главное, потому, что всеми предпосылками суждений, всеми компонентами снов, разочарований, повседневного опыта я вынужден, обязан выводить единственное заключение, создавать единственный итог, который составляет моё индивидуальное и художественное кредо.

¹ Бауэр, Франтишек (1870–1954) — ближайший друг молодости О. Бржезины, его однокашник по реальной гимназии в г. Тельчь, начинающий композитор, впоследствии педагог.

² конца века (*фр.*).

Из письма Франтишеку Бауэру. Нова Ржише, октябрь 1895 г.

Ты пишешь мне о моей книге <...> Как она была принята, ты, несомненно, знаешь; для меня судьба её окончательно ясна; и к любой дискуссии в обществе, которая ещё может быть, я более или менее безразличен. Те, чьё суждение для меня что-то значило (как суждение родственных талантов, обострённое объективностью, с какой мы смотрим на чужое произведение), высказались, а остальную критику я не считаю достаточно компетентной. И вопреки тому, что моя книга представляется мне сейчас преодолённой позицией, частью сада, через который я прошёл и куда уже никогда не вернусь, я открыто и гордо принимаю на себя ответственность за неё (несмотря на тоску и усталость, которые затуманили не одно счастливое вдохновение); я всё же реализовал в ней с определённой категоричностью то главное в своей мечте, что озаряет её перспективы, придаёт им известную глубину и интересность. Вторая моя книга будет, надеюсь, более динамичной и яркой, широкой и глубокой. Если буду жив, я дойду туда, куда хочу и должен прийти. Если бы мне даже пришлось заплатить за это жизнью, дойду. Никогда раньше я не видел свой путь так ясно, как сейчас. Какое проклятье, друг мой! И какое наслаждение!

Из письма Сигизмунду Боушке¹. Нова Ржише, 26 марта 1896 г.

Я всегда мечтал о таких читателях, как Вы. Читателях с душой, богатой собственным богатством, которым моя песнь показывает это богатство, вводит в их собственную сокровищницу, освещает их собственные пути. Читателях с музыкальной творческой душой, которые воспримут от меня основной тон и сами, собственными силами, собственным вдохновением и импровизационной изобретательностью придут в музыкальный экстаз. Читателях, которые поймут, что художественными образами закрыты окна, обращённые вдаль, и дальше всех видит тот, у кого самое сильное зрение. Читателях, которым не покажется утомительной необходимостью вглядываться в мои туманы и ждать, когда лучи вдохновения обрушатся на них огненным дождём и покажут им великолепие ландшафтов, скрытых под этими туманами: их ландшафтов — под моими туманами. Меня не удовлетворяет то, что обычно говорят о художнике: он поёт только сам о себе. Для меня художник творящий без художника воспринимающего и тоже творящего ничего не значит. Это латентная, потенциальная энергия, которая ещё не зазвучала. Согласно моей поэтике, художественное произведение в таком виде, в каком оно выходит из рук автора, ещё не завершено. Не готово. Его создают целые поколения, сот-

ни мозгов трудятся над ним. Художественное творение не заключено в книге, содержащей лишь несколько основных его фраз, лишь его видимое начало, ибо продолжение, вся драма его жизни, его перипетии, кризисы и катастрофы уже невидимы, разыгрываются в душах. Когда художественное произведение готово, оно умирает. Последний его выкрик — вздох умирающего. Но смерть его безболезненна, поскольку она дала жизнь новому искусству, более яркому и глубокому. Почему я об этом распространяюсь? Чтобы подготовить заключение: я считаю, что миссия художника управляема высшей Волей и в высшей мере ответственна.

¹ Сигизмунд Людвик Боушка (1867–1942) — католический священник, поэт, критик, ведущий деятель литературного движения «Католическая модерна».

Из письма Яну Ворелу¹. Нова Ржише, начало апреля 1896 г.

Увы, нас сдерживает бедность, из которой мы вышли и которая учит нас насильственно закрывать глаза перед сложным богатством жизни и мысли; более сильным и счастливым всё это само предлагает себя для художественного воссоздания. Мы не умеем полностью напрячь свои силы, излить душу, заставить её бить во все колокола. Мы находимся в рабстве заработка, который, например у меня, никак не связан с нашей миссией и отнимает нашу самую полнокровную энергию. А по прошествии нескольких лет это даёт себя почувствовать. У меня, например, от этого страдает тело, и из подорванного недомоганием организма и душа сияет в приглушённых тонах. Но жалоба — это также отговорка слабых. А критика во многом права. И наконец: кто знает, с какой целью Наивысшая Воля ведёт наши души дорогами боли? И мечты, рождающиеся в бессонные ночи, тоже обогащают жизнь. (Тема, которую я развиваю в последних своих стихах и которая, подобно педалированным аккордам в музыке, лежит в основе моей новой книги «Рассвет на западе».) Ибо и я, верящий в объединяющую силу грёз, люблю жизнь, жизнь вообще, в её грандиозном потоке, пусть мою душу он захлестывает кошмарной остротой боли от всего ныне сущего, приземлённого, ограниченного, но в действительности, в трансцендентном понимании, она брызжет великолепием, вспышками ужаса, одурманивающими наши жалкие органы чувств: наши жалкие органы чувств, способные к восприятию всего лишь несколькими формами познания, тогда как этих форм существует великое множество. Я ненавижу любую науку, которая не хочет ничего видеть за пределами нашего ограниченного познания. Я прекрасно знаю, что состояния, которые нельзя зафиксировать обычным научным методом, очевидным как догма, для всех, кто способен к научному описанию, просто не существуют; но вопреки этому мы

приближаемся к ним при благоприятных неврологических предпосылках с помощью неопределённого притяжения, предчувствия, сна, которые совершенно естественно (из-за ограниченности нашего познания), в свою очередь, превращают их в образы, живописуемые земными красками, абстрагированные из земных, материальных отношений. И чем глубже наше познание внешнего мира, тем лучше мы познаем себя. Наука, которая раскроет загадку вещей, поймёт и тайну внутреннего мира. Внешнее и внутреннее существует только для нашего несовершенного познания, вынужденного смотреть через окна пространства и времени, если оно вообще способно видеть. Я люблю думать о будущем науки; я вижу в ней грядущее тропическое великолепие грёз. Историк природы и историк души принадлежат к одному семейству духовных сознаний: естествоиспытатель и поэт-жрец. Различаются они лишь методом. Художественное использование этой философской почвы, как всякое художественное решение, зависит, например, от крови, нервов, наследственных предпосылок художника. На этом покоится качество художественного труда: всё дело в том, как. (Здесь в своём истолковании я всякий раз вынужден умолкнуть; при всём своём старании я некомпетентен; не проник в собственный творческий процесс так глубоко, как бы мне этого хотелось.) Но одно уже сейчас считаю несомненным: в этих вещах, то есть в тех, о которых я говорил ранее, мне ясно, что я вижу то, что не вижу, ощущаю то, что ощущать не осмеливаюсь, грежу, и тут целая шкала от галлюцинаций до экстаза; но важно делать выводы, доводить перспективу всех жизненных проблем до этой бесконечно отдалённой точки: здесь наступает борьба, чередование света и тьмы, упорные попытки сформулировать результаты нового познания, боль разочарования, и всё это сильно окрашено кровью, физическими состояниями, последствиями давних страданий, происходит хаотическое столкновение невидимых потоков, мгновенных впечатлений, которое я в своей терминологии называю таинством созревания. (Этот термин применим и к жизни человечества.) Возможно, ты заметил, что отголоски моей работы то тут, то там звучат в самой молодой нашей поэзии. Но ни у кого я не вижу проникновения в моё творчество. Восприняли лишь форму. Однако я не хочу быть неясным: сумбур свидетельствует о моей ошибке. Но самыми ясными в художественной работе я считаю те места, которые допускают целый ряд правильных, причинно взаимосвязанных истолкований; художественная правда (самая совершенная из человеческих правд) — это единица измерения, применимая во всех областях познания; это вершина, с которой дальше всех видит тот, у кого самое лучшее зрение, — но и близорукий должен с неё видеть широкие горизонты.

¹ Ян Ворел (1869–1925) — одноклассник О. Бржезины по гимназии в Тельчи, в молодости выступал как критик, впоследствии экономист и журналист.

Из письма Анне Паммровой. Нова Ржише, 17 апреля 1896 г.

Природа! Я бы никогда не кончил этого письма, если бы захотел высказать всё, что во мне вызывают утасаживающие звуки эха этого понятия... сегодня! Целый водопад слов, картин, символов, предчувствий! Какая это боль — пробуждаться так долго! Но какое это наслаждение — познавать в полумраке! Не находимся ли в изображении ландшафта и мы, если смотреть на нас в таинственном духовном освещении? Не является ли загадка природы высказанной в красках и звуках правдой, дремлющей в нас и ожидающей воскрешения? Не заключено ли в грусти её настроений высшее познание смерти? И какой предрассудок: смерть! Существует ли действительно смерть? Смерти нет, но на нас лежит проклятье, ибо в нас нет и жизни, жизнь (не животное прозябание — повторяю: жизнь) приходит к нам лишь в отдельные возвышенные мгновения молниеносным озарением глубин, пронзительным предощущением далей, тем сиянием, которое придаёт боли заслуги святости и которое освящает радость (чтобы она стала доступной человеку). Как по-иному выглядят вещи, когда мы оцениваем их с этой стороны! И сколько больших благоухающих цветов упадёт с этих ветвей на газоны искусства! Ах, что я испытываю, думая о том, сколько великолепных стихов ещё не написано, написать которые мне не хватит сил. Ибо природа хочет говорить посредством человека. И мысль, опьянённая светом, хочет в нём ликовать! Пережить все мечтания, всё высказать, всё выстрадать; разве жизнь это нечто иное? Не является ли боль частью грёзы и не граничит ли она с радостью? Не более ли сладка боль, чем радость? Не видим ли мы самые яркие сны в бессонные ночи? Я провозглашаю священную миссию боли — инструмента высшей Экономии. Вы хотите знать мой нынешний художественный идеал? Вот он. Поэт, каким я его вижу в своих мечтах, — исповедник душ, не способный отказать в прощении страдающему. Не банальное сочувствие, не буржуазная филантропия, не скука кокетливой позы или импотентность слабосильного, а энергичное стремление помочь людям поднять склонённые головы и обратить их к вершинам. И на самых закоренелых в грехе детей земли ниспослать подобные пению арфы благовонные дожди красоты, этого самого удивительного таинства, которое, вездесущее и зримое, пронизывает по приказу Наивысшей Воли космос вещей и душ.

Какой слабой представляется мне моя вторая книга по сравнению с этими жгучими и мгновенными иллюзиями! Ещё слишком много сумеречного в моей душе и в моей жизни, чтобы я смог воспеть победный гимн во славу Его. А сумрак в душе — это кара за неведомую вину. Таинственная рука заслонила свет. На всей земле много сумрака. В жизни всех людей.

Жить иначе. *Noch einmal*¹, как сказал Ницше, один из великих отрицателей любви, что отвратило от него мою душу.

Не знаю, что Вы скажете по поводу этих туманных силуэтов бессвязных мыслей, которые я импровизирую, счастливый тем, что могу сообщить их Вам раньше, чем в Ваших руках окажется моя вторая книга. Они ключ к ней.

Объяснение доминантных её аккордов. Оправдание её боли.

¹ Ещё раз (*нем.*).

Из письма Карелу Досталу-Лутинову¹. Нова Ржише, 24 апреля 1896 г.

Итак, «Рассвет на западе»? <...>

«День сиянием затмевает дали, ночь темнотой зажигает выси». Картина: солнце заслоняет интенсивностью своего света звёздные пропасти неба, одно только наше зрение не знало бы о бесконечных пропастях вселенной, если бы не было ночи, которая расширяет, углубляет выси, показывает звёзды, днём затопленные синевою.

Истолкование: день — жизнь, солнечное сияние — палящая, изнуряющая неуверенность земного познания, кажущегося столь ясным и всё же скрывающего от нас целые миры. Ночь — высшее сияние иной жизни. <...>

«Ты низверг таинством» в предложении «Под тенями, которые ты на земную мысль низверг таинством»: «ты» — обращение к Всевышнему.

«Как в тоске переданный дыханьем сигнал, который душат стены из металла, земная грёза во славу Твою разольётся над волнами ликующими». В тоске переданный дыханьем сигнал, который душат стены из металла, — дыхание земной жизни в мысли, с отдельными волнами сознания, которое отбрасывает от себя, душит, стискивает материя тела и которое проходит через тоску и боль, обретая в столкновении волн своё звучанье (раскрытие моральных качеств, созревание души). «Во славу Твою» (то есть во славу Вечного) разольётся волнами ликующими (от высвобождения из инструмента, от радости обретения и проявления музыки).

¹ Карел Достал-Лутинов (1871–1923) — католический священник, поэт, публицист, видный деятель литературного движения «Католическая модерна».

Из письма Сигизмунду Боушке. Нова Ржише, 13 мая 1896 г.

Годы я потратил на изучение немецкой философии с упорством, которое сегодня не могу объяснить, и, пожалуй, с минимальной пользой, исключая Шопенгауэра и Фихте, которых я в себе уже во многом заставил молчать, но которые, прежде всего Шопенгауэр, повлияли на формирование моих взгля-

дов на искусство. Однако ныне я уже иду в другом направлении и на более светлые места. Моя третья книга, уже готовая в своих главных идейных контурах, будет лучше второй, или её не будет вовсе.

Из письма Анне Паммровой. Нова Ржише, 25 июня 1896 г.

Старые эпические формы, широкие композиции в наше время стали почти мёртвыми. Повсеместно требуется интуитивное высвечивание скрытых душевных побуждений. Мы теперь лишь улыбнёмся, читая великих мастеров от Теофиля Готье до Флобера и Леконта де Лиля (разумеется, наследие мастеров не гибнет вместе со смертью их теорий; их могучие души говорят из их произведений вопреки теориям), которые почитали красоту за что-то внешнее, само собой данное и верили, что художник может овладеть ею, как бы выйдя из себя, может запечатлеть явления с объективной бесстрастностью. Нет, как я уже сказал выше: природа — наше творение; и красота её создана нами. Натурализм и реализм, исходившие из опыта художественного поколения шестидесятих годов, сейчас полностью изжиты начинающейся эрой ренессанса души. Всё эпическое в старом смысле для современного человека неинтересно; величайшие жизненные драмы разыгрываются в гробовой тишине. На дне души. («В тишайший час», как говорит Ницше.) Где вы найдёте лучшую, более подходящую форму для постижения этих полусознательных, таинственным светом Неведомого озаряемых глубин, в которых зарождается трагическое настоящее и радостное будущее, чем в спонтанном пафосе лирического стиха? Или для тех тончайших дыханий настроения, где материальное путём таинственных взаимосвязей переходит в психическое? Новая душа — новая форма. Размышляя о моей работе, не забывайте про музыку! Она определяет течение глубинных волн мысли, и на её поверхности отражаются все помрачнения моей лазури. Это интегрирующий компонент моего творчества, своим звуковым воздействием она проясняет мою мысль и говорит, когда мысль на это уже не способна.

Из письма Зенону Пшесмыцкому-Мириаму¹. Нова Ржише, 4 июля 1896 г.

Вы любезно задали в своём столь милом письме несколько вопросов, касающихся моих занятий и моих художественных стремлений. Итак, я позволяю себе написать Вам об этом несколько строчек. При этом я должен с самого начала признаться, что в моём провинциальном одиночестве и при моих скромных средствах я не всегда мог в этих занятиях полностью осуществить задуманное.

Несколько лет я потратил на изучение немецкой философской литературы. Шопенгауэр проник в самое моё существо, Фихте меня заинтересовал. В монастырской библиотеке (в Нове Ржише находится монастырь премонстрантов) я ознакомился с античными классиками во французских и немецких переводах. С восторгом я читал божественного Платона. И многих других старых авторов. Одновременно я изучал доступные мне произведения французских и английских писателей. Меня потряс Бодлер. Захватил Малларме в своих первых опусах, где сквозь великолепие его ритмической музыки и чудесную утончённость художественных средств проникает свет иной, высшей, едва предчувствуемой красоты. Верлена я знаю по его избранному в «*Choix de poésies*»². Метерлинка — по переводам, появившимся то тут, то там; он одурманил меня лилейной чистотой и неземной тоской мысли в драматических произведениях и глубиной и богатством магических перспектив, что я вижу мало у кого из прославленных современников. Из английских поэтов меня заинтересовал Шелли в эфирно-тонких стихах, похожих на пронизанные лунным светом облака, которые уносят волны приглушённой музыки ночами, более богатыми звёздами, чем наши: «*Eripyschidion*», «*Adonais*», «*The Sensitive Plant*», «*Prometheus Unbound*», «*Miscellaneous Poems*»...³ Потом По и Китс в «Эндимионе». Из молодых немцев я лучше всего знаю Пшибышевского («*Vigilien*», «*De profundis*»⁴ и особенно его прекрасные литературные эссе). Какое-то время у меня гудело в голове от «Заратустры» Ницше. В иную пору от Жозефена Пелладана (в целом я его творчество, к сожалению, не знаю). Потом французские романы разных школ; русские, из которых я люблю Достоевского. И из Вашей литературы я многое читал в оригинале. В немецких и французских переводах мне попали в руки некоторые произведения скандинавских литератур. Я любил читать Библию. В монастырской библиотеке мне представилась возможность ознакомиться с некоторыми произведениями религиозного содержания. Прибавьте к этому все главные произведения нашей чешской литературы и немецкой классики, и Вы получите представление о моей начитанности.

Пробелы в ней, о которых я уже упоминал выше, вызваны неблагоприятными условиями, в которых я живу. Журналистика мне претит, частной собственности я никогда не имел, литература у нас не кормит — и вот я стал (после выпускных экзаменов в реальной гимназии) учителем. Это профессия, к которой я не гоюсь и которая меня, к сожалению, выматывает.

Но иногда мне всё же удаётся урвать более светлый денёк для занятий и грёз.

А к чему я стремлюсь в искусстве? Я верю, что человеческой душе предназначено раскрыться во всей своей сверхъестественной красоте. В этом я вижу смысл истории и всей эволюции мысли. Способствовать созданию утончённого и глубокого искусства, которое бы каждой строчкой давало почувствовать

связь человеческой души с космосом, заставляло испытать головокружение от её таинственных глубин, ощутить истину, которая дремлет, спрятанная в могучих потенциях души, и столетиями ждёт своего пробуждения, сделать это искусство способным говорить музыкой, передающей состояния, что неподвластны слову, и отзывающейся в душе эхом мыслей, вдохнуть в искусство любовь к Таинственному, пронизывающую боль, превращая её в инструмент высшей Экономии, и передать свой восторг братским душам — вот о чём я грежу в самых смелых своих мечтах и мыслях. Как и Вы, я верю в приход Святых, в чьём лице великолепнейшим светом озарится жизнь земли.

¹ Зенон Пшесмыцкий-Мириам (1861–1944) — польский поэт, критик, переводчик.

² «Собрание стихотворений» (*фр.*).

³ «Эпипсихидион», «Адонаис», «Мимоза стыдливая», «Освобождённый Прометей», «Разные стихотворения» (*англ.*).

⁴ «Вигилии» (*нем.*), «Из глубины» (*лат.*).

Из письма Сигизмунду Боушке. Нова Ржише, вероятно, 2-я половина июня 1896 г.

В первую очередь несколько слов о «Рассвете на западе». Они адресованы исключительно Вам; с общественностью я говорю стихом и образами.

Два потока мыслей создают основу моего труда: отношение человеческой души к вечной тайне и убеждение в мистическом назначении боли как инструмента высшей Экономии. Первый поток отражается почти во всех произведениях моей книги: «Пролог»¹, «Секунды», «Утренняя молитва», «Зачем ты лицо от света, о Слабая, отвратила?», «Псалом», «Властители грёз». Второй — особенно в стихотворениях «Таинство боли», «Подобная ночи» и в некоторых других.

По воле Всевышнего душа проходит болезненной грёзой земной жизни («Слышу в душе», «Предчувствия»).

Бессмертная и борющаяся, она *зреет* для высших целей («таинственное лето»), которые частью находятся на этой земле («Миф души», «Вино сильных», «Утренняя молитва»), частью вне видимого нами мира («Пролог», «Миф души», «Таинство боли», «Рассвет на западе», «Предчувствия»).

Цели, находящиеся вне нашего мира, запредельны для нашего познания, которое задыхается, когда не может дышать временем и пространством («Властители грёз», «Победная песнь»).

Мы предчувствуем их только в молниеносных мгновениях познания, обострённого экстазом и грёзой («Рассвет на западе»).

Принадлежа по своему происхождению к иному миру, чем наш, душа способна сосредоточить в себе лучи прошлого и будущего. (Не могу подробнее

написать об этом пункте; поспешность, с которой я набрасываю на бумаге свои заметки, сделала бы этот абзац невразумительным. Уж я себя знаю.)

Великолепнейший цветок, к которому устремлена земная жизнь, — это проявление души в её сверхъестественной красоте («Вино сильных»). Отсюда столетия борьбы, боли, жизни страдающих, ищущих и святых. Святых прошлого и будущего. Тех, чьи души с наивысшей возможной на земле свободой загораются чудесным прояснением сознания, взрывом любви, ангельской чистотой и могуществом воли, подчиняющей своему таинственному влиянию вещи и силы. Они высочайшая победа жизни на земле.

Последние темы в «Рассвете» лишь намечены. Они служат исходной точкой нового цикла, который я открыл до сих пор не опубликованным стихотворением «Королева надежд». Не знаю, хватит ли у меня сил его завершить.

Остальные номера «Рассвета» — это стихи тоскливых дней с горизонтами, затянутыми облаками и клубящимся туманом. Сгустки тоски, озарённой верой в иной, более высокий свет, чем болезненный земной. Песни моей странной жизни, подавленной, невесёлой, текущей с предательски утомительной монотонностью, — песни погубленных земных надежд. <...>

О художественной стороне моего произведения мне Вам писать не нужно. Метод моего творчества Вам в достаточной мере известен. Если я невольно не заблуждаюсь, то думаю, что некоторые его черты я создал сам.

Повторяю, что в гармонизации и голосоведении моей композиции я полагаюсь на читателя. Я стараюсь писать так, чтобы стихи можно было несколько раз перечитывать. И если уж говорить о моём художественном честолюбии, скажу, что мечтаю лишь о том, чтобы стать душевным другом нескольких братских душ. Разделить с ними головокружительный, пронзающий меня молнией восторг тех редких, чистых минут, когда всё ранее казавшееся замутнённым и сумбурным вдруг становится ясным и прозрачным, когда ощущаешь правду. Быть для них приветливой, успокоительной грустной улыбкой в моменты боли. Но кто из нас, художников, мечтает об иной славе?

¹ Имеется в виду стихотворение «Все в утренней росе...».

Из письма Анне Паммровой. Нова Ржише, 15 ноября 1896 г.

Я не утверждаю, что изучение некоторых произведений античных литератур и мистических средневековых сочинений, с которыми мне довелось познакомиться в здешнем монастыре, не оставило следа в моей душе; но моя мистика исходит из результатов современных точных наук, и её долго привлекали гордые идеалистические перспективы школы Канта. Я не скрывал от Б.¹, что моё творчество независимо от догматов и касается лишь *эзотерического* фундамента ре-

лигии и *ничего более*. Верующим в *его* понимании я не являюсь. Понятие Вечного и Высочайшего, фигурирующее в моих стихах, является символом вечной Тайны, невидимого солнца, лучи которого пронизывают все миры и души, последней причины всех причин, загадочной улыбки, свойственной всякой красоте и любой боли; символом жгучего закона незримого мира, из которого видимый свет исходит в преломлённом цветными гранями виде; символом Сердца, которое бьётся во всех сердцах; символом костра, только сильнее разгорающегося от всего, что было в душах и что он пожрал; символом Любви, которая вызывает головокружение у экзальтированных душ и открывает им все возможности жизни и мечты. Вечный находится вне несовершенного познания этого мира. Мы приближаемся к нему предчувствием, и мы проникнуты им во всех частях своего существа. Подобно молниям, он пролетает сквозь души. Он осуществляет чудесное единство прошлого, настоящего и будущего, которое мы, несовершенные, ограниченные временем и пространством, воспринимаем в виде параллельных рядов развития и созревания. Но на самом деле вокруг нас всё иное, погружённое в ночь, для нашего света смертельное, прекрасное и страшное. Человеческая наука нас скорее уводит от этой тяжкой, озаряемой всполохами истины. Нигде печаль и слабость нашей жизни не проявляется так отчётливо, как в науке. По-моему, стало благодеянием для мыслящих душ то, что именно идеалистическая философия подорвала безумные надежды науки, предполагавшей, что сможет всё до конца объяснить и до дна зондировать, всё связать логической цепью, всё охватить в едином прозрачном синтезе. Единственный путь, по которому мы приближаемся к жгучему ядру жизни, сокрыт в глубинах нашей души. Она сама говорит с нами тяжкими символами боли, любви и красоты. Она нас ведёт по лабиринту предчувствий и грёз. Она обволакивает себя вещами внешнего мира и создаёт образ, меняющийся каждое мгновение, обеспокоенный каждым лучом, который вырывается из наших собственных внутренних источников света; образ, темнеющий в наших сумерках, углубляющий пространство наших ночей, всегда иной и всегда загадочный, жуткий, торжествующий, ликующий, меланхолично музыкальный. Наука обогащает нашу художественную экспрессию, предоставляет нам словарь точных выражений, более тонкие взаимоотношения, обращает наше внимание на новые области, озарённые дневным светом. Но мы видим столько, сколько способны видеть. Мы узнаём лишь то, что уже знали из великолепных предчувствий Платона в «Федоне». Наша жизнь преходяща, и цель вне её.

Если я сказал: мистика, основанная на изучении точных наук, я коснулся только её внешней, образной механики; в сущности, всякое мистическое воззрение на мир — это нечто единое, одинаковое на протяжении столетий, отличающееся лишь отчётливостью видения, красками стиля, мифологией.

¹ Сигизмунд Боушка.

Из письма Анне Паммровой. Нова Ржише, 2 апреля 1897 г.

Мне предлагают выпустить второе издание «Таинственных далей» и «Рассвета на западе», поскольку прежний запас полностью разобран: да мы много и не печатали. Но к осени наверняка издам книгу вольно рифмованных стихов; самые сильные её произведения, которые должны придать ей новую окраску, соответствующую последней эволюции моей мысли, до сих пор не написаны. Мои песни, как птицы, ждут зелени и солнца <...>

Из письма Зенону Шшесмыщкому-Мириаму. Нова Ржише, 24 декабря 1897 г.

Всё, что Вы написали мне о моей последней книге, о неуверенности её формы, о далях, к которым я с тоской обращаю свой взгляд, всё было настолько родственно моей душе, звучало с такой знакомой, тысячекратно услышанной в её глубинах интонацией, словно я написал Ваше письмо сам, ночью, в сомнамбулическом сне, и нашёл его на своём столе утром, поражённый этой загадкой. Не вызывает сомнений, что монотонная форма некоторых моих композиций третьей книги себя изжила и не способна к дальнейшей эволюции; как болезненно я это ощущал! Самые длинные стихотворения «Ветров с полюсов» (например, «Полуденное созревание» и «Любовь») я хотел опустить только по этой причине, но мне было жаль некоторых столь дорогих для меня мыслей, которые я, как мне казалось, в более ясных стихах то тут, то там всё же выразил с достаточной силой. А потом я сказал себе, что всё уйдёт в прошлое, только слова Вечного Слова не будут преданы забвению, и придут новые души с иными, более тонкими ритмическими и звуковыми запросами, и речь сама зазвучит на иных волнах, единая мысль будет говорить душам о вечном беспокойстве и о вечной жажде, одинаковая и неизменная в веках.

Вернуться к форме «Таинственных далей» я сейчас не могу. Правильный стих старой поэтики для меня мёртв. Все цветы моей песни падают в него, как в воду известняковых источников, которая покрывает их окаменелой корой. Я мечтаю о новых формах, лёгких и безудержных, как речь тысяч языков пламени и как пафос горных ветров. Не подходит ли лучше всего аскетическое одеяние свободного стиха мыслям аскетической души? Стихи влачащиеся, как верующие в грубых власяницах, подпоясанные верёвками, с кожей, натёртой до крови складками тяжкого облачения? А для минут экстаза — широкий поток библейского псалма? Впрочем, я не полнокровный лирик, сладкий певец жизни и солнечного мгновения. Сейчас я пользуюсь рифмованной речью, как ею пользовались священники древности, чтобы высказать возвышенные мысли, которым музыка придавала горячность молитвы, своей магией выходящей за пределы видимого мира.

Из письма Зенону Пшесмыцкому-Мириаму. Нова Ржише, 23 июля 1901 г.

В самом скором времени пошлю Вам свои «Руки» <...> Вы опять будете читать книгу с тяжёлыми ритмами, длящимися до бесконечности, как выкрик в дремучем лесу. С тяжёлыми ритмами, которые выросли в таком виде помимо моей воли, каждая строка как судорожно отломленная ветвь, пронизанная сияющим, как гелиотроп, запахом таинственного и ветрами земли.

Из письма Эмилю Саудеку¹. Яромержице, 13 ноября 1908 г.

Поэтическое произведение, как и произведение музыкальное, говорит полифонией голосов. В каждом сердце вызывает иные резонансы. Для каждого часа жизни таит иную мудрость. Как и в природе, в художественном произведении вы встретитесь с волшебными сумраками, с фосфоресцирующей флорой глубин, с подземными пещерами, с опасностями и грёзами.

В символе Рук изображены силы, работающие в видимом и невидимом космосе, летящие навстречу друг другу из далей всех веков и миров. Силы, которые из огня и тишины выковали солнце, моделируют земли, в единое братство соединяют все обитающие на них существа и болью готовят тела к тому, чтобы они были способны воспринимать высшие духовные волнения, что, подобно вестям, посланным из одного мира в другой, трепещут между звёздными системами...

Мечта о «человеке, едином в миллионах братьев, кормчем духовной земли, мирном пастыре стихий»² тайно зреет во всех сердцах; она горела в очах пророков, творила мифы, богов, культ героев, веру в магическую власть королей и святых, в золотой век человечества; это она исподволь вдохновляет учёных, мучеников Абсолюта и скепсиса, мореплавателей, чьи корабли застревали среди льдов за северным и южным полярным кругом в ожидании будущего лета; ясновидцев свободы, сынов божьих, мистиков жизни и смерти, чудесных целителей, активных деятелей; завоевателей, визионеров единства, объединителей народов; всех тех, кто в звуках, красках, формах, символах ищет новый язык, общий для всех любящих; это она источник гордости, наследуемой из поколения в поколение, неискоренимой, отвергаемой и почитаемой, вновь разжигаемой солнцем каждого дня; это она причина творческого бунта, всегда противопоставляющего гения фалангам его эпохи, и заразного воздействия великолепия, величия, всепрощающей доброты, самопожертвования, всего недоступного познанию и далёкого. Эта мечта придаёт беспокойную глубину вопросам ребёнка и на протяжении тысячелетий

разыгрывает драму мужчины и женщины. Но главное творение, над созданием которого эти миллионы видимых и невидимых рук трудятся, не имеет в человеческой речи иного наименования, кроме как причиняющее боль и нежное, страшное и ослепительное, с каждым мгновением становящееся более тяжким, богатым и непостижимым слово «жизнь». Все наши правды и мечты — это чешуя сверкающего панциря, защищающего жизнь. Мгновения, когда мы трудимся во имя космического развития, — это победоносные секунды счастья и полёта, дарующие ощущение господства над всеми вещами, благодаря им мы чувствуем себя хозяевами собственной судьбы, ясновидящими, любящими, бессмертными, соприкосновенными с тысячами жизней, готовыми воспринять невиданную красоту, поверженными в молчание от восхищения...

¹ Эмиль Саудек (1846–1941) — банковский служащий в Вене, переводчик и пропагандист творчества О. Бржезины в Австрии и Германии.

² Цитата из стихотворения «Безумцы» (сборник «Руки»).

Из разговора с Эмилией Лакомой¹. 26 октября 1921 г.

В то время, когда я писал «Таинственные дали», во мне бурлили чувства. Я безумно тосковал по женщине. Но рядом её не было. Девушки, которых я знал, отталкивали меня своей животной натурой, так что близости у меня с ними не установилось. Моё тогдашнее отношение к женщинам было чисто духовным. Я был во власти желаний, но слишком скован бедностью, и не было никого, кто бы сумел разгадать за внешностью душу. Можно сказать, что тогдашнее окружение убивало во мне талант.

В своём одиночестве я испытывал муки, которые вели меня к познанию высших форм жизни, к иному мировосприятию. И как только я стал иному оценивать вещи, мои страдания кончились. Когда книга была завершена, я полностью преодолел свой эгоцентризм. Перестал писать «я» и начал писать «мы». В ту пору меня уже не мог сбить с пути никакой, даже самый тяжёлый удар.

Я не издал ни одной из своих более поздних работ потому, что они не имели прямого отношения к той драме, о которой говорилось в шести изданных книгах. В первой книге ещё сохранились следы моего «я», это исходный материал, во второй книге, «Рассвет на западе», дана завязка, в третьей — кульминация, в четвёртой — перипетии, в пятой — катастрофа по отношению к внешнему миру.

¹ Эмилия Лакомая (1876–1952) — преподавательница, позднее директриса городской женской школы в г. Яромержице, близкий друг О. Бржезины.

Отокар Бржезина о Франтишке Билеке

Предисловие к книге Франтишека Билека «Отче наш»

Я хочу, чтобы мои слова были восприняты лишь как сосредоточенное молчание перед молитвой и как концентрация духовных сил перед её таинственной работой. Чтобы болезненно сгустились сумерки, в которых гаснут жгучие лучи земного света и вспыхивают скрытые люстры душевного зенита. Так при полном солнечном затмении рядом с кровотокающей раной протуберанцев горит на небе, превратившемся в глубокую пропасть, святое движение белых звёзд в величественных перспективах космоса.

Я хочу, чтобы вы спустились туда, где ваша душа встретится с душами бесчисленных братьев, охваченных единой болью, как горькие корни, которые пронизывают тьму, сжимаемые пышущей внутренним огнём каменной ладонью земли. Туда, где тысячи губ сливаются в единые уста, распалённые и веками выдыхающие стон страстного желания, и где из миллионов и миллионов лиц возникает, подобно скрытому сиянию, черта за чертой, луч за лучом мистический лик Человека, исполненный боли, ласковый и разгорающийся, как звезда, что приближается к нам из глубин времени. Мы здесь в местах внутреннего безветрия. Всё разделяющее души скрылось за горизонтом. Сердце проплывает здесь сквозь тысячелетия, как молчаливый корабль, уносимый жаркими, тропическими течениями любви.

Новые жизненные просторы выступают из вод на побережьях. До бесконечности расширяются сверкающие перспективы аналогий. Органы чувств раскрываются один за другим, как почки, и навстречу солнцу тянутся цветы познания. Вещи здесь кажутся зеркалами символов, отражающими в зримом таинственные сдвиги в невидимом. Каждый камень и каждое дерево на нашем пути, каждая птица, каждое облако и каждая звезда, летящие в синеве над ними, становятся здесь указателями дорог, ведущих через тысячелетия. И великолепные и саднящие видения, посещающие в этих местах покорные души любящих, отражают фазы единого процесса, различные головокружительные проявления милости, проливающейся на землю и в космос. Неотвратимое стремление обрести отчизну охватывает здесь души — эта вечная тоска человечества по родному дому, тысячу раз обманутая и каждую весну снова поюшая, как вспенённые реки, эта мечта, возлагающая на будущее всё.

что недоступно в настоящем, и заставляющая звёзды разлетаться падучими осколками, как золотой рой пчёл из разорённого улья, эта утешающая улыбка иллюзорных звёзд, эта надежда, раскрывающая все цветочные почки жизни.

Отсюда вы войдёте в горькие, тихие, задумчивые сады творений, предлагаемых вам в этой книге. Таинство молитвы засияет перед вами в новом свете. Вы познаете, что она отражает в себе всю земную историю человеческой души — от первого болезненного выкрика человека, раздавленного горечью земного опыта, до покорного и радостного приятия жизни, до последних, экстатических высот, когда человеческая душа находит успокоение в Объятии Всевышнего — перед новой дорогой, сулящей больше побед и больше молчания. Вся светящаяся орбита духовного полёта над тысячелетиями возникнет перед вами. В каждой точке её извечно трепещет и пылает сияние душ, плачущих и поющих, как горлицы. Цветением ослепительной радуги вздымается оно, неподвижное на фоне движущихся облаков, оказавшихся в его сфере. Вы найдёте здесь отражения всех этих состояний, запечатлённых рукой боли, сострадания и любви. Вы увидите здесь жесты, полные вечной, немой печали, принятой покорно, как без единого протестующего возгласа принимают смертельный удар; мистические очи, многократно преумноженные, как звёзды всего космоса боли; но также и серебряные рассветы и жаркие августовские дни духовной жатвы, когда сердца, раскалённые как солнца, стремятся наполнить сиянием всю вселенную. Объятие высочайшей любви символизировано здесь в прозрении столь глубоком и смелом, что, пожалуй, только изобразительное искусство ещё способно его выразить, ибо слово никогда бы не осмелилось здесь прозвучать. — И если вы достигнете этих высот, символический рост этих линий, напоминающих лес, который покорно принимает порывы боли, бурю, ломающую ветви, с корнем выворачивающую деревья, озарится перед вами молниями ваших глубин и непоколебимо вспыхнет единым, чистым, великим, святым языком пламени, примиряющего нас с необходимостью жертвы, — это вечный, неугасимый огонь, поддерживаемый сердцами любящих.

И когда вы вернётесь к земным делам, займёте своё место в рядах тружеников, вернётесь к горнам своего творчества, к инструментам, которые вы в задумчивости выпустили из рук, к своему севу, к каменистым полям, доставшимся вам в наследство, вы очнётесь и встанете, как после освежающего сна; на лицах всех братьев, которых вы встретите, вы увидите отблеск таинственного лика, в торжественном ужасе узрите вечное сияние и полюбите его. Удары всех сердец расстелют перед вами ложе из роз, на котором дремал и с которого поднимется духовный человек. И вы испытаете новую, плодотворную боль, ибо поймёте, как это понял поэтический творец этих рисунков, что гвозди таинственного распятия пронзают все века и руки всех

связанных, запуганных, прижатых к земле, тоскующих по свету, умирающих от жажды; но и всех, кто любит, кто по-братски ласков, кто отважен, кто открывает новые горизонты, кто рождён слишком рано.

И если эти творения обратятся к вам с ещё какими-то другими словами (сильное искусство обращается к тысячам душ тысячью языков), знайте, что существует бесчётное множество путей, идя которыми наши души могут служить Жизни. И что даже голоса протеста и отвержения, вызванные нашими словами, поддерживают непрерывную работу воцарения правды на этой земле. И что каждое значительное, потрясающее всё наше существо событие, а таковым является встреча с сильным художественным произведением, скрыто способствует таинственному триумфу творческих сил, духовному расцвету земли.

Из письма Ф. Б. Ванеку¹. Яромержице, 24 марта 1917 г.

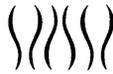
Я часто размышлял о творчестве Билека, о котором я Вам обещал написать несколько слов, и всякий раз чувствовал, какая это трудная задача — кратко сформулировать всю его значимость как художника и личности. Пожалуй, только в будущем, с надлежащей временной дистанции можно будет дать исчерпывающую оценку той великолепной постройке, к завершению которой приближается его творчество.

Ведь Билек не только скульптор могучей творческой силы, резчик по дереву, гравёр, рисовальщик, зодчий, владеющий всеми техниками изобразительного искусства с творческим богатством и лёгкостью, напоминающими старых мастеров, но вместе с тем самостоятельный мыслитель, идеолог и поэт, оценитель жизни и вещей, добывающийся их познания непосредственно, собственным повседневным опытом, интуицией и сознательным усилием воли, медитирующий в своём творческом труде Письмом и Откровением. Его взгляд охватывает духовную историю земли, мистерию искупления, послание женщины и ребенка, мир животных и всю деятельность природы и внутренний мир боли и любви. Изобразительное искусство служит для него языком, посвящающим в таинство жизни; как всякое искусство, оно совершенствует внутреннее зрение, дабы то могло в красоте естества и глубоких пропастях духа «лицом к лицу увидеть Бога». Тут он среди наших и зарубежных современных мастеров искусства стоит в полном одиночестве, и влияние, которое он обретает, далеко выходит за рамки простого восхищения эстетическими качествами его произведений.

Но он до сих пор в полном расцвете творческих сил. Под его рукой рождаются всё новые и новые формы. Корни его мысли всё глубже проникают

в тайны родной земли. В лицах, возникающих из его творческих грёз и находящихся воплощение на века, мы узнаём черты своих отцов и матерей. Боль нашей истории и нашего настоящего, воспринятая на такой глубине, где она сливается с болью всего человеческого рода, таится в пророческом откровении его творчества, в его крестных путях, распятиях, в «Притче о великом закате Чехии», в «Белогорском кургане» и «Голгофе», в «Пахаре» и «Отче наш»; но в них запечатлено и наше торжество, знаки Божьей милости, оказанные посредством чешской нации, избранной для этого из многих других народов. Стоя в раздумьях перед его наследием, строгим, горьким и по-славянски нежным, мы всё отчётливее слышим в его голосе голос южночешского религиозного гения, который заставили на столетия замолчать, но который с новой силой — отнюдь не без тайной причины, не без вмешательства Высшей воли — звучит в наше трудное время <...>

¹ Франтишек Бернад (Боргиаш) Ванек (1872–1948) — католический священник, прозаик, поэт, эссеист, публицист, участник литературного движения «Католическая модерна».

Франтишек Билек

«Отче наш»

Да святится имя Твое!

«Отче наш»

И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим

И не введи нас в искушение...

PROTOŽE JIS DNE DLYSEL A MEĽ VEŠTĽ V ŽIVOT VŤETO
7 LIPĽ SLZ.

...но избавь нас от лукавого

«Путь»

ΑΔΑΜ ~ ΕΥΑ ≈

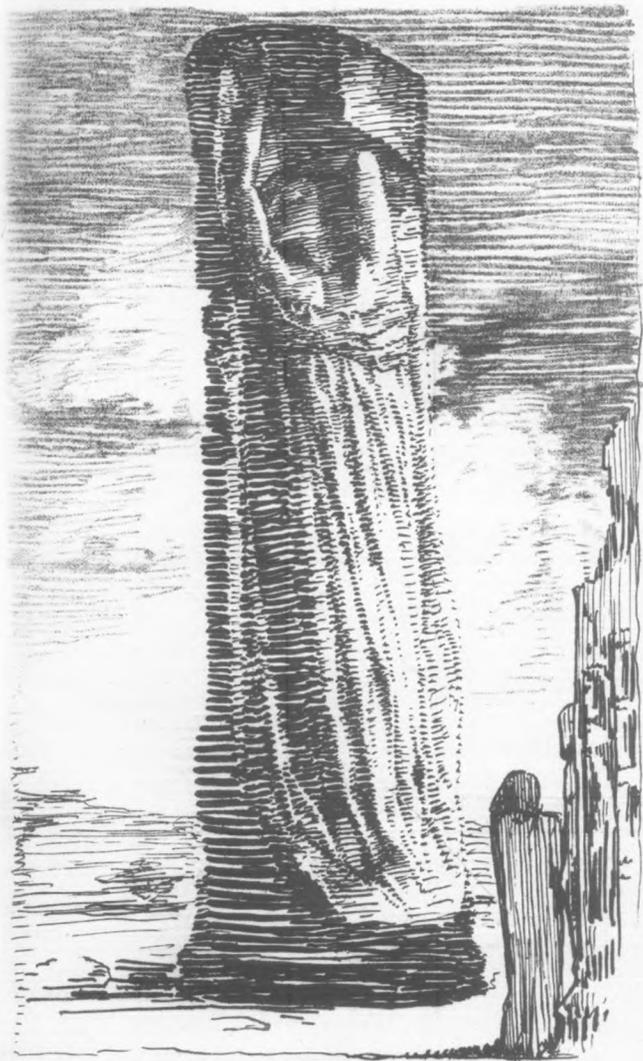
ΛΕΣΩΥΡΛΑ ΖΥΖΕΛ ~

ΛΕΥΒΛΥΖΩΥ ΛΑΡΟΥ ~

ΣΟΥΡΤΕΛΟΥ ΡΑΘ ΚΥΕΟΥ

Адам — Ева

КРЪСЛА ≈

PROBLIXEN'S

K VYSS'S

ZKZL'S A

BLAQU.

Кришна

EGYPT ~

SEH CEBY PRAVEHO ZSVOTA ▲▲▲

MOYZŠS :

CPŠŠŠŠ «A» «ADAM»

«NOVA' CESTA»

~VŠEENŠ ZASLŠBENŠ ŽEONĚ
~BLŠZKOST PRAVENO ŽŠVOZA

Моисей

SAOUEL ≈
POŽEBNANĚ DAVIDA ZA KRALE ◦

PODCHYŤAVANĚ SE V PÁDU
VOLUVOU ZAKONEŤ
A KRALEŤ ◦

Самуил — благословение Давида на царство

ESDRAS ~ ОУЗ ПЪСЕМЪ ЗНАЛЪ

Езра

Иллюстрации к изданиям О. Бржезины

«Руки»

«Музыка родников»

V LOUVĚCH RODMĚLKACH VĚŠLOŠTĚ -

«...В НОВЫХ УСЛОВИЯХ ВЕЧНОСТИ»

OTOKAR BRZŽIŠH
PROSY I.

«Пророки вышли из пустынь»

«Над множеством простиралась ночь»

«...Он восхищён красотой восходящего солнца...»

Приложение

ВИТЕЗСЛАВ НЕЗВАЛ Погребальный звон по Отокару Бржезине

Придёт пора — и смерть отринет взор и слух,
Тогда замкнётся круг и стихнет флейты пенье,
И в гробовой ночи рой звезднокрылых мух
Дрожа укажет нам и своды и ступени.

Где в тронном зале ксёндз коленопреклонён —
Торопит чётки перепуганная совесть,
Молитва стелется над мёртвым королём.
Проигран был король в кровавый день усобиц.

И нет наследника, и опустел престол,
И нет сыновних слёз — лишь раны кровоточат:
Светает за окном. И месяц прочь ушёл,
Седому утру проиграв остаток ночи.

Пустующий престол. Печальный рокот струн.
Седые короли давно уже во прахе.
В сиянье прежних лун мерцают тексты рун,
И своды древние во тьме наводят страхи, —

И нет наследника. И позабыт престол.
И кони чёрные вдали исчезли где-то...
Окончена игра. И звёздами расцвёл
Твой осиянный Грааль — твоя душа поэта.

Ляцо Новомеский
Над дактилем Отокара Бржезины

Здесь вечера темней, чем бёдра у цыганки.
Стенает голод в горле у детей,
мать со слезой боксирует, и тень
самоубийцы отбивает склянки...
Беззвучный пляс теней, горячечных, нагих,
немая пантомима довершила...
Такой же вот закат однажды взрезал жилы
Есенину и — миловал других...
Вечерний кофе тускл и бездуховен.
Цыган, за горло скрипочку схватив, —
о, братство струн! — смычком влачит мотив,
печальный и глухой, как старина Бетховен.
А вот поэт, вверяющий бумаге
мистическую мглу и таинство пространств,
и фиолетовую магию...

КАРЕЛ ЧАПЕК Magister divinus*

Умер, и его смерть, без всякого сомнения, была такой же тихой и святой, как его жизнь; наверное, Якуб Демль, чтобы выпустить в небеса душу покойного, открыл окна белой комнатки в Яромержице, светлицы белой и холодной, как деревенская часовенка. Боже мой, как мало, должно быть, от него осталось! Ведь он и всегда был миниатюрный и хрупкий, а теперь, после долгой болезни, от его ветхой телесной оболочки осталось ещё меньше. Только сократовская голова по-прежнему велика и тяжела; слишком большая и мудрая для столь слабого тела. Но и это почти невесомое тело было ему в тягость; ел, словно бы стыдясь этого, и был неспособен заботиться о чём-либо, что именуется удобством, одеждой, материальной стороной жизни. На первый взгляд, нам приходится говорить об аскетической жизни; но это не было самоограничением, это была жизнь настолько одухотворённая, что почти не соприкасалась ни с чем материальным. У него были глаза человека, который физически много страдал; но он никогда об этом не говорил. А иногда произносил слова такие странные и прекрасные, что казалось, они не от мира сего.

И всё же Отокар Бржезина и в своём одиночестве отшельника был связан к жизни, к человечеству, к повседневности силой безграничной любви. Пожалуй, ему нужно было быть таким одиноким, чтобы он мог так любить; пожалуй, ему необходимо было оторваться от жизни, чтобы любить её во всей широте и сложности. К технической культуре он относился с такой же нежностью и уважением, как к природе, к науке — так же, как поэзии, к человеческим интересам — как к тайнам потусторонним и божественным. Дух, поражающий глубиной и широтой познаний; но ещё поразительней и прекрасней была его неповторимая, универсальная и заботливая нежность ко всему, в чём проявляется творческий и вечно ищущий дух человека или великий инстинкт жизни. Нет ныне в мире духа более всестороннего и гармоничного, чем был дух Бржезины; никто не ответит словами более примиряющими на наше беспокойство и наши конфликты. Когда ты не находил ответа на страдания человека и противоречия человеческого общества, Отокар Бржезина умел найти слова любви: Да, жизнь так невероятно сложна. Ему, отшельнику, человеку тишайшему, который отрёкся от мира, вы верили

---

* Божественный мастер (лат.).

без всяких возражений; было удивительным слышать из уст пустынноика такое прославление жизни.

Его внешность не привлекала красотой; лишь большие близорукие глаза сияли за стёклами очков. Робкий, скромный, почти смущающийся; но когда в строгой и холодной комнатке он начинал говорить, его приглушённые размышления вдруг обретали могучую силу церковного органа. Возникало впечатление, что малорослый и гениальный регент храма со сверкающими глазами играет на инструменте, который во много раз больше, чем он; вы слышали поющие трубы идей и реестры культур, Глас Человека и Глас Ангельский, свирель сатира и победный горн. Из его слов, как прекрасный свод, вырастала богатая и возвышенная мелодия; ибо, знайте, мысли могут быть столь же прекрасными и чистыми, как звуки. Сколько раз я хотел следовать за мудрым учителем, который всё познал и продумал, но вместо того с изумлением слышал великого художника, из души которого вырывается поразительная в своей гармоничности и божественной красоте музыка! Сколько раз я хотел записать его слова, но с сожалением обнаруживал, что на бумаге лишь слова вместо многоголосого хора! Теперь мы станем неумелыми пальцами пытаться механически извлечь из инструмента, который он нам оставил и которым владел, отдельные голоса, звучание отдельных труб, но мастер-художник, *magister divinus*, уже не будет исполнять на нём своё бесконечное, всеми голосами мира поющее, все голоса мира высоко возносящее музыкальное размышление. Никто из нас не сможет его повторить; но мы хотя бы знаем, что в его слова воплотился Бог.

СТЕФАН ЦВЕЙГ
Отокар Бржезина

Les poètes, venus trop tard pour être prêtres...*

Верхарн

Книга Бржезины наконец дошла до нас. Не издалека пришла она, но путь её был бесконечно длинным. Это стало для меня ярчайшим примером ограниченности языка и силы могучей поэтической мысли, смело преодолевающей все границы и соединяющей духовные миры.

Ограниченность языка: сыщется ли другой пример, на котором можно было бы так явно её ощутить? Живёт в Австрии поэт — титан нашего времени. В трёх часах езды от Вены служит он школьным наставником в маленьком чешском селении. Здесь в тесной комнатёнке рождаются стихи, напоённые кровью нашей жизни, в них заключены наши самые сокровенные чувства, возможно, ещё далеко не осознанные, в них невысказанные новые мысли, которые таинственным образом оживут однажды у всех народов Европы. И мы ничего не знаем об этом поэте! Не усвоили даже толком его имя, мимолётно вспыхнувшее в потоке беседы и погасшее под напором других имён. Его стихи опубликованы уже много лет назад, из отшельничьей кельи поэта они разлетелись к тем немногим, кто составляет тесный круг поклонников его личности и творчества; их пылающие строки проливают свет на неведомые глубины чувств. Но попади к нам его книга, даже и тогда она осталась бы запечатанной для нас: чужой язык делает её закрытой, обрекая на немое, замкнутое бытие — как знак Соломона замкнул в темноте кувшина Ифрита, властелина пространства. За чужими буквами, как труп под крышкой гроба, сокрыты от нас эти стихи, и ничто не может вдохнуть в них жизнь. Мертво для нас творение того, кто живёт рядом и в одно время с нами — всего в трёх часах езды от нас! Трагический плен языка!

И — чудесная сила побеждающей поэтической мысли, на огромных крыльях воспарившей над всеми границами: язык, преодолевший все языки. И должен был прийти кто-то — уже не титан, не поэт, не волшебник слова, но словом покорённый и ему верный, тот, кто хотел бы не созидать, но служить творению, быть вестником, посланным в чужие страны. Тщательно

---

* Поэтов, пришедших слишком поздно, чтобы быть священниками... (фр.).

переплавляющий слово в слово, самого себя вынуждающий молчать, дабы отчётливее звучал любимый голос. Эмиль Саудек, поставивший себя на службу творчеству Бржезины, остался верен ему, сохранив все его нюансы, предпочтя насилие над немецким языком насилию над мыслью. И это было правильное решение: ведь прелесть поэзии Бржезины состоит не в простом рифмоплётстве, не в поэтическом украшателстве, которое погаснет в фотографически буквальном переложении, — нет, ей присуща более глубокая красота внутренней гармонии, динамичный ритм, мощно воспаряющая музыка великих мыслей. У Бржезины огненно и красочно не только слово — добела раскалённый экстаз отлил душу его стихов в прочную форму. При переводе эту форму необходимо верно передать, ибо она есть новая веха на пути стремящихся познать истину. Пусть стихи перевода получились не вполне немецкими и уж точно не вполне на немецкий слух поэтическими, но руны начинают расшифровываться. Ранее пустое для нас имя поэта рокочет симфонией, тесная темница языка разрушена, новые созвездия и загадочные дали голубеют на горизонте над её руинами. Теперь мы знаем, что Бржезина — один из великих австрийцев. Чудесная сила могучей поэтической мысли, вначале победившей собственный язык, а затем обретшей приют и родину во всех языках!

Я могу говорить только о впечатлении, полученном мною от двадцати переведённых на немецкий язык стихотворений Бржезины. Я не знаю, как вписать поэта в его родной контекст, мне неизвестно, что унаследовал он от своих поэтических предшественников, насколько созвучен мистическим источникам своей родины и чуждой для нас душе его народа. Литература у чехов сравнительно молода, а таким нациям редко свойствен верный взгляд на отношение своих значительных писателей к мировой литературе: они мечутся между завышенной оценкой и непризнанием, между болезненным патриотизмом и внутренней неуверенностью. Если судить со стороны, кажется, что Бржезина недостаточно оценён и прославлен в своей стране. Конечно, его творчество темно и таинственно и никогда не будет жить в народе, так что никогда этому отшельнику не стать национальным поэтом. Но народ должен испытывать тайное благоговение перед самым непостижимым из своих поэтов, подобно тому как испытывают благоговение и робость крестьяне, натываясь на языческие гробницы и статуи древних неведомых богов. Такие, как он, должны быть почитаемы, коль скоро лучшие представители нации свидетельствуют о них: ощущение величия компенсирует невозможность трезвого понимания. Чехам следовало бы уже сегодня называть имя Бржезины в одном ряду с именами крупнейших поэтов, лирически выразивших душу нашего времени: Верхарна, Демеля, Гофманстала, — ведь это соответствует реальности. А мы, австрийцы, по праву можем разделить с ними эту гордость: он ведь и наш соотечественник.

X X X

Бржезина — поэт для немногих. Его творчество укрыто во тьме. Ибо он стремится к последней истине. Он не воспевает ни домашний очаг, ни поле, ни город, ни родину. Не принадлежит он и к избранной когорте поэтов Европы или поэтов всей земли. Земля для него — лишь «беднейшая там, во Вселенной, где кружат счастливые сёстры»; смена времён года, весна и осень — вечный мотив его поэзии — лишь ритм космического дыхания; страдание и радость отдельного человека не оставляют следа на зеркале Вселенной, ведь человек в мироощущении Бржезины — всего лишь один из множества неприметных атомов. Взгляд поэта устремлён в звёздные дали духа — к вечным вопросам. Отсюда это борение тьмы в его стихах. Как в телескопе при увеличении образа происходит ослабление яркости, так и в слова поэта, взыскующего последних, труднодоступных истин, проникает тьма. Преимущества дальновидения компенсируются потерей чёткости. Как бы ни были огненны и красочны видения Бржезины, с какой бы яркостью и символичностью ни представляли в них образы жизни, под ними неизбежно шевелится тьма, как чёрный провал сна под тонким сияющим покровом сновидения. Темнота то и дело прорывается сквозь краски, ослабляет их, невыразимое примешивается к выраженному, и поэтические строфы наполняет мистический сумрак, слегка подсвеченный красками церковных витражей. На ум приходят средневековые мистики, и действительно, эта поэзия восходит к тяжеловесному богемскому католицизму, свидетельствуя о том, что алое пламя гуситского зова ещё не погасло в душах. Только из мистической веры отцов и дедов могли вырасти такие стихи; в конечном счёте они не что иное, как сублимация религиозного рвения, пламенной тоски по новому завету с Богом. В произведениях всех великих славянских писателей нашего времени мерцает это мистическое пламя, словно народ, который ранее, когда Лютер в Германии реформировал религию, был проклят на бездействие, теперь тоже захотел породить новое христианство. Все великие славянские писатели грезили об этом, а грёзы писателей обладают пророческой силой. Но ни Гоголь, ни Достоевский, ни Толстой не превратили свою тоску в символ. Также и у Бржезины есть только личное обретение выхода, а не новая вера, которая могла бы греметь с тысяч церковных кафедр: его стихи не могут стать молитвой. Его лирика ещё не вполне завершённое творение: в ней пока присутствует хаос, день седьмой ещё не настал. Здесь слышится отзвук орфических первоглаголов; эти грёзы, тёмные, как дремучий лес, простираются от кристаллически-холодных полярных широт до полуденно-знойных тропиков; это клочущее море болезненных экстазов и новой гармонии; образы душны, воздух наэлектризован, по жилам его пробегают молнии. Здесь заново явлены блеск и тьма древних гимнов и книг великих мистиков.

Но есть в этих борениях нечто новое и незнакомое. Клубящийся туман пронизывает красный свет: кажется, это восходящий солнечный диск, который принесёт ясность зрелого полудня. Мистика Бржезины — это не отрёпанный диалог с Богом, как у великих немецких мистиков Средневековья, его влечёт — как Достоевского, как Толстого — тайна человеческой общности, загадка смиренного человеческого братства и мечта о его спасении. Пока он пытался расслышать

хоровую песнь вод, звёзд и сердец, а в промежутках между строфами,
в интервалах меланхолической каденции, — дифирамб сменяющих друг
друга миров,

социальная мысль нашей эпохи проникла в его сознание, как капля красной крови. И грозовые апокалиптические видения, пылающий экстаз невидимых звёздных миров внезапно поблёкли:

Но грёз торжество, всё, чем ночь, пламенея, меня восхищала,
забыл я, увидев, как братские руки сковала усталость.

...

Оков дребезжанье мистических вдруг в сновиденье ворвалось,
звучащую музыкой из миллионов сердец показалось,
сердце — так на звёзды похожих, вдали отчуждённых
и в тайной тоске о себе в ледяной полумрак погружённых.

И из этой мысли о вслепую ищущих руках у чуткого поэта возникает новое, умиротворённое и возвышенное, представление о жизни. Царящее среди людей чудовищное отчуждение непонятно тому, кто видит повсюду лишь соединённость, сотрудничество, возникающее в общем биении отдельных сердец. «Наши встречи — прощанья, а прощания — встречи». Даже, казалось бы, разрозненное сосуществование всех этих творящих, молящихся, покоящихся, беспомощно заломленных рук должна пронизывать некая скрытая волна, влекущая их к единой цели. Должна быть магическая цепь, силой любви скрепляющая воедино вселенную, которая иначе оставалась бы раздробленной. Повсюду разрозненно трудятся эти руки: «у всех горнов, ткацких станков и прессов, в каменоломнях и штольнях, на строительстве времён фараонов», «в демоническом движении колёс, поршней и рычагов, над головами взлетающих молотов, на полях сражений, у телескопов, в школах, лазаретах, лабораториях, в мастерских скульпторов». В тысячах обличий предстают они:

Безумные руки жестокого охотника,
вышедшего травить стихии! Отягчённые проклятьем руки полунагого раба
у багряных горнов труда! Молитвенно сложенные руки побеждённого,

спаянные, как расплавленный молнией песок! И слезами омытые, белоснежные, сияющие, отмеченные кровотокающими стигмами любви! Магические, исцеляющие, одним прикосновением ко лбу прочитывающие мысли братьев! Царственные, раздающие! Убаюкивающие и заставляющие видеть небесные сны! Превратившиеся в светящийся эфир и тянущиеся к плодам мистических деревьев через всю вселенную, в бесконечность!..

Но в неосознанном единстве они трудятся все вместе, вышивая чудный ковёр вселенной. Это вечное кровообращение: где умирает один, заступает другой, и их братское дело есть событие в мировом свершении. Живущие суть лишь мимолётное звено в вечной веренице, лишь переход,

и в порывах этого ветра, от которого гаснут чувства, мы ощущаем, как наша цепь, подхваченная руками высших существ, включается в новую цепь всех звёздных просторов и обнимает миры.

В этой мысли Отокар Бржезина нашёл освобождение от «добровольной печали» — в мысли о том, что общая работа всех рук возносит в более высокий, чистый мир, где всё ныне враждующее и воинственное найдёт братское примирение; в чувстве, что каждая душа — здесь лишь одна из расплывённых, пленённых, потерянных частиц — есть искра в сиянии мировой души. Всякая духовная смута, любая душевная сумятица, замыкающиеся в себе самих, ведут к внутреннему разладу, и преодоление этого разлада возможно только при обращении взгляда вовне, на мир. «Multiplie toi dans les foules!»* — настойчивый призыв великого Верхарна возрождается здесь, и так же, как у него, бесконечное чувство, со всей пьянящей радостью творческого выплеска, изливается в мировую субстанцию, высвобождаясь в тысячекратном многообразии смыкающихся рук. Так собственная судьба проецируется на свершения вечности, и «нашей души отражает деянья волшебного зеркала гладь». Собственное счастье или несчастье весят теперь иначе, ибо гири магнетически связаны с непостижимым грузом мировой судьбы. То, что раньше угнетённо молчало («тяжесть земная, как рабство, мгла собственной крови над нами»), теперь возвысило голос до песни. Радость становится дифирамбическим ликованием благодаря чувству незатерянности в мире, чувству вечной причастности к мировому свершению; боль стихает до лёгкой печали — до ощущения недостаточности. Всё личное смягчено, в зеркало души падают образы звёзд, и это серебрит и успокаивает тьму. Лихорадочные видения бледнеют,

словно в слабеющий слух, оглушённый судьбы водопадами, земли навеки утраченной проникает нежное пение.

* Размножь себя в толпе! (фр.).

Прежде столь неукротимые чувства теперь совсем-совсем затихли:

Всё жизнерадостней скорбь и мучительней хохот, мрачней,
двойственной смысл в откровеньях, что прежде казались ясней.

Всё мерцает теперь, как со дна глубокой реки, неотчётливо и беззвучно.
Близится великое безмолвие, последняя гармония:

Вот мы приходим в хрустальные залы твоей тишины
(счастливы те, кто вошёл, но счастливее те, кто дороги назад лишены),
таинства мира, что так превосходен, но хрупок подчас,
в свете улыбки твоей задушевной трепещут, открыты для нас.

В гармонию приведена запутанная, невнятная дневная жизнь, и в стихах, звучащих отныне, как арфы, слышится ликующая огненная мелодия достигнутых архангелических гармоний. Сброшена вся земная тяжесть, тяжёлая поступь дня превращается в танец, — превращается в великий дифирамб во славу жизни. «Сладостно жить!» — таков экстатический аккорд, сопровождающий пламенное прославление всего того, что придаёт высшую ценность жизни. «Ради славных святых нашей крови, идущих меж нами в садах озаренья», — сладостно жить! «Ради царственной милости к нам покорённого нами», «ради горней истомы строителя» — сладостно жить! «Ради лазурного зеркала неба и над островами поражённых проказой» — «ради тайной цены смерти братьев, за нас умиравших», — «ради дразнящего блеска ещё не проплытых коварных морей» — «ради жалоб забытого сердца, когда оно радостно бьётся от ужаса, точно заблудшая птица, нашедшая снова поющих сестёр», — «ради войны непонятных нам духов, предвечно горящих, опоённых в страданиях жажды», — «ради мистического соучастия нашего в тяжком труде покорителей мира» — сладостно жить! Сотне ярких событий души адресовано бурное «Да!» — которое выплёскивается в наисвященнейшем последнем ликовании:

Ради близящегося прихода сияющего человека,
который один из всех братьев, что были и будут,
один, победитель просторов,
изменит он землю от полюса к полюсу
всё по святой Твоей воле
и, мыслью, послушными солнцами лёгкости,
танцам и песням наученной,
сядет в Твоём полном тайны кругу,
меж князьями вселенной...
О, ради прихода его —
нам так сладостно жить!

Внезапно, пусть и давно подготовленное, появляется это хилиастическое пророчество, гласящее: вся жизнь — лишь посев для будущего урожая, для «кормчего духовных миров»,

что к берегам Твоей тайны по волнам тысячелетий
парус надежды направит, и ангельской речью дети
дадут названия растениям Твоих незримых садов.

И рассеивается туман тоски. Образ нового Христа осеняет творчество верующего поэта. Славянская тоска по новой религии проявляется здесь как чаяние нового Спасителя; как всегда, глубочайшая вера породила отступника. Если Христос принял страдания за всё человечество, теперь все страдают за Него, нового Спасителя, в руках которого станут прозрачны и ясны все тайны, ныне повергающие души ищущих в страх, уныние и смятение. Все руки, трудящиеся, казалось бы, для себя, на самом деле неосознанно возводят мост, по которому явится Он. Вся деятельность — лишь подготовка и ожидание.

И это — единственное, в чём Бржезина проявляет смирение. Глядя на его творчество издалека, легко сопоставить его с Уолтом Уитмэном. Но тот гордо бил себя в грудь, чувствуя в ней весь мир, любил землю как свой образ и был свободным, самоуверенным индивидуалистом. Бржезина же не соотносит вещи мира с собой — он себя включает во вселенную, бросая своё Я в огромный священный поток, в котором ничто не устоит, однако ничто и не исчезнет. Он чувствует, что в одиночку человеку не дано достигнуть наивысшего — Бога.

Мы, жнецы твои, дорогу пред собою прожинаем,
но в просторе бесконечном — нивы, нивам нет числа.

Он знает, что все потуги, даже неистовые взлёты, ничуть не приближают к Богу, что и его собственная песня — это лишь лепетание одного слова, одного слога в вечном диалоге поэтов с Богом. Но это нисхождение является для него лишь переходом. Он осознаёт себя звеном в вечной цепи:

Нашу песнь ещё не кончим, как в безвестном братстве жадном
сила рук ударит звучно в утишённость наших струн.

Он удовлетворяется ролью подготовителя великих свершений, крохотного зёрнышка в поле, на котором однажды взойдёт великий посев человечества. Восхитительно смирение этого поэта, который создал такую незабываемую картину мира, который, смиренный и в личной жизни, живёт в низком сословии, полностью отдаваясь лишь своим мыслям. Его творчество излучает серьёзность и покой, стоит лишь снять раскалённую скорлупу и обнаружить

за ней кристально ясное ядро. Внешней запутанности соответствует безграничная внутренняя уверенность. Все экстатические брани велись ради этого покоя, хаос был нужен для того, чтобы — как замечательно выразилс однажды Йоханнес Шлаф — родить звезду. Свято мерцает она над бушующими волнами, обещая глубочайшее умиротворение. И как истина звучат слова книги: «Тот, кто из наших ладоней напилс, уходит, сияя, в мечтах».

XXX

Франтишек Билек украсил это издание, которое столь самоотверженно подготовил Эмиль Саудек. Имя Франтишека Билека тоже малоизвестно в Австрии, нет его работ даже в нашей национальной галерее современного искусства. Его работы — как и творчество Бржезины — мне известны лишь частично: несколько деревянных скульптур на религиозные темы и незабываемое «Падение Богемии» на Австрийской выставке в Лондоне. Удивительно и почти беспримерно братство двух больших художников, которые — во всём дополняя друг друга — в сосредоточенном уединении, в строгой и ревностной вере живут и трудятся в Богемии, чуждые тщеславия и соблазнов славы. В тишине и тайне зреют их творения, свидетельства духовной и художественной силы их народа — народа, живущего рядом с нами и столь далёкого от нас, что мы совсем и не знали о наличии у него такой силы и красоты. И возникает пылкое желание узнать побольше об этих — а может быть, и об иных, ещё неизвестных — мастерах. Нет другого народа, который был бы к ним ближе, чем мы, австрийцы. И я не вижу никаких причин, почему бы нам уже сегодня самим не выйти к ним навстречу, не дожидаясь, пока капризная волна всемирной славы принесёт их сюда.

Константин Бальмонт Поэт кристаллический: Отокар Бржезина

Когда через изучение поэтов какой-нибудь страны мало-помалуходишь в душу этой страны, совершенно естественно, а быть может, даже и неизбежно, что на время то один, то другой поэт становится твоим любимцем, наиболее предпочитаемым и желанным по сравнению с другими. Ведь именно он, вот этот новый любимец, открывает любопытствующему оку ума и влекущемуся к новому, ещё и ещё к чему-то новому, завлечённому чувству, он, любимец, разоблачает нечто неиспытанное. Карел Маха, сказавший: «Лишь из моей души мне улыбается небо», приобщил меня к той неукротимости и неутолимости чешской поэтической души, которая, отбрасывая от себя человечески достижимое, роднится с облаками, тонет в небе и волнующе напоминает мне моего родного Лермонтова, которому всё природное, стихийное гораздо ближе, нежели человеческое. Ярослав Врхлицкий показал мне способность чешской души к лихорадочному, длящемуся, без перерыва, всю жизнь горению творчества, это поэт Вечной Весны и неумолкающего журчания горного ручья, знающего снеговые вершины и умеющего в звонком беге узнавать глубину пропастей и мирную утолённость ровных, зелёных долин, где воркуют горлицы, и для алой розы есть среброзвонный соловей, а близ голубой незабудки порхает золотой мотылёк. Тонкий живописец в словесной музыке и уютно-угадчивый музыкант в поэзии, Антонин Сова, преисполненный природными видами своей родной южной Чехии, умеет одной строфой, двумя строками шевельнуть в моей душе то, что в ней уже не однажды шевельнулось золотой рыбкой и всплеснулось крыльями лесной птицы, когда внезапно я услышал где-нибудь звук скрипки, виолончели или флейты. Отокар Бржезина — целый оркестр духовной музыки в мыслительном природном храме, где строгие изваяния молитвенности построены сталагмитами и сталактитами и высокие свечи выросли прямо из сердец тысяч и тысяч людей, живших сердцем и утасших от сердечной боли, оттого эти свечи и такие высокие, а свет от них такой волнующе-призрачный, но зоркие глаза умного сердца и сердечного ума видят в этом свете такие дали, каких не покажет и полдневное Солнце. Поэзия Отокара Бржезины, вся философская, вся символическая, полна духовной красоты и ведёт к утверждению жизни, но она вся исполнена смертными шорохами завес предельных, и никто, быть может, не умел так жить со Смертью и с нею ласково беседовать, как этот великий подвижник, Схимник Поэзии.

Взгляд смерти

Вблизи изголовий и в дымах предчувствий мой взгляд был смущеньем томим,
Он был многократно погасшей свечою пред взглядом победным твоим.

В моём — тоскованье и слабость, в твоём же — как молния, яркая сталь,
И в зеркале этом я собственной Мысли постиг уводящую даль.

Шла бледная мысль моя к ширям безвестным, к пределам незнаемых стран,
Где сумрак, где даль, где полярные ночи свой водят немой караван.

В лицо ей сомненье дышало испугом и вечный простор холодов,
Но кованный, крепкий на хрупкое тело всегда был наброшен покров.

В загибы теней, уходящих из мраков, из зрака, где сказочный брег,
Как цвет непонятого древа, порывно спадал и метелился снег.

Густел и темнел он, впивал в себя зори и бился в проворных струях,
А где в моих мыслях иссечены шрамы, он таял в багряных огнях.

Вблизи изголовий и в дымах предчувствий, мой взгляд был не раз не моим,
Он был многократно погасшей свечою пред взглядом упорным твоим.

Лунатиком, с ложа луной уведённым, я шёл в цепененьи немом.
За ним, что внушает, за ним, что Непознан, за собственным призрачным сном.

А в длани истомной всех дней моих тусклых, которыми дух мой томим,
Горят погребальные факелы ярко, зажжённые светом твоим.

(«Таинственные дали», 1895)

Кто подумает, что так любовно говорить о Смерти может лишь тот, кому непосредственные ощущения чужды, кто заморожён лишь радостью кристаллизации и отвлечения, лишь высоким, но прохладным довольствием созерцания, тот, верно, не знает, сколько страсти бьётся и колыхается даже в сердце святых отшельников. Но в духовном своём подвижничестве Бржезина бросает своё ощущение в плавильник, чтобы оно, перегорев, оставило в его творческой душе лишь чистое золото. Вот малый — и великий — стих, живописующий начало такого состояния.

Настроение

На ветви тягой лёг, смягчённый зноем, шум,
Недвижный, он висел, как зыбь тоскливых дум,
Лес тяжело дышал, и горечью, спросонья,
Из зелий терпкое струилось благовонье.
Лесною чашею истома шла, бледна;
И, близ меня присев, пророчила она,

В зрачки мои взглянув, вопросов вечных сила
Глаголом мёртвых слов со мною говорила.
Цвет солнца, перезрев, до белизны дотлел
И в голубой листве нашёл себе предел,
И, в обессиленьи бесстрастия немого,
Как пар, вдыхал я жар дыханья огневого*.

(«Рассвет на западе», 1896)

Это — чувство гениального художника-мыслителя, который закрывает свои телесные глаза, чтобы открылся вещий зрак души, чувство самотречения, прощающегося, для зренья и ведения высшего, с милыми ощущениями мимолетными; оно находит дальнейшее развитие и более утончённое выражение у Бржезины.

Забвение

День голубой зарделся и смехом лукавым вспылал,
Радостно искры плясали и брызгами млели по снегу,
Сладостный дух испарялся, елеем он в воздухе стал,
Он загорелся в крови, баюкая негу.
В грустном лице отразился нежной усмешкою мир,
Вот погребальные песни, растаяв, любовностью стали.
Звук ликованья и отзвук, сквозь колокол звончатость лир,
Словно ликующий праздник светился из дали.
Был это жизни иной в душе моей отсвет и след,
Давняя эта лазурь, что в столетиях прошлых светила?
Иль наслажденье в крови, давнишнего вечера свет,
То, что пред свадебной ночью в матери было?
То с берегов Молчания ветер посевою моим
Шёл, и незримые крылья, я чуял, в нём бились, играя,
Как в Гефсиманском саду, мысли моей серафим
Чашу утехи налил мне до самого края.

(«Таинственные дали»)

Чрез жертву самоотречения ищущий дух находит волшебный кристалл, в который глянешь — и увидишь все миры, и законы их движения, и основы их покоя и равновесия, войдёшь в горнило мироздания — и доходишь до полного знания того точного неотъемлемого места, которое предназначено тебе, здесь творящему, в бескрайности Времени и Пространства, в мальстрёмах и миражах исторически случайного и исторически же неизбежного. Тут — закат, запад личного, но рассвет, восток неумирающего в личном, что личное

* В переводе К. Бальмонта опущены две последние строки оригинала.

связует с Беспредельным. Потому и символичны так все названия книг Оттокара Бржезины, являющихся вершинной гордостью чешской поэзии: «Таинственные дали», «Рассвет на западе», «Ветры от полюсов», «Созидатели храма», «Руки». Вот один из основных стихов «Рассвета на западе».

В пламенах*

В тьму сумерек моих пел взбрызг рассветов вечных,
В огне закатных роз рассветная роса,
Ярь солнца затмевал день новый вёсен встречных,
Во мглу души лилась нездешних зорь краса.

Мост матовых лучей воздвигла чара песен
Над глубиной зеркал, где звёзды ткали кров,
И ввысь всходила страсть, чужой испод ей тесен,
А мёртвых предков сон — моих был встречей снов.

Кипела мысль моя, как в ветре роем пчёлы,
И голос тишины вставал, как тяжкий вал,
А радость жизни вдруг сменял удар тяжёлый
И дверь закрытую для боли открывал.

И тени жгучий день ронял к дороге ночи,
А в цвете яблони дышал мне снежный ком,
Но зёрн секунд цвела букетом узорочий,
Пел шелест камышей на берегу другом.

Час воскресений мне был пирный час истомы,
Но хоть свершения ещё не рдела мной,
Как упоённый, я в крови расслышал громы
И виноградников твоих пахучий зной.

Июля тайного полёт и ключ горячий
Смолы расплавленной, столетий зори зрю,
Лампаду я долил, — ковш опрокинул жгучий,
Ток брызнул на меня, и в пламенах горю.

(«Рассвет на западе».)

Такому Посвящённому легко своими песнями бросать и добрасывать золотые звенья до узоров Мировой Гармонии, помнить, не забывая, что в мире злом всегда есть Братство Верных, на чьих душах и на чьих делах незримо — и зримо также — лежат, всегда-всегда, благословляющие Руки, — есть дружина пахарей,

* Так К. Бальмонт озаглавил стихотворение без названия, открывающее сборник О. Бржезины «Рассвет на западе».

сеятелей, косцов, и жнецов, и работников сбора винограда, на чьих лицах зрящему видно сияние скрытое, зрима звёздная печать преемственности.

Братство верящих

Мысли наши купались в волнах разожжённых священного лета,
Синие царства душ оно зажигает пыланием жатвенных месяцев,
Отсвет в себя принимает созревания всех звёзд,
Когда же смыли с себя все прискорбные знаменья праха,
Встали они в чистоте первобытных светил
И силу познали роскошного часа*, — дыханье его
Было нежнейшей надеждой мёртвых, — и в бурях таинственных
Было кипение почек ещё не раскрытых
Всех зелёных грядущих садов.

Дни, что утр не имели, бросали нам издали свету,
Как отзвук, как эхо столетних томлений,
Безумились мы безумьем любви, что молитвой была к Наивысшему,
Из уст наших сладкий струился тот сок.
А сами сгорали святою мы жаждой,
Зрачки наши пили её из братских зрачков
И братским взглядам давали испить той любви,
И в неведомой, полной волнений, близости крови
Нам звонила она музыкой таинств.

Сны наши слитно спаялись в одно сновиденье,
И шумели деревья единого леса, дрожаньем ветвей отдавая
Посольства† единого ветра от неизвестных дальних морей.
На наших лугах — всех цветов благовонья лежали,
Ладом в единый слившись созвук.
Душ наших свету, в пылание слившись единое,
Красками рдели невиданными,
А голос всех наших спаянных воль
Расцветил нам в волшебных садах небывалые силы.

Мы срывали своё упоенье, как гроздь единой священной лозы,
И от наших касаний выбрызгивал сок,
Золотилось единое наше вино,
Яблоки в чаше единственной яблони
Общею нашей багрянились кровью,
Поцелуи единственной ночи, в них души о смерти поют

* В оригинале: «...в чистоте первоизданного света, / и познали сильные наслаждения времени».

† В оригинале: «Послания».

И о будущих жизнях,
В едином пылании губ, на века воспалённых
Роскошным недугом единого блеска*.

(«Ветры от полюсов», 1897)

Великого чешского символиста не должно ни сравнивать, ни сопоставлять с великими символистами, писавшими до него и частью одновременно с ним. Я говорю о Вильяме Блэке, Эдгаре По, Уольте Уитмане и Стефане Малларме. Блэк — мистик, частью блестящий, частью тёмный и, как самоучка, неубедительный и путаный, его символизм произволен, как попытка создания новой религии, которая не создалась. Эдгар По — прямая противоположность Отокара Бржезины, он исходит в своих гениальных песнопениях из отчаяния, из трагически убивающей неизбежности, — а Бржезина и Смерть делает союзницей Жизни, он исходит в своём кристаллизованном творчестве из неумирающего чаяния человеческой души, из трагически создающей, но создающей неизбежности, из преемственности творческих душ, содружных без сговора, на разных планетах, в разных исполинских делениях времени, в морях, чей громкий гул от Моря до Моря не доходит, а тихие веяния творческих оазисов, на отдалённых один от другого островах, друг до друга доходят. Символизм Малларме — слишком внешний и чисто художнический, символизм Бржезины — философский, мыслительно благоговейный. Может быть, лишь отчасти можно сближать Бржезину с Уитманом, поэтом мирового единства и великой человечности. Но в гениальном творчестве Уитмана мы, к сожалению, слишком часто видим лишь сухой каталог, лишь скелетный перечень, лишь прямолинейный счёт того, что у Бржезины преобразуется в стройную, причудливую, загадочную пещеру, где сталактиты — живые, где извилины линий — неожиданные, где на влажном, холодном потолке и на сырых, мертвенных стенах живут живые светляки, — как в пещерах Маорийских, в Новой Зеландии, близкой к Южному полюсу, светляки не такие блестящие, как любовные светляки Ивановой ночи, но таинственно живые, — и неумолкающий в этих пещерах чешского гения звучит орган, а в органе ведь целый оркестр. Бржезина — как скандинавское древо Игдразил. Ясень, обнимающий своим шелестом Всё. Мою книгу «Ясень. Видение Древа» (Москва, 1916) я начинаю такой заповедью.

Навек

Как мыши точат корни Игдразила,
Но ясень вечно ясен в бездне дней, —
Как дым течёт из звонкого кадила,

* В оригинале: «навек заболевших / наслаждением одной молнии».

Но счёта нет для ладанных огней,
И, чуть священник приподнимет руку,
Есть фимиам и есть мольба теней, —
Как в мире, вслед чуть дрогнувшему звуку,
Помчался вихр, и вот уж вечен гром,
И дед передаёт свирели внуку, —
    Как в камне скал есть звонкий водоём
    И будет петь, копя ключи для жажды,
    Так буду петь о царствии твоём, —
Любовь, что я узнал во сне однажды.

В этой книге есть также поэма «Поющее дерево», и там такие строки:

Я дошёл до звенящего дерева,
    Там ветви слагались в храм,
Благовонное алое марево,
    Огонь и жертва богам.
Я стоял у поющего дерева,
    Был брат я шмелям и жукам,
И с пчелой устремлялся я в зарево,
    Был пономарь мотылькам.

И дальше:

...Лечу и рею
И разумею, —
Мечтой моею —
Всхожу к порогам —
Иного сада, —
Иного лада, —
Иного строя, —
Где заодно я —
С Всесильным Богом, —
Мы вечность мерим —
Весенней птицей, —
Весёлым зверем, —
Их вереницей, —
Лучом, зарницей, —
Средь снов текущих, —
С пчелой летящей, —
Сквозистой чашей —
Ветвей цветущих, —
Я в райских куцах, —
В Весне манящей —
Я стих звенящий.

Книги Бржезины написаны задолго до того, как пропелись эти строки, — за три пятилетия, — и если я их привожу, это лишь потому, чтобы сказать, что я, славянин, русский, чувствую, что я узнаю самого себя в славянине, поляке Яне Каспровиче и в славянине, чехе Отокаре Бржезине. И не только это. Я хочу сказать, что мы, славяне, когда поём о том же, о чём поёт англичанин или американец, француз или немец, мы поём звучнее и более вольно, мы поём сердечнее и не впадая в ограниченность точной размеченности.

Вся земная Любовь, вся земная Жизнь, вся природа Земли, все эти три Норны, Вешуньи, Суденицы пели с Бржезиной, когда он запел: «Я как древо...»

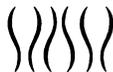
Я как древо в цвету...

Я как древо в цвету, жуками звенящее, пчёлами,
 Во мне тишина и смех,
 Кровь — солнцевой восток с лучами весёлыми,
 Где в купели огня поюневший день, исполненный новых утех.
 В световых переходах я лью благовония
 Для влюблённых моих, забаяюканных в солнечный звон,
 И все таинства ночи качаю в таинственном лоне я,
 Все тайны я бросила в лоно жён.
 Всё же, ревнивая, я не хочу, когда ночью дремлю, истомлённая вёснами,
 Чтоб жаждал эфирной красы ты моих сестёр, манящих к играм тебя и снам,
 Тысячи лет я копила богатства свои, как дар королевский, цветами
 мерцающий росными,

А тем, кто сумеет ничего не желать, вдруг его дам.
 Для тебя жестокость дразнящая
 Любви моей, томный гробовый мир,
 Глубь, в зеницах моих лежащая;
 Созвездий в них роковых водоворотный пир,
 Секунд моих тишина, где вечность изломами
 В крови пылает, светла.
 Хмель поцелуев, их зыбь, что кружащимися водоёмами
 Сладостно-зла.
 Я не как сёстры. Ночь вечная
 За гучими снами моими, за каждым горящим сном,
 Над головою влюблённых, свадебным факелом, к рдениям встречающая,
 Я зажигаю дом: —
 Цветы, что посеяла, я сжала серпом огнердеющим,
 Птиц, что я приманила, огнём отгоняю опять,
 Все души, что ждут столетия, прилетят из ночи своей роєм реющим,
 В смертной тиши я услышу, как будут они шуршать,

Мотыльков эфирных полёт и мерцание искрозернистое,
Вокруг моих факелов будут кружиться они,
Которые я разожгла об огни,
Что льёт средоточье земли пламенистое.
Рабыня Вечного, княгиня безумия, глубиннейший голос знаю я вещества,
Славу первого солнца, сумрак последних дней, последние в мире слова,
Слёзный струится ток по лицу красоты моей и из неги сомкнутых
ресниц, прикрывающихся глаз,
В плаче моём — музыка ночи, дробящийся свет от кружащихся звёзд
в ней влит,
В смехе моём — зачатие тайной вины и час,
В плаче моём — отзвук звенящего смеха.
Светлая млеет утеха, Надежда Возврата звенит!

(«Строители храма», 1899)

Тело

— Скажи мне, душа моя (ты вернулась ко мне издалёка),
Кого на земле повстречала, утратила, на что устремляла ты око?
Из глубин отозвалась музыка, заснежилось падение звёзд,
Задрожали воздушно уста:

— Утро, поля, и повсюду цветов красота,
Цветов расцветающий грозд.

— По утрам непостижными я блуждала посевами,
Дорогами первых я шла маргариток.
Минуты светились, как росы, и зелени был там избыток,
И каждое древо дрожало, как будто, насытись напевами,
С него отлетела волшебная птица сейчас,
И словно бы ладан бесценный под солнцем в кадиле незримом
Покрывл благовоньем и нежно-лазоревым дымом
Последние светы и нас.

От озёр соляных приближался полуденный час.
Горел ослепительный зной над полями зелёными,
Над всем, что умерло, воздух пропел похоронными звонами,
Светясь фосфорически, крылья огромные, крылья тенями,
Доходя до зенита, простирались над нами.
Где эти тени сомкнулись, закрылись глаза с обомленьем в зрачках,
Словно из горна руда, расплавляясь, отразилась в прозрачайших снах, —
Горячая пытка среди вечности счастья в блаженнейших странах,
Город небесный в пламенах рдяных.
Каждая чаша цветов, я видела, в солнце, в блаженном покое,
Смотрела, как дева с лампадою, где масло горит золотое,
Под ветром в лампадах дрожали огни,
И зыбили чашу восторга они.

— Скажи мне, душа, где же утро твоё заблудилось,
И полдень куда отлетел золотой,
И богатство цветов отцвело, закатилось?

— Утро моё поёт предо мной
В розах, те розы не вянут, —
Полдень в гнездо улетел, солнцем закатным притянут, —
А цветы заглянули в глаза мои, видят вопрос, вздохнули так сладко
И умерли, смерть их — загадка.

(Пер. К. Бальмонта)

Виктория Каменская, Олег Малевич

Отокар Бржежина и Россия

1. Русская литература в Чехии XIX века

Отношение Отокара Бржежины к России в основном определялось его знакомством с русской литературой, а само это знакомство было обусловлено особенностями развития чешской литературы.

В результате утраты национальной независимости в начале XVII века и наступившей после этого насильственной германизации Чехия к началу XIX столетия оказалась в особой ситуации. Наиболее развитый в промышленном отношении регион Австрийской империи переживал эпоху национального возрождения, возвращался к истокам своей древней культуры почти так же, как когда-то средневековая Европа — к античности. Наиболее резко процесс насильственного онемечения в XVII—XVIII веках повлиял на развитие литературы, тесно связанной с состоянием национального языка, что вызвало значительное её отставание не только от западноевропейских литератур, но и от русской и польской. Существовало резкое несоответствие между научным и художественным кругозором чешской интеллигенции, жившей в духовной атмосфере западноевропейской культуры, и потребностями, взглядами, вкусами той городской и сельской аудитории, которая говорила по-чешски и к которой чешская патриотическая интеллигенция обращалась. Чешские интеллигенты, которые могли видеть Моцарта на премьере «Пражской симфонии» и «Дон Жуана» или встретить Гёте в аллеях Карловых Вар и Марианских Лазней, часто разговаривали с простонародным читателем или театральным зрителем как с ребёнком. Вследствие этого наивысших творческих достижений чешская литература XIX столетия добилась не на основе социально-психологического реализма, а на основе романтизма (К. Г. Маха, К. Я. Эрбен), на основе фольклора и национально-фольклорного реализма (Ф. Л. Челаковский, Й. К. Тыл, Б. Немцова), на основе раннего критического реализма (К. Гавличек, Я. Неруда). Впрочем, традиционное представление о литературном процессе в XIX веке (просветительский реализм и сентиментализм рубежа XVIII—XIX веков — романтизм и критический реализм первой половины XIX столетия — натурализм и декаданс рубежа XIX и XX веков) верно лишь для немногих национальных литератур и представляет собой не правило, а исключение. В большинстве «европоязычных» литератур (то есть не только литератур Европы, но и литератур Северной и Южной Аме-

рики, Австралии, Новой Зеландии) художественное развитие на протяжении XIX века проходило под знаком романтизма, а критический реализм утверждался лишь в конце столетия.

Таких титанов, как Бальзак, Диккенс, Толстой, Достоевский, в Чехии не было.

Специфика чешского литературного развития проявилась и в переводной литературе. Кроме Диккенса (в 1843–1844 годах на чешский язык был переведён «Оливер Твист»), широкой популярностью в Чехии не пользовался ни один из западноевропейских реалистов. Романы Бальзака переводились только с середины 80-х годов, Флобера — с конца 80-х, Стендаля — с конца 90-х, Теккерея в Чехии до XX века вообще не переводился.

Гоголь, первым из русских прозаиков снискавший здесь известность, завоевал её отнюдь не как «поэт жизни действительной», а как певец национальной самобытности («Тарас Бульба» в переводе В. Запа 1839 года, переработанном в 1843 году К. Гавличеком). Хотя проза Пушкина и Лермонтова, так же как и основные произведения Гоголя, в 40-е годы начинает переводиться на чешский язык, реалистический характер этой прозы осознаётся гораздо позднее. Чешский перевод «Евгения Онегина» появился в 1860 году, «Повести Белкина» целиком были переведены в 1870-м. В 60–70-х годах славу всех литературных современников затмевает Тургенев. Русской реалистической литературе противостояли Байрон и польские романтики, Гейне и «Молодая Германия», Гюго и Жорж Санд.

Не случайно, что первым иностранным литературным увлечением Вацлава Ебавы стал польский романтизм. Сам его ранний литературный псевдоним Вацлав Даншовский имеет польский оттенок. Подражая польско-украинским романтикам Антони Мальчевскому и Юзефу Богдану Залескому, начинающий поэт пишет эпический цикл «Из украинских преданий», состоящий из поэм «Песнь о Хорошенко» и «Братья» и сохранившийся в рукописном сборнике «Поэзия», который он в 1886 году подарил своему гимназическому другу Франтишеку Бауэру. Исследователь раннего творчества поэта Павел Френкл, однако, связывает их стилистику также со сборником чешского классика Франтишека Ладислава Челаковского «Отзвуки русских песен» (1829) и, напротив, почти не находит в них зависимости от творчества Тараса Шевченко (см.: *Fraenkl P. Otokar Březina. Mládí a přerod. Geneze díla. Praha, 1937. S. 42–51*). Впрочем, нельзя исключить и знакомства шестнадцати–семнадцатилетнего поэта с «Тарасом Бульбой» Гоголя (одного из героев поэмы «Братья» зовут Тарас, да и в сюжете есть отдалённое сходство с прозаической поэмой Гоголя, о чём говорит уже само название произведения).

В тельской гимназии существовал ученический литературный кружок. Ещё учась в четвёртом классе, Вацлав выступил в этом кружке с сообщением

«О русской народной поэзии» (былинах), в котором опирался на статью в энциклопедии Ригера. В старших классах он подготовил цикл докладов о польской литературе (прежде всего о Юлиуше Словацком), проникнутых сочувствием к угнетённой нации; слушавший его преподаватель литературы русофил Жанта недовольно крутил головой и вскоре ушёл (см.: *Jech F. U Březiny (Záznamy hovoru)*. Praha, 2001. S. 60–61). Тема России звучит и в его гимназическом сочинении «В чём состоит превосходство малых государств над большими?»: само существование малых государств объясняется там договорённостью тайной дипломатии великих держав и в качестве примера приводится Афганистан, который «удивительный великан Севера» Россия и Англия сохранили, чтобы не соприкоснуться границами (см.: *Spisy Otokara Březiny. Svazek III. Prvotiny*. Praha, 1933).

В зрелые годы Вацлава Ебавы, когда он стал уже регулярно печатающимся литератором, в его отношении к России, и прежде всего к русской литературе, можно выделить три этапа: 1) период увлечения реализмом (1889–1890); 2) период, который Йозеф Войводик, чешский литературовед, живущий в Германии, обозначил как путь «от эстетизма к эсхатологии» (1891–1906) (см.: *Vojvodík J. Od estetismu k eschatonu*. Praha: Academia, 2004); 3) период поиска новых путей, славянофильства и русофильства (1907–1929).

2. Ранний Бржезина и русский реализм

В Чехии рубежа XIX и XX веков реализм был скорее политическим, чем художественно-эстетическим понятием. Так определяла своё мировоззрение партия будущего первого президента Чехословацкой республики Томаша Гаррига Масарика (1850–1937). Эту партию либеральной интеллигенции стали называть реалистической (официальное её название — Чешская прогрессивная партия). Естественно, её лидер и его сподвижники выступали за утверждение реализма и в искусстве.

Вацлав Ебавы самостоятельно пытается разобраться в таких модных терминах, как реализм и натурализм. 8 мая 1889 года он пишет своей многолетней корреспондентке Анне Паммровой: «В последнее время случилось так, что я прочёл очень много из современной французской литературы, и я боготворю Бальзака, восхищаюсь Флобером, уважаю Золя, признаю право реалистов на суверенность... и смеюсь над нынешней чешской литературой и жалею чешскую критику» (*Březina O. Korespondence I (1884–1908)*. Brno, 2004. S. 107). 30 июня того же года ссылку Паммровой на призыв Толстого «познать жизнь во всей её естественной красоте» он комментирует в духе, близком сарказму и иронии, отрицая само понятие абсолютной красоты (*Ibid.* S. 110). Но уже в следующем адресованном ей письме от 15 октября сам

ссылается на мысль Толстого о том, что в процессе познания народы проходят теми же стадиями, что и отдельный индивидуум в процессе воспитания. А 8 ноября пишет своему другу Франтишеку Бауэру: «В последнее время я изучаю классические произведения реализма русского. Колоссально! В мои руки попали два объёмистых тома сочинений графа Л. Н. Толстого, и я углубился в этот альбом точных и сочных, чисто русских и высокохудожественных картин, чья живость увлекает, а с истинным совершенством и остроумием поданные детали, овевающие острым ароматом степной травы и неповторимым запахом осенних русских туманов, захватывают. Особенно „Детство, отрочество и юность“ я не знаю, куда скорее отнести: это психологический этюд первого русского мыслителя или плод фантазии графа-поэта? Нет, это правда, а на челе правды отпечатан отблеск высочайшей, величайшей красоты! По моему мнению, Толстой превосходит Золя в менее крупных произведениях; Золя выше Толстого в своих больших романах; Толстой — домашний, милый, христиански идеальный, деликатный при раскрытии тёмных сторон общества, к которым его ведёт любовь к правде; Золя — могущественный узурпатор, Наполеон искусства <...> Читал я также Тургенева; интенсивное сияние правды исходит и из произведений Тургенева, но в его мастерских работах, которые по своей глубине годятся для стола философа, а по элегантности просятся на мраморный столик салона, сильно заметен розоватый романтический отсвет» (Ibid. S. 142). 18 декабря молодой чешский литератор продолжает сравнительную характеристику реализма русского и французского писателей: «Золя обращает внимание на физиологию и выводит из неё нравственную деятельность, Толстой исследует изгибы души. Золя — учёный, Толстой — философ. Золя нас удивит, Толстой растрогает. Золя воздействует на разум и только после этого на чувство, у Толстого чувство стоит выше разума. Золя велик пластичностью и мощью деталей, Толстой — глубиной мысли и продуманностью подробностей. <...> Золя — завоеватель. Толстой — апостол. <...> Из этого следуют и недостатки обоих: Золя иногда груб, Толстой иногда выступает как проповедник» (Ibid. S. 147).

В письме Анне Паммровой от 12 февраля 1890 года Вацлав Ебавы расширяет перечень реалистов: «<...> Бальзак, Флобер, английские реалисты. Тургенев, Толстой, Щедрин и так далее. Затем Достоевский и Золя» (Ibid. S. 154). Вслед за французским критиком Давидом Соважо он различает два типа реализма — чисто художественный и дидактический. Причем русских реалистов причисляет скорее ко второму типу, отдавая ему предпочтение. Именно русский «натурализм» убеждает его в том, что «натурализм» не обязательно ведёт к «так называемой безнравственности» (письмо Ф. Бауэру от 19 января 1891 года: Ibid. S. 212).

На протяжении всего «реалистического» периода творчества Вацлава Ебавы-Даншовского в центре его внимания остаётся Толстой.

Поначалу наибольшее впечатление на него, как мы видели, произвела автобиографическая трилогия Толстого, но позднее он отдаёт предпочтение объективной манере, повествованию в третьем лице («Альберт», «Утро помещика», «Казачи»). В августе или самом начале сентября 1890 года он «изучает» «Анну Каренину», в октябре — «Крейцерову сонату». Впечатление от первой из этих книг у него двойственное. 5 сентября 1890 года он пишет Франтишеку Бауэру: «<...> необычная книга, содержательная, сильная, глубокая; одурманивающий жар, пронизывающий все произведения гениев, пышет и в этой великой поэме человеческой жизни. Но художественное достоинство „Анны Карениной“ я вижу скорее в частностях, чем в целом; там есть места, равные которым нелегко найти в мировой литературе. Целое же насыщено более или менее явственным философским туманом, характерным для Толстого, но порою лишающим книгу достаточной определённости. Персонажи вроде Лёвина и его брата, пожалуй, могут существовать в России, но отнюдь не у нас» (Ibid. S. 184). Более густой, чем в других произведениях Толстого, «философский туман» побуждает молодого чешского читателя даже говорить об «упадке гения». Не может он согласиться и со взглядами, высказанными Толстым в «Крейцеровой сонате», хотя и признаёт, что этот «тенденциозный» «трактат» написан «сильной, пластической речью». Наиболее резкое неприятие встречает полемика Толстого с идеализацией любви в литературе (см. письма Ф. Бауэру от 2 ноября 1890 года и 19 января 1891 года и письмо А. Паммровой от 15 января 1891 года). Не приемлет Вацлав Ебавы и религиозных убеждений Толстого («можно было надеяться, что после сочинений Штрауса и Ренана никому не придёт в голову строить какую-то теорию на основе веры в подлинность и божественное происхождение евангелий»: Ibid. S. 207). Тем не менее в суждениях Толстого он находит много верного и глубокого и постоянно к ним обращается. Например, книга «В чём моя вера?» поначалу его разочаровала, но при втором чтении его захватила «головокружительная порой глубина мысли Толстого»: «там, где я раньше видел тёмную дыру, теперь передо мной открывались новые, неведомые горизонты, великие, бесконечные. Это одна из книг, которые, будучи прочтены и продуманы в определённом возрасте, могут придать новое направление всей человеческой жизни» (Ibid. S. 215–216).

Но хотя Вацлав Ебавы солидарен с Толстым в критическом отношении к официальной церкви (он прямо говорит об использовании религии в интересах власти имущих), парадоксальным образом именно неприятие христианского «догматизма» Толстого, его «философского тумана», проявившегося уже в воззрениях Левина, его антиэстетизма приводит молодого чешского мыслителя к космическому пессимизму и эстетизму Шопенгауэра.

3. Поворот к эстетизму

6 июля 1891 года Вацлав Ебавы сообщает А. Паммровой: «<...> мои литературные любимцы изменились, и наряду с реалистическими мастерами изображения и слова меня сегодня интересуют декаденты, сверкающие своей формой и тонко нюансированной мыслью, их цель — зафиксировать мгновенное впечатление, и стихи их звучат в душе таинственной музыкой: Верлен, Малларме, Мореас, Бодлер и Аллан Эдгар де По» (Ibid. S. 225). И в том же письме отмечает, что особенно в абсолютистских (Россия, Пруссия) и конституционных (Англия, Австрия) монархиях, где склонные к экспансии народы удерживают в подчинении народы более слабые, всячески поддерживается религиозная вера. «Как далеко при нынешнем положении вещей хотя бы от требования, чтобы среднему человеку было доступно элементарное образование! И как далеко от требования полной реформы общественных отношений в духе идеалов Толстого!» (Ibid. S. 227).

Новая художественно-эстетическая ориентация вызывает крутой поворот в отношении Вацлава Ебавы к русской литературе. 10 ноября 1891 года он пишет Ф. Бауэру: «Влияние русских писателей на тебя — вещь нездоровая, поверь мне; русские романисты занимают в твоей душе слишком много места и занимают его деспотически, со всем своим наполовину мистическим, наполовину хмурым пессимизмом; свободный взгляд на необозримые дремучие леса искусства убедит тебя, что воззрения русских романистов Толстого и Достоевского не представляют собой единственно правильное мирозерцание. Как Достоевский, так и Толстой глубоко проникли в человеческую душу, осветили многие тёмные закоулки, но, возможно, как раз поэтому заблудились в темноте <...> Толстой не художник; не потому, что его произведения нехудожественны; но он намеренно отвергает таинственную силу искусства. Искусство для него не что иное, как пагубная роскошь <...> Толстой — философ, который облекает свои трактаты в романное одеяние, и как *большой* философ он тем *больше* иногда ошибается, но всегда оказывает *большое*, могучее влияние на наш дух. <...> жизнь представляет собой более светлую, более пёструю картину, чем её однообразной и мрачной кистью рисуют некоторые русские» (Ibid. S. 232). Здесь молодой чешский литератор отвергает русский реализм во имя гедонистического восприятия жизни, призывая учиться и у древних греков и римлян, и у мастеров Средневековья, и у классицистов, романтиков и тех реалистов, которые, как Мопассан, не отвергают и другие художественные направления. Но менее чем через год, 13 сентября 1892 года, он пишет тому же Ф. Бауэру: «Величайшую жизненную мудрость я нашёл в негативизме Шопенгауэра; я не ишу в жизни ничего, весь внешний мир считаю лишь обманом собственных чувств, проникнутым

во всех своих частях вечным Таинством Непознанного. <...> Искусство для меня — высшее проявление индивидуальной силы, но это искусство для искусства (*l'art pour l'art*), искусство, вырастающее из потребности творить и признающее единственно Красоту, искусство бесполезное, редкостное, высокое, затрагивающее высочайшие душевные точки, фиксирующее тончайшие чувственные и словесные нюансы, искусство, не служащее ни одной из повседневных потребностей человечества: без глубоких тенденций Золя, моральных претензий Достоевского, религиозного идеализма Толстого, — искусство Флобера, Шарля Бодлера, этого моего любимца из числа бессмертных, искусство великого Малларме, Верлена <...> Что там Толстой со всей своей гениальной, великой мыслящей душой, — Толстой, который надеется перевернуть человечество и сделать его лучше. Какое заблуждение! Бесконечная вселенная, полная сияющих миров, наша земля с её многообразной жизнью, человечество со всей своей историей — всё подчинено ряду законов и несётся вперёд со слепой силой, как камень, падающий по закону тяготения; ничто не задержит этот головокружительный полёт; прогресс человечества был предопределён уже тогда, когда первый нервный узел завязался в живом существе. Шаг в шаг с прогрессом идут грех, вечное зло, гниющая рана на теле природы, через которую выводятся гнилостные, испорченные соки, извращённая, затхлая кровь. Всё должно оставаться таким, каково оно есть, и все старания идеалистических энтузиастов, благородных людей, которые пытаются реформировать общество и создают новые религии (а Толстой один из них), в лучшем случае ускорят переворот, подготовленный внутренним брожением, и придадут жизни новую форму, более интенсивную, превосходящую форму прежнюю, где добро и зло будут звучать более высоким и утончённым тоном. Этим я не хочу сказать, что последний вывод из идей Толстого, как я их понял в „Крейцеровой сонате“, лишён внутренней логики; наоборот, я буду в своём суждении, может быть, единственным, если скажу, что вымирание человечества, как его нарисовал Толстой, станет в необозримом будущем последним плодом и вершиной цивилизации. Но только художником, художником типа Бодлера, который принимает жизненное зло как неизбежный фатум и не желает, чтобы всё было иным, художником, единственным стремлением которого было бы с помощью новой комбинации слов, идей, звуков создать новое впечатление, художником чистой формы, жрецом абсолютной Красоты, не стал ни один из русских писателей мирового масштаба; возможно, причина этого заключается в пресловутой тэновской среде; необычные русские условия не позволяли таланту развиваться в таком направлении» (*Ibid.* S. 253–254). Именно в идее вымирания человечества, вытекающей из мечты Толстого о «чистом взаимоотношении полов», чешский поэт находит сходство русского писателя с Шопенгауэром, — причем

не единственное, ибо «мысль великих духов текла и течёт в одно море» (см. письмо к А. Паммровой от 8 октября 1892 года: *Ibid.* S. 257).

Книги, вышедшие в серии «Русская библиотека», Вацлав Ебавы перестаёт читать (последней из них были «Записки охотника» — 1-й том чешского собрания сочинений Тургенева, 1891), — да и вообще, по-видимому, русских авторов, за исключением, возможно, только Толстого и Достоевского. Впрочем, если судить по переписке Бржезины, Достоевского он читает тоже уже позднее, в свой символистский период. 13 декабря 1896 года он пишет А. Паммровой, что Стендаль и Достоевский благодаря своей способности проникать в человеческую психологию оказали наибольшее воздействие на современную литературу (*Ibid.* S. 396). А 7 октября 1897 года, посылая ей «Преступление и наказание», ею уже наверняка читанные, поясняет это так: «<...> произведения Достоевского принадлежат к числу тех, прочтя которые только один раз мы проявляем недостаточное уважение к посланиям гениальных душ. Гениальность наряду с красотой — это единственное, что способно примирить человека с нынешним днём планеты. Встречу Раскольникова с Соней и некоторые бессмертные страницы „Братьев Карамазовых“ я отношу к самым сильным проявлениям современной мысли, которая долетит из нашего столетия и зазвучит в будущем. В тяжком дыхании его творчества, которое отравляло бы болью, если бы не излечивало любовью, из-за слов, сияющих иным светом, на нас смотрит измученное лицо Достоевского, каким Вы знаете его по портретам: беспокойно бледное, обессиленное экстазом, охватившим его между двумя приступами болезни» (*Ibid.* S. 451). Этот обессиливающий экстаз был хорошо знаком и самому поэту!

Чешский литературовед Милослав Егличка справедливо отметил, что русские реалисты, прежде всего Толстой и Достоевский, воздействовали на Бржезину и в символистский период, их мысли «глубоко проникли в память поэта и с полной настоятельностью вписались в его духовный горизонт» в период создания последних его поэтических книг (*Jehlička M. Ruské zdroje inspirace Otokara Březiny // Svět literatury* 12. 1996. S. 54).

4. Русский и чешский символизм

1 декабря 1892 года в письме Анне Паммровой Вацлав Ебавы-Бржезина (16 декабря в журнале «Нива» уже появится подборка «Из стихов Отокара Бржезины») определяет свой творческий метод как символизм.

Можно ли говорить о воздействии на него русского символизма?

При определении истоков символизма мы в разных странах с некоторыми вариациями встречаемся с одними и теми же именами: Эдгар По, Бодлер, Верлен, Рембо, Метерлинк, Верхарн, в философии — Шопенгауэр и Ницше.

Это отнюдь не означает, что русские или чешские символисты — эпигоны или хотя бы прямые продолжатели западноевропейского символизма. И те и другие во многом опирались на собственные национальные традиции (Пушкин, Баратынский, Лермонтов, Тютчев, Фет, Вл. Соловьёв в России, Маха, Врхлицкий, Зейер в Чехии). И у русских, и у чешских символистов были собственные теоретики и критики, обосновавшие их эстетическую и философскую позицию. В России это были Владимир Соловьёв, Валерий Брюсов, Андрей Белый, Вячеслав Иванов, в Чехии — Арношт Прохазка, Иржи Карасек из Львовиц, но в первую очередь — Франтишек Ксавер Шальда. Естественно, что пути развития русского и чешского символизма в чём-то сходились и во многом различались.

Рождение русского символизма относят к 1892 году, когда Дмитрий Мережковский прочёл свой доклад «О причинах упадка и новых течениях в современной русской литературе». Затем появилась статья Николая Минского «Старинный спор» (1894). Вскоре выходит и первый сборник стихов Брюсова «Chefs d'œuvre» (1895), и следом в литературу широкой волной вступает ряд поэтов — Зинаида Гиппиус, Сологуб, Бальмонт, и менее значимые: Коневский, А. Добролюбов, Балтрушайтис; с начала XX века печатаются «младшие» символисты — Вяч. Иванов, Андрей Белый, Блок, Волошин, которым подражает множество эпигонов. В чешской поэзии символизм — явление более ограниченное во времени и представленное значительно меньшим числом поэтов. Прежде всего, это Отокар Бржезина и Антонин Сова. Только две книги стихов успел издать рано ушедший из жизни Карел Главачек. Скорее декадентским, чем символистским было творчество Иржи Карасека из Львовиц. То же можно сказать и о ранних стихах крупного поэта Станислава Костки Неймана. В 1895 году появился «Манифест чешской модерна», в котором провозглашалось: «позавчера — романтизм, вчера — реализм, сегодня — символизм». Среди подписавших манифест мы находим имена Бржезины и Сова. Стихи Бржезины и Сова вызывали острую критику и пародии, хотя, в отличие, например, от раннего Брюсова, эти поэты чурались намеренного эпатажа.

Общей чертой, объединявшей русских и чешских символистов, было неприятие своей эпохи, трагическое мироощущение. Перед революцией 1905 года поэзия русских символистов обретает черты апокалиптичности. Возникает тема города как символа губительной техники, общественных катаклизмов, грядущей катастрофы. Русские поэты-символисты, в основном жители Петербурга и Москвы, стремятся бежать из городов-спрутов. Но непосредственно к изображению природы они обращаются не часто. По-иному соотносятся город и деревня в стихах провинциалов Бржезины и Сова (последний провёл в провинции детство и отрочество). В философскую символику

Бржезины образы природы входит как её неотъемлемая часть. Символ природы для Бржезины неразрывно слит с высокой космической идеей будущего человечества, его естественного бытия в природе, слияния с ней. У Совы рустикальные мотивы сильны в ранний и поздний периоды творчества.

От старших русских символистов Бржезина и Сова отличались тем, что, в сущности, никогда не были декадентами и не должны были декадентство преодолевать. Бржезина, к примеру, в отличие от Фёдора Сологуба, никогда не воспевал Смерть, хотя тема смерти была одной из центральных в его творчестве. «Бржезина и Смерть делает союзницей Жизни» (К. Бальмонт). Об этом писали и многие чешские литературоведы.

Для творчества старших русских символистов был характерен повышенный индивидуализм, прокламируемый, например, в брюсовском стихотворении «Юному поэту»: «<...> никому не сочувствуй, / сам же себя полюби безраздельно». «Я» русских символистов — даже у молодых Блока и Белого — стояло в центре их мировосприятия. Лишь позднее не только Блок и Белый, но и Брюсов и Бальмонт отходят от индивидуалистических позиций. У чешских символистов (Бржезина, Сова, С. К. Нейман) эта эволюция осуществляется раньше, уже на рубеже веков.

Раньше и шире чешские символисты вводят в поэзию свободный стих, а Бржезина — развёрнутую метафору. Чешский литературовед Милош Погорский нашёл для его поэзии такое определение: «Висячие сады метафор, экстазов и грёз» (*Pohorský M. Visuté zahrady metaphor, extazi a snů // Březina O. Tajemné dálky. Svítání na západě. Větry od polů. Blansko, 2004. S. 107–114*). Такую роль, как у Бржезины, в русской литературе метафора обрела лишь у футуристов и имажинистов.

Знакомство Бржезины с русским символизмом могло начаться ещё в ту пору, когда он не читал по-русски. Сведения о русском символизме стали проникать в Чехию с начала 1890-х годов. В 1892 году Арношт Прохазка опубликовал в журнале «Весна», выходившем в городе Ческе Мезиржичи, перевод стихотворения Н. Минского «Засуха» (*Sucho // Vesna 2. Č. 6. S. 97*). В 1886–1897 годах Бржезина печатался в этом журнале.

С 1888 года в чешской печати появляется информация о духовном отце русских символистов Владимире Сергеевиче Соловьёве, переводы его статей и стихов. Йозеф Микш пишет о нём как об одном из «последователей французского символизма», рецензируя его мистерию «Белая лилия» в журнале «Освета», который Бржезина в 1890-х годах также систематически читал (*Mikš J. Ruská literatura roku 1894. Básnictví // Osvěta 25. 1895. Č. 7. S. 601–618*). В следующем году тот же автор находит «следы сильного влияния символистов и декадентов» в сборнике Соловьёва «Стихотворения» (2-е издание, 1895) (*Mikš J. Ruská literatura roku 1895. I. Básnictví // Osvěta 26. 1896. Č. 6. S. 523–533*). Журнал

«Весна» публикует перевод стихотворения Соловьёва «В тумане утреннем неверными шагами...» (*Vesna* 16. 1897. č. 19–20. S. 316). После смерти Соловьёва статьи о нём опубликовали Б. Прусик (*Česká revue* 4. 1900–1901. S. 1250–1252), Й. Микш (*Česká mysl* 2. 1901. S. 52–55, 135–140), А. Врзал (*Hlídká* 18. 1901. S. 19–22, 82–85). Небольшую подборку его стихов в своём переводе напечатала Павла Матернова (*Solovjev V. S. Básně. Ne z vůle osudu. O nač tu slov?.. Ex oriente lux // Slovanský přehled* 3. 1900–1901. S. 349–350).

О Бальмонте чешскую общественность информировал всё тот же Й. Микш (весьма критическая оценка его второго сборника «Под северным небом» в упомянутом выше «Обзрении русской литературы за 1894 год» и не менее критический отзыв о его третьей книге «В безбрежности» в следующем годовом обозрении русской литературы в «Освете»). Журнал «Славянский пршеглед» (1902–1903) опубликовал статью П. Матерновой о нём и подборку переводов. В свой первый год издания брненский журнал «Глидка» поместил краткое изложение статьи А. Фаресова «Русские символисты и импрессионисты», где впервые в чешской прессе появились имена Брюсова и А. Добролюбова (*Mnik T. G. Otgoloski // Hlídká*. 1896. S. 860). О сборнике Брюсова «*Tertia vigilia*» и его статье о русской литературе в известном лондонском журнале «Атенеум» информировал своего читателя даже консервативный «Звон». Наиболее подробно о новом литературном направлении в русской литературе писал Й. Микш. В обозрении русской литературы за последние годы XIX века он посвящает декадентской поэзии специальную главу (Минский, Фофанов, Бальмонт, Сологуб, Мережковский, Гиппиус и другие) (*Osvěta* 29. 1899. Č. 2), а затем печатает с продолжением большую статью «Русские декаденты и символисты» (*Osvěta* 35. 1905. Č. 1. S. 52–61; Č. 1. S. 995–1006). Статьи этого преподавателя гимназий в Тамбове и Новороссийске не отличались особенной глубиной и самостоятельностью суждений, зато основывались на программных заявлениях русских символистов, из которых приводились обширные цитаты.

Налаживается сотрудничество между чешскими и русскими символистами. В марте 1904 года журнал «Модерни ревию» публикует сочувственную рецензию Г. Кршижа на сборники Ф. Сологуба («Жало смерти»), А. Белого («Золото в лазури»), Вяч. Иванова («Прозрачность») и В. Брюсова («*Urbi et orbi*») (*Kříž G. Severní květy // Moderní revue* 11. 1904–1905. Č. 1. S. 51–54). В марте 1905 года тот же автор поместил в «Модерни ревию» статью о современной русской литературе «Русские книги», посвящённую прежде всего «Стихам о Прекрасной Даме» А. Блока. С ноября 1904 года в каждом номере «Модерни ревию» печатается реклама московского символистского журнала «Весы» (1904–1909). Между журналами русских («Весы», «Аполлон») и чешских символистов («Модерни ревию») происходит обмен материалами.

Одновременно с указанными чешскими рецензиями на русские книги с весны 1904 года в России появляются отклики на книги Эдварда Класа (Владимиры Едличковой) «Рассказы ни о чём» и С. К. Неймана «Сон о толпе отчаявшихся» («Весы», март 1904 года), на брошюру А. Прохазки об Одилоне Редоне («Весы», весна 1905 года), печатаются «Письма о славянской культуре» Уильяма Риттра («Аполлон», 1910, № 4) и статья Милоша Иранека о чешском изобразительном искусстве («Аполлон», 1910, № 8). В 1906 году в Прагу должны были приехать главный редактор московского символистского журнала «Золотое руно» А. П. Воротников и практический руководитель «Весов» Брюсов (он осуществил это намерение позднее, в 1909 году). Брюсов был для «Модерни ревью» самым выдающимся современным русским поэтом, а для «Весов» самым выдающимся современным чешским поэтом был Карасек из Львовиц (в библиотеке Брюсова сохранилась упомянутая выше книга Э. Класа с предисловием Карасека и книга самого Карасека «Идеи завтрашнего дня»).

Наиболее систематично за развитием современной русской литературы следил журнал Адольфа Черного «Словански пршеглед». В постоянной рубрике этого журнала «Из славянской поэзии», помимо стихов Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, А. К. Толстого, Полонского, Апухтина, Надсона, печатались переводы из Мельшина, Скитальца, Голенищева-Кутузова, Величко, Фруга, Фофанова, Лохвицкой, Вл. Соловьёва, Минского, Мережковского, Бальмонта. Однако ни Брюсов, ни Андрей Белый, ни Блок и другие «младшие» символисты в поле зрения главных поэтических переводчиков журнала «Словански пршеглед» Франтишека Таборского и Павлы Матерновой так и не попали. О новой русской литературе на страницах журнала писали не только чешские слависты (Б. Прусик. Й. Фолпрехт), но также польские и русские авторы (В. Боциановский, М. Здоховский, Т. Налепинский, А. И. Яцимирский, И. В. Владиславлев). В «Письмах из Петербурга» часто извещала читателей о литературных новостях Ромуальда Ромуальдовна Бодуэн де Куртенэ — жена известного польско-русского лингвиста, печатавшаяся под псевдонимом Новый. Большинство из этих авторов были сторонниками реалистических традиций и к символизму относились скептически. Тем не менее Яцимирский отметил гражданские мотивы в поэзии Бальмонта и Брюсова периода первой русской революции, а Владиславлев писал о новых девизах, провозглашённых Бальмонтом и Блоком.

Критическое отношение к русскому символизму было характерно и для журнала реалистической партии Т. Г. Масарика «Наше доба» и многих других чешских печатных органов. Отношение чешской либерально-демократической общественности к русскому символизму изменилось лишь после публикации перевода лекции С. А. Венгерова «Основные черты истории новейшей русской литературы» и его книги «Победители или побеждённые?», переводчик ко-

торой Габриэль Шуран снабдил издание краткими справками об отдельных авторах, среди которых были Брюсов, Бальмонт, Сологуб, Блок, Андрей Белый, Вяч. Иванов, Зайцев. А. Черный (*Černý A. S. A. Vengerov. Základní gusy nové literatury ruské // Slovanský přehled 14. 1911–1912. S. 480*) и Й. Фолпрехт (*Folprecht J. S. A. Vengerov. Literatury ruské gusy základní // Přehled 10. 1911–1912. S. 787*) в своих рецензиях подчёркивали значение заключительной части брошюры Венгерова с характеристикой эволюции русского символизма. Черный констатировал отход символистов от аморализма и аполитичности, Фолпрехт интерпретировал суждения Венгерова как свидетельство возвращения русских символистов к служению жизни. В том же духе писал об эволюции русского символизма Борис Морковин, с которым Бржезина был близко знаком (*Morkovin B. Ruská literatura v roce 1912 // Naše doba 20. 1912–1913. S. 485, 487*).

В журналах Шальды «Новина» и «Ческа культура» печатаются статьи, свидетельствующие о сочувственном внимании к поискам новейшей русской литературы. Сам Шальда приветствует издание «Библиотеки славянских авторов», из которых «прежде всего русские и польские», по его мнению, весьма успешно соперничают «с лучшим, что имеет в беллетристике Запад» (*F. X. Š. Knihy slovanských autorů // Česká kultura 2. 1913–1914. S. 181*). Й. Фолпрехт публикует обзор критических выступлений русских символистов и упоминает программную статью Блока «Три вопроса» в журнале «Золотое руно» за 1908 год (*Folprecht J. O literatuře kulturní a primitivní // Novina 4. 1910–1911. S. 296–302*). Ян Бартош в статье «Ренессанс русской литературы» пишет о «сильных именах» русской «модерны» и причисляет к ним Блока (*Bartoš J. Renesance ruské literatury // Novina 4. 1910–1911. S. 178–179*).

Появляется всё больше произведений русских символистов. Переводятся уже не только Бальмонт, Брюсов, Мережковский, Гиппиус и Сологуб, но и Анненский, Блок, Белый, Вяч. Иванов, Волошин или Сергей Соловьёв.

Бржезина следил за такими журналами, как «Модерни ревю», «Новина», «Ческа культура», и, несомненно, должен был заметить многие из упомянутых выше публикаций. Но при этом следует учесть одно важное обстоятельство. Русский символизм, развивавшийся параллельно с чешским, не мог стать для Чехии идейно-художественным открытием, пока он оставался «русско-французским», подражательным, оторванным от жизни. Чешские собратья русских символистов, естественно, предпочитали «оригиналы спискам». С «младшими символистами» России их скорее объединяют общие духовные отцы и литературно-философские увлечения (Толстой, Достоевский, Вл. Соловьёв). Только когда русский символизм стал в достаточной мере русским, он обрёл интерес и для чешских писателей.

В этом отношении чрезвычайно характерно письмо Шальды переводчице Жофии Погорецкой, приславшей ему для опубликования в «Новине» отрывок из книги Мережковского «Толстой и Достоевский» и статью Анненского «Что такое поэзия?»:

«...искренняя благодарность за Мережковского; мне, вероятно, не надо Вас заверять, что местами я его читал, затаив дыхание. Вообще, современная Россия столь часто поносима и всё же при всём своём хаосе уникальна. Если бы я смог сейчас выбирать родину, я выбрал бы её и только её.

Статьёй Иннокентия Анненского „Что такое поэзия?“ я уже не так воодушевлён — может быть, потому, что всё, о чём там говорится, я продумал уже много лет назад, и теперь это для меня нечто столь же само собой разумеющееся, как воздух и вода» (*Lifka B. F. X. Šalda a Žofie Pohorecká // Literární archiv 3—4. Praha, 1969. S. 252*).

Даже если Бржезина был знаком с некоторыми из этих материалов, серьёзного воздействия на него в период работы над шестью поэтическими книгами они не оказали по той причине, что его собственная эволюция *предвосхитила* эволюцию русского символизма. Недаром, сопоставляя свои стихи из сборника «Ясень» (1916) со стихотворением Бржезины «Я как дерево в цвету» («Строители храма», 1899), Константин Бальмонт замечает: «Книги Бржезины написаны задолго до того, как пропелись эти строки, — за три пятилетия, — и если я их привожу, это лишь потому, чтобы сказать, что я, славянин, русский, чувствую, что я узнаю самого себя в славянине, поляке Яне Каспровиче и в славянине, чехе Отокаре Бржезине». Нечто подобное могли бы сказать и «младшие» русские символисты. Хотя стихотворение «Миф женщины» Бржезина публикует в 1904 году, то есть в год появления «Стихов о Прекрасной Даме» Блока и после поэтических дебютов А. Белого и Вяч. Иванова, образ Святой, Неуловимой, Сестры, Королевы надежд как посланницы Неназванного присутствует в его поэзии уже с момента выхода «Таинственных далей». Чешский литературовед Дануше Кшицова справедливо пишет: «Основой великолепного храма стихов Бржезины, несомненно, является душа — субъект и одновременно двойник автора. <...> Аналогия <...> с соловьёвской душой мира, Софией — синонимом мудрости — или Девой радужных ворот здесь очевидна. <...> Таинственную Незнакомку Блока предвосхищает его (Бржезины. — *О. М.*) изображение женщин в стиле модерн <...>» (*Kšicová D. Secese. Slovo a tvar. Brno, 1998. S. 103*). Наибольшее типологическое сходство с Бржезиной обнаруживают, пожалуй, те русские поэты-символисты, в творчестве которых нашло воплощение чувство причастности человека как микрокосма к жизни вселенской, макрокосмической: Бальмонт, Белый периода «Золота в лазури», Вяч. Иванов, Балтрушайтис.

5. Изучение Бржезиной русской культуры

Бржезина сам себя называл «страстным читателем». Но он не просто читал — он изучал ту или иную литературу и для этого хотя бы пассивно овладевал соответствующим языком. Ещё гимназистом он овладел немецким, французским и польским языками. Самостоятельно изучал латынь и греческий. В 90-е годы осваивает английский, в 900-е — итальянский. На рубеже 1900-х и 1910-х годов активно принимается за изучение русского, о чём говорит, в частности, то обстоятельство, что с первого года издания журнала «Аполлон» (1909) он становится его подписчиком. В Литературном архиве Музея национальной письменности в Праге хранится чёрная тетрадь с русским заголовком «Словарь» и чешским подзаголовком «Русский словарик». В эту тетрадь Бржезина записывал русские слова с их переводом на чешский. Якуб Демль вспоминает, что уроки русского языка Бржезина брал в 1915 году на словацком курорте Лугачовицы у Бориса Морковина — русского революционера, уехавшего в Чехию в 1904 году и преподававшего русский язык сначала в пражском коммерческом училище, а затем и в чешском университете (*Deml J. Mé svědectví o Otokaru Březinovi. Praha, 1931. S. 131*).

Где-то около 1910 года Бржезина сказал Эмануэлю Халупны: «Тут ничего не поделаешь <...> авторитет нас, славян, в мире падает и растёт одновременно с авторитетом России» (*Dopisy Otokara Březiny II. Emanuel Chalupný. Dopisy a výroků Otokara Březiny. Praha, 1931. S. 202*).

Намерение возвратиться к изучению русской культуры наметилось у Бржезины в конце 90-х годов. Уже в это время он пришёл к убеждению, много позднее (11 мая 1915 года) сформулированному в письме Милошу Мартену: «Мы проходим всеми веками, учимся мудрости всех народов, чтобы наконец вернуться к родному очагу и просветлённым внутренним взором постигать тайну собственного племени, которой мы связаны с природой этой страны и единственно с помощью которой мы можем повлиять на судьбу всех человеческих усилий и человеческой мысли на земле» (*Březina O. Korespondence II (1909–1929). Vmno, 2004. S. 1077*).

Вот почему в нём, сыне угнетённой нации, всё настойчивее воскресает сознание своей принадлежности к национальной традиции, к славянству, сознание родства с русской культурой. 30 апреля 1900 года он пишет А. Паммровой: «Стюарт Чемберлен, последний том которого я вам посылаю (речь идёт об историософском сочинении этого английского консервативного мыслителя «Основы девятнадцатого столетия», вышедшем в 1899 г. по-немецки в Мюнхене. — *О. М.*), не понимает нас, славян, наше понимание космоса, отличающееся от германского, ныне победившего и, возможно, утвердившегося на тысячелетие. Он не знает нашей речи, мистической глубины символики,

которая звучит в ней подобно скрытым родникам, тайной склонности нашего сердца сострадать с космической печалью женского элемента славян, как говорил Ницше, который — хотя и провозглашал германское евангелие, призывающее растаптывать рабов, — знал нас, потому что в его жилах текла и наша кровь; не знает русских, Толстой, Достоевский ему чужды, не понимает нашего чешского Хельчицкого и наивысшего проявления нашего чешского духа — Братской общины, составляющей предмет гордости нашего шестнадцатого столетия, даже Гуса не понимает во всей огненной его сущности, даже Коменского...» (*Březina O. Korespondence I. S. 533*).

Чешская самобытность воспринимается Бржезиной как разновидность славянской самобытности и часть всечеловеческого духа.

Это ощущение усиливается в преддверии русской революции 1905 года. Той же А. Паммровой он писал 4 апреля 1904 года: «Народ нуждается в подготовке к великому социальному и экономическому перевороту, предвещения которого мы на всей земле ощущаем; в литературе фактов, расчётов, анализа, разума и научной строгости; в литературе, которая покажет ему весь план таинственного заключения, в котором он томится; в литературе, которая будет учить его, как жить, знакомит его с диетой тела и духа и возбуждает в нём ужас перед всеми ядами, с помощью которых князья тьмы веками удерживают его в рабстве. Для минут любви и молитвы что вы дадите ему более высокого, чем Нагорная проповедь и проповедь на берегу озера и чем Толстой?» (*Ibid. S. 637*).

На протяжении всех 90-х годов он читает и перечитывает религиозно-философские сочинения Толстого и неоднократно ссылается на его суждения. В 1896 году сообщает А. Паммровой о переписке Толстого с Душаном Маковицким, опубликованной в словацком журнале «Словенске погляды». В 1900 году читает чешский перевод книги Евгения Андреевича Соловьёва «Л. Н. Толстой. Его жизнь и литературная деятельность».

Если в 1891 году Вацлав Ебавы, не согласный прежде всего со взглядами Толстого на искусство и науку, с явной иронией по отношению к «яснопольянскому пророку» цитирует строку из стихотворения Ярослава Врхлицкого «Маяки»: «Сам худ, стал тринадцатым апостолом Христа» (*Ibid. S. 216*), то 19 января 1910 года он без всякой иронии в разговоре со своей поздней возлюбленной Эмилией Лакомой называет лучшими представителями человечества Христа и Толстого (*Lakomá E. Úlomky hovoru Otokara Březiny. Vrnó, 1992. S. 25*). А 7 декабря того же года пишет А. Паммровой: «Умер Толстой, ушёл из Ясной Поляны, как святые древности, поэты упанишад, святые отцы первых лет христианства, которые в пустыне ожидали прихода Смерти в сопровождении последних истин. Не мог жить жизнью интеллигентных людей, которая была непрерывной противоположностью всего, в чём он распознал

истину, и ушёл; 30 лет собирал силы для этого решения, перед смертью их наконец нашёл. И так драма духовного освобождения, развёртывавшаяся в его творчестве на глазах миллионов людей по всей планете, достигла апогея в жесте возвышенной логики и простоты, подобного которому мы не увидим уже за всю свою жизнь.

Минуют тысячелетия, распадутся империи, наша история окажется в забвении, изменится наука, океаны затопят землю, Европа превратится в ледяную пустыню, как это уже многократно случалось, и, возможно, где-нибудь у экватора, на новых материках, которые поднимутся на месте бывшей Атлантиды, иное человечество вспомнит имена Будды, Лао-цзы, Христа и славянского мудреца, который провозглашал, что смысл жизни заключается в непротивлении злу насилем, в любви и служении людям; и, может быть, его имя и легенда его жизни будут тем единственным, что останется от всей нашей цивилизации» (*Březina O. Korespondence II. S. 931–932*).

Во фрагментах разговоров Толстого с Максимом Горьким, опубликованных французским журналом «Ля Нувель Ревю Франсез», Бржезина замечает «молнии, обнажающие муки творческого духа, и демонические силы, с которыми он борется» (*Ibid. S. 1307–1308*). Его интересуют любые сведения и упоминания о личном секретаре Толстого Душане Маковицком (письмо Ярославу Лакомому от 14 июня 1922 года: *Ibid. S. 1929*).

В известной мере он сам уподобляется Толстому, выступая в роли некоего гуру, чьи высказывания записывают многочисленные посетители.

По свидетельству друга и душеприказчика Бржезины Эмануэля Халупны, в этот период он ставил Толстого как мыслителя и художника выше Достоевского. 22 января 1911 года Халупны записал такие слова Бржезины: «Толстой должен был родиться в России. Пожалуй, нигде так, как в России, язык не был подготовлен к познанию и высказыванию правды. Толстой и более велик, чем Достоевский. Тот нездоров, говорит от имени больных, угнетённых и учит состраданию к ним, тогда как Толстой говорит от имени всего человечества и обращается в равной мере как к верхним десяти тысячам, так и к работникам и последнему бушмену в Африке. Если он произносит „Человек“ — как много заключено в этом слове! Судьбы всех человеческих миллионов, расцвет жизни в молодости, зрелость и затем упадок, слабость и болезни. И он знает, что дело спасения зависит от миллионов, а не от индивидуума, как считает Ницше» (*Dopisy Otokara Březiny II. S. 209*). Но десятилетие спустя, 26 декабря 1921 года, Бржезина сказал Эмануэлю Халупны: «Толстого как мыслителя переоценили. Мир ценит его идеи под впечатлением его огромных художественных картин — „Войны и мира“, „Анны Карениной“, рассказов, в которых он проявил себя поразительным знатоком человеческой души. Кроме того, захватывает его слог: каждая фраза словно бы выкована

для вечности. Но согласно его учению нельзя жить ни в современном обществе, ни в обозримом будущем. Это учение для монахов, духовборцев; он и сам подтвердил это, собираясь закончить жизнь в монастыре» (Ibid. S. 210). 27 декабря 1922 года Халупны записал такое высказывание Бржезины о Толстом: «Толстой ошибается, когда думает, что желание творить добро само по себе способно спутать дьяволов (тёмные силы) в нём. Человек — существо более полифоничное, сложное» (Ibid. S. 211). Достоевский, по его мнению, «более мягок, больший славянин, чем Толстой» (Ibid. S. 203).

Эмануэль Халупны вообще считал, что в 1910–20-х годах из русских писателей в центре внимания Бржезины были Достоевский и В. С. Соловьёв. К Соловьёву мы ещё обратимся ниже, когда будем говорить об отношении Бржезины к русской религиозной философии, преклонение же его перед Достоевским подтверждается рядом свидетельств.

21 марта 1909 года Бржезина писал педагогу и писателю Йозефу Черноху: «Изучайте „Братьев Карамазовых“; когда встретимся, будем о них говорить. Точно так же и в остальном творчестве Достоевского Вы найдёте беспокоящие душу прозрения в страшный, околдовывающий мир, по которому ребёнок идёт с такой нежной доверчивостью» (*Březina O. Korespondence II. S. 877*).

14 июня 1914 года Антонин Павел, рассказывая о посещении Бржезины в письме к философу Ладиславу Климе, сообщал, что его, Ладислава Климы, мнение, согласно которому всё христианство Достоевского заключено в словах старца Зосимы о самоубийстве, вызвало протест поэта: «Но ведь это не христианство. Зосима Достоевского видит христианство в том, чтобы, когда кто-нибудь приходит к вам зимой ночью, уступить ему постель, а самому спать на земле! Вот это христианство, и так бы поступил Зосима! Христианство не одно. Их несколько в зависимости от времён и душ». Разговор перешёл к Достоевскому. «Его величие я вижу в бесстрашии, с каким он обнажал себя. Срывал с себя платье. Человек душевно не может себя обнажить целиком. Всегда какой-нибудь жест понтифика или часть облачения останется, но Достое<вский> безбоязненно шёл в этом дальше всех других. Разумеется, и у него встречаешь следы кокетства, но без этого не обойтись. Достое<вский> — византийский христианин, смесь набожности, аскетизма и жестокости. Византийский двор в VIII столетии после Рождества Христова поражал атмосферой монастыря, гарема и жестокости одновременно! Здесь была почва для поразительных духовных состояний, о которых мы сегодня не имеем представления! У нас в этой искренности и обнажённости более всего похож на Достое<вского> Билек». А. Павел отметил, что Достоевский так же, как Стендаль, не любит описаний природы. «Да, — согласился Бржезина, — и в этом заключается современность Достое<вского>! Он знал, что описание — элемент статический. А современное искусство любит динамику, и это

совершенно правильно. Естественно, при сравнении с современным многообразием в тем более выгодном свете выступает и его экономная выразительность» (цит. по: *Ibid.* S. 1051–1052).

Эмилия Лакомая 22 октября 1921 года записала такое высказывание Бржезины: «Книги Достоевского тяжелы, болезненны. Наиболее глубокие писатели властвуют на границе жизни и смерти, и так поступает Достоевский. Он глубок. Эпизоды с инквизитором и Иваном отличаются редкой глубиной. Но его творчество производит болезненное впечатление. Достоевский постоянно играет лишь на крайних клавишах клавиатуры: либо на самых высоких тонах отчаяния, либо на самых низких тонах природы, на чувственности. На средних тонах он не играет вообще».

В том же разговоре он самым здоровым из русских писателей назвал Тургенева: «Он рисует жизнь с необыкновенной утонченностью и прекрасно изображает женщин» (*Lakomá E. Úlomky hovoru Otokara Březiny*. S. 123).

Сумел по достоинству оценить Бржезина и Чехова. Ещё 30 июля 1896 года, посылая А. Паммровой журнал «Женски обзор» с переводом рассказа «Ариадна», он называет Чехова «очень талантливым русским автором» (*Březina O. Korespondence I*. S. 351) и предрекает, что вскоре появится чешское издание его произведений. В разговорах с Эмануэлем Халупны Бржезина лишь Чехова выделял как по-настоящему крупного писателя. Горького упрекал в отсутствии систематического образования, которого не может заменить никакая гениальность. Всех остальных современных русских писателей (например, Арцыбашева) считал более скромными дарованиями, к тому же заражёнными влиянием Запада и духом разложения (см.: *Dopisy Otokara Březiny II*. S. 206).

Русских классиков Бржезина перечитывает теперь в оригинале.

Основу той части личной библиотеки Бржезины (она ныне находится в Моравской земской библиотеке), где хранятся книги на русском языке, составляют «Иллюстрированная Пушкинская библиотека» (СПб., 1899–1910, 24 тома), два тома «Гоголевской библиотеки» (СПб., 1906–1908) и «Иллюстрированная Лермонтовская библиотека» (21 том из 30, СПб., 1899–1910); все эти книжные серии выходили в издательстве Ф. Павленкова. Далее, тут содержится 17 томов из «Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского» («Всемирная библиотека» петербургского издательства «Просвещение») и два тома «Дешёвой библиотеки» А. С. Суворина (1898–1903). В библиотеке Бржезины мы найдём на языке оригинала почти все основные произведения Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Достоевского, «Хозяина и работника» и «Двух гусаров» Толстого, «Дым», «Новь» и рассказы Тургенева, «Обломова» Гончарова, «Господ Головлёвых» Салтыкова-Щедрина, рассказы и «Дядю Ваню» Чехова, «Сказки» Горького. Широко представлена в ней и классическая

русская поэзия (русские песни, подготовленные к изданию А. Е. Мерзляковым и Н. Г. Цыгановым, Крылов, Веневитинов, Языков, Аполлон Майков, А. К. Толстой, Надсон, собрания стихотворений Тютчева и Фета). Из прозы символистов — «Мелкий бес» Ф. Сологуба и «Лунные муравьи» З. Гиппиус. Из дореволюционных изданий поэтов-символистов — первое собрание стихотворений Блока (М., 1911–1912, 3 тома), два сборника Бальмонта «Только любовь» (М., 1908) и «Зарево зорь» (М., 1912) и сборник Брюсова «Зеркало теней. Стихи 1909–1914» (М., 1914). В переводной части этой библиотеки, помимо основных произведений Льва Толстого, повести Чехова «Мужики» и его рассказов, воспоминаний Л. Ф. Достоевской об отце (отсутствие здесь переводов его книг подтверждает мнение Э. Халупны, что Достоевского Бржезина по-настоящему оценил, только прочтя его в оригинале), представлена современная русская проза и драматургия («Юморески» Аверченко, «Сын человеческий» Л. Андреева, «Роман маленькой женщины» и «Смерть Ланде» Арцыбашева, «Слепой музыкант» Короленко, «Юлиан Отступник», «Пётр и Алексей» и «Павел I» Мережковского, «Под полицейским наблюдением» Чирикова). Но встречается и критика («Что такое обломовщина» Н. А. Добролюбова), и публицистика («Грядущий хам» Мережковского). Из поэзии — только «Былины, древние русские богатырские песни» в переводе А. Курца (1925) и третий том «Стихотворений» Лермонтова в переводе Ф. Таборского (1918). Примечательно, что здесь нет даже весьма популярного в Чехии сборника переводов Ф. Кршички из Брюсова «Пути и распутия», вышедшего в Праге в 1913 году. Бржезина явно предпочитал знакомиться с поэзией по оригиналам.

Но и эта библиотека не даёт полного представления о широте знакомства Бржезины с русской литературой. А. Памровой он, например, сообщал в 1896 году, что её идею идеальной любви разработал И. Н. Потапенко в рассказе «Клавдия Михайловна», перевод которого годом ранее появился в чешском журнале «Кветы». Чешский славист Яромир К. Долежал-Поездны, которого Бржезина позднее благодарил за присылку статьи о Чехове, видимо, послал ему и свою книгу о И. Ф. Наживине, вышедшую в 1908 году. Поездны опубликовал по-чешски и несколько сборников этого русского писателя. И вот своему другу, поэту и публицисту Якубу Демлю Бржезина сообщает, что только у Наживина встречал такую же, как в письме у него, Демля, «силу, задумчивую страстность и тоску *славянской души*» (*Březina O. Korespondence I. S. 840*). Эмили Лакомой Бржезина в 1909 году посылает дневники Марии Башкирцевой. Брал он русские книги для прочтения и в библиотеках, и у своих друзей. 8 августа 1918 года он писал Демлю, что забыл в том книжном шкафу, «где у него Тургенев», свои книги. Какие-то книги, вероятно, кто-то «зачитал», какие-то не были перевезены при переезде на

последнюю квартиру. Так, Якуб Демль вспоминал, что Бржезина давал ему читать роман Мережковского «Леонардо да Винчи», ныне в переводной части библиотеки поэта отсутствующий.

Чешский славист и германист Антонин Станислав Магр и немецкий литератор из Праги Отто Пик так суммировали поздние воззрения Бржезины на русскую литературу. Отметив, что поляки — единственный славянский народ, непрерывно участвовавший в духовной жизни Европы и достигший в своей поэзии высшей степени совершенства, Бржезина добавил: «Русской поэзии это касается не в такой мере. Единственный, кто здесь может быть назван, — это всё предвосхитивший Пушкин (и прежде всего его прекрасный „Евгений Онегин“). Последователи Пушкина Тютчев, Фет, Надсон, Бальмонт не достигают его уровня, равно как и Блок, который только в своих северных стихах и своим нордически-варварским Христом в „Двенадцати“ указывает на зачаточные подступы к новой художественной образности. Толстой и Достоевский стоят в стороне от этого направления, они скорее мыслители, чем поэты» (*Mágr A. S., Pick O. Stunden mit Otokar Březina. In memoriam. Prag, 1929. S. 10–11*).

По словам Э. Халупны, Бржезина внимательно следил не только за молодой русской литературой, но и за «русским изобразительным искусством» (*Dopisy Otokara Březiny II. S. 206*). В русской части его библиотеки сохранились многие номера «Русской художественной летописи» за 1912 год, выходящей как приложение к журналу «Аполлон» под редакцией С. К. Маковского и барона Н. Н. Врангеля, но отсутствуют годовые комплекты самого журнала, которые поэт показывал Эмануэлю Халупны и Якубу Демлю. В этом журнале, в частности, он мог прочесть статьи о конгениальном ему литовском художнике М. К. Чурленисе и увидеть воспроизведения его картин (*Маковский С. Н. К. Чурлянис // Аполлон. 1911. № 5. С. 23–28; Чудовский В. Н. К. Чурлянис. (Отрывки) // Аполлон. 1914. № 3. С. 22–58*).

Интерес Бржезины к русскому театру был настолько велик, что в 1914 году он ездил из Яромержице в Прагу, чтобы увидеть в роли Норы Ольгу Владимировну Гзовскую, точно так же, как позднее, в 1921-м, он не отказал себе в удовольствии увидеть «Вишневый сад» во время пражских гастролей «качаловской» труппы Московского Художественного театра.

Русский символизм, русский «серебряный век» были тесно связаны с расцветом религиозной философии. Привлекла она и внимание Бржезины. Ф. Кс. Шальда писал о религиозных и философских взглядах поэта: «<...> эти его взгляды были ближе всего русским консервативным теократическим мыслителям, будь то Соловьёв, будь то Бердяев. Но — обратите на это внимание и вдумайтесь хорошенько — этих мыслителей *не знал* молодой Бржезина, когда писал свои книги стихов; и всё же эти взгляды *in puse*

(лат. в зародыше. — *О. М.*) содержатся в его поэтическом наследии! Он узнал их в более поздние годы, во многом путём изучения оригиналов, когда, думаю, по инициативе лектора русского языка в чешском пражском университете Морковина научился читать по-русски. И теперь под старость, когда он их узнал, вот что ему открылось: что его поэтическое наследие в чём-то существенном им родственно, что оно имеет ту же мыслительную основу, тот же мыслительный подход, что и у русских теократических мыслителей, что оно имеет общий с ними оценочный и интерпретационный угол зрения на мир и человеческое общество. То, что он высказал в старости в некоторых своих прозаических эссе и что нашёл в старости у этих русских, никак не противоречило тому, что он инстинктивно нашёл и высказал стихом в своей молодости» (*Šalda F. X. O smyslu literárních dějín českých // Šalda F. X. Z doby Zápísníku II. Praha, 1987. S. 14–15*).

Личная библиотека Бржезины также свидетельствует об интересе чешского поэта к новейшей русской философии. В «русской» её части сохранились три тома Полного собрания сочинений В. С. Соловьёва (т. 6, 1886–1894; т. 7, 1892–1894; т. 8, «Оправдание добра») и книга В. Л. Величко «Владимир Соловьёв. Жизнь и творения» (2-е изд. СПб., 1903), в переводной части — книга Соловьёва «Духовные основы жизни» (Прага, 1915) в переводе Анны Тесковой — будущей корреспондентки Марины Цветаевой. Там же хранится книга Н. А. Бердяева «Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии» (Берлин, 1923). Ныне утеряны две книги Льва Шестова («Власть ключей», Берлин, 1923; «Добро в учении графа Толстого и Ницше». Берлин, 1923).

14 марта 1914 года в разговоре с социологом Эмануэлем Халупны Бржезина назвал Владимира Соловьёва «гениальным и величайшим русским мыслителем», «рассказал всю его биографию», хвалил за молодость и свежесть чувств, которые заставили его бесстрашно выступить в 1881 году против казни участников покушения на Александра II (*Dopisy Otokara Březiny II. S. 204*). Когда Бржезине стало известно, что Э. Халупны готовится издать свою «Социологию», поэт просил его не обойти в этом труде работ Соловьёва, а затем послал ему «Оправдание добра» и готов был послать остальные имеющиеся у него тома сочинений русского философа (*Březina O. Korespondence II. S. 1124*). 19 апреля 1921 года Бржезина благодарил Э. Халупны за его «прекрасное исследование о правовой философии великого В. С. Соловьёва, чьи ясновидение и мудрость, справедливая и ласковая ко всем проявлениям жизни на земле, будут (как мы надеемся) помогать русскому народу, когда на основах, заложенных веками, он начнёт вновь строить свою империю, не только для себя и охраны славянского рода, но и (как это всегда было присуще славянскому духу) для покаяния мира, для служения счастью всего человечества» (*Ibid. S. 1316–1317*). Якуб

Демль вспоминает, что как раз после прочтения Соловьёва — «во время мировой войны, если не раньше» — Бржезина с улыбкой говорил о буддизме как о «преодолённой точке зрения» и отдавал предпочтение католицизму» (*Deml J. Mé svědectví o Otokaru Březinovi*. S. 131). Гизе Пиковой-Саудковой Бржезина сказал, что Т. Г. Масарик в своей книге «Россия и Европа» «значение Соловьёва несколько принижает, недооценивает». По её мнению, Бржезине были близки экуменические устремления Соловьёва (*Picková-Saudková G. Novorys s Otokarem Březinou*. Praha, 1929. S. 211, 210).

Ещё с конца 1890-х годов начинается охлаждение Бржезины к немецкой философии, прежде всего к Ницше. Мысль его движется в том же направлении, что и в речи Достоевского о Пушкине, только черту, свойственную, по Достоевскому, русскому менталитету, чешский поэт переносит на всё славянство. В письме А. Паммровой от 22 мая 1897 года он отвергает «сверхчеловека Ницше». Близкий друг и впоследствии душеприказчик поэта Матей Лукшу записал после разговора с ним 26 февраля 1901 года: «Философия Ницше — чуждый черенок, привитый к славянскому стволу, и вредна для него. — Бржезина нашёл себя, когда осознал сущность славянской расы. Она обладает синтезирующей силой <...>» (*Lukšů M. Z rozmlův s Březinou // Vox I*. 2003; цит. по: *Březina O. Korespondence I*. S. 447). В феврале 1910 года Бржезина пишет А. Паммровой: «Славянской душе представление Ницше о сверхчеловеке внушает ужас» (*Březina O. Korespondence II*. S. 907). Отрицательное отношение Бржезины к германскому духу усилилось в годы Первой мировой войны. 20 февраля 1915 года он писал Анне Паммровой: «Посылаю Вам по Вашей просьбе две книги из сочинений Ницше. Сам я сейчас к Ницше возвращаюсь лишь изредка; мне ближе мудрость славянская. В русской литературе были высказаны, возможно, самые сильные слова, какие в девятнадцатом веке человек вообще сказал о своей жизни. Эпоха Достоевского ещё много раз вернётся, точно так же, как таинственно осуществляется (и сейчас, в эти дни) послание Толстого. И творчество Достоевского полно боли и мук; он опускается в геенны людской нищеты; от него не утаится ни один из демонических элементов человеческой природы. Повсюду, где Ницше, пожалуй, глубже всего проник в человеческое сердце, Достоевский был уже задолго, за четверть столетия до него (и о вечном возвращении говорит Ивану Карамазову иронический призрак дьявола); но есть места, полные сияния, куда Ницше не смог бы последовать за Достоевским из-за чрезмерной своей отягчённости. И Достоевский любит землю, но он не опьянён ею, как Заратустра. Нежащаяся в лучах утреннего солнца земля не заслоняет взгляда, устремлённого в высшие миры» (*Ibid*. S. 1071).

Критически Бржезина относится и к книге Освальда Шпенглера «Закат Европы». 14 мая 1923 года он писал католическому поэту Сигизмунду Боушке:

«<...> я нашёл среди своих книг прилагаемый том, который мог бы Вас заинтересовать как корректив к некоторым парадоксам из книги Шпенглера. Сильной расе доставляет наслаждение борьба, разрушение и строительство; но нашей славянской душе ближе познание, в котором говорит сердце. Покорность, тихий голос ласкового разума, дружеская симпатия ко всем существам и стихиям нашей планеты; сочувствие к чужой боли, радость, доставляемая красотой, которая заключается в самых простых вещах и которая является духу как вознаграждение за жизнь, принесённую в жертву любви» (Ibid. S. 1375). По словам Эмануэля Халупны, Бржезина «особенно с тех пор, как углубился в изучение русского языка и влюбился в православие», упрекал католицизм «в чуждости чешскому и славянскому началу» и одно время даже «поднимал на щит русское православие в ущерб полякам и католицизму» (Dopisy Otokara Březiny II. S. 284, 202).

Бржезина проявлял интерес и к личности и учению Елены Блаватской. В 1906 году он писал А. Паммровой: «Вообще, более глубоко изучая оккультную литературу, я убеждаюсь, что высочайшие откровения, дополняющие учение таинственных Мастеров, приходят к нам от гениев искусства и мысли всегда неразлучно с *красотой*. Что по духовной силе вы поставите рядом с Эсхилом, Софоклом, Данте, Шекспиром, Гёте, Достоевским, Толстым?» (Březina O. Korespondence I. S. 721). 5 мая 1922 года он подробно рассказывал о Блаватской Гизе Пиковой-Саудковой.

6. Бржезина и русская революция

Говоря о взглядах Бржезины, мы старались опираться на его собственные высказывания, зафиксированные в его письмах. Но существует множество записей разговоров и мемуаров, сделанных подчас людьми, соприкасавшимися с ним на протяжении десятилетий. Некоторые из подобных свидетельств явно тенденциозны (например, книга Якуба Демля «Моё свидетельство об Отокаре Бржезине», вызвавшая при своём опубликовании в 1931 году протесты многих людей, лично знавших поэта). Другие бржезиновские «Эккерманы», не достигая духовной высоты поэта и не обладая его языковой культурой, в своём изложении упрощают и огрубляют его высказывания. Переходя к обсуждению политических взглядов Бржезины, мы будем пользоваться всеми этими косвенными источниками с опаской и лишь в том случае, когда они подтверждаются разными мемуаристами: в подобных случаях можно заключить, что мы имеем дело с устоявшимися убеждениями Бржезины. Сам он весьма неохотно давал интервью, как бы не желая, чтобы его сиюминутные суждения, да ещё не точно воспроизведённые, дискредитировали то, что им оставлено для вечности.

Отношение Бржезины к русскому революционному движению было сложным. 16 августа 1896 года он писал А. Паммровой: «<...> становится грустно, когда читаешь холодную, материалистическими теориями, словно инеем, подёрнутую прессу прогрессивных и социальных партий, которым сегодня или завтра достанется власть в стране, даже если это сегодня или завтра будет продолжаться столетия» (*Březina O. Correspondence I. S. 361*). А вот его отклик на первую русскую революцию: «Бороться с низшими формами воли, с коварством самых малых вещей, с бесцеремонностью стихий, с предрассудками, деспотизмом, безумствами и пассивной неподвижностью; играть со смертью, веря, что мы умираем ради пользы людей, или без этой веры... Вот дороги, по которым идут сильные люди. Никакая драма, пригрезившаяся величайшим трагикам мировой литературы, даже отдалённо не позволяет человеческому духу так почувствовать мрачную торжественность и ужас, как то, что сейчас происходит, например, в России. Современный человек не так обессилел, как может показаться по современным книгам, не верьте ему. Сады иллюзий всё ещё полны птичьего пения. Женщина освобождается, и её ясный и иронический смех летит через океаны...» (*Ibid. S. 725*).

Резкое неприятие безумия, охватившего мир в период Первой мировой войны, когда не оправдали возлагавшихся на них надежд «движение за мир, конгрессы, демократия и интернационал, университеты, учёные, наука, церкви, чудесники и заклинатели общественного мнения, гипнотизёры масс, пресса» (письмо А. Паммровой от 14 ноября 1914 года: *Březina O. Correspondence II. S. 1062*), побуждает Бржезину верить в «трудящийся народ, добрый и божий», единственно на который остаётся надеяться миру (письмо ей же от 27 декабря 1914 г.), и мечтать об установлении «Царства Божьего на земле» в духе чешского реформатора XV века Петра Хельчицкого (Бржезина знал об интересе, проявленном к нему Львом Толстым, который видел в этом крестьянском идеологе своего предшественника) (см. письма А. Паммровой от 26 июля и 25 сентября 1917 года: *Ibid. S. 1164, 1169*).

Затем в письмах Бржезины начинают звучать оптимистические нотки. Посылая Паммровой 24 ноября 1917 года левый немецкий журнал «Aktion», он пишет: «<...> тщетны все усилия сильных сего мира; даже введение искусственного средневропейского времени и попытка силой повернуть стрелки часов назад не помешают нам распознать свой час по движению солнца и укорачивающимся теням. Одна фаза народной истории приближается к концу; открываются новые перспективы; жизнь тех поколений, которые придут после нас, будет более свободной и правдивой, чем в те грустные времена, в которые протекала наша молодость» (*Ibid. S. 1173*). Не вызывает сомнения, что эти настроения так или иначе были связаны и с событиями в России. 24 января 1918 года Бржезина советовал своему

будущему издателю Йозефу Портману: «Учитесь русскому языку. Читайте русскую литературу» (Ibid. S. 1185). Но вскоре пришло разочарование, и надежды на наступление нового века отодвигаются в неопределённое будущее, а политические события воспринимаются как несовершенные предвестники грядущего духовного переворота.

Об этом ярче всего свидетельствует письмо Бржезины от 14 марта 1918 года писателю Яну Бартошу, автору книги «Россия и Европа» (1918): «В событиях последнего времени мы снова ощущаем, насколько пророчески Достоевский, поэт „Бесов“ и „Дневника писателя“, проник во все опасности, которые таятся в глубинах загадочной, сложной и детски доверчивой души русского народа. Но и в сегодняшних бурях, потрясающих основы русской империи, сверкают молнии, освещающие пути будущих веков; и наша любовь не перестаёт верить, что из современного распада, наполняющего нас унынием, вновь поднимется (по закону русской истории — в канун окончательной гибели, когда уже кажется, что всё потеряно) великая святая православная Русь Достоевского, выздоровевшая, просветлённая, братская в отношении ко всем народам мира и помогающая своей правдой освобождать человечество» (Ibid. S. 1190). 10 декабря 1918 года Бржезина писал А. Паммровой: «<...> новое слово русского социализма умолкает в безумии и крови <...>» (Ibid. S. 1221), что не мешает ему пытаться понять, в чём заключается это «новое слово». 26 июня 1919 года после прочтения очередного номера «Aktion» он пишет А. Паммровой: «Мы всё ещё среди хаоса и революции, в первых фазах социального переворота, который (пусть он даже на время утаён и смягчён реакцией) будет неудержимо продолжаться в течение веков и изменит всю экономику народов» (Ibid. S. 1249). 16 августа 1920 года он обращается в пражское издательство Ф. Борового с просьбой прислать вышедший там чешский перевод книги Ленина «Государство и революция» (Ibid. S. 1605). Однако поэт не видит в Ленине и других большевиках людей, которые могли бы воплотить его мечту: «Трагедией русского народа было то, что в самые решающие минуты своей истории, посреди революционного брожения, он не нашёл таких вождей, какие были нужны. Ибо наряду с демоническими стихиями хаоса и безумия в душе масс таятся и небесные силы покорности, веры, братской помощи, детского веселья в Боге, добровольного участия в деле утверждения справедливости. Но эти силы умеют воскрешать в подсознании масс только люди с чистой душой, посредники между людьми и высшим миром познания и любви, творцы порядка, основанного на духовном опыте веков, одинаково готовые и обладающие силой и для захвата верховной власти в стране, и для мученичества, если это необходимо для спасения братьев; пчеловоды, сохраняющие при работе в улье спокойствие жестов, не сеющие бурю и не разрушающие пчелиные семьи. Мы зываем к ним и у нас; зывает

к ним и русский народ в нынешних своих муках и в своём унижении, и, может быть, они уже трудятся во имя его освобождения. Мы знаем лишь то, что великая русская империя будет воссоздана, ибо она необходима для спокойствия мира, что русский народ скажет своё слово наряду с другими народами, ибо для торжества справедливости необходимо и его свидетельство; что соединение нашего народа с русским народом и с русской империей для нас неизбежно, если мы хотим сохранить свою свободу и выполнить творческую задачу, ради которой мы были спасены от гибели» (письмо Яну Бартошу от 2 июля 1919 года: *Ibid.* S. 1249).

Писатель Ян Врба пишет об отношении Бржезины к России в годы войны и революции: «Тогда он верил в Россию — хотя и не так наивно, как большая часть нашего народа, — не в царскую Россию, недостатки которой он прекрасно знал, но в сам русский народ, в те десятки миллионов, родственные нам кровью, сердцем и языком. Отсюда его сердечное, любовное отношение к русским пленным, которые вскоре появились в нашем крае <...> Его вера в русский народ была так сильна, что её не поколебало даже падение царизма, которое он даже приветствовал, широко обосновывая свою позицию длинным перечнем недостатков и тяжких грехов этого режима. Не поколебало его и падение Керенского <...> и он даже приветствовал большевистский переворот. Хотя и недолго, но в первом увлечении он говорил о большевизме как об учении ангельском. Это утверждение, разумеется, требует разъяснения. Бржезина, хотя он глубоко проникал в жизненные явления, в практическом отношении во многом был ребёнком. И в этом случае теоретик говорил о теории. Тогда, в пору plombированных вагонов, австрийское военное министерство или какое-то иное военное учреждение — не знаю точно — или уже издавало, или начало издавать специальные публикации для лагерей русских военнопленных, в которых знакомило их с идеями Ленина и других большевистских вождей, чтобы инфицировать этими идеями солдатские массы. В этом учреждении у Бржезины был друг и почитатель, который ему эти публикации посылал. Восхищённое увлечение Бржезины <...> продолжалось недолго. Начали поступать сообщения о большевистской практике, и Мэтр быстро остыл. Он понял различие между теорией и практикой, но полностью отказаться от своего увлечения не хотел. И считал, что осуществление такого учения потребовало бы ангелов, которых на земле нет. Однако после дальнейших сообщений — и особенно после известия об убийстве царской семьи — он изменил своё мнение полностью и осудил большевизм с неслыханной для него резкостью» (*Vrba J. Otokar Březina a jiné přátelé v mé paměti. Praha, 1932. S. 159–163*).

12 апреля 1923 года Бржезина писал Франтишкеу Билеку: «Люди нашего времени слишком нетерпеливо грезят о будущем и о новом устройстве мира на обломках старого строя, но верующий и любящий знает, что новый мир уже

сейчас творится в глубинах сердец, в непрерывном взаимодействии душ; что мы создаём его каждым проявлением любви, каждой жертвой во имя служения братьям, каждой болью и прощением вины; что он открывается нам в каждом воплощении красоты, в каждом проникновении в суть жизни и её справедливости, где всё взаимосвязано» (*Březina O. Korespondence II. S. 1372–1373*).

Вообще в 1920-х годах отношение Бржезины к России и её культуре становится всё более критическим. Как бы забывая, что идею о синтетизме славянской души сам он заимствовал из речи Достоевского о Пушкине, Бржезина говорит, например: «И в России сейчас есть мыслители, которые понимают, что рационализм во многих случаях недостаточен; но русские не синтетики, они слишком много анализируют, каждую мысль подвергают сомнению и в результате ничего не создают, скорее разрушают» (*Písková-Saudková G. Novogy s Otokarom Březinou. S. 352*). И Э. Халупны вспоминает, что Бржезина не раз винил русскую классическую литературу в том, что она подготовила большевистский переворот: «была слишком глубокой и претендовала на слишком большие обобщения <...> Русским принесло бы больше пользы, если бы у них была более незатейливая, простая литература, популярно-образовательная литература, которая сначала помогла бы им сформировать среднее сословие», а «великие гении России, возможно, были для неё несчастьем» (*Dopisy Otokara Březiny II. S. 202, 159*).

26 сентября 1923 года Э. Лакомая записала такое суждение Бржезины: «Распутин был необыкновенным человеком. Это был русский крестьянин, сумевший сделать такие вещи, на которые наш крестьянин был бы способен. Он был полон жизненной силы, мистицизма и живого оргазма. Он олицетворял в себе всю Россию.

В России полно мистического натурализма, который свидетельствует о молодости и неискущённости нации, выражающей вещи просто — в их сущности и ничего не скрывающей. На Западе стараются всеми способами многое скрыть.

Но восхищаться русской неискущённостью нельзя. Если бы мы к этому натурализму вернулись, то нам пришлось бы начинать с исходной точки» (*Lakomá E. Úlomky hovoru Otokara Březiny. S. 190*).

Антонин Станислав Магр и Отто Пик, бравшие у Бржезины интервью 2–3 февраля 1924 года, так характеризуют его суждения:

«Душевную жизнь русского человека, определяющей чертой которого является религиозность, Бржезина обуславливает пейзажем, одиночеством степи с её коротким летом и долгой зимой, что проявляется в русской истории, в резких, стихийных выплесках горя и радости. Ленинский план электрификации страны кажется ему хотя и невнятной, но гениальной попыткой организовать хаос, сломать природную обусловленность, сблизить людей,

разобшённых в своих деревнях» (*Mágr A. S., Pick O. Stunden mit Otokar Březina. S. 11*). Далее они приводят его слова:

«Предположим, что однажды будет достигнут идеал коммунистической общины; не окажется ли это актуальным только для того поколения, которое тогда будет жить? Ведь конфликт отцов и детей повторяется и внутри большой общности, и, возможно, уже сыновья тех, кто достиг целей большевизма, — а внуки наверняка — начнут засматриваться на другие идеалы — может быть, на те *старые* идеалы, что были преданы забвению; и всеобщее *новое* вынуждено будет там и сям, а в один прекрасный момент — повсюду уступить место чему-то другому. Появятся сильные индивидуальности, как появляются они внутри каждого поколения, и мир человеческий будет и дальше как-то изменяться, ведь цель его лежит в бесконечности» (*Ibid. S. 11–12*).

«Сиюминутные суждения» Бржезины, порой противоречащие друг другу, тем не менее явно свидетельствуют о его политическом поправении. При всём уважении к таким личностям, как Т. Г. Масарик или Карел Чапек, он разочаровывается в демократии и начинает находить нечто положительное в политическом строе, которой установился в фашистской Италии и советской России: «Вместо старого парламентаризма должно утвердиться нечто новое, как это пытается сделать Муссолини. В этом смысле и русские Советы не являются по отношению к парламентаризму минусом» (1 февраля 1926 года: *Picková-Saudková G. Hovory s Otokarem Březinou. S. 383*).

Глубокое разочарование в России звучит в позднем утверждении Бржезины, что при нынешних обстоятельствах он не стал бы изучать русский язык (см.: *Lakomá E. Úlomky hovoru Otiordra Březiny. S. 420*). И всё же, когда чешский драматург Эдмонд Конрад по подсказке Карела Чапека предложил поэту совершить поездку в Италию, Бржезина отвечал, что «человека, ещё обладающего силой и фантазией, больше привлекала бы бешеная творческая деятельность демониических, гигантских американских мегаполисов и турецкий хаос современной России» (письмо от 9 ноября 1928 года: *Březina O. Korespondence II. S. 1577*).

7. Бржезина и русская эмиграция

Интерес к России не мог не привести Бржезину к русской эмиграции. Поэт выписывает русские эмигрантские издания («Русская библиотека», Берлин, 1919–1920, 3 тома; серия «Русское дело», Прага, 1920, 16 выпусков; серия «Книга для всех», Берлин, 1921–1923, 15 выпусков).

В антологиях, выпущенных берлинским издательством «Мысль» в серии «Книга для всех», мы находим широкую панораму русской поэзии конца XIX — начала XX века. В книге «Женская лирика» (выпуск 98, 1923) представлены стихи К. Павловой, графини Е. П. Растопчиной, Ю. Жадовской,

Н. Д. Хвошинской (В. Крестовской), П. Соловьёвой (Аллегро), О. Чуминой (Михайловой), Т. Щепкиной-Куперник, Г. Галиной, М. Лохвицкой, Л. Лесной, М. Шагинян, З. Гиппиус, А. Ахматовой, Н. Крандиевской, Л. Столицы и М. Цветаевой. В «Антологии современной поэзии» (вып. 50–51) встречаем такие имена, как И. Анненский, А. Ахматова, М. Волошин, Н. Гумилев, Вяч. Иванов, М. Кузмин. В сборнике «Из русской лирики» (вып. 17, 1921) напечатаны стихи М. Лохвицкой, И. Северянина, А. Белого, С. Городецкого. Сборник «Из новых поэтов», составленный Борисом Бродским (вып. 101–102, 1923), содержит стихи Г. Адамовича, Вадима Андреева, Н. Асеева. А. Ахматовой, Ю. Балтрушайтиса, К. Бальмонта, А. Белого, А. Блока, В. Брюсова, П. Волкова, М. Волошина, М. Герасимова, С. Городницкого, Н. Гумилёва, С. Есенина, В. Зоргенфрея, Георгия Иванова, В. Казина, Н. Клюева, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, С. Мельдихена, И. Одоевцевой, Н. Оцупа, Б. Пастернака, В. Пиотровского, В. Познера, Е. Полонской, В. Пяста, А. Радловой, Вс. Рождественского, Ф. Сологуба, Н. Тихонова, Тэффи, В. Ходасевича, М. Цветаевой, М. Шкапской и И. Эренбурга. Русская послереволюционная эмигрантская и полуэмигрантская литература представлена в личной библиотеке Бржезины следующими книгами той же серии: сборником Эренбурга «Кануны. Стихи 1915–1921» (вып. 60, 1921), книгой А. Ремизова «Петушок» (вып. 72, 1922) и мистерией Н. М. Виленкина (Н. Минского) «Кого ищешь» (вып. 80, 1922). Однако в ней, видимо, не случайно отсутствует выпуск 57–58 — сборник «Поэзия революционной Москвы» (под редакцией Эренбурга). Подчёркнутый интерес Бржезины к русской эмигрантской литературе подтверждают и годовые комплекты главного печатного органа русских зарубежных писателей, парижского журнала «Современные записки» (тт. 14–21, 24–37, 1923–1928). Таким образом, Бржезина имел представление о развитии русской поэзии от зарождения символизма до акмеизма, футуризма, имажинизма и пролетарской поэзии. Была тут и книга Романа Якобсона «О чешском стихе. Преимущественно в сопоставлении с русским» (Берлин, 1923. Сборник по теории поэтического языка, 5), и книга эссе Н. М. Виленкина (Н. Минского) «От Данте к Блоку» («Книга для всех», вып. 81, 1922).

Сама русская литературная эмиграция нашла дорогу к Бржезине почти за четыре десятилетия до того, как первый перевод его стихов появился в СССР.

Ещё осенью 1922 года русский художественный критик и поэт С. К. Маковский, оказавшийся в Чехословакии как эмигрант и задумавший издавать журнал «Искусство славян», хотел привлечь Бржезину к участию в первом номере (он вышел в 1923 году в Братиславе) и ради этого был готов приехать к нему в Яромержице. За посредничеством он обратился к

Ф. Кс. Шальде. 24 октября 1922 г. Бржезина писал Шальде, отвечая на его просьбу принять у себя русского гостя: «<...> господина Сергея Маковского и прекрасную его статью „Мир русской иконы“ в журнале „Вольные смеры“ я знаю; его журнал („Аполлон“) я выписывал всё то время, что он выходил» (*Březina O. Korespondence II. S. 1357*). Но поскольку Бржезина не обещал, что Маковский увезёт от него требуемый материал, визит, по всей видимости, не состоялся.

Первым русским литератором, посетившим чешского поэта, был Сергей Яковлевич Савинов (род. 1897). В первый же год своего пребывания в Праге, едва освоив чешский язык, этот студент-эмигрант увлёкся творчеством Бржезины, перевёл его стихотворения «Земля?», «О, Прошлая» (sic!), «Это пели горящие звёзды», «Звёзд гаснут тысячи...» и послал тексты переводов автору с просьбой разрешить их публикацию. На машинописи значилось: «Ржичаны. 1923».

В Литературном архиве Музея национальной письменности в Праге сохранился ответ Бржезины:

«Уважаемый и дорогой господин,

прошу милостивого прощения, что в силу известного нездоровья могу только теперь ответить на Ваши дружеские письма и с таким опозданием поблагодарить Вас за переводы моих работ, которые Вы любезно изволили мне послать. Я читал их с искренним интересом. Будучи сам поэтом и человеком искусства, Вы тонко проникли в духовную сущность моего творчества. Переводы Ваши, немного чересчур вольные в случае стихотворений „О, Прошлая“ и „Звёзд гаснут тысячи...“, обретают уверенность и силу в Вашем прекрасном воспроизведении моей „Земли“ и в переводе стихотворения „Пели горящие звёзды“.

О некоторых подробностях Вашей работы мы могли бы поговорить лично. Я с радостью прочёл в Вашем милом письме, что Вы могли бы когда-нибудь навестить меня. В ближайшие месяцы Вы всегда застанете меня дома, и когда бы Вы ни приехали, Вас ждёт братское гостеприимство. Я уже несколько лет читаю русскую литературу в оригинале, и потому, если будете мне когда-нибудь писать, пишите только по-русски.

Пока крепко жму Вашу руку с благодарностью за внимание, которое вы уделили моему творчеству, и преданно и искренне Вас приветствую.

Ваш

От. Бржезина

Яромержице. 20.II.1924» (*Ibid. S. 1401*).

Предоставим далее слово самому С. Я. Савинову:

«<...> написав Бржезине о дне приезда, весенним утром я вышел на маленькой захолустной станции Яромержице. Узнал, что до города надо

с версту идти полем, вышел на дорогу и встретил сутулого, маленького роста старичка в очках, в невзрачном чёрном пальто.

— Простите, — обратился он ко мне по-чешски, — вы г-н Савинов?

— Да, это я.

— Бржезина. Рад вас видеть! Простите, я опоздал к поезду. Хорошо вы сделали, что приехали. Много дней у меня никого не было, и мы поговорим. Я понимаю по-русски хорошо, только говорю плохо — практики нет. Я ведь в России не был. Всё собирался и не поехал...

Смущённый встречей (кто бы мог думать, что знаменитый писатель выйдет встречать русского студента?), я разглядывал его худое лицо с густой сетью морщин и редкими, седыми усами и чувствовал, что серые глаза меня влекут к себе с непреодолимой силой... Хрипловатый голос звучал мягко и ласково.

Бржезина опирался на палку и шёл по весенней, грязной дороге, уступая более сухие места.

В городе все здоровались с „паном учителем“, дети и старики снимали шляпы и приветливо кланялись. Квартира Бржезины... Две комнаты, по стенам сплошь до потолка уставленные полками с книгами, несколько гравюр и статуй его друга, скульптора Фр. Билека. Простая мебель, железная кровать, некрашенный пол и книги, книги... На столе лежали номера „Последних новостей“, „Коррьере делла Сера“, „Матэн“, книга „Современных записок“, немецкие и польские журналы. Мы разделись. Сели у стола и проговорили... четыре часа подряд! И никакой усталости! Словно прошло пять минут, будто мы только начали говорить и ещё так много осталось несказанным...

После обеда мы поговорили ещё часов пять, и Бог весть о чём мы не говорили, и всё было живо, захватывающе интересно — так говорил он, так умел он спрашивать. Я рассказал о своей семье, о жизни в России, о гражданской войне, о странствиях русского беженца, о студенческой жизни в Праге. Бржезина внимательно слушал, изредка задавал вопрос, и всегда в тот момент, когда я уставал говорить, он вставлял замечание и начинал сам рассказывать.

Помню, как меня поразило его знание русской литературы и её понимание. Бржезина цитировал апокрифы и А. Ахматову, „Слово о полку Игоря“ и Вл. Соловьёва, Мережковского, Бунина, Арцыбашева, Чехова, Бальмонта, Блока, Маяковского и снова возвращался к Фофанову, Жуковскому... Я не говорю о Пушкине, Достоевском, Толстом... Помню, о Ремизове он сказал: „В современной русской литературе было пустое место — апокрифы, сказания, и Ремизов его заполнил. Это большая заслуга“.

Или такое замечание: „В русской литературе меня поражают две особенности. Это — страстность, с которой берётся любая тема, и тот глубочайший анализ и самоанализ самых тонких психических переживаний, какого не знает

никакая другая литература. Но если я закрою глаза и подумаю — иначе быть не может! Вот, я закрываю глаза и вижу просторы русских полей, с осени по весну бездорожье, грязь или снег и сугробы, опять распутица. Люди сидят по домам, одна деревня от другой на десятки вёрст, один помещик от другого на два дня пути по такой дороге. Сидят они долгие вечера и ночи и думают. Думают... Поколения... Как не быть анализу? Как не быть глубине? А весной, когда эти поля, эта беспредельная равнина расцветёт всею роскошью своего богатства, всею мощью своей девственности — нам, европейцам, непонятной, — как не быть этой страстности? Когда всё поёт и ликует в экстазе цветенья!»

Я вижу до сих пор лысую голову, прикрытые рукой глаза, седые волосы, слышу хриловатый голос, и опять меня охватывает то волнение, которое я пережил там.

Как он говорил о России... „Всё изменится, всё пройдёт, а русская культура была и останется. Прошли татары, были французы — без грозы и горя нельзя жить, это наше искупление за радость жизни“.

Тогда Бржезина связал меня словом не писать о моём посещении: „Не надо интервью. Мы говорим как люди. Я беру от вас, вы — от меня. Легче говорить, когда знаешь, что это только для собеседника“» (Савинов С. Моя встреча с О. Бржезиной // Россия и славянство. № 19. 6.IV.1929. С. 5).

Следующим русским посетителем Бржезины был бактериолог, публицист и политический деятель Борис Фёдорович Соколов (1889–1979). Член Учредительного собрания, затем, в 1918 году, — самарского Комуча, он вошёл позднее в так называемое Северное правительство, в феврале 1920 года после его эвакуации из Мурманска был оставлен генералом Миллером на брошенном в Белом море пароходе «Русанов» и арестован большевиками. В 1921 году его выпустили, и он добрался до Чехословакии, откуда вскоре уехал в Париж. Находясь в Праге, Соколов просит у Бржезины разрешение навестить его и получает от поэта положительный ответ.

«Почерком странным, диковинным было написано письмо, мною полученное.

Буквы ровные, словно нарисованные, тонким пером выведенные.

Буквы живые.

И подпись простая, в себе замкнутая, твёрдо в правде своей уверенная: „Březina“».

Соколов и чешский писатель Рудольф Медек, в недавнем прошлом один из руководителей чехословацкого войска в России, где они и познакомились, 15 сентября 1921 года несколько часов едут поездом из Праги в Яромержице. По дороге Медек рассказывает Соколову о Бржезине:

«Он — странный. Ни на кого обычно-людского не похожий.

Словно стоит он над Жизнью.

Всегда в своей деревне, маленькой и тихой.

Не хочет славы. Звали — зовём в Прагу. Отказывается — определённо и твёрдо.

И увидеть его можно лишь с трудом».

И вот:

«Маленькая станция в Моравии.

Обычный вокзал, широкая дорога, кругом поля.

Яромержице. Чем-то далёким он напоминает русский уездный городок, с небольшими домиками, несуразной площадью и только наполовину вымощенными улицами.

Бржезина встретил нас на дороге.

И просто, по-дружески, словно давно знакомый, поздоровался.

Скромно одетый, небольшого роста, в очках, он останавливает на себе внимание выражением своих глаз, исключительных в своей ясности, но ясности особенной.

Он говорит не спеша, иногда умолкая, внимательно и с интересом слушая своего собеседника.

В нём нет и тени гордости или тщеславия, черт, столь свойственных знаменитостям.

И квартира Бржезины — две небольших комнаты во втором этаже старого дома — говорила о том же желании его быть чуждым вещам не нужным, об его привычках скромных и ограниченных.

Простая постель, стол и множество книг...

Книги на полках, на столе.

„Моё богатство — только книги. Много русских. Вот Толстой, Достоевский... русские журналы“.

„Мне ничего не надо. Очень мало. И только книгам радуюсь я, книгам новым и старым.

Среди них у меня есть и близкие друзья, есть и злые враги“».

Бржезина объясняет причины своего долгого литературного молчания:

«„Я всё сказал. Всего себя. Вся свою правду. Всё, о чем хотел сказать.

Творчество моей души.

Говорить ещё и снова?!

Разве это не будет повторением, досадным и ненужным, уже сказанного, откликами прежних моих настроений и мыслей?

Не трудно говорить — трудно молчать“.

И Бржезина являет собой разительный пример большого поэта, сумевшего отказаться от повседневности во имя ясности своей правды.

В маленькой комнате темнело. Бржезина зажёл лампу, керосиновую и старомодную. <...>

Видит Бржезина — звёзды. И через звёзды — хочет он уйти от повседневности.

Понять через Небо — Тайну Земли. <...>

Говорил Бржезина просто, голосом спокойным и ровным.

„Сначала я был поэт, только поэт, но последний год своей литературной деятельности я посвятил прозе, и она мне ближе и родней.

Возможно, что она правильнее отражает мою сущность...“».

Впоследствии Бржезина пересказал историю жизни Соколова Гизе Пиковой-Саудковой и Эмилии Лакомой (в более подробном изложении первой больше путаницы, неточностей и вымысла), а Соколов описал встречу с ним в книге «О тех, кто ищет» с главой «Отокар Бржезина» (Прага: Легиография, 1926. С. 93–119; французский её перевод — «Sillhouettes tchèques», Paris, 1926). В свой очерк Соколов включил перевод эссе Бржезины «Извечное стремление» из книги «Музыка родников», которое по справедливости назвал поэмой, поскольку все его эссе — это, в сущности, поэмы в прозе.

В личной библиотеке Бржезины хранятся издания с автографами Савинова и Соколова: первый выпуск сборника Союза русских писателей в Чехословакии «Ковчег» (под редакцией Вал. Булгакова, С. В. Завадского и Марины Цветаевой. Прага, 1926) со статьей Савинова «Оттокар Бржезина» и переводами стихотворений «Дифирамб миров» и «Хор сердец» (дарственная надпись: «Высокопочтительному и дорогому О. Бржезине с чувством глубокого преклонения. С. Савинов. Прага, 24—XI—1924») и русская версия книги «О тех, кто ищет» с посвящением Отокару Бржезине и его словами в качестве эпиграфа: «Жизнь покоится на творчестве».

19 июня 1926 года секретарь чехословацкого посольства в Париже А. Полачек послал Бржезине письмо, в котором сообщал, что живущий во Франции русский поэт К. Д. Бальмонт просил переслать автору перевод стихотворения «Братство верящих». «Одновременно позволю себе обратить Ваше внимание, — продолжал Полачек, — что Бальмонт в последнее время переводит некоторых чешских поэтов. Я обратил его внимание на Вас и Ваши произведения и попросил министерство иностранных дел послать ему все Ваши сборники. <...> Бальмонт пока не ознакомился с Вашим творчеством систематически, а знает только некоторые Ваши стихотворения. В письме с просьбой переслать его перевод Вам он говорит о Вас с величайшим почтением и с величайшим пониманием Вашего поэтического творчества <...>» (*Březina O. Korespondence II. S. 1466*).

В июне 1927 года Бальмонт посетил Чехию, с Бржезиной он не встретился, но опубликовал в эмигрантской печати несколько переводов из него, а некоторые свои переводы включил в очерк «Поэт кристаллический: Отокар Бржезина», предназначенный для оставшейся в машинописи антологии «Душа Чехии».

В личном архиве русских эмигрантов Михаила Ивановича и Александры Фёдоровны Копаневых (девичья фамилия последней Прагер) сохранились переводы или подстрочники для будущих переводов трёх стихотворений Бржезины («Моя мать», «Забвение», «Торжественная печаль»), сделанные Екатериной Николаевной Матвеевой. Сын М. И. и А. Ф. Копаневых Олег Михайлович Копанев писал О. М. Малевичу из Прешова 8 апреля 1991 года: «Приблизительно с 1918 (?) г. по 1947 (?) г. проживала в городе Колине (в 60 км от Праги) русская эмигрантка Екатерина Николаевна Матвеева. Высшее образование она получила ещё в России, владела французским, немецким, впоследствии и чешским языками, имела обширные познания о мировой литературе, отлично играла на рояле. В Чехословакию Е. Н. выехала по приглашению чешского педагога Куста, тогдашнего legionera (prof. češtiny Kůst z Kolína) (преподаватель чешского языка Куст из Колина. — О. М.), вероятно, в надежде, что он на ней женится. Брак не состоялся, но зато Куст ввёл Е. Н. в среду чешских писателей, где она и познакомилась с Отокаром Бржезиной <...> Надо сказать, что в то время он был уже пожилым мужчиной, а Е. Н. была весьма привлекательной женщиной. Полагаю, что они подружились, знаю, что до конца жизни О. Б. переписывались.

Е. Н. жила скромно, даже бедно. Зарабатывала частными уроками языков и музыки. Многие её поддерживали, в том числе мои родители. После смерти О. Б. <...> она стала переводить на русский язык его прозу и поэзию, которые очень высоко ценила. В военные годы именно эта работа стала её главной целью. Помню, как во время встреч нам об этом восхищённо говорила. Тогда, будучи ещё подростком, я впервые собственными глазами видел у Е. Н. на полке наряду с книгами О. Б. и тетради переводов.

Когда Е. Н. умерла, моя мать взяла меня с собой в квартиру Е. Н. с целью разобрать её небольшое имущество. Там я в последний раз видел уложенные в коробках под различными названиями рукописи перевода „полного собрания сочинений О. Б.“ (слово „полное“ я помню точно). Там же лежала и бережно хранённая пачка писем. Мать тогда мне сказала, что в первую очередь надо обеспечить, чтобы труд Е. Н. не пропал. Однако каким образом она это сделала, я не знаю. Родители переехали из Колина в Прешов в 1963 г., и в то время рукописей Е. Н. у них уже не было».

В последующих письмах О. М. Копанев уточнил, что Е. Н. Матвеева умерла 29 ноября 1949 г. и что перевела она на русский язык сборники Бржезины «Таинственные дали», «Рассвет на западе», «Ветер с полюсов», «Строители храма», «Руки», «Земля» и книгу эссе «Музыка родников», то есть действительно практически «полное собрание» его сочинений.

В Литературном архиве Музея национальной письменности в Праге сохранилось несколько писем Е. Н. Матвеевой профессору Карлова университета

в Праге Евгению Александровичу Ляцкому. В недатированном письме читаем: «Если бы нам удалось увидеться летом и поговорить о Бржезине, это было бы для меня праздником. Мы ещё, надеюсь, спишемся о свидании, а пока, до июля, у меня ещё уроки, что между прочим мне всё ещё и мешает приняться и переписать оставшиеся у меня не переданные Вам три прозы Брж. и одно стихотворение. С радостью жду поговорить о нём с Вами, ведь здесь это почти ни для кого из русских не знакомо, а потому и мало интересно. <...> Я постараюсь поскорей „взять себя в руки“ и приняться опять за Бржезину, чтобы в июле уже переслать Вам» (Památník Národního Písemnictví. Matvejeva Ekaterina — Ljackému J. A. Pozůstalost (fond) Ljackij E. A., č. inv. 1309). 4 ноября 1932 г. Екатерина Матвеева писала Ляцкому: «Теперь, как начались опять обычные уроки, мало времени остаётся для себя, для работы и чтения; у меня теперь ещё остались 17 стихотворений Бржезины (позднейших лет) переведённые, но не переписанные ещё; как приведу всё в порядок, покажу их Вам» (Ibid., č. inv. 6652). В архиве Е. А. Ляцкого переводы Е. Н. Матвеевой из Бржезины, к сожалению, не сохранились.

Отношение Бржезины к его прижизненным русским переводам было достаточно критичным. 25 ноября 1923 года он говорил Э. Лакомой о переводах Савинова: «Некоторые мои стихотворения были переведены на русский язык. Переводчик хочет приехать из Праги ко мне. Но перевод мне не нравится. Переводчик совсем не понял стихи. Почему он отваживается лезть в горы, не будучи альпинистом?! Надо было ему оставаться в долине.

Стихотворение „О Минувшая“ <...> написано ямбом, а русский переводит его свободно. <...>

В стихотворении „Звёзд гаснут тысячи“ звёзды сравниваются с зёрнами в кафельнице. Если от резкого движения зёрна выпадут из кафельницы, то это словно какие-то звёзды погасли, выпали из круга звёзд и уже не служат прославлению Высочайшего.

Русский в том месте перевода, где говорится о зёрнах в кафельнице, приплёл к ним весенние дожди. В этом месте я словно бы предвидел большевистские перевороты» (*Lakomá E. Úlomky hovoru Otokara Březiny*. S. 198–199).

Мнение Бржезины о переводах Савинова не переменилось и после встречи с ним. На следующей неделе, 16 марта 1924 года он говорил Лакомой: «Его переводы мне не нравятся. Русская речь годится скорее для прозы, скорее для разговоров, чем для поэзии. Да и плохо понимают написанное мною» (Ibid. S. 202–203).

В качестве примера Бржезина привёл начало стихотворения «Хоровод сердец» (в переводе Савинова «Хор сердец»). Действительно, у Бржезины (в подстрочном переводе):

Одинаково мерно
 поднимая и опуская крылья,
 всё выше и выше
 повторяя это движенье,
 тяжесть земли
 побеждает великолепье полёта.

У Савинова же:

Движеньем и трепетаньем крыл,
 всюду ровным,
 в высях и глубинах,
 всё бремя земли побеждает блаженство полёта.

Другой отмеченный Бржезиной пример непонимания оригинала, на этот раз приведённый Я. Демлем (*Deml J. Mé svědectví o Otokaru Březinovi. S. 291*), — начало стихотворения «Дифирамб миров»:

Сверкающее рождение и угасание
 миллионов солнц
 разлетается в тьму веков
 осколками длинных стремительных молний,
 как зеркальные отражения света
 на клинке ножа садовода
 при каждом движении его руки,
 прививающей черенок.

У Савинова:

Пылающие рождения и угасания
 мильонов солнц
 раскалываются в тьму веков
 длинными вспышками молний,
 как отблеск огней
 на клинке резца
 при каждом лихорадочном движении
 ваятеля.

Якуб Демль записал столь же нелестное суждение о недостаточно верном переводе К. Бальмонтом стихотворения «Братство верящих»: «Нельзя ограничиваться словарём, ибо речь изменяется, волнуется, как море, растёт, — словари устаревают. Есть поэты зрения и поэты слуха; Бальмонт предстаёт в этом переводе поэтом слуха, но для моих стихов этого недостаточно. Речь — это не только понятия, но и краски и летучие ароматы, мгновенная стыдливость, румянец, всего этого не найдёшь в словарях!» (*Deml J. Mé svědectví o Otokaru Březinovi. S. 392*).

Русские поэты публиковали в эмигрантских газетах и журналах переводы из Бржезины, русские литературоведы (Р. В. Плетнёв, А. Л. Бем) писали о нём статьи. В русских литературных кружках (собраниях, клубах) делались о нём доклады (так, в марте 1934 года А. Шеповалов прочел в пражском эмигрантском Русском литературном кружке доклад на тему: «Женщина в творчестве Александра Блока и Отокара Бржезины»; см.: *Se. Pražští Rusové o Březinovi // Národní listy večerní* 74. № 86. 28.3.1934. S. 3).

Сам Бржезина во многом именно по свидетельствам русских эмигрантов составлял своё представление о происходящем в России. В какой-то мере эта информация, сводившаяся прежде всего к рассказам о терроре и репрессиях, была односторонней. Бржезина и сожалел о разобщённости русской эмиграции, и возлагал на неё надежды. Магру и Пикю он говорил: «Русская эмиграция между тем по-настоящему знакомится с (зачастую разложившимся) Западом — как знать, не возникнет ли из этого новая возможность плодотворного решения проблемы „Россия и Европа“. Что русские способны участвовать в строительстве человеческой культуры, особенно в области точных наук, они уже доказали» (*Mágr A. S., Pick O. Stunden mit Otokar Březina*. S. 12).

8. Русское влияние на творчество Бржезины

И снова возникает вопрос, оказало ли столь глубокое знакомство с Россией и её культурой воздействие на творчество Бржезины.

Эмилии Лакомой Бржезина сказал летом 1911 года, что работает над двумя сборниками стихов и книгой прозы (*Lakomá E. Úlomky hovorů Otokara Březiny*. S. 28). Обе книги стихов Бржезина подготовил к печати, но незадолго до смерти (едва ли не за день) уничтожил. Можно предположить, что первая книга стихов — это тот шестой его сборник, который позднее был составлен из опубликованных в периодике стихотворений и издан Отакаром Фиалой под названием «Земля». Возможно, в него входили и несколько стихотворений, найденных О. Фиалой среди рукописей. Обо всех этих стихах Бржезина 30 марта 1920 года сказал Эмануэлю Халупны, что они уже не отвечают его «нынешней точке зрения» (*Dopisy Otokara Březiny II*. S. 112). Книга прозы — это книга эссе «Скрытая история», текст которой, видимо, случайно уцелел и был восстановлен О. Фиалой путём сопоставления рукописных вариантов. Вторую же из упомянутых Бржезиной в разговоре с Э. Лакомой книгу стихов ни найти, ни восстановить не удалось. И это тем более жаль, что именно в этом сожжённом сборнике могло сказаться прямое воздействие русской поэзии рубежа XIX–XX веков на поэтическое творчество Бржезины. Скорее всего, именно об этой книге Бржезина говорил Эмануэлю Халупны: «Я отказался

от свободного стиха и вернулся к строгому ритму. Мне кажется, что, например, рифмованный пятистопный хорей представляет собой наивысшую стихотворную форму, но он должен быть столь отточенным, чтобы вообще не существовало ничего более совершенного» (Ibid. S. 112–113). Но пятистопный хорей — это прямая чешская аналогия пятистопного русского ямба (ударение в чешском языке всегда падает на первый слог, и ямб на чешской почве создавался искусственно, для чего стихотворная строка начиналась с предлога или какого-то односложного чешского слова). Не исключено, что как раз под воздействием пятистопного ямба, в высшей степени органичного и привычного для русской поэзии, Бржезина решил обратиться к пятистопному хорю, в чешской поэзии к тому времени уже лет двадцать как вышедшему из употребления. Когда Э. Халупны вновь стал настаивать на издании этого сборника, Бржезина ему сказал: «Я подготовил эти стихи к изданию, сложил их в стопку, перевязал ленточкой и сверху написал *по-русски* (тут он слегка улыбнулся) распоряжение для моих душеприказчиков, так что у вас с этим не будет никаких забот» (Ibid. S. 114). Якубу Демлю он в 1921 году заявил, что если бы теперь писал стихи, они были бы «до педантичности регулярными, простыми, даже простенькими» (*Fiala O. Vydavatelské poznámky // Stavba ve výši. Památce Otokara Březiny. Brno, 1970. S. 251*). По словам Отакара Фиалы, ещё в 1908–1910 годах Бржезина говорил ему: «Если бы я ещё писал стихи, они должны были бы стать стать прозрачными, как народная песня» (Ibid.).

Русское влияние заметно в эссеистике Бржезины 1910-х годов. Если мы сравним, например, статью Владимира Соловьёва «Идея сверхчеловека» («Мир искусства», 1899, № 9; см.: *Соловьёв В. С. Избранное. М., 1990. С. 217–230*) и публикуемое в настоящем издании эссе Бржезины «Мечта о сверхчеловеке», то не сможем не заметить общего направления мысли. Оба философа сравнивают человека и «бессловесное существо», оба суть мечты о сверхчеловеке видят не в апологии эгоиста или касты эгоистов, а в том, что отличает человека от животного, — в стремлении к бессмертию и в даре всеобъемлющей любви.

Есть немало общего у чешского поэта Отакара Бржезины и австрийского поэта Райнера Мариа Рильке. Об этом, в частности, писали чешские литературоведы Карел Полак (*Polák K. Rilke a Březina // Rozpravy Aventina—4. 1928/1929. № 15. S. 146–147*) и Петр Кучера (*Kučera P. Otokar Březina a R. M. Rilke // Kučera P. Problémy slovanské recepce díla R. M. Rilka. Plzeň, 2008. S. 61–80*). Однако оба они совершенно не касаются отношения этих двух великих уроженцев Чехии, людей одного поколения (даты жизни: 1868–1929 и 1875–1926 соответственно), к России. Между тем и тут было немало сходного. Только, в отличие от Рильке, дважды в России побывавшего, Бржезина открывал её заочно. Оба преклонялись перед творческой силой русского

народа, проявившейся в его литературе и искусстве, оба ценили его набожность, смирение, пассивность, оба творили миф о народе-богоносце, оба в этом мифе разочаровались, но веры в гуманистический потенциал России и русского народа не утратили. Впрочем, оценки Бржезины были трезвее, а разочарование — более сильным.

Если Анна Паммрова писала Бржезине по-французски, а он ей иногда по-французски же и отвечал, то Бржезина и Эмилия Лакомая в своей корреспонденции не раз прибегали к русской азбуке. Русской азбукой было написано и чешское слово «либам» («целую»), которым заканчивалось его последнее письмо Лакомой, 26 февраля 1929 года переданное ей школьным сторожем Резеком. Менее чем через месяц Бржезина скончался. Когда он умирал, ухаживавший за ним Резек в соседней комнате читал «Войну и мир».

От составителя

В настоящее издание вошли русские переводы всех стихотворений и двух книг эссе Отокара Бржезины, опубликованных под этим псевдонимом или написанных в ту пору, когда Вацлав Ебавы им пользовался. Более ранние произведения Бржезины, увидевшие свет под его собственным именем или под псевдонимом Вацлав Даншовский и при жизни автора не включавшиеся в его сборники, остались за пределами этого издания, так же как его обширная корреспонденция (см.: *Březina O. Korespondence I, II / Editor P. Holman. Brno: Host, 2004. 1816 s.*). Иными словами, в книге полностью представлено *зрелое* художественное творчество Бржезины.

На родине Бржезины нет академического собрания его сочинений. Наиболее полным изданием его художественных произведений до сих пор остаются трехтомные «Сочинения Отокара Бржезины», выпущенные в 1933 г. Чешской академией наук и искусств под редакцией Милослава Гисека (издательство «Мелантрих»): *Spisy Otokara Březiny I, II, III / Redigoval Miloslav Hůsek. Vydala Česká Akademie věd a umění nakladem Melantricha a. s. v Praze. Praha, 1933*. Помимо пяти поэтических сборников Бржезины: «Таинственные дали» (1895), «Рассвет на западе» (1896), «Ветры с полюсов» (1897), «Строители храма» (1899), «Руки» (1901) — и книги его эссе «Музыка родников» (1906), здесь были опубликованы ранние стихотворения поэта, подписанные его последним псевдонимом и напечатанные при его жизни в периодике, но не вошедшие в эти сборники (в нашем издании они составляют раздел «Стихотворения, не включённые в сборники»). В «Сочинениях» был впервые опубликован и шестой, незавершённый сборник, который составили 13 стихотворений, напечатанных в периодике в 1901–1907 гг. Композиция его была определена самим Бржезиной. Отакар Фиала (1889–1977), который по поручению душеприказчиков поэта Эмануэля Халупны и Матея Лукшу готовил к изданию его неопубликованные рукописи, предложил для этого сборника название «Земля».

В наше издание включены и три поэтических текста Бржезины, позднее найденные в его рукописном наследии Отакаром Фиалой, — «Пролог к „Музыке родников“», «За всё благодарю», «Возвращение» (*Březina O. Prolog k Hudbě pramenů. Kladno: Josef Cipra, 1985; Březina O. Za všechno děkuji // Stavba ve výši. Brno: Blok, 1970. S. 11–12; Březina O. Návrat. Prostějov: Okresní knihovna, 1968*).

Вторая книга эссе Бржезины «Скрытая история» также была составлена Отакаром Фиалой на основе рукописных текстов (*Březina O. Skryté dějiny*. Praha: Melantrich, 1970), хотя отдельные эссе из этой книги публиковались библиофилами ещё при жизни автора. Эссе «Мечта о сверхчеловеке» Отакар Фиала передал для опубликования Йозефу Гливицкому, первому публикатору «Пролога к „Музыке родников“». Тому, однако, удалось выпустить для библиофилов лишь два машинописных издания этого эссе (Простейов, 1987 и 1988). Первое его книжное издание осуществил Петр Голман (*Březina O. Hudba pramenů a jiné eseje*. Praha: Odeon, 1989).

Подборка «Отокар Бржезина о своём творчестве» составлена по изданиям: *Březina O. Korespondence I (1884–1908); II (1909–1929)*. Praha, 2004; *Lakoma E. Ulomky hovoru Otokara Březiny*. Vmno, 1992.

В книге воспроизводятся работы Франтишека Билека (6.11.1872, Хинов у Табора — 13.10.1941, там же) — выдающегося чешского скульптора и графика, близкого идейно-художественным исканиям символизма. Билек был многолетним личным другом Отокара Бржезины, оформителем и иллюстратором его книг «Таинственные дали», «Руки» и «Музыка родников», его собрания сочинений, автором его надгробного памятника. Помимо этого, нами использованы графические листы из альбомов Ф. Билека «Отче наш» (1901) и «Дорога» (1909).

Чешский искусствовед Франтишек Шмайкфл писал: «Ф. Билек тесно связан с поэзией и эстетическими взглядами О. Бржезины. Общими источниками их творчества были экстаз и воображение, опыт „второго зрения“, метафизические глубины бытия, объединяет их и гимнический пафос, сознание мистического единства мира и определённый религиозный синкретизм, сближающий христианство с восточными религиями <...>» (*Encyklopedie českého výtvarného umění*. Praha, 1975. S. 63).

Переводы откликов О. Бржезины на творчество Билека осуществлены по следующим изданиям: *Březina O. Hudba pramenů a jiné eseje*. S. 173–175; *Březina O. Korespondence II*. S. 1147–1148.

Материалы, помещённые в раздел «Приложения», призваны воссоздать историко-литературный контекст, в котором воспринималось творчество Бржезины. Как примеры откликов на творчество Бржезины представителей культуры межвоенной Чехословакии приводятся стихотворение Витезслава Незвала «Погребальный звон по Отокару Бржезине» из сборника «Поэмы ночи» (1929) в переводе Евгения Рашковского (опубликован в книге: *Незвал В. «Удивительный кудесник» чешской поэзии в русской литературе*. М.: Рудомино, 2007. С. 409), стихотворение словацкого поэта Лацо Новомесского «Над дактилем Отокара Бржезины» в переводе Игоря Инова (опубликован в книге: *Новомеский Л. Стихи. Поэмы. Статьи*. М.: Прогресс, 1976. С. 90–92)

и некролог Карела Чапека «Magister divinus», впервые опубликованный в газете «Лидове новины» 26.III.1929 г.

Немецкоязычная рецепция поэзии Бржезины, самая значительная из имевших место за рубежами Чехии (переводы Эмиля Саудека, Отто Пика, Франца Верфеля; первые иностранные отзывы на его творчество: Гуго фон Гофмансталь, Рихард Демель, Герман Бар и др.) иллюстрируется рецензией Стефана Цвейга на издание в немецком переводе сборника «Руки» (*Zweig S. Otokar Březina // Österreichische Rundschau (Wien). XIX. 1909. Nr. 6. S. 444–450*).

Наиболее интересная для русского читателя тема «Отокар Бржезина и Россия» в разных её аспектах (знакомство Бржезины с русской литературой и философией, возможные влияния, контакты с русскими литераторами, отклики на политические события и т. д.) изложена в статье Виктории Каменской и Олега Малевича.

Путь Отокара Бржезины к русским читателям был длительным. Первой его открыла для себя русская литературная эмиграция. Пражский студент Сергей Савинов сначала опубликовал свои переводы из Бржезины в журнале («Это пели горящие звёзды» // Младорусь. Книга 2. Прага: Славянское издательство, 1922. С. 9), а затем в сборнике, в числе редакторов-составителей которого была Марина Цветаева («Дифирамб миров». «Хор сердец» // Ковчег. Сборник Союза русских писателей в Чехословакии. I. Прага, 1926. С. 231–237). Несколько переводов Савинова из Бржезины, посланные им автору, остались неопубликованными.

Одно из стихотворений Бржезины перевёл оказавшийся в эмиграции и осевший в Чехословакии известный русский поэт-сатирик Пётр Петрович Потёмкин (1886–1926): «Земля?» // Воля России. 1924. № 16/17. С. 20.

В 1920-е гг. чешской поэзией, и в частности творчеством Бржезины, увлёкся Константин Бальмонт (*Бальмонт К. Образцы чешской поэзии. Отокар Бржезина. «Взгляд смерти», «Братство верящих» // Воля России. 1927. № 4. С. 38–40; Бальмонт К. Из Отокара Бржезины. «Вино сильных» // Россия и славянство. № 35. 27.VII.1929. С. 3; Бальмонт К. Из Отокара Бржезины. «Над всеми огнями и водами» // Россия и славянство. № 49. 2.XI.1929. С. 3; Бальмонт К. Из Отокара Бржезины. «Настроение». «Вечно снова...» // Россия и славянство. № 54. 7.XII.1929. С. 4*). В 1931 г. в Кларентоне во Франции он составил антологию «Душа Чехии в слове и деле. Поэтические оценки и образцы», в которую включил очерк «Поэт кристаллический: Отокар Бржезина» (подписан: «Кларентон, 1931, 17–18 марта») и для которой перевёл ещё четыре стихотворения Бржезины: «Забвение», «В пламенах», «Я как древо в цвету», «Сторожевые костры». Издать эту книгу Бальмонту не удалось. Только недавно её обнаружила в одном из пражских архивов русистка

Ирина Цамутали, потомок русских эмигрантов, а опубликовала по-русски и по-чешски брненская богемистка и русистка, профессор Дануше Кшицова (*Z dějín rusko-českých literárních vztahů*. K. D. Balmont. *Duše českých zemí ve slovech a čínech / Vydání, překlady, studie, komentár Danuše Kšícová*. Brno: Masarykova univerzita, 2001). Очерк Бальмонта перепечатан нами в разделе «Приложения». Ещё один перевод Бальмонта из Бржезины — стихотворение «Тело» — печатается нами по газетной вырезке, хранящейся в фонде Бальмонта в Российском государственном архиве литературы и искусства (Ф. 57. Оп. 3. Ед. хр. 21).

В 1928 г. в Ужгороде опубликовал свою книгу переводов «Из чешской лирики» поэт-эмигрант Евгений Леопольдович Недзельский (1894–1961). В неё вошли переводы стихотворений Бржезины «Возвращение», «Легенда тайной любви» и «Природа». Текст их воспроизводится по изданию: *Březina O. Symfonie bratrských hlasů. Poezie Otokara Březiny v cizích jazycích*. Vyšlo jako příloha sborníku *Stavba ve výši / Uspořádal O. F. Babler*. Brno: Blok, 1970. S. 15–16, 21, 44.

Стихотворение Бржезины «Моя мать» в переводе эмигранта из Белоруссии литератора Дорофея Дорофеевича Бохана (1878–1942) было опубликовано в вильнюсской газете «Утро» (1928. 23 мая).

На смерть великого чешского поэта русская эмиграция откликнулась несколькими статьями. В числе их была статья Ростислава Плетнёва «Отокар Бржезина», в тексте которой в качестве иллюстрации воспроизводились отрывки из стихотворений Бржезины в переводе слависта, сотрудника пражской Славянской библиотеки Константина Константиновича Висковатого (1889–1953), в том числе целиком переведённое стихотворение «Весенняя ночь» (Россия и славянство. 2. III. 1929. № 14. С. 3).

В журнале «Центральная Европа», выходившем в Праге на русском языке, систематически публиковал статьи о чешских поэтах и переводы их стихов талантливый русский поэт Вячеслав Михайлович Лебедев (1896–1969). В его переводе там (1930. № 9. С. 513–515) были опубликованы стихотворения Бржезины «Взгляд смерти», «Буря», «Песня, блуждающая веками...» (так переводчик озаглавил вступительное стихотворение к сборнику «Строители храма») и «Боль человека».

Поскольку рифмованные стихотворения Бржезины («Моя мать», «Забвение») в присланных мне О. М. Копаневым копиях переводов Е. Н. Матвеевой не зарифмованы, можно предположить, что так же она перевела и все его рифмованные стихотворения. Другое возможное объяснение — это только подстрочники для будущих переводов. Вот почему в настоящее издание из переводов Е. Н. Матвеевой включён лишь вольный стих «Торжественная печаль».

Своего рода итогом освоения творчества Бржезины русской литературной эмиграцией явилась статья известного русского филолога, руководителя литературного объединения «Скит поэтов» и секретаря пражского Общества Достоевского Альфреда Людвиговича Бема (1886–1945) «Отокар Бжезина (Выразитель гения чешского народа)», опубликованная в «Научных трудах Русского народного университета в Праге (т. III. 1930. С. 127–158; подписана: «Прага–Невицкое, 11 авг. 1929 г.»). В настоящем издании она служит предисловием.

В советской России долгое время едва ли не единственной публикацией о Бржезине была заметка Н. Каразина «Поэмы Отокара Бржезины», сообщавшая о выходе стихотворений чешского поэта во французском переводе М. Л. Гирша (За рубежом. 5.12.1935. № 34 (102). С. 770). Только в 1959 г. появились первые переводы из Бржезины в СССР («Слава весне», «Воспоминанье», «Моя мать» в переводе И. Гуровой в кн.: Антология чешской поэзии. Т. II. М.: ГИХЛ, 1959. С. 247–251), на долгие годы оставшиеся единственными.

Все перечисленные переводы включены в настоящее издание: либо в основной корпус текстов, либо в раздел «Альтернативные переводы», либо внутри статей К. Бальмонта (его собственные переводы) и А. Бема (перевод К. Висковатого).

Русское издание Бржезины было задумано в начале 1980-х гг. В. А. Каменской и О. М. Малевичем. Первоначально предполагался выпуск этой книги в серии «Литературные памятники», но по ряду причин он не состоялся. После смерти В. А. Каменской работу над книгой продолжил О. М. Малевич, который привлёк к ней молодых петербургских переводчиков. Переводы В. Камснской, О. Лихачёвой, О. Малевича, М. Фёдоровой публиковались в российской периодике и в сборниках бржезиновских международных симпозиумов, проходивших в г. Яромержице (Чехия). См.: *Бржезина О. Стихи / Пер. В. Каменской и О. Малевича // Диапазон. 1994. № 1. С. 223–234; Бржезина О. Опасности жатвы. О сила экстазов и снов... Моя мать. Белый огонь. Родство душ. Тихая боль. Воспоминание. Годовщина. Осенний вечер. Осенняя апострофа. Сиеста. Март. Земля? / Пер. В. Каменской // Otokar Březina. 2003. Materiály ze sympozia konaného v Jaroměřicích nad Rokytňou 17. a 18. Října 2003. Tišnov: Sursum, 2004. S. 242–272; Бржезина О. Гнёзда змей. Подобная ночи. Скорбь матери / Пер. О. Лихачёвой; Скорбь / Пер. М. Фёдоровой // Ежегодник Общества братьев Чапек. СПб.: Глобус, 2008. С. 62–65; Бржезина О. Движенья губ немых: Стихи / Пер. О. Лихачёвой // Северная Аврора. 2008. № 8. С. 161–163; Бржезина О. «С посланьем от истины вечной...». Стихи / Пер. О. Лихачёвой // Иностранная литература. 2010. № 7. С. 201–207; Бржезина О. Гнёзда змей. Подобная ночи. Движенья губ немых. Скорбь матери. Тело / Пер. О. Лихачёвой // Otokar Březina 2008. Materiály z mezinárodní*

konference Otokar Březina 2008, pořádané ve dnech 25.–26.9.2008 v Jaroměřicích nad Rokytnou. Vsetín: Dalibor Malina, 2010. S. 219–224.

Переводы, ранее публиковавшиеся, помечены в Содержании астериском, прочие публикуются впервые.

В подготовке этого издания мне советом и материалами помогли мои чешские коллеги Петр Голман и ныне покойный Йозеф Гливицкий, к которым я испытываю чувство величайшей признательности. Чрезвычайно благодарен за содействие я сотрудникам Института чешской литературы и библиографического отделения Славянского института в Праге, Моравской земской библиотеки в Брно и членам Общества Отокара Бржезины (г. Яромержице) во главе с его председателем Иржи Гёфером, а также сотруднику Музея Высочины в Тршебиче Михалу Забршу. Весьма ценными для меня были консультации П. М. Лавринца и К. М. Азадовского.

Олег Малевич

Список иллюстраций

фронтиспис

Отокар Бржезина. Нова Ржише

между с. 112 и 113

В студенческие годы

Мать О. Бржезины. Рисунок Ф. Билека

между с. 144 и 145

Ранние годы работы учителем

В своём кабинете

между с. 392 и 393

О. Бржезина. Рисунок Ф. Билека

Яромержице. Мемориальная доска работы Ф. Билека на доме, где жил О. Бржезина

Яромержице. Надгробие на могиле О. Бржезины работы Ф. Билека

вкладка после с. 424

Франтишек Билек

1–4. «Отче наш»

1. *Да святится имя Твоё!*

Отче наш! Небо Твое всё же — родная обитель наша, и бытие наше — омут слёз, Твоей святости нет в нас, и тяжесть земная гнетёт нас, на утраченную родную обитель, кажется, уже не осталось надежд; ибо по слабости нашей во тьмах — в трясинах мира влачась — измазались мы, небо же грязь не потерпит там, где владычествует воля любви, облачённая в Твою чудесность на благие века без времени.

2. *И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим.*

Какое наслаждение должно доставлять потерявшей овец, вновь найденной добрым Пастырем, Его вечное, Драгоценнейшее объятие. (Скульптура)

3. *И не введи нас в искушение...*

Мы чувствуем, как Милость и Правда, чье сияние исходит от креста, сообщают нам внутреннее могущество и силу, способные дать жизнь «Сыну Человеческому» (то есть человеку, столь же совершенному, как Христос). (Барельеф)

4. *...но избавь нас от лукавого.*

«Ибо ты слышал меня и должен был вести в жизнь, в этот омут слёз...»

5–10. «Путь»

5. *Адам — Ева*

Неутолимая жажда — Ближайший напиток — Падение на землю

6. *Кришна*

Пробуждённый для высшей жажды и глады

7. *Египет*

Грёза о пути к истинной жизни

8. *Моисей*

Новый путь — Видение Земли обетованной — Близость истинной жизни

9. *Самуил — благословение Давида на царство*

Ты удерживаешь от падения увещанием, законом и царём

10. *Езра — муж, познавший письмена*

11–17. Иллюстрации к книгам О. Бржезины

11. «*Руки*»

12. «*Музыка родников*»

13. «*...в новых условиях вечности*»

(эссе «Красота мира»)

14. «*Отокар Бржезина. Прозаические произведения. Том I*»

Обложка издания 1919 года

15. «*Пророки, изнурённые постами и видениями, вышли из пустынь*»

(эссе «Решающие мгновения»)

16. «*Над множеством простиралась ночь*»

(эссе «Цели»)

17. «*Творец у своего жертвенного алтаря, он восхищён красотой восходящего солнца...*»

Содержание

Альфред Бем. Отокар Бржезина (Выразитель гения чешского народа).....5

СТИХОТВОРЕНИЯ

Таинственные дали

О сила экстаза и снов... <i>Перевод В. Каменской*</i>	37
Моя мать. <i>Перевод В. Каменской*</i>	39
Моя мать. <i>Перевод И. Гуровой*</i>	263
Моя мать. <i>Перевод Д. Бохана*</i>	264
Мёртвая юность. <i>Перевод О. Малевича</i>	41
Белый огонь... <i>Перевод В. Каменской*</i>	42
Родство душ. <i>Перевод В. Каменской*</i>	43
Тихая боль. <i>Перевод В. Каменской*</i>	44
Воспоминание. <i>Перевод И. Гуровой*</i>	46
Воспоминание. <i>Перевод В. Каменской*</i>	265
Годовщина. <i>Перевод В. Каменской*</i>	47
Вечерняя молитва. <i>Перевод О. Лихачёвой</i>	48
Осенний вечер. <i>Перевод В. Каменской*</i>	50
Осенняя апострофа. <i>Перевод В. Каменской*</i>	51
Сиеста. <i>Перевод В. Каменской*</i>	52
Март. <i>Перевод В. Каменской*</i>	53
Узник. <i>Перевод В. Каменской</i>	54
«Время льётся, мёртвых листьев дождём облетает...» <i>Перевод В. Каменской</i>	55
«Всю боль свою я возложил на твой алтарь...» <i>Перевод В. Каменской</i>	56
Мотив из Бетховена. <i>Перевод В. Каменской</i>	57
Агония тоски. <i>Перевод В. Каменской</i>	59
Агония страсти. <i>Перевод М. Фёдоровой</i>	266
Возвращение. <i>Перевод Е. Недзельского*</i>	60
Из вечных далей... <i>Перевод О. Лихачёвой</i>	62
Посещение. <i>Перевод О. Малевича</i>	64
Быть может, тогда лишь... <i>Перевод О. Малевича*</i>	65
Взгляд смерти. <i>Перевод В. Лебедева*</i>	66
Взгляд смерти. <i>Перевод К. Бальмонта*</i>	440
Садов души моей благоуханья... <i>Перевод М. Фёдоровой</i>	67

Забвение. <i>Перевод О. Малевича</i>	70
Забвение. <i>Перевод К. Бальмонта*</i>	441
Знамение души. <i>Перевод О. Малевича</i>	71
Скорбь. <i>Перевод М. Фёдоровой*</i>	72
Благоухающие сумерки. <i>Перевод О. Лихачёвой</i>	74
Торжественная печаль. <i>Перевод Е. Матвеевой</i>	76
Искусство. <i>Перевод В. Каменской</i>	77

Рассвет на западе

«Все в утренней росе, закатной розой рдели...» <i>Перевод О. Малевича</i>	79
В пламенах. <i>Перевод К. Бальмонта*</i>	442
Утренняя молитва. <i>Перевод О. Малевича</i>	80
Ты не шла. <i>Перевод О. Малевича</i>	84
Секунды. <i>Перевод О. Малевича</i>	86
Зачем ты лицо от света, о Слабая, отвратила? <i>Перевод О. Малевича</i>	87
Легенда тайной вины. <i>Перевод Е. Недзельского*</i>	88
Слышу в душе. <i>Перевод О. Малевича</i>	89
Псалом в честь Имени Всевышнего. <i>Перевод О. Малевича</i>	90
Таинство боли. <i>Перевод О. Малевича*</i>	92
Властители грёз. <i>Перевод О. Малевича</i>	94
Предчувствия. <i>Перевод О. Малевича</i>	97
Немое свидание. <i>Перевод О. Малевича*</i>	98
Минувшая! Когда пассатом смерти... <i>Перевод О. Малевича</i>	99
Миф души. <i>Перевод О. Малевича</i>	100
Настроение. <i>Перевод О. Малевича</i>	103
Настроение. <i>Перевод К. Бальмонта*</i>	440
Подобная ночи... <i>Перевод О. Лихачёвой*</i>	104
Ночи подобная... <i>Перевод О. Малевича</i>	266
Я тщетно жду тебя... <i>Перевод О. Малевича*</i>	105
Победная песнь. <i>Перевод О. Малевича</i>	106
Наследство моё положил ты... <i>Перевод О. Лихачёвой*</i>	108
Рассвет на западе. <i>Перевод О. Малевича</i>	109
Вино сильных. <i>Перевод К. Бальмонта*</i>	110

Ветры с полюсов

«Да услышат Твой голос Властители, которых велением света...» <i>Перевод О. Малевича</i>	113
Королева надежд. <i>Перевод О. Малевича</i>	114
Мученики. <i>Перевод О. Малевича</i>	117
Где я уже слышал?.. <i>Перевод О. Малевича</i>	119
Молитва за врагов. <i>Перевод О. Малевича</i>	121
Улыбка жизни. <i>Перевод О. Малевича</i>	124

Счастливые. <i>Перевод В. Каменской</i>	125
Ночи! <i>Перевод В. Каменской</i>	126
Братство верующих. <i>Перевод О. Малевича</i>	127
Братство верящих. <i>Перевод К. Бальмонта*</i>	443
Полуденное созревание. <i>Перевод О. Малевича</i>	128
Движенья губ немых. <i>Перевод О. Лихачёвой*</i>	131
Город. <i>Перевод О. Малевича</i>	132
Буря. <i>Перевод В. Лебедева*</i>	133
Песнь о солнце, земле, водах и таинстве огня. <i>Перевод О. Малевича</i>	134
Магические полуночи. <i>Перевод В. Каменской</i>	136
Долго стояли они... <i>Перевод О. Малевича</i>	137
Природа. <i>Перевод О. Малевича</i>	139
Природа. <i>Перевод Е. Недзельского*</i>	267
Любовь. <i>Перевод О. Малевича</i>	140
Летний солнцеворот. <i>Перевод О. Малевича</i>	143
«Взметнётся любовь твоя потоками света и боли...» <i>Перевод О. Малевича</i>	144

Строители храма

«Песня, веками блуждающая, проходила тоски нашей сном...»	
<i>Перевод В. Лебедева*</i>	145
Строители храма. <i>Перевод О. Малевича</i>	146
Сторожевые костры. <i>Перевод К. Бальмонта*</i>	149
Подобна дереву в цвету... <i>Перевод О. Малевича</i>	153
Я как дерево в цвету... <i>Перевод К. Бальмонта*</i>	446
Скорбь материи. <i>Перевод О. Лихачёвой*</i>	155
Гнёзда змей. <i>Перевод О. Лихачёвой*</i>	156
Над всеми огнями и водами. <i>Перевод К. Бальмонта*</i>	157
Земля? <i>Перевод В. Каменской*</i>	159
Земля? <i>Перевод П. Потёмкина*</i>	267
«Вновь в говоре таинственном ночного одиночества...»	
<i>Перевод О. Малевича</i>	160
Тело. <i>Перевод О. Лихачёвой*</i>	161
Тело. <i>Перевод К. Бальмонта*</i>	448
Со смертью говорит спящий... <i>Перевод О. Малевича</i>	162
Апофеоз колосьев. <i>Перевод О. Лихачёвой*</i>	167
Лишь небо к вам в окна заглянет... <i>Перевод О. Лихачёвой*</i>	169
Мир растений. <i>Перевод О. Малевича</i>	170
Пророки. <i>Перевод О. Малевича</i>	171
Звёзд гаснут тысячи... <i>Перевод О. Малевича</i>	174
Милость. <i>Перевод О. Лихачёвой*</i>	175
Земля победителей. <i>Перевод О. Малевича</i>	177
Слава весне. <i>Перевод И. Гуровой*</i>	179

Руки

«Минуты я знал торжества — те, когда и сильна, и свободна...»	
<i>Перевод О. Лихачёвой</i>	181
Зной. <i>Перевод О. Малевича</i>	183
Музыка слепых. <i>Перевод О. Малевича</i>	185
Боль человека. <i>Перевод В. Лебедева*</i>	187
Руки. <i>Перевод О. Малевича*</i>	188
Пели воды. <i>Перевод О. Малевича</i>	191
Это пели горящие звёзды. <i>Перевод С. Савинова*</i>	193
Пели горящие звёзды. <i>Перевод М. Фёдоровой</i>	268
Хор сердец. <i>Перевод С. Савинова*</i>	194
Дифирамб миров. <i>Перевод С. Савинова*</i>	198
Тихий океан. <i>Перевод О. Малевича</i>	200
Мы восхищаемся волей... <i>Перевод О. Лихачёвой</i>	201
Ночной дозор на поле брани. <i>Перевод О. Малевича</i>	202
Безумцы. <i>Перевод О. Малевича</i>	205
Чистое утро. <i>Перевод О. Лихачёвой</i>	208
Ясное утро. <i>Перевод А. Бема*</i>	30
Места гармонии и смирения. <i>Перевод О. Лихачёвой</i>	209
«Вечно снова, в одоленьи, песню песен зачинаем...»	
<i>Перевод К. Бальмонта*</i>	211
Женщины. <i>Перевод О. Лихачёвой</i>	212
Ответы. <i>Перевод О. Лихачёвой</i>	213
Весенняя ночь. <i>Перевод О. Малевича</i>	214
Весенняя ночь. <i>Перевод К. Висковатого*</i>	29
Время. <i>Перевод О. Малевича</i>	215

Земля

(Незавершённая шестая книга стихов)

Птицелов. <i>Перевод О. Лихачёвой</i>	217
Всё охватить... <i>Перевод О. Малевича</i>	218
Песнь о вечной юности. <i>Перевод О. Малевича</i>	219
Так она пела. <i>Перевод О. Малевича</i>	220
Псалом уходящих поколений. <i>Перевод О. Малевича</i>	221
Гигантские тени. <i>Перевод Е. Коломийцевой</i>	225
Глубины боли. <i>Перевод О. Малевича</i>	226
Миф женщины. <i>Перевод О. Малевича</i>	227
Духов день. <i>Перевод О. Малевича</i>	229
Розы не устают цвести. <i>Перевод О. Малевича</i>	232
Неодолимые, мы растём... <i>Перевод О. Малевича</i>	233
Потерянные. <i>Перевод О. Малевича</i>	236
Сердца миллионов в твоём сердце пели... <i>Перевод О. Малевича*</i>	237

Стихотворения, не вошедшие в сборники
Перевод О. Малевича

Хвала одиночеству.....	239
Печаль заката	240
Angelus	241
Зимнее утро	242
Хоральная месса	243
В тоске	244
Месяц.....	245
Пора молитв	246
Веер ветров	247
Когда усталость пил из чаши часа... ..	248
Меланхолические строфы	249
И в сумраке души... ..	250
Тишина	251
Я знаю, Ты добр	253
Туманная ночь.....	254
Всё тщетно.....	255
Овеял душу мне мир одиночеств... ..	256
Что сказать мне хочешь... ..	257
Извечная мелодия любви.....	258
Неуверенность.....	259
Для глаз любви... ..	261
Сокрытая любовь	262
Альтернативные переводы	263

ЭССЕ

Музыка родников
Перевод В. Каменской и О. Малевича

Таинственное в искусстве.....	271
Высшая справедливость.....	276
Решающие мгновения.....	279
Улыбки времени.....	283
Перспективы	285
Красота мира	290
Толпы.....	294
Посвящение жизнью.....	298
Опасности жатвы*	302
Цели	306
Вечное стремление.....	311

Сокрытая история
Перевод Е. Коломийцевой

Единое творение	315
Отражение в глубине.....	320
Смысл битвы	326
Настоящее	331
Творение смерти	337
Сокрытая история.....	351
Зодчие поднебесья	358
Слово	366
Ослепительный свет свobody.....	375
Мир.....	383

ИЗ РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ

Перевод О. Малевича

Пролог к «Музыке родников»	395
За всё благодарю.....	397
Возвращение	400
Мечта о сверхчеловеке	402

ДОПОЛНЕНИЯ

Составление и перевод О. Малевича

Отокар Бржезина о своём творчестве.....	407
Отокар Бржезина о Франтишке Билеке	421

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Витезлав Незвал. Погребальный звон по Отокару Бржезине.</i> <i>Перевод Е. Рашковского*</i>	427
<i>Лацо Новомеский. Над дактилем Отокара Бржезины. Перевод И. Инова*</i> ...	428
<i>Карел Чапек. Magister divinus. Перевод О. Малевича</i>	429
<i>Стефан Цвейг. Отокар Бржезина. Перевод М. Рейзина</i>	431
<i>Константин Бальмонт. Поэт кристаллический: Отокар Бржезина</i>	439
<i>Виктория Каменская, Олег Малевич. Отокар Бржезина и Россия</i>	449
От составителя.....	490
Список иллюстраций	496

Отокар Бржезина

**Строители храма
Собрание сочинений**

Редактор *М. В. Рейзин*
Художник *М. Ю. Заборовская*
Вёрстка *Л. А. Философовой*
Корректор *А. Ю. Шварц*

Формат 70x90 ¹/₁₆. Гарнитура Newton
Печать офсетная. Печ. л. 31,5+1,5. Тираж 1000
Заказ № 4150

ООО «Издательство имени Н. И. Новикова»
190121, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 13–15, к. 6

e-mail: novikoff_verlag@mail.ru

ООО «Издательский дом „Галина скрипсит“»
196084 Санкт-Петербург, ул. Ташкентская, д. 11

ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие „Искусство России“»
190013, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38, к. 2

С